

КНИГА ВТОРАЯ
МЕЖДУ ДВУХ ЖЕРНОВОВ
(После февраля 1917)

ЧАСТЬ III

Еще о методе Солженицына

А.И.Солженицын слывет автором, нетерпимым к критике, но справедлива ли такая репутация? Похоже, что не совсем. Израильский ученый и публицист Александр Воронель, посетивший писателя в его подмосковном имении, сообщает, что высказал ему *одно* критическое замечание (по поводу первого тома «Двухсот лет») и не был выставлен за порог. Александр Исаевич внимательно выслушал его и сказал: «Вы знаете, это очень серьезное замечание, я сейчас запишу». «Для меня, — комментирует А.Воронель, — это было очень важно не для восстановления справедливости, а чтобы понять его отношение к критическому замечанию»*. Почему восстановление справедливости по отношению к целому (его собственному!) народу для израильского публициста менее важно, чем выяснение отношения А.И.Солженицына к критике, мне непонятно, но это другая тема.

Второй том «Двухсот лет вместе» подтверждает то, что А.Воронель вынес из личного общения с автором. Так, мною было показано, что Солженицын недостаточно владеет материалом об антиеврейских ритуальных процессах, а в качестве курьезного примера (читатель, полагаю, помнит) я упомянул, что один из инициаторов дела Бейлиса, руководитель черносотенной организации «Двуглавый орел» Владимир Голубев, в книге назван другой пернатой фамилией — Галкин. Во втором томе ошибка исправлена: в «Именном указателе» фамилия «Галкин» снабжена примечанием: «Фамилия указана ошибочно: нужно — Голу-

* Воронель А. «Двести лет вместе» — этап в русском национальном сознании. «Еврейская газета», № 1 (5), январь 2003. Беседу записал Михаил Зараев.

бев В.С.» (т. II, стр. 528). Что ж, хорошо. Одним «русско-еврейским» недоразумением меньше!

Учтено также замечание об освещении (вернее, не освещении) «Протоколов сионских мудрецов». Я писал о том, что Солженицын едва упоминает «Протоколы», а Ричард Пайпс иронически обронил, что если «Протоколы» в книге упоминаются, то он этого не заметил*. О втором томе так не скажешь. Здесь история фальшивки изложена — не очень пространно, но *почти* объективно. Солженицын сообщает, что «Протоколы» были сфабрикованы царской охранкой под руководством П.И.Рачковского, при участии журналиста и агента охраны Матвея Головинского (т. II, стр. 172—176). Этот шаг в правильном направлении радует. Но он же и огорчителен своей половинчатостью. Не шаг, а шажок, кстати, четко очерчивающий пределы отзывчивости Солженицына на критику. В.Л.Бурцев, автор основополагающей работы о «Протоколах», у которого почерпнута эта информация, пишет: «Лица, на которых возложено было поручение [составить фальшивые «Протоколы»], были: прежде всего “знаменитый” начальник русской тайной полиции в Париже Рачковский, затем Манасевич-Мануйлов и, наконец, Матвей Головинский**».

Как видим, названы двое вероятных создателей «главной лжи столетия», но *не* назван третий, Манасевич-Мануйлов. Ошибка, как в случае Галкина—Голубева? Непохоже, так как для Солженицына это имя не проходное. В первом томе Манасевич-Мануйлов фигурирует как *еврей*, вместе с другими *евреями* «облеплявший» Распутина на погибель России. Переквалифицировать его в антисемита, *спасавшего* Россию от еврейской скверны, значило бы распустить большую часть столь трудолюбиво сплетенных кружев. Выбрано меньшее зло: о фабрикации «Протоколов» задним числом рассказано, но Манасевич выскоблен из когорты фабрикаторов!***

* Richard Pipes. Alone together. “New Republic”. November 25, 2002.

** Бурцев В.Л. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. Oreste Zeluk, Paris, 1938. С. 34.

*** В числе оригинальных работ последнего времени о фабрикации «Протоколов»: Дудаков С. История одного мифа. Москва: «Наука»,

В книге «Двести лет вместе» это не единственный и не самый яркий случай.

Редактор «Московский новостей» Виктор Лошак, взявший еще одно интервью у Солженицына, поинтересовался, почему второй том вышел с таким опозданием: ведь он был обещан сразу же после первого, а появился через полтора года. Александр Исаевич ответил, что его жена Наталья Дмитриевна, она же редактор книги, «задумала такую ревизию — все сноски заново пересмотреть по широкому контексту. Это была адова работа, потому что надо было все источники опять доставать, брать эти цитаты и читать вокруг каждой по многу страниц. Вот так она проверяла. А сносок-то — полторы тысячи»*.

Сказанное интересно в двух аспектах. Во-первых, как косвенное признание того, что в первом томе «ревизию сносок» не произвели. А, во-вторых, приподнята завеса над технологией творческого процесса в четыре руки. Оказывается, между автором и редактором существует четкое разделение труда — в духе известной шутки И.Ильфа и Е.Петрова: «Как мы пишем вдвоем? Да так и пишем вдвоем. Как братья Гонкуры. Эдмонд бегаёт по редакциям, Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые». Только у четы Солженицыных разделение не шуточное, а вполне серьезное: подбор и сверка цитат *по широкому контексту* (это ведь не просто техническая помощь, но составная часть творческого процесса) — вотчина Натальи Дмитриевны; Александр Исаевич этой «адовой работой» не занимается — то ли это ему не по чину, то ли не по возрасту. *Он* дает общее направление, а *она* поставляет документальное наполнение. То есть материал, подбираемый *одним лицом*, подводится под схему, создаваемую *другим лицом*. Все, что в нее не укладывается, в дело не идет. При такой *научности* можно и 15 тысяч цитат выверить до последней запятой, а к истине не приблизиться.

1993; Скуратовский В. Проблема авторства «Протоколов сионских мудрецов». Киев: «Дух і Літера», 2001. О моем собственном «романе с «Протоколами»» см.: Резник С. «Протоколы сионских мудрецов» шагают во второе столетие». «Вестник», 2003, 1 октября, № 20 (221).

* Лошак В. «Русские? Евреи? Русские евреи?» МН, 24.12.02, вторник. Выпуск 50, 2002. С. 1.

Я показал, как во многих конкретных случаях автор «Двухсот лет вместе» *манипулирует* фактическим материалом в угоду своим пристрастиям. Пример с Манасевичем-Мануйловым — только один из многих, о которых говорится и не говорится в этой книге. Но особенно наглядно это показал сам Солженицын во втором интервью с В. Лошаком — на примере обращения с хронологией, этой *основой основ всякого исторического повествования*. Был ведь обещан двухтомный труд, охватывающий 200 лет, и четко были отмерены сроки: 1795—1995; но во втором томе повествование доведено только до начала 1970-х. Усекновение последних двадцати с лишним лет обосновано теоретически: «До середины 90-х годов я просто уже не могу дотянуть прежде всего потому, что историком современности быть невозможно. Очень многие явления происходят за кулисами, не публикуются, их подробности будут известны лет через 20, а то и 50. А значит, писать серьезно и ответственно невозможно»*.

Эти соображения неубедительны, но пусть так: автор скорректировал первоначальный замысел — в этом его суверенное право. Значит, двухтомник охватывает 180 лет, а не 200 — не правда ли? Нет, говорит Солженицын, его труд все равно охватывает 200 лет, «и очень точно». Ибо задним числом он решил вести отсчет своего повествования не от последнего раздела Польши (1795), а от первого (1772)**. То есть, отрезав двадцать с лишним лет от конца, он их пришил к началу, ничем, однако, это начало не дополнив, — просто для того чтобы сохранить «круглое» число. Не озаглавишь же книгу: «Сто восемьдесят лет вместе». Так что, если на обложке первого тома проставлены хронологические рамки исследования, то, дорогой читатель, не верь глазам своим! Тем более, что на обложке второго тома даты осмотрительно отсутствуют.

При таком обращении с материалом возможны любые вольности, и, увы, во втором томе диалогии *возможное* превращается в *действительное* еще чаще, чем в первом. Новое вино влито в старые мехи. Великий Писатель Земли Русской подарил нам еще пятьсот с лишком страниц пред-

* Лошак В. Ук. соч. С. 21.

** Там же. С. 21.

взятого текста, написанного, главным образом, для того, чтобы вину за русскую беду возложить на евреев. Не стопроцентно, конечно, — Солженицын ведь придерживается *средней* линии, — но в значительной степени. Говоря его собственными словами, «разрушительность революции она [еврейская тема] не объясняет, только густо окрашивает» (т. II, стр. 210).

Только! Но — *густо!* Во втором томе краска положена еще щедрее, чем в первом, хотя и не ровным слоем, а весьма причудливым, зигзагообразным узором. «Средняя линия» то идет в обход магистральных исторических путей, то пересекает их под разными углами, то проделывает крутые виражи и даже цирковые номера, от которых захватывает дух.

Русская смута: от Февраля к Октябрю

В главах «В февральскую революцию» и «В ходе 1917» (т. II, стр. 27—74) почти не говорится о судьбоносных фактах, составивших основное содержание самой драматичной эпохи в истории России. Вместо этого — густые выписки из «еврейских» источников, которые по большей части не имеют к кардинальным историческим событиям никакого отношения. Тут и про телеграмму Бунда финским социалистам с выражением уверенности, в которой «Бунд ошибся» (т. II, стр. 35). Тут и про «большое возбуждение ... в послефевральской прессе о преследованиях евреев в Румынии» (т. II, стр. 36). Тут и про «холодок», с каким весть о Февральском перевороте была встречена консервативной еврейской общиной города Витебска (т. II, стр. 37—38). И, напротив, про неумеренные восторги Розы Георгиевны Винавер (жены одного из ведущих кадетов М.М.Винавера), которой «казалось, что [то] был второй исход из Египта» (стр. 30).

Похоже, что сюда сброшены отходы более раннего производства. Это косвенно признает и сам автор: по его словам, книга родилась «прямо органически из “Красного колеса”». Собирая материал для многотомного романа о революции, он все время «сталкивался с вопросом русско-

еврейских отношений». «И что было мне с ним [с этим материалом] делать? Вводить его плотно, подробно в “Красное колесо” было бы совершенной ошибкой, потому что это бы придало “Красному колесу” неверный наклон, акцент: объяснение всего происшедшего еврейским вмешательством. Я сознательно этого не сделал». И вот, «когда кончил [“Красное колесо”], смотрю — у меня много осталось таких ветвей от главного ствола, которые я не успел охватить. Вот линия большевиков, революционных демократов, либералов. Вот тамбовское крестьянское восстание. Вот все эти еврейско-русские вопросы. И я с 90-го года сел за эту работу»*.

В тексте «Двухсот лет» — о том же подробнее и отчетливее, чем в интервью:

«Сам я, много лет работая над “февральской” прессой и воспоминаниями современников Февраля, не мог бы это “резкое усиление”, этот ветровой напор не заметить [речь идет о политической активности еврейства]. В тех материалах, от самых разных свидетелей и участников событий, еврейские имена многочисленны, а еврейская тема настойчива, многозначна... И — как же, поняв это, я должен был двигаться через «Март Семнадцатого», затем и «Апрель»? Описывая революцию буквально по часам, я то и дело встречался в источниках со множеством эпизодов, разговоров на еврейскую тему. Но правильно ли бы сделал я, если бы это все так и хлынуло на страницы «Марта»? Одолеет бы и книгу и читателей — который раз в Истории — легкий пикантный соблазн: все свалить на евреев, на их действия и идеи, разрешить увидеть в них главную причину событий — а тем самым и отвести исследование от действительно главных причин. И чтобы этого самообмана русских не произошло — я настойчиво через все Повествование, *значительно приглушил в «Красном Колесе» собственно еврейскую тему — сравнительно с тем, как она тогда звучала в прессе, в воздухе*» (т. II, стр. 38—42, курсив мой. — С.Р.).

Но *наклон и акцент*, перекалывающие на евреев вину за российскую катастрофу, в «Красном колесе» *плотно при-*

* Лошак В. Раскаленный вопрос. МН, № 25, 26.06.2001.

существуют. Мною это было показано на примере столыпинских глав «Августа 1914». К такому же выводу привело бы сопоставление романной линии Ленин—Парвус с подстилающими ее историческими материалами. Дабы не углубляться в эту боковую аллею, но и не быть голословным, приведу романную характеристику Парвуса в том виде, как ее *сгустил* из нескольких фрагментов солженицынского текста его израильский апологет А.Воронель:

«...Обладал Парвус сейсмическим чувством недр и уже знал, что — поползут пласты!.. Наконец-то она пришла, наступила Великая, Мировая! Он давно ее предсказывал, называл, вызывал — самый мощный локомотив истории! ...Вся предыдущая жизнь Парвуса была как нарочно построена для безошибочного создания этого Плана. И оставалось теперь ему — тому счастливому, чем Парвус был, скрещению теоретика, политика и дельца, — сформулировать план по пунктам в декабре Четырнадцатого, ...приоткрыть его германскому послу... (...теперь высшие правительственные глаза предусмотрительно засматривали в его пророческие)... Все это Парвус решил блистательно — ибо все это было в его природной стихии... Гениальность соединения торговли и революции в том и состояла, что революционные агенты под видом торговых... ездили от Парвуса совершенно легально и в Россию, и назад. Но высшая гениальность была в отправлении денег. ...Вот был гений Парвуса: импорт товаров, таких нужных для России, чтоб вести войну, давал деньги выбить ее из этой войны! (“Ленин в Цюрихе”)*».

Завороженный образом «гения злодейства», израильский публицист продолжает уже от себя:

«В отличие от суховатого Ленина, от карикатурного Сталина (в “Круге Первом”), Парвус у Солженицына до такой степени обладает “даром далеких пронзительных пророчеств”, что автору кажется даже уместным напомнить о его земном (а не небесном все же) происхождении. Он живет нестесненно и естественно, наслаждаясь жизнью, по-

* Воронель А. Новый дуализм как альтернатива библейской идеи. «Заметки по еврейской истории», 2003, № 37—38, berkovich-zametki.com/Number38/; См. также: Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе. Главы. УМСА-PRESS, Париж, 1975.

литической игрой и собственной одаренностью, не делая ничего, что не приносило бы ему удовольствия или немедленной пользы. Никакие посторонние призраки долга, страха или стыда никогда не отягощают его моцартовскую натуру. Полнота его существования вызывает оторопь у вечно стиснутого своими ритуально-конспиративными догмами, зажатого, зацикленного на своей маниакальной идее «Ленина»*.

Что ж, художественная форма романа позволяет деформировать историческую реальность, заполнять пустоты и недостающие звенья воображением, придавать событиям и персонажам нужный автору *акцент* и *наклон*. Почему бы и нет? Своя рука — владыка. Художник — не хроникер, не летописец. Он творит свой собственный мир — этим и интересен.

Если интересен создаваемый им мир.

В отличие от А.Воронеля, я не считаю образ Парвуса творческой удачей писателя. Спускать ли этого персонажа с Небес или подымать из Преисподней, но в его фигуре нет жизни. Автор, видимо, это чувствует, потому пытается его *заземлить*, надевая, например, «слоно-бегемотной» наружностью, чревоугодием, но внешние атрибуты заземленности не спасают. Образ не наполняется плотью, а раздувается, как мыльный пузырь. Парвус в романе лишен вкуса, цвета и запаха, как дистиллированная вода; невесом и аморфен, как облако в штанах. Не такое перо создало Ивана Денисовича! Это больше похоже на перо Сергея Нилуса, восполнявшего отсутствие литературного дара пророчествами о скором приходе Антихриста, которыми пытался запугать читателей, но запугал только самого себя. Романый Парвус — это не личность, не характер, а скучная персонификация всемирного *еврейского* заговора.

Такой *акцент* и *наклон* присутствуют в «Красном колесе» безотносительно к тому, избыточно или, напротив, ограничительно ли используется в романе «еврейский» материал. Материал сам по себе не может создать чего-либо верного или неверного. *Создает* автор, который этот материал обрабатывает. Соблазн «все свалить на евреев» не мо-

* Воронель А. Ук. соч. Там же.

жет появиться в книге писателя, защищенного от такого соблазна стойким иммунитетом. Вот если иммунитета — врожденного или приобретенного — нет, тогда другое дело. Тогда приходится глушить болезнь лекарствами, но они быстро выводятся из организма и природной сопротивляемости заменить не могут. Вот болезнь и прорывается в «Красном колесе» — то в облике Мордко Богрова, одержимого ненавистью к России, накопленной за три тысячи лет еврейской истории, то в облике Парвуса, довершающего губительство Богрова.

Но если в десятитомном «Красном колесе» кипящая магма прорывается наружу несколькими эпизодами, то в дилогии «Двести лет вместе» она заливает все повествовательное пространство, хотя автор не устает пичкать лекарствами себя и читателя.

Солженицынское Повествование (с большой буквы!) насыщено «правильными», «политкорректными» заклинаниями: «Февральская революция была совершена — русскими руками, русским неразумием» (т. II, стр. 42). «Мы сами совершили это крушение: наш миропомазанный царь, придворные круги, высшие бесталанные генералы, задубевшие администраторы, с ними заодно их противники — избранная интеллигенция, октябристы, земцы, кадеты, революционные демократы, социалисты и революционеры, и с ними же заодно разбойная часть запасников, издевательски содержимых в петербургских казармах...» (т. II, стр. 41). «Февральская Революция была революция российская» (т. II, стр. 121).

Если так, то я *заодно с гением*. Беда в том, что сам гений *не заодно* с самим собой. «Правильным» заклинаниям сам автор не верит. Тезис побивается антитезисом: «В то же время в ее [Февральской революции] идеологии — сыграла значительную, доминирующую роль та абсолютная непримиримость к русской исторической власти, на которую у русских достаточного повода не было, а у евреев был» (т. II, стр. 42).

Почему у евреев должно было быть больше непримиримости к исторической власти, чем у русских, понять трудно: ведь первый том дилогии пропитан стремлением пока-

зять, как вольготно весело жилось на Руси евреям — по сравнению с «коренным» населением. (Эксцессы случались — не без того! — да вот исходили они от кого угодно, но не от «исторической власти».)

Формальную логику здесь найти трудно, но какова диалектика! Получается, что герои Февральского переворота коленопреклоненно выкручивали руки арестованному царю, вдохновляясь «еврейской непримиримостью к русской исторической власти». Да и сам коронованный революционер, отрекся от престола за себя и за сына, сняв тем последние преграды на пути к хаосу, — из «еврейской непримиримости» к самому себе!

Но чем дальше расходятся концы у Александра Исаевича, тем настойчивее он их сводит.

«Если же судить по тому, как это принято у материалистических социологов (на такой случай и материалисты годятся! — *С.Р.*), — кто больше всего, или быстрее всего, или прочнее всего, надолго выиграл от [Февральской] революции, то можно было бы ее назвать иначе [то есть не русской] (еврейской? но — тогда и немецкой? Вильгельм на первых порах вполне выиграл)», так как «все остальное русское население почти от начала получило только вред и развал» (т. II, стр. 41).

Непатриотические действия новой власти автор обнаруживает в том, что «[антиеврейские] ограничения снимались слой за слоем: с передвижения, жительства, учебных заведений, участия в местном самоуправлении, с права приобретения собственности на имущество по всей России, с участия в казенных подрядах, в акционерных обществах, с права найма иноверной прислуги, рабочих и приказчиков, занятия должностей при поступлении на государственную и военную службу, с опекунов, попечительств» (т. II, стр. 29).

Февраль действительно принес евреям освобождение от национального гнета, — по крайней мере, формально — «Постановлением Временного Правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений»*. Но неужто русскому народу ничего хорошего не перепало? А уравне-

* См.: Книга о русском еврействе (КРЕ-2). Нью-Йорк, 1960. С. 139—141.

ние *всех граждан* в правах, отмена сословных привилегий, полная отмена цензуры, амнистия политических заключенных, введение прямого и равного избирательного права и многое другое, что объединяется емким словом *свобода!*

О, конечно, то был только *глоток* свободы. Россия успела вдохнуть, но не успела выдохнуть. Свет Февраля был погашен мраком Октября. Чем это объяснялось?

«С первых дней революции 17-го года в Петрограде началась проповедь разложения русской армии, ее дисциплины — ее начали не евреи, а совет рабочих депутатов, сделавшийся советом и солдатских депутатов. Совет, издавший приказ №1 [о неподчинении солдат офицерам], возглавлялся не евреем, а русским чистейшей крови Соколовым, не ведавшим, что творит, и грузином Чхеидзе, очень хорошо знавшим, что делает», — считал ведущий кадет, поборник народной свободы, но не анархии, Ф.И.Родичев*.

Такое понимание трагедии Февраля Солженицын игнорирует. Его заботит только одно: «Какое отношение у новой власти ко всему русскому. Конец августа, “корниловские дни”. Россия зримо гибнет, проигрывает войну. Армия развращена, тыл разложен. Генерал Корнилов, перед тем ловко обманутый Керенским (не обманувший, а обманутый! — *С.Р.*), в простоте взывает, почти воет от боли: “Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины... Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, — в храмы, молитесь Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли”. — Идеолог Февраля, один из ведущих членов Исполнительного Комитета Гиммер-Суханов тут хихикает: “Неловко, неумно, безыдейно, политически и литературно неграмотно... такая низкопробная подделка под суздальщину!”» (т. II, стр. 62).

Но генерал Корнилов не одними молитвами готовил «чудо спасения». Все еще существовавшую, кое-как державшую германский фронт армию он решил направить на Петроград, дабы смести Временное правительство, — конечно, вместе с Советами, — а себя объявить диктатором.

* Родичев Ф.И. Большевики и евреи. Лозанна, общество имени Герцена, 1922. С. 5—6.

Такова сердцевина его Воззвания, которая при цитировании вырезана. Соответственно, и в сухановском комментарии ампутировано главное место, где генерал назван «нашим отечественным Бонапартом, ударившим ва-банк»*.

Александр Исаевич сталкивает лбами две кастрированные цитаты, да так, что не искры летят, а целый фейерверк: «Да, пафосно, неумело, да, нет ясной политической позиции: к политике Корнилов не привык. Но — заливаётся кровью сердце его. А Суханова — коснется ли боль? он не знает чувства сохранения живой культуры и страны, он служит идеологии, Интернационалу, и тут для него налицо всего лишь безыдейность... И вот с таким пренебрежением ко всему настою русской истории и направляли Февральскую революцию Суханов и его дружки — пена интернациональная — в злопотребном Исполнительном Комитете» (т. II, стр. 62).

Такой тут *наклон*: чужеродному Гиммеру с его бездушной *идеологией* плевать на матушку-Россию, а генеральская «суздальщина» — это кровоточащее сердце!

Почему Суханов-Гиммер чужероден? В полицейском досье он проходил как *православный* и *великоросс*, да и в его внешности никаких признаков чужеродности замечено не было: «телосложение — среднее, цвет глаз — серый, волосы — белокурые, на голове курчавые, борода густая, рост — 171 см, на лице следы натуральной оспы; рубцов, родимых пятен не имеется»**.

Правда, у отца Николая Николаевича Гиммера было «подозрительное» отчество — Николай Самуилович, а девичья фамилия матери Екатерины Павловны Симон намекает на предков — выходцев из Франции или Швейцарии. В Суханове-Гиммере было, видимо, намешано много кровей — германской, скандинавской, французской, возможно, и еврейской. Подобное было типично для многих дворянских фамилий, что не дает никаких оснований отлучать их от русской культуры. В Суханове-Гиммере ее на-

* Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. М.: «Республика», 1992. С. 111.

** Цит. по: Корников А. Н.Н. Суханов и его «Записки о революции». В кн. Суханов Н.Н. Записки о революции. В трех томах. Т. 1. М.: «Современник», 1991. С. 19.

стоялось столько, что хватило бы не на одного генерала Корнилова, гордившегося своим происхождением из казаков, а на целое казачье войско. (Как раз для самосознания казачества были характерны местнические, автономистские тенденции, сыгравшие не последнюю роль в Гражданскую войну, когда казаки у себя дома, на Дону, активно восстали против большевиков, но стали покидать Добровольческую армию, когда Деникин двинул ее на Москву.)

Екатерина Павловна Симон вышла замуж за Николая Самуиловича Гиммера не по любви, а по настоянию своей волевой матери Елизаветы Антоновны, бедной вдовы офицера-прапорщика. Она, видимо, полагала, что хорошо пристроила дочь: за дворянина, пусть без состояния, но имеющего службу. Но, как выяснилось через какое-то время, Николай Самуилович был неизлечимо болен распространенной русской болезнью, из-за чего не раз терял службу, обрекая семью на полунищенское существование. С годами он все больше опускался на «дно». Это был человек, словно бы сошедший со страниц русской литературы: нечто среднее между Мармеладовым из романа Достоевского и Бароном из пьесы Горького.

Екатерина Павловна оставила пропащего мужа, окончила курсы акушерства, стала работать. А затем сошлась с молодым предпринимателем С.И.Чистовым и, чтобы вступить в законный брак с избранником своего сердца, потребовала развода. Николай Самуилович, человек слабый и добрый, на все был согласен, но Московская духовная консистория в разводе им отказала. Тогда, по наущению супруги, Николай Самуилович повторил подвиг еще одного литературного героя — из романа Чернышевского. Он симулировал самоубийство, чтобы «вдова» его могла обрести свое счастье. Но в жизни получилось не как в романе: обман раскрылся. Супругов судили и отправили на поселение в Восточную Сибирь, откуда их вызволил сенатор А.Ф.Кони, разбиравший кассационную жалобу по неординарному делу. Пресса долго смаковала подробности «сексуального» (как сейчас сказали бы) скандала. А когда шум несколько поутих, возникла новая сенсация: газетчики прознали, что Лев Толстой пишет драму на этот сюжет.

Юный Николай Гиммер, осыпaeмый злыми насмешками товарищей-гимназистов, так больно переживал семей-

ную драму, что решился на отчаянный шаг. Он добился встречи с Львом Николаевичем и просил пощадить его и его мать. Великий писатель дал обещание не публиковать пьесу и сдержал слово. Пьеса пролежала под спудом десять лет, до смерти автора. Опубликовали «Живой труп» уже его наследники, и пьеса тотчас заняла ведущее место в репертуарах сотен театров по всей России. Рецензенты, естественно, не преминули вспомнить о прототипах главных героев.

Так и получилось, что Гиммер-младший вырастал, мужал, достиг зрелости в горниле кипящего общественного скандала, в котором русская литература переплелась с социальным «настоем» русской жизни, образовав опасную гремучую смесь. Понятно, как все это воздействовало на юную легко ранимую душу. «Суздальщина» вместе с достоевщиной формировали личность подростка.

То ли отзывчивость Льва Толстого на его просьбу, то ли обаяние великого писателя, которое он почувствовал при встрече с ним, вызвали у него обостренный интерес к нравственно-философскому учению Толстого. Молодой Гиммер стал толстовцем. Но ненадолго. Приближался 1905 год, в обществе все бурлило, и молодой толстовец встал под знамена революции. Но в революционной среде как-то не приживался. Примкнул к партии эсеров, но потом от нее отошел. Долго был одиноким стрелком-литератором, конечно, левого толка. Позднее стал меньшевиком и после Февраля избирался в Советы. А после Гражданской войны, будучи известным полемическими выпадами против Ленина и его команды, пытался вступить в большевистскую партию, но принят не был. В 1931 году стал «героем» показательного процесса «меньшевистского центра», был приговорен к десяти годам ссылки, но в 1937 году опять арестован — уже как германский шпион; под пыткой во всем «признался» и был расстрелян.

Я остановился на подробностях биографии Н.Н.Суханова, чтобы показать, насколько рельефно преломилась в ней судьба России в самый острый период ее истории. Мало о ком со столь же неоспоримым правом можно сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

Солженицын все это должен знать, так как о Суханове он писал еще в ГУЛАГе. Но — сердцу не прикажешь.

Русскость для него олицетворяет генерал-казак Корнилов, сыгравший в судьбе России роль *медведя в посудной лавке* рождавшейся демократии. Не случайно у великоросса Н.Н.Суханова нелепые действия этого «спасителя отечества» вызвали «чувство ущербленной национальной гордости»*.

«Чего конкретно хочет Главковерх, “открыто выступая”, что собирается он сделать, в чем надлежит ему содействовать “верящим в храмы” и проч., — это никому не известно, — писал Суханов с горьким сарказмом. — Исходный пункт Корнилова: предание русского народа германскому племени, обвинение коалиции [Временного правительства] в контакте с немецким штабом на фоне собственного похода с фронта на Петербург! Можно ли придумать что-либо более лубочное, корявое, нелепое, неискusstvenное, подрывающее собственное дело?»**.

Возможно, генерал Корнилов хотел *как лучше*. Но получилось — *как всегда*. Очевидно было тогда, и тем более очевидно сейчас, что его попытка «спасти Россию» не просто провалилась, она *не могла не провалиться*. В других случаях Солженицын выстраивает длинные цепочки *отдаленных последствий* тех или иных действий (от выстрелов Богрова — аж до Бабьего Яра!), но тут он застывает над пропастью, в которую повалилась Россия из-за корниловщины и вслед за корниловщиной. Хотя губительные последствия обнаружались *сразу и непосредственно*.

Не забудем: с возвращением Ленина в Россию большевики быстро набирали очки, но их выступление в июле 1917 было подавлено. Общественное мнение отшатнулось от них. Ленин и Зиновьев, дискредитированные вскрывшимися связями с германским генштабом, прятались в Разливе***. Другие большевистские лидеры, включая только

* Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. М.: «Республика», 1992. С. 111.

** Там же.

*** Н.Н.Суханов, так и не смогший поверить в столь чудовищное предательство Ленина, тем не менее отмечает: «Кроме обвинения в организации [июльского] восстания, на Ленина возвели еще и чудовищную клевету, которой *поверили сотни тысяч, а может быть, и миллионы людей* (курсив мой. — С.Р.). Его обвинили в преступлении, постыдном и гнусном с любой точки зрения, будто бы он был подкуплен германским генеральным штабом... Но Ленин предпочел

что приставшего к ним Троцкого, арестованы, сидят в «Крестах». Опасность большевистского переворота, столь реальная еще полтора месяца назад, отпала. При всей шаткости Временного правительства появилась реальная возможность дотянуть до Учредительного Собрания и благополучно передать ему власть. Тут-то и показал свой норов генерал-казак. Сила есть — ума не надо. Своим провальным «переворотом» Корнилов прорубил окно прямо к *штурму Зимнего дворца*.

Временное правительство «вынуждено было тотчас обратиться к большевикам и Красной гвардии — наспех сколоченным отрядам вооруженных рабочих, придуманных большевиками. В тот самый момент, когда большевистские вожди были в тюрьме или в подполье из-за обвинений в связях с немцами, красногвардейцам раздавали винтовки, а Керенский призывал кронштадтских матросов — самые разнузданные элементы большевистского лагеря и главных защитников Июльских дней — скорее выступить на защиту Временного правительства. Тюремное заключение “немецкого агента” Троцкого приобрело поистине фарсовый характер: в самый разгар следствия его посетила делегация кронштадтских матросов, чтобы спросить совета — защищать ли им Керенского, остановив Корнилова, или прикончить их обоих»*.

Так Россия отреагировала на призыв генерала «молить о чуде спасения»: отрядила делегацию *в тюрьму* к «чужеродному» большевику № 2 (местопребывание большевика № 1 не было известно) — просить совета: порешить ли всех «спасителей отечества» разом, или по очереди? Солдат и матросов, «державших революционный шаг», не волновал состав крови ни Корнилова, ни Керенского, ни Троцкого, ни, тем более, Суханова.

Вот как обозначается «еврейская тема» в период между Февралем и Октябрем 1917 года.

скрыться, не смыв с себя *такого* позора» (Курсив Н.Н.Суханова). Троцкий, отрицавший, конечно, связь Ленина с германским генштабом, цитирует это высказывание Суханова, как подтверждение того, что Ленин был оклеветан. Однако объяснить, почему же он скрылся от суда, на котором мог бы опровергнуть навет и восстановить свою человеческую и политическую репутацию, Троцкий не в состоянии. (Кармайкл Дж. Троцкий. Москва—Иерусалим, 1980. С. 103.)

* Там же. С. 108.

Российская смута: «отщепенец» Ильич

Из первого тома дилогии мы помним, что Гришкой Распутиным верховодили евреи. Коли так, то следовало полагать, что как сковырнули распутинщину — так евреям и крышка. Но из Февральских глав второго тома узнаем, что после устранения распутинского режима они только и стали прибирать все к своим загребушим рукам. Стало быть, как только накрылся Февраль сокрушительным Октябрем, тут уж точно им должен был быть конец — ведь в бесхребетном либерализме вождей Октября не заподозришь! Но, по Солженицыну, именно Октябрь обеспечил доминирующее положение евреев. Такая диалектика. С древних времен она разъясняет: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Но в солженицынском Повествовании евреям все моря по колено!

«Это слишком не новая тема: евреи в большевиках, — читаем во втором томе. — О ней — уж сколько было написано. Кому надо доказать, что революция была нерусской или “чужеродной”, и — указывают на еврейские имена и псевдонимы, сиюсь снять с русских вину за революцию семнадцатого года. А из еврейских авторов — и те, кто раньше отрицал усиленное участие евреев в большевицкой власти, и кто его никогда не отрицал, — все единодушно согласны, что это не были евреи по духу. Это были отщепенцы. Согласимся с этим и мы. О людях — судить по их духу. Да, это были отщепенцы. Однако и русские ведущие большевики также не были русскими по духу, часто именно антирусскими, и уж точно антиправославными, в них широкая русская культура искажительно преломилась через линзы политической доктрины и расчетов. Поставить бы вопрос иначе: сколько должно набраться случайных отщепенцев, чтобы составить уже не случайное течение? Какая доля своей нации? О русских отщепенцах мы знаем: их было в большевиках удручающе, непростительно много. А насколько широко и активно участвовали в укреплении большевицкой власти и отщепенцы-евреи? И еще вопрос: отношение народа к своим отщепенцам. Реакция народа на отщепенцев может быть разной — от проклятия до похва-

лы, от сторонения до соучастия. И проявляется это суждение, это отношение — действиями народной массы, и — русской ли, еврейской, латышской, — самой жизнью, и только в малой, отраженной степени — изложениями историков. И что ж — могут ли народы от своих отщепенцев отречься? И — есть ли в таком отречении смысл? Помнить ли народу или не помнить своих отщепенцев, — вспоминать то ли исчадь, которое от него произошло? На этот вопрос — сомнения быть не должно: помнить. И помнить каждому народу, помнить их как своих, некуда деться. Да и нет, пожалуй, более яркого отщепенца, чем Ленин. Тем не менее: нельзя не признать Ленина русским» (т. II, стр. 75—76).

Если читатель запутался в этих зигзагах лабирующей мысли, я его не попрекну. Тезис многократно побит анти-тезисом, «за здравие» переходит в «за упокой» и обратно. Автор говорит о том, что большевистские главари — это безродные отщепенцы, то есть не русские, не евреи, не грузины, не поляки. Все корни обрублены, тела и души выварены в плавильном котле интернационализма, ничего общего ни с одним народом Земли у них нет, как у инопланетян. На том и поставить бы точку. Тем более, что сказанное близко к истине. Хорошо известно, как Лев Троцкий отбрил раввина Якова Мазе, обратившегося к нему, «как к еврею», с просьбой о помощи или снисхождении к еврейской общине: «Я революционер и большевик, а не еврей». (Мазе не смог найти понимания у Троцкого, как несколькими годами раньше — у протопресвитера Шавельского.) И ведь ничего специфически «троцкого» в этом ответе не было. Можно не сомневаться, что аналогичным образом ответил бы, например, Дзержинский, если бы к нему обратились с просьбой о заступничестве за поляков. А Серго Орджоникидзе учинил мордобой грузинским товарищам, что вызвало взрыв гнева у Ильича, тут же давшего «теоретическое» объяснение этому поправанию принципов «пролетарского интернационализма»: дорвавшиеся до власти нацмены склонны пересаливать по части великодержавного шовинизма.

И ведь прав был каналья! Выходцы из меньшинств, обрубившие свои национальные корни, частенько с осо-

бой ретивостью доказывают себе и другим, что ничего общего с породившим их племенем не имеют и иметь не хотят. Не потому ли так часто евреи-выкресты становятся яркими антисемитами — независимо от того, «выкрестились» ли они в православие, лютеранство или большевистское функционерство.

Итак, Александр Исаевич прав: большевики-отщепенцы — это отрезанный ломоть, плюнуть и растереть. Но стоит нам с ним согласиться, как он дает задний ход. Если число «случайных отщепенцев» перевалит некий критический уровень (какой именно, не уточняется), то это — «широкая и активная поддержка» *народом* «своих» отщепенцев, и народ должен держать ответ за них ответ. Евреи — за *своего* Троцкого, грузины — за *своего* Сталина, поляки — за Дзержинского, а Солженицын, как русский человек, готов взять на себя Ленина.

К добру ли это растаскивание «отщепенцев» по национальным квартирам? Большевики-то приучили нас к коммуналкам. И вот неприятность: как я ни стараюсь, а никакого сродства с Троцким или Зиновьевым, которое бы делало их для меня *более своими*, чем Ленин, Сталин, или Ежов, или Дзержинский, или Клим Ворошилов, я не испытываю. Скорее наоборот. Я сызмальства приучен, что «один сокол Ленин, другой сокол Сталин». И что железный Феликс — тоже гордая птица. И что *первый маршал в бой нас поведет*. А Троцкий — это чудовище. Почти такое же, как Фанни Каплан, как убийцы в белых халатах, как... да разве перечесть всех, на кого советская власть науськивала, растлевающая неопытные наши души. А Солженицын хочет большевистскую рать пересортировать по пятому пункту, чтобы выявить, кого из них мне следует принять на свой баланс, а кого позволено перебросить через забор соседу.

Странная мысль, да и не солженицынским языком выражена. При его-то пристрастии к старине, к архаичным словам и выражениям, выуживаемым из стародавних словарей или им самим изобретаемым *под старину*, вдруг вылезает агитпроповский *отщепенец*.

Кто только не попадал в отщепенцы у советской власти! Не самого ли Солженицына клеймили этим клеймом?

Не диссидентов ли? Не безродных ли космополитов? Не художников ли авангардистов? Не кулаков ли с подкулачниками, меньшевиков с эсерами, троцкистов — действительных и мнимых, не всяких ли уклонистов и оппортунистов? Не отщепенцами ли Ильич назвал своих подручных Каменева и Зиновьева, когда они, в канун Октябрьского переворота, убоявшись последствий, выдали планы большевистского ЦК в меньшевистской газете? Не поручусь, что именно это словцо он употребил по отношению к бывшим друзьям (скоро, впрочем, прощенным), но если и другое, то вполне синонимическое.

И вот теперь сам Ильич *отщепенец*, да еще *наиболее яркий*, и, как следует из контекста, *русский*.

Не слишком ли это просто?

Хотя советская власть в России давно ликвидирована, Ленин продолжает лежать в мавзолее, партия Ленина—Сталина остается самой крупной и самой хорошо организованной политической партией в стране, и голосует за нее — стабильно — около трети избирателей. Только на выборах декабря 2003 года — через 12 лет после падения советского режима — половина коммунистического электората мутировала: от красных национал-патриотов к коричневым; народной свободы от этого не прибавилось, а еще больше убыло.

Можно сильно не любить компартию и ее основателя, но чтобы записать его в *отщепенцы*, надо не слышать «музыку революции», о которой по горячим следам событий писал Александр Блок: «Мы на горе всем буржуям/ Мировой пожар раздуем/ Мировой пожар в крови —/ Господи, благослови!.. Революционный держите шаг!/ Неугомонный не дремлет враг!../ В белом венчике из роз —/ Впереди Иисус Христос».

Потому и сработали большевистские лозунги — «Мир народам», «Хлеб голодным», «Грабь награбленное», — что значительная часть народа (заранее вооруженного царем; в том числе и те *двенадцать*) их *хотела* услышать.

«Одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг “Грабь награбленное!” Грабят изумительно, артистически; нет сомнения в том, что об этом процессе самоограбления

Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом, — грабят дворцы бывших великих князей, расхищается все, что можно расхитить, продается все, что можно продать, в Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдков и продают по 25 руб. за штуку. Это очень “самобытно”, и мы можем гордиться — ничего подобного не было даже в эпоху Великой Французской революции», — мрачно иронизировал Максим Горький*.

Горячо принятый к сердцу лозунг «Грабь награбленное!» воодушевлял и двенадцать блоковских апостолов, шагавших «державным шагом» по завьюженному Петрограду в поисках, чем бы еще поживиться. А «за плечами — ружьеца», аргумент нешуточный.

«Поголовное истребление несогласномыслящих — старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств. От Ивана Грозного до Николая II этим простым и удобным приемом борьбы с крамолой свободно и широко пользовались все наши политические вожди — почему же Владимиру Ленину отказаться от такого упрощенного приема? Он и не отказывается, откровенно заявляя, что не побрезгует ничем для искоренения врагов»**. В другом месте М.Горький выводит ленинский экстремизм из «нечаевско-бакунинского анархизма»***, считая что крайности сходятся: необузданный деспотизм власти и разгул бунтующей толпы — это две стороны одной медали — *беззакония*. Крайности сходятся, а в осадок, по М.Горькому, выпадает то, что «в большевизме выражается особенность русского духа, его самобытность»****.

Ну, а кто противостоял большевикам в те роковые дни и недели?

Ильич, как известно, приурочил захват власти к открытию Второго съезда Советов: «вчера было рано, а завтра будет поздно». Подавляющее большинство на съезде принадлежало большевикам и левым эсерам, но было и

* Горький М. Несвоевременные мысли. «Новая жизнь», № 43 (258), 16 марта 1918 г. Цит. по: Бунин И. Окаянные дни. — Горький М. Несвоевременные мысли. М.: «Айрис-Пресс», 2004. С. 297.

** Там же. С. 290.

*** Там же. С. 247.

**** Там же.

меньшинство. *Против* «всей власти Советам» выступило 15 депутатов. 14 из них были евреи, в их числе лидеры меньшевиков Дан, Мартов, Либер, глава партии эсеров Абрам Гоц, представители Бунда. Единственный великоросс в числе этих пятнадцати — известный нам Гиммер-Суханов. Бунд объявил захват власти Советами «величайшим несчастьем»; вместе с меньшевиками и эсерами бундовцы покинули съезд. Но масса хотела слышать то, что ей говорили Ленин и Троцкий, а не Корнилов, и не Керенский, и не Мартов, и не Суханов. (Даже мысли Максима Горького были *несвоевременными*.)

Ну а потом?

Первая *после* Съезда Советов серьезная проба сил между большевиками и их противниками произошла в Учредительном Собрании, которое советское правительство имело неосторожность созвать, хотя большевики получили в нем меньше четверти мест. У Солженицына читаем:

«Учредительное собрание 5 января 1918 года открывает старейший депутат земец С.П.Шевцов — а Свердлов нахально вырывает у него колокольчик, сталкивает с трибуны и переоткрывает Собрание. Надо почувствовать, с какими пылкими многолетними надеждами жадно ждала вся российская общественность давно загаданного Учредительного Собрания — как святого солнца, которое польет счастье на Россию. А удушили его — в несколько часов, между Свердловым и матросом Железняком» (т. II, стр. 84).

Уместно спросить — почему бы российской общественности с вожделением ждать «революцией мобилизованного и призванного» Учредительного Собрания, если ее устраивала «традиционная власть»? Но к таким зигзагам Повествования мы уже привыкли. Зададимся другим вопросом: а *что* происходило в Собрании *между* Свердловым и матросом Железняком?

Г.Аронсон, на чьи работы Солженицын охотно ссылается в других случаях, перечисляет имена евреев, прошедших в Учредилку по небольшевистским партийным спискам. В их числе Д.В.Львович, член небольшой еврейской социалистической партии ферейнигте, избранный от Херсонской губернии по списку партии эсеров. С трибуны Собрания он обрушился на ленинский *декрет о мире*, дема-

гогически вынесенный на его утверждение. Показав антинародный и антидемократический характер декрета, он сказал: «Еврейский пролетариат стремится к миру, который провозгласила на своем знамени российская революционная демократия, — к демократическому миру без территориальных захватов и без контрибуций, к миру, при котором каждый народ получит возможность сам определять свою судьбу. Если бы мы верили, что мир, который предлагают нам большевики и левые эсеры, приведет нас к указанным целям, мы бы, конечно, его радостно приняли. Вы сами знаете, — обратился он к большевикам, — что своим миром вы передаете в лапы немецкого милитаризма население оккупированных областей и вместе с ним часть еврейского пролетариата, который столь героически боролся в рядах российской революционной демократии за идеалы социализма, в том числе за настоящее Учредительное Собрание. (Возгласы: “Ура”.)»*

В противовес ленинскому «Декрету о мире» (цель — скорейшее заключение сепаратного мира с Германией) Львович поддержал фракцию эсеров, предложивших обратиться ко всем народам воюющих стран с призывом «заключить всеобщий демократический мир».

Митинговый пафос речи Львовича не должен удивлять: им был наэлектризован воздух эпохи. Соскоблив же пафос и учтя, что эсеры доминировали в Учредительном Собрании, мы поймем, насколько опасно было его выступление для большевиков. Вот почему так быстро «устал» большевистский караул Ленина—Свердлова—Железняк.

Караул устал, а народ, только что проголосовавший за эсеров и другие демократические партии, безмолвствовал. Ведь лозунг «Вся власть Учредительному Собранию!» — это «большой лоскут», годный только на портянки. Да и разговоры о германском милитаризме народу осточертели. Он хотел синицу в руке, а не журавля в небе, то есть мира любой ценой и как можно скорее, а не «всеобщего демократического мира» в очень еще не близком будущем. Ильич это знал, на это и делал ставку.

* Аронсон Г. Еврейская общественность в России в 1917—1918 гг. Книга о русском еврействе. 1917—1967. Нью-Йорк, «Союз русских евреев». 1968. С. 18—19.

Способны ли отщепенцы так *угадать* настроения миллионов? Предлагая народу «похабный» мир, помещичью землю и «грабь награбленное», большевики прекрасно знали, в какую почву сеяли ядовитые семена. А почву для них вспахала черная сотня, десятилетиями внушавшая массам, что *грабить награбленное (евреями)* очень даже хорошо и богоугодно! Красносотенцы отшелушили одно слово от черносотенного лозунга, сделав его еще проще и понятнее.

«В грабеже большевиков и погроме жидоедов уничтожается не только имущество людей, уничтожаются общественные связи, тот строй, благодаря которому держится культура. Национальная вражда, так же как и классовая, ведет к одичанию, к рабству», писал Родичев*. Многолетняя политика «исторической власти», плюс черносотенная погромная агитация, плюс бессмысленная война, плюс распутищина — вот что довело «человека с ружьем» до нравственного одичания, которым так великолепно воспользовались большевики. Не о том ли задолго предупреждал Владимир Соловьев, что, однако, не помешало его благодарному ученику Александру Блоку не только мощно, но и *сочувственно* отразить это одичание в своей поэме.

«Большевики — это власть жидов, говорят нам. Откуда это? Большевиков вознесла к власти разлагающаяся армия, а не евреи. Не евреи убивали в Петрограде защищавших временное правительство юнкеров. Не евреи бомбардировали Москву. Матросы-убийцы, плававшие не по морю, а по крови офицеров — не евреи. Убийцы, большевизма ради, во всех уездных городах и особенно всях земли русской — не евреи. Те, кто по призыву Ленина бросились на грабеж усадеб и убивали по системе и с наслаждением, иногда людей, иногда лошадей и коров — не евреи, а *подлинные русские обыватели*» (курсив мой. — С.Р.)**.

Нет, вопреки стараниям Солженицына, в *отщепенцы* Ленин никак не попадает.

Ну, а попадает ли в *русские*?

Для художественной завершенности картины его, конечно, следовало бы записать в инородцы, но Александр

* Родичев Ф.И. Ук. соч. С. 20.

** Там же. С. 5.

Исаевич твердит как заклинание: «Нельзя не признать Ленина русским»; «это мы, русские, создали ту среду, в которой Ленин вырос, вырос с ненавистью»; «тем не менее, он русский, и мы, русские, ответственны за него» (т. II, стр. 76).

Приходится вспомнить о заявленной духовной близости Солженицына к группе писателей «деревенщиков», которых он предлагает называть «нравственниками». К их числу он относит и покойного Владимира Солоухина*. Доживи этот «нравственник» до наших дней и прочти в солженицынской диалогии сентенции о русскости Ленина, он, вероятно, сильно бы возмутился. Он ведь в свое время целую поэму в прозе сочинил, не без опоры на «еврейские» источники, чтобы убедить читателей, что Ленин ничего общего с Россией не имел, а был *четверть-еврей*, еще наполовину — *калмык*, еще на четверть — разный прочий *швед*. Русских кровей в нем Солоухин не отыскал; а если бы отыскал, то это ничего бы не значило: еврейская кровь такую порчу в себе несет, что остальные три четверти полностью отравляет**. Однако возмущение Солоухина длилось бы недолго, ибо он тотчас бы заметил, что тезис у Солженицына побивается антитезисом, заимствованным как раз у него, Солоухина, хотя и без ссылки и не совсем точно (недоглядела Наталья Дмитриевна, но к такой мелочи Владимир Алексеевич вряд ли стал бы придирается):

«Дед его по отцу, Николай Васильевич, был крови калмыцкой и чувашской, бабка — Анна Алексеевна Смирнова, калмычка; другой дед — Израиль (в крещении Александр) Давидович Бланк, еврей, другая бабка — Анна Иоганновна (Ивановна) Гросшопф, дочь немца и шведки Анны Беатры Эстедт» (т. II, стр. 76)***.

После этого следуют новые заклинания, но уже несколько иные, себя же и опрокидывающие, несмотря на курсивные выделения: «Мы должны принять его как по-

* Солженицын А.И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000. «Новый мир», 2000, №5. Цит. по компьютерной распечатке. С. 1.

** Солоухин В. При свете дня. Москва, 1992. С. 28—35.

*** Согласно Солоухину (и источникам, которыми он пользовался), Израиль Бланк при крещении взял имя Александр *Дмитриевич*, а не *Давидович*, ну да не велика важность.

рождение не только вполне *российское*, — ибо все народности, давшие ему жизнь, вплелись в историю Российской империи, — но и как порождение *русское*, той страны, которую выстроили мы, русские, и ее общественной атмосферы, хотя по духу своему, не только отчужденному от России, но временами и резко *анти-русскому*, он действительно для нас порождение чуждое. И все же отречься от него — мы никак не можем» (т. II, стр. 76).

Тезис уже намертво *слит* с антитезисом, что, однако, не приводит к синтезу.

При социализме, победившем в одной отдельно взятой стране, все было ясно: Ленин — это «величайший пролетарский революционер, гений человечества, *выдвинутый русским народом и являющийся его национальной гордостью*» (курсив мой. — С.Р.)*. И горе сомневающимся! Бумаги о не вполне русском происхождении Ильича томились в самых секретных спецхранах, оберегаемых самыми крутыми черберами в штатском и не только в штатском. Когда М.Шагинян, полжизни копавшаяся в родословной Ленина, попыталась намекнуть на что-то калмыцкое в его крови (не еврейское, упаси Боже!), то получила такую острastку, что помнила об этом всю вторую половину жизни**. А как сковырнули победивший социализм, так *национальная гордость русского народа* переродилась в дегенеративного жиждо-шведо-калмыка, о чем и протрубил Солоухин.

Солженицын тоньше: у него *средняя линия*. Он словно сам себе подмигивает, сам себе кукиш тычет, и сам от себя отворачивается, чтобы кукиша того не видеть. Попро-

* См., напр.: Меламед Е. «Отректись иудейской веры (Новонайденные документы о еврейских предках Ленина)»; Резник С. «Ты завещал нам, великий Ленин...» «Вестник», № 21(332) 15 октября 2003 г.

** «Отечественные архивы». — М., 1992, № 4. С. 69—72; см. также цитированную выше статью Е.Меламеда, а также книгу А.Ваксберга. Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М., «Олимп», 2003. Автор приводит письмо Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой Сталину (стр. 109—110); она жаловалась на руководство института Маркса—Энгельса—Ленина, скрывавшего правду о еврейских корнях Ильича и тем препятствовавшего борьбе с антисемитизмом. По разумению сестры Ленина, народ так обожал вождя, что, узнав о его еврейском дедушке, полюбил бы и евреев. Сталину, из которого холуи делали *Ленина сегодня*, только этого не хватало. Дурехе вождь не ответил.

буйте-ка понять из его *баллады* о Ленине — чуждое это порождение или не чуждое, русское или *анти-русское*? Если русское, то к чему анализ крови — до третьего и четвертого колена по всем линиям?*. А если *анти-русское*, то почему русским от него нельзя отречься? И если все это приложимо к не имеющему ни капли русской крови Ленину, то почему не приложимо к Каменеву или Троцкому?

Русская смута: Фанни Каплан

Выстрелы, раздавшиеся после митинга на заводе Михельсона в Москве 30 августа 1918 года, были немаловажным событием для истории России, судеб революции и русско-еврейских отношений. Пройди пуля на пару вершков правее, и история пошла бы другим путем! То ведь было не убийство Столыпина, не имевшее политических последствий, но занимающее столь огромное место в историософии Солженицына. Выстрелы в Ленина многое могли изменить: без него главари большевизма неминуемо бы перессорились и не удержали власти. Но об *этом* покушении он едва упоминает, правда, дважды, зато настолько по-разному, что не поймешь — чья же это пуля достала большевистского главаря. То покушение Фанни Каплан — это «эсеровские счета» (т. II, стр. 112), а то — «есть весьма убедительные соображения, что Фанни Каплан вовсе не стреляла в Ленина, а схвачена была для “закрытия следствия”, удобная случайная жертва» (т. II, стр. 113).

Тут впору либо взмолиться, либо устроить демонстрацию протеста: «Братцы, помилосердствуйте! Руки прочь от Фанни Каплан! Оставьте бедному еврею хотя бы ее! Он ведь семьдесят лет жил под этим проклятьем. “Злодейское покушение на вождя революции!” “Яд кураре”. “Отравленные пули эсерки [позднее и сионистки] Каплан”».

Эти отравленные пули жалили еврея куда сильнее, чем отравленные колодцы во времена Средневековья. И все это, выходит, зря! Чуть потянуло другим ветерком, начались перерождения: и вождь трудового народа стал *чет-*

* О родословной В.И.Ленина см.: Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997 и ряд других работ.

верть-еврей, и Каплан в него не стреляла — *по весьма убедительным соображениям.*

За десять лет до выстрелов в Ленина анархистка Каплан, в Киеве, готовила покушение на царского сановника, но бомба взорвалась преждевременно, и она потеряла зрение. (Именно поэтому ее не повесили, а приговорили к вечной каторге.) Освободила ее (из Акатуйской каторжной тюрьмы) Февральская революция, после чего она жила в Крыму, в санатории для вечных политкаторжан. Там она познакомилась с Дмитрием Ильичом Ульяновым (братом Ленина) — врачом Юго-Западного фронта*. Она ему нравилась, и он дал ей рекомендательное письмо в Харьков, к знаменитому окулисту, который сумел вернуть ей частичное (силуэтное) зрение. Но она оставалась почти слепой. Этот дефект исключал возможность ее участия в *заговоре* эсеров: в такой крупной организации с многолетним опытом террористической борьбы нашлись бы зрячие исполнители.

Но партия эсеров принципиально отказалась от террористической борьбы против большевиков, считая их хоть и заблудшими, но «братьями по классу». Каплан действовала в одиночку, что и стало ясно ЧК сразу же после ее ареста. В покушении она призналась немедленно, без всякого давления. И мотивы свои объяснила четко: решила убить Ленина, так как считала его предателем дела революции. Все это записано в протоколах ее допросов, как и то, что до каторги она была анархисткой, а после каторги ни к какой партии не примкнула. ЦК партии эсеров официально отверг свою причастность к этой акции, но большевики объявили террористку эсеркой, чтобы обрушить красный террор на наиболее сильную из конкурирующих партий.

Когда пришла пора окончательно расправиться с эсерами (1922), был устроен грандиозный процесс над эсеровским ЦК во главе с Абрамом Гоцем, а рядом со всем известными ветеранами революционных и политических битв

* И с Виктором Еремеевичем Баранченко, который мне об этом рассказывал. См.: Резник С. Тайна покушения Фанни Каплан. «Литературные записки». Фонд «Культурная инициатива», «Апрель», М., 1991, № 1. С. 101—106.

на скамье подсудимых оказалась группа эсеровских «боевиков», вступивших в сговор с ГПУ. Возглавлял этих мнимых террористов некий Г. Семенов (Васильев), ближайшей его сподвижницей была Лидия Коноплева. Они и «признались» в организации убийств Володарского и Урицкого*, в покушении на Ленина, в подготовке покушений на Троцкого и Зиновьева. По их показаниям, они действовали по заданию эсеровского ЦК, то есть Гоца, Ткача и других подсудимых, что те категорически отрицали. При перекрестных допросах Семенов тотчас же запутывался в трех со снах: он утверждал, что, как глава боевой организации, выполнял их задания, но не мог объяснить — где, когда и при каких обстоятельствах получал от них устные инструкции (письменных в деле, конечно, не было). Ложный характер показаний Семенова был настолько очевиден, что в обвинительной речи «прокурор республики» Крыленко должен был долго распространяться о «несовершенствах» человеческой памяти, которая может упускать «детали», но это не значит, что ей не следует доверять в «главном»**.

По провокаторской версии ГПУ Ленина планировалось застрелить после его выступления на одном из заводов Москвы, но поскольку не было известно, на каком именно заводе он выступит, то боевики разъехались по разным заводам. На один из них отправилась Коноплева, на другой — Усов, на третий (завод Михельсона) — Каплан. Общее руководство операцией осуществлял Семенов. Поскольку Ленин явился на завод Михельсона, то выполнение замысла выпало на долю Каплан. Появился бы он на другом заводе, стрелял бы кто-то другой.

Так что даже фантасты из ГПУ не могли обойтись без Фанни Каплан: не было бы и тени правдоподобия. С годами, однако, эту мифическую версию продолжали «улучшать». Пока Ленин был национальной гордостью велико-

* Убийца Урицкого Леонид Каннегиссер, еврей, был членом маленькой партии народных социалистов, не связанных организационно с эсерами; он действовал в одиночку. Убийца Володарского, рабочий Сергеев, разыскан не был; скорее всего, он тоже действовал в одиночку.

** Подробнее о процессе эсеров: Резник С. Большевики и эсеры: борьба за власть. «Форум». Общественно-политический журнал «Сучасність», 1984, № 9. С. 192—204.

россов, «эсерка Каплан» (позднее «сионистка») великолепно подходила для отведенной ей роли. Но когда вождь и учитель был разжалован в палача русского народа и четверть-еврея, потребовалась мстительница иных кровей. Тогда вспомнили про Лидию Коноплеву, которую задним числом передислоцировали на завод Михельсона*. Вот и все *убедительные соображения* о «дисквалификации» Фанни Каплан, которые стоят за скупой солженицынской строкой. Личность террористки, стрелявшей в Ленина, для него менее важна, чем состав крови Анны Беатры Эстедт и других его бабушек-дедушек. Поразителен контраст между столь пристальным интересом к составу крови *в жилах* большевистского вождя и отсутствием интереса к тому — кто, почему и зачем пустил кровь *из его жил*.

Русская смута: царубийство

«Ваш спор с большевизмом — глубочайшая ошибка, вы боретесь против духа нации, стремящегося к возрождению. В большевизме выражается особенность русского духа, его самобытность... Именно наш дух освободит мир из цепей истории», — возражал на «Несвоевременные мысли» М.Горького некий пр. Роман Петкевич — то ли прапорщик, то ли профессор, по ироничному замечанию адресата**. Впрочем, Горький и сам считал, что большевизм в значительной степени выражает дух нации, только у него это не вызывало восторга***.

У Солженицына другая система отсчета. «Жестокие последствия» красной диктатуры он выводит из «повсемест-

* Резник С. «Тайна покушения...» В работе, в частности, использованы допросы Ф.Каплан, опубликованные в 1923 г. в журнале «Пролетарская революция». Публикация этих протоколов была призвана подтвердить показания Г.Семенова и Л.Коноплевой на эсеровском процессе, но фактически их опровергла. Я с удивлением прочел в интернете, а затем в «Комсомольской правде» (29.03.2002) о том, что Фанни Каплан и Дмитрий Ульянов были в интимных отношениях, причем авторы ссылались на мою статью. Однако я писал только о том, что Дмитрий Ильич ухаживал за Каплан, а сколь далеко зашли их отношения, мне неизвестно.

** Горький М. Ук. соч. С. 290.

*** Сменит «вехи» он несколько позже.

ного присутствия евреев в большевиках». И прямо шагает к — «убийству царской семьи, которое теперь у всех на виду, на языке, — и где участие евреев русские уже и преувеличивают с самомучительным злорадством» (т. II, стр. 90).

Обширную литературу об убийстве царской семьи мне приходилось изучать подробно, потому могу с уверенностью сказать, что *не вообще русские* (и не только русские) преувеличивают участие евреев в этом преступлении, а *несколько демагогов* черносотенного толка. Делают они это действительно со злорадством, но без всякого самомучительства, ибо не *участь* царя и его близких им важна, а именно *участие евреев*.

Из этих писаний можно узнать о *кабалистических знаках* на стене в подвале Дома Особого Назначения, где произошло убийство; и о надписях на идиш на той же стене; и о том, что убийство царя было *ритуальным иудейским жертвоприношением*; и о том, что вокруг заспиртованной головы царя, доставленной в Кремль, большевистские вожди *танцевали ритуальный иудейский танец*, вознося молитвы иудейскому Богу Иегове и торжествуя победу мирового еврейства; и о том, что Советской Россией заправлял «красный кайзер» Янкель Свердлов, а Ленин был только ширмой. (Эх! Знать бы им изначала, что Ленин четверть-еврей, вот было бы отрады!) Шахеразде сказок хватило бы на вторую тысячу ночей!

Для Александра Исаевича это всего лишь *преувеличения*. Пусть так. Во всяком случае, он о них осведомлен. А потому должен бы быть особенно аккуратен в обращении с фактами. Увы, мифам определенного толка (конечно, не таким ярко-красочным) он и здесь отдает предпочтение.

Заходит он, надо сказать, издалека: увертюра возникает еще в Февральской главе. Царь, только что отрекшийся от престола, воссоединившись со своим семейством, содержится под домашним арестом в Царскосельском дворце. До страшной Екатеринбургской ночи еще целая геологическая эпоха: ведь впереди напластования множества событий — удавшихся переворотов и подавленных бунтов, вознесенных и поверженных лидеров, актов высокого героизма и низкого предательства, фантастически быстро

меняющихся декораций на политической сцене. Революционный ералаш только зачинается, ни одна душа на свете еще не предвидит, каким сумасшедшим вихрем закрутится этот смерч. Даже Ленин еще не прибыл в запломбированном вагоне. А евреи, по Солженицыну, уже точат клювы и вострят когти на *Помазанника* и на всю династию: «В марте [1917-го] Гендельман и Стеклов на Совещании Советов требовали более сурового заключения императорской семьи и дополнительного ареста всех великих князей — *так уверенно чувствовали себя у власти*» (т. II, стр. 60, курсив мой. — С.Р.).

Это еще только март, а эсер Гендельман и большевик Нахамкис-Стеклов — *уверенно у власти*??

По свидетельству П.Н.Милюкова, в марте 1917 года на том самом Совещании Советов Стеклов говорил о *неучастии* его партии во власти, Гендельман выразился еще категоричнее: «Нельзя брать на себя власть ни целиком, ни частично»*.

Почему нельзя? А потому, что социалисты разных мастей, зашоренные теоретическими абстракциями, считали, что в полуфеодальной России могла произойти только *буржуазно-демократическая* революция, открывавшая путь для развития капитализма. Соответственно и власть в ней должна принадлежать буржуазии. Вот через полсотни-сотню лет, когда капитализм достигнет зрелости, вырастит своего могильщика, — вот тогда возникнут условия для социализма! А до тех пор социалистам участвовать во власти — это таскать каштаны из огня для буржуазии. (Ох, как изощрялся Керенский, то ли трудовик, то ли эсер, уламывая Совдеп позволить ему войти в «буржуазное» Временное правительство и не быть отлученным от социализма!)

Когда Ленин, прибыв в Россию (в апреле), провозгласил курс на захват власти Советами, с ним не согласилась даже большевистская «Правда»: «Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит из признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой рево-

* Цит. по: Милюков П.Н., Воспоминания. Т. II. М.: «Современник», 1990. С. 322.

люции в социалистическую»*. Ленина такая реакция «товарищей» не обескуражила. От лозунга «Вся власть Советам!» он временно отказался, но по иным соображениям: в Советах доминировали «не те» социалисты — эсеры, меньшевики и прочие *соглашатели*. Их он считал более опасными врагами, чем буржуазные партии: с теми все было ясно, а эти маскировались, их надо было — *разоблачать*. Таскать каштаны из огня для *социал-предателей* он не собирался. По его мнению, «рабочие и крестьяне [были] во сто раз революционнее нашей партии», как потом формулировал его позицию Троцкий**, на них он и решил опереться, понимая, что его партия пойдет за ним — никуда не денется.

«Буржуазное» Временное Правительство хотело вести войну до победного конца; решение коренных вопросов государственного устройства, прав собственности откладывалось до созыва Учредительного Собрания, с чем в основном соглашались и *соглашатели*. А бурлившие массы рабочих и солдат хотели *мира и земли*, и немедленно. Этого они требовали от своих представителей в Советах, но *соглашатели* (ох, как ненавидел их Ленин) стремились успокоить, утихомирить стихию, объяснить горячим головам, что надо подождать, еще не время. Всего через два месяца после переворота Милюков был свидетелем сцены, которую описал скупно, но выразительно: лидера партии эсеров Чернова «застигли на крыльце, и какой-то рослый рабочий исступленно кричал ему, поднося кулак к лицу: “Принимай, сукин сын, власть, коли дают”***. Чернов понюхал кулак, но выстоял. Власти не принял.

Присутствие рядом царской семьи усугубляло общую нестабильность. Ненависть *улицы* к августейшему узнику кипела, а на охрану дворца нельзя было положиться. Угроза «революционной расправы» была нешуточной. Требования «более строгого» заключения царской семьи звучали со всех сторон.

* «Правда», 8 апреля 1917 г. Цит. по: Милюков П.Н. Ук. соч. Т. II. С. 308.

** Троцкий Л. История русской революции. N.-Y., Monad Press [Ре-принт берлинского издания 1933 г.]. С. 82.

*** Милюков П.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 334.

Временное Правительство торопилось сплавить августейшее семейство в Англию, но британские власти медлили, а потом и вовсе отказались приютить несчастных родственников короля — дабы не осложнять отношений с союзником, столь люто ненавидевшим своего недавнего повелителя.

Тогда Керенский приложил немало изощренных усилий, чтобы отправить семейство подальше от бурлящей столицы. На пути следования в Тобольск и в самом Тобольске августейших узников стерег сильный отряд из трехсот бойцов под руководством эсера, бывшего каторжанина, Панкратова, которому Керенский доверял. И тот с честью исполнял трудную миссию. Пало Временное Правительство (и прекратилась выдача жалования ему и его бойцам); советская власть, совершив «победное шествие», утвердилась на Урале и в Сибири; отряды красногвардейцев — самостийные и присылаемые из «столицы красного Урала» Екатеринбурга — пытались захватить Николая и расправиться с ним; но триста поблескивавших штыков Панкратова охлаждали их пыл.

Только через полгода после Октябрьского переворота проверенный большевик В.В.Яковлев (Мячин) (впоследствии изменивший «делу революции» и кончивший дни на Соловках), с мандатом Ленина и Свердлова, прибыл в Тобольск, чтобы снять эсеровскую охрану и перевезти царскую семью в Центральную Россию. Труднейшая миссия была предпринята из опасения, что царь сбежит и станет «знаменем контрреволюции» или будет убит местными товарищами.

Ленину царь был нужен живым. Не из гуманных (упаси Боже!) соображений, а из далеко идущих революционных планов. Троцкий подал идею проведения показательного суда над тираном, и Ленин ухватился за нее. В январе 1918 года СНК принял постановление — начать следствие над бывшим царем.

Затея была столь же дерзкой, сколь и преступной, но таковы были все «революционные» начинания дорвавшихся до власти фанатиков. Не существовало закона, по которому можно было бы судить свергнутого самодержца. Но не правосудие интересовало большевистских вождей, а гран-

диозный пропагандистский спектакль — ведь к процессу было бы приковано внимание всего мира.

Следствие о преступлениях царского режима, как помнит читатель, было начато сразу же после Февраля, для чего Временное правительство создало Чрезвычайную следственную комиссию (ее материалы мы не раз цитировали). Комиссия привлекла к ответу наиболее одиозных чинов высшей царской администрации, распутинскую клику, но не самого царя. Царская Россия (типичная восточная деспотия) имела формальный статус монархии, а монарх, по определению, людскому суду не подлежит*.

Ленин был юристом по образованию, да и Троцкий был достаточно образован, чтобы это понимать. Но юридические нормы их так же мало волновали, как и прочие «буржуазные предрассудки»; они признавали только «суд революционной совести». Потому они и прекратили следствие над высшими чинами царской администрации: зачем разбираться в тонкостях, когда арестованных можно прикончить без следствия и суда, «именем революции»? И прикончили многих, кто оказался в их власти — отнюдь не только царских министров и агентов охраны; среди убитых без следствия и суда — видные публицисты, политические деятели, в том числе, оппозиционные: от черносотенцев типа Меньшикова до ведущих деятелей партии кадетов Шингарева и Кокошкина.

Судилище над Николаем — другое дело. Оно было нужно для революционной пропаганды. Перед лицом потрясенного мира ему бы все припомнили: от Ходынки до Распутина, от Кровавого Воскресенья до Ленского расстрела, от «столыпинских галстуков» до еврейских погромов, от японской войны до германской, и многое другое, — что было и чего не было. Такую потрясающую возможность обличения «старого мира» Ильич не хотел упустить.

Если бы «революционный суд» состоялся, то в смертном приговоре не приходится сомневаться, так что Николай в любом случае был обречен. Возможно, и Александра Федоровна. Но дети их получили бы шанс на спасение: при публичности процесса и внимании к нему всего

* Подробнее см.: Резник С. Цареубийство в русской истории. «Вестник», 1999, №№ 5(212)—9(216).

мира даже ленинская клика вряд ли решилась бы убить невинных детей.

Однако Красный Урал после Брестского мира не доверял Кремлю и не хотел выпускать царскую семью из своих рук. Пытаясь обмануть уральских ультра-революционеров, «болевших левизной в коммунизме», В.В.Яковлев повез августейших узников обходным путем, но, узнав об этом, председатель Уральского Совдепа А.Г.Белобородов разослал по железным дорогам телеграмму: «Всем, всем, всем!» Яковлев объявлялся изменником, подлежащим аресту и расстрелу на месте. (Его чуть было и не расстреляли в Омске.) Напряженные переговоры по прямому проводу Свердлов с Белобородовым и Яковлевым привели к компромиссу. Изменив первоначальный план, Кремль приказал Яковлеву доставить царскую семью в Екатеринбург; Белобородов в ответ обязался обеспечить надежную охрану, безопасность и относительно приличное содержание семьи, а Яковлева — отпустить подобра-поздорову.

Вскоре после того как семья поселилась в Екатеринбурге в Доме Особого Назначения (доме Ипатьева), группа заговорщиков-монархистов стала готовить ее побег. Царю тайно доставлялись письма на французском языке с планом побега и инструкциями, как к нему подготовиться. Царя эти письма глубоко волновали, он на них отвечал по тем же каналам. И они прямехонько доставлялись в местную ЧК, где готовилась эта провокация.

Зачем она понадобилась Белобородову и его подручным? Историки сходятся во мнении, что глава Красного Урала не оставил мысли о «революционной расправе», но хотел заручиться алиби. Фиктивный побег готовился для того, чтобы прикончить семью, а затем доложить Кремлю, что это пришлось сделать «при попытке к бегству».

Приближение армии Колчака к Екатеринбургу и мятеж левых эсеров в Москве сделали эти предосторожности ненужными. После убийства чекистами-левоэсерами германского посла Мирбаха (при весьма подозрительной роли левого коммуниста Дзержинского) Германия потребовала пропустить в столицу батальон своих войск для защиты посольства*. Принять ультиматум было невозможно — это

* Фельштинский Ю. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Париж, YMCA-Press, 1985.

значило капитулировать перед «германским милитаризмом», в чем Ленина и его сторонников и без того упрекали левые эсеры и левые коммунисты (а ведь на это еще накладывались недавние обвинения в его личном сотрудничестве с германским генштабом). Отклонение же ультиматума вело к возобновлению военных действий на почти оголенном Германском фронте, а Ленин ничего так не боялся, как «бронированного кулака Вильгельма». О том, что Германия находится при последнем издыхании и на возобновление войны не пойдет, в Москве не знали. В этих условиях перевозить царскую семью с Урала ближе к Москве стало столь же опасно, как оставить ее в Екатеринбурге колчаковцам. Этим и воспользовался Белобородов, потребовав санкцию на ликвидацию царя, или же «я ни за что не отвечаю». Санкция была дана — Лениным через Свердлова. Остальное было делом техники...

Когда передовые части армии Колчака вошли в оставленный большевиками Екатеринбург, они сразу же бросились к Ипатьевскому дому, где и обнаружили следы недавнего побоища. Тут же среди офицеров, обрабатывавшихся черносотенной пропагандой, пошли разговоры, что царя порешили евреи. Бестолковые попытки найти трупы привели только к тому, что многие следы преступления были уничтожены. Следователь Наметкин — первый, кому было поручено официальное расследование, прежде всего попытался поставить его на профессиональную ногу и удалить сильно возбужденных, но не знающих дела офицеров. Это вызвало такое негодование с их стороны, что уже через неделю Наметкин был отстранен — якобы из-за недостаточного рвения. Затем полгода расследование вел И.С.Сергеев. Он и добыл львиную долю наиболее ценных вещественных доказательств и свидетельских показаний. Но так как он искал преступников, а не евреев, то был тоже отстранен, как тайный еврей и чуть ли не большевистский агент (позднее был схвачен большевиками и расстрелян). Главную роль в этой перемене декораций сыграл генерал М.К.Дитерихс, которому И.С.Сергеев передал все материалы неоконченного следствия. Вскоре М.К.Дитерихс нашел «правильного» следователя, Н.А.Соколова, «настоящего русского патриота», который и направил следствие по «патриотическому» руслу.

«Патриотам» ведущая роль Белобородова мешала тогда и продолжает мешать до сих пор. Крайние из них пытались его *объевреить*, перелицевав фамилию в Вайсбарт (на идиш — *Белая борода*). Но это приобретение относительно недавнего времени*. Первопроходцы до этого не додумались.

Первопроходцами я называю авторов трех первых книг о гибели царской семьи, располагавших материалами незавершенного следствия. Это британский журналист Роберт Уилтон**, генерал М.К.Дитерихс*** и следователь Н.А.Соколов**** (англичанин, чех и русский — полный черносотенный интернационал!). Пришлось им задвинуть Белобородова в тень Ф.И.Голощекина, о чьем еврейском происхождении у них имелись очень шаткие сведения. При поспешном бегстве с развалившейся армией Колчака каждый из них вывез по экземпляру следственных материалов (к тому моменту уже изрядно подтасованных)*****. Один из трех экземпляров хранится в архиве Гарвардского университета — я его там просматривал. В нем имеются показания свидетеля, который в течение двадцати минут ехал с Голощекиным в поезде. Этот свидетель показал, что у Голощекина волнистые волосы с рыжеватым оттенком, из чего он вынес *впечатление*, что тот похож на еврея. Имея такую *зацепку*, три мифотворца и попытались передать Голощекину первую скрипку, а заодно наградили его еврейским именем. Но сговориться между собой они не смогли:

* См.: Пагануци П. Правда об убийстве царской семьи. Историко-критический очерк. Св.-Троицкий монастырь, Джорданвилль, Нью-Йорк, 1981. С. 62; Шафаревич И. Русофобия. Сочинения в трех томах. Москва, «Феникс», 1994. С. 145; Резник С. Раствление ненавистью: Кровавый навет в России. Даат/Знание, Москва—Иерусалим, 2001. С. 104.

** Robert Wilton. The Last Days of the Romanovs. London, Thornton Butterworth Limited, 1920.

*** Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Тт. 1—2. Владивосток, 1922.

**** Соколов Н.А. Убийство царской семьи. «Слово», 1925.

***** Н.А.Соколов пользовался услугами Роберта Уилтона, помогавшего изготавливать фотографии вещественных доказательств — в обмен на информацию о еврейских кознях, которая через газету «Таймс» «потрясала мир». Подробнее см.: Резник С. Раствление ненавистью. С. 92—106.

у одного из них он — Исаак, у второго — Исай Исакович, у третьего — Шая*.

Солженицын знает, что «Шая-Филипп Голощекин славы не искал, всю ее перехватил долдон Белобородов»; и что «в 20-е годы так все и знали, что это он — главный убийца царя; даже в 1936-м, гастролируя в Ростове-на-Дону на какой-то партконференции, он еще похвалялся этим с трибуны. (Всего за год перед тем, как расстреляли его самого.)» (т. II, стр. 92). Тем не менее, автор дилогии ролью закоперщика цареубийства наделяет Голощекина, восклицая по этому поводу: «О, как должен думать каждый человек, освещает ли он свою нацию лучиком добра или зашлепывает чернью зла» (т. II, стр. 92).

Полагаю, что каждый человек должен, прежде всего, думать, освещает ли он добром или зашлепывает злом *самого себя*. Если он об этом не думает, то о нации и подавно не озаботится. Да и не так все однозначно в многоцветном нашем мире. Сплошь и рядом творящий зло считает, что делает добро. Белобородов *гордился* тем, что избавил народ от тирана! А между членами расстрельной команды даже разгорелась борьба — кому из них считаться *прямым* убийцей царя. Яков Юровский утверждал, что это он первым выстрелил в Николая, а Павел Медведев требовал эту честь себе. И у обоих ее оспаривал Петр Ермаков. Вероятно, никто из них не считал екатеринбургское побоище грязным пятном на своей совести; напротив, считали его делом добрым и доблестным. До такой степени одичания дошло тогда российское общество.

Но и в другие времена, при иных нравах — не добрыми ли намерениями часто выстилается дорога в ад?

* Поскольку ни в одном заслуживающем доверия независимом источнике я не нашел подтверждения еврейского происхождения Голощекина, а в БСЭ, где расшифровываются все партийные клички и псевдонимы, он значился как Филипп Исаевич, я поначалу предположил, что еврейское имя Голощекина — это вообще фикция. Однако белорусский кинодокументалист В.Л.Нехамкин (Мохов) сообщил мне, что в конце 1970-х годов, делая фильм о Пражской конференции большевиков 1912 года, он ознакомился с жандармской перепиской в Центральном Государственном Архиве Октябрьской Революции в Москве (ЦГАОР), где фигурировал Голощекин, *Шая Ицкович*. У меня нет оснований доверять БСЭ больше, чем царской охранке. Таким образом, в шайку екатеринбургских головорезов, учинивших расправу над царской семьей, входили *два несомненных* еврея (Юровский и Голощекин), а не *один*, как я предполагал.

Русская смута: «нерусская» революция

Солженицын уверяет: он не пытается «доказать, что революция была нерусской, или “чужеродной”». Однако, вчитываясь в его книгу, убеждаешься снова и снова, что именно это он и доказывает. Обильно ссылаясь на «еврейские» источники, он верен своему селективному методу: из моря разлитанного литературы отбираются не те источники, что первичны и более достоверны, а те, что его *устраивают*. А если устраивают не вполне, то из них вычлняются отдельные фразы. А если не устраивают целые фразы, то из этих фраз вычлняются лишь *нужные* кусочки.

«В “Книге о русском еврействе”, — пишет Солженицын, — читаем: “Нельзя не упомянуть о деятельности многочисленных евреев-большевиков, работавших на местах в качестве второстепенных агентов диктатуры и причинивших неисчислимые несчастья населению страны”, с добавлением: “в том числе и еврейскому”». Следует ссылка на статью Г.Аронсона «Еврейская общественность в России 1917—1918 годов»*, а затем и авторский вывод: «Из такого повсеместного присутствия евреев в большевиках в те страшные дни и месяцы — не могли не вытекать и самые жестокие последствия» (т. II, стр. 90). Однако в статье Г.Аронсона показано прямо противоположное, ибо, хотя к большевикам примкнуло заметное число евреев (в основном денационализированных, утративших связь с еврейством, подлинных *отщепенцев*), «еврейская общественность», отличавшаяся огромной пестротой группировок, партий, объединений, оказалась по другую сторону баррикад. «Большевицкий переворот — это безумие», «солдатский заговор», «не имеет под собой никакой нравственной основы», «висевшая на краю пропасти Россия свалилась в бездну»** — такова, по Г.Аронсону, была *типичная* реакция еврейской печати на октябрьский переворот. Автор подчеркивает, что даже самая левая из еврейских социалистических партий, Бунд, была в жесткой оппозиции к боль-

* КРЕ-2. Нью-Йорк, 1968. С. 16.

** Там же. С. 18.

шевикам. Позднее, под сокрушительными ударами красного террора, в ней произошел кризис; партия распалась, часть бывших бундовцев влилась в РКП(б). Но даже к 1926 году, то есть после девяти лет жестоких преследований, лидер переметнувшейся группы М.Рафес смог насчитать в большевиках 2463 бывших бундовца, тогда как всего их в 1917 году было около 30 тысяч. Двадцать семь с половиной тысяч «остались верными своим демократическим убеждениям, а впоследствии заплатили за них тяжелыми страданиями и кровавыми жертвами»*.

Солженицын работу Аронсона знает. Но вывод делает противоположный, призывая на помощь И.Бикермана — одного из шести авторов столь выделяемого им сборника «Россия и евреи»: «Бунд, разыгрывавший роль представителя “еврейских рабочих масс”, присоединился большей и более активной своей частью к большевикам» (т. II, стр. 109)**.

Этот мираж привиделся Бикерману в 1923 году — в экстазе национального самобичевания, а теперь он оприходован Солженицыным, хотя никаких конкретных данных и цифр Бикерман не знал. Цифры и факты есть у Аронсона, но Солженицына они не устраивают и в его книгу не попадают.

Ничего специфически еврейского в послереволюционном расколе Бунда не было: такая же участь постигла все социалистические партии России. К большевикам примкнула часть эсеров — сперва левых во главе с Марией Спиридоновой, а потом и вполне ортодоксальных. О провокаторской роли группы эсеров, якобы террористов, во главе с Г.Семеновым (Васильевым) на процессе-спектакле 1922 года мы говорили. Всем подсудимым был вынесен смертный приговор, но «террористы-убийцы» были тут же помилованы и — отправлены на партийную *большевицкую* работу. Членам ЦК во главе с Абрамом Гоцем была уготована иная участь***.

* Аронсон Г. Еврейская общественность в России в 1917—1918 гг. КРЕ-2. С. 17.

** Россия и евреи. YMCA-PRESS, Paris, 1978. С. 44.

*** См. Резник С. Большевики и эсеры: борьба за власть. «Форум», №9, 1984. С. 192—204.

Будущий генеральный прокурор РСФСР Андрей Вышинский — бывший меньшевик. Будущий нарком иностранных дел Чичерин — бывший меньшевик. Заместитель Дзержинского, а после его смерти глава ОГПУ—НКВД Менжинский — бывший меньшевик. Это наиболее известные примеры перебежчиков из стана побежденных в стан победителей; безвестных было много больше. В их числе были и евреи, большинство евреями не были.

С другой стороны, *десятки тысяч* бывших меньшевиков, эсеров, бундовцев, анархистов — евреев и не евреев — к большевикам примыкать не хотели (или их не хотели — вспомним Суханова-Гиммера). Многие сумели «лечь на дно», участь остальных была горькой (вспомним того же Суханова). Факт в том, что разлом проходил не по пятому пункту. И не только по социалистическим партиям.

В кривом солженицынском зеркале все это выглядит иначе.

«Большинство российских социалистов [не большевиков], а среди них было множество евреев, в Гражданской войне были, конечно, за Ленина, а не за Колчака, и многие из них прямо воевали за большевиков» (т. II стр. 135).

Ирония состоит в том, что как раз у Колчака, в его коалиционном правительстве, министром юстиции был эсер Старынкевич. Поскольку фамилия звучит сходно с такими, как Рабинович и Пуришкевич, я затрудняюсь сказать, был ли он евреем или нет, но он заведомо *не* принадлежал к тем, для кого жестокость большевиков объяснялась засильем евреев. Именно ему следователь И.С.Сергеев еженедельно докладывал о ходе следствия по делу об убийстве царской семьи, и к нему в Омск (колчаковскую столицу) прибыла из Великобритании еврейская делегация, обеспокоенная многочисленными публикациями о том, что убийство царя — дело рук евреев. Старынкевич заверил делегацию, что эти слухи ложны, и объяснил, что исходят они из офицерских кругов крайне правого толка, но к следствию эти круги непричастны. (Вот после этого опровержения давление на Колчака со стороны право-монархических кругов многократно возросло, Сергеев был удален, Старынкевич — тоже, а царским делом занялась тройка генерала Дитерихса.)

Прямо за большевиков воевали шестьдесят тысяч царских офицеров (сорок тысяч на стороне белых). Восемьдесят процентов высших офицеров генерального штаба воевало в Гражданскую войну на стороне Ленина и Троцкого, а не на стороне Колчака и Деникина. Впрочем, эти цифры условны, ибо не учитывают большого числа перебежчиков из одного лагеря в другой, что происходило многократно на разных уровнях, порой целыми полками и дивизиями. Не говорю о «батьках», таких как Махно или Григорьев, которые воевали то за белых, то за красных, то против тех и других.

Русская смута: Гражданская война

Если «Декретом о мире» Ленин начал Гражданскую войну, то «Декретом о земле» он ее выиграл. Большевистские лозунги совпадали с чаяниями основной массы народа — крестьянства. Это признавали не только «гнилые интеллигенты» вроде умеренного Родичева и весьма левого Максима Горького. Адмирал Колчак назвал «наиболее сильным фактором русской революции — крестьянское малоземелье»*. С Колчаком был солидарен генерал Деникин. Относительно одного из проектов землеустройства, рассматривавшихся при его правлении, Деникин замечает:

«Проект Билимовича-Челищева, при всех его спорных сторонах, представлял попытку проведения грандиозной социальной реформы и, если бы был осуществлен до войны и революции в порядке эволюционном, законным актом монарха, стал бы началом новой эры, без сомнения предотвратил бы революцию, обеспечил бы победу и мир и избавил бы страну от небывалого разорения»**.

Предусматривалось ограничение максимальных размеров помещичьих хозяйств — от 150 до 400 десятин в разных районах. Владения сверх этого лимита должны были быть проданы по взаимному соглашению «лицам, зани-

* См. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. Составил С.А.Алексеев. М., 1991. С. 37.

** Там же.

мающимся земледельческим трудом, преимущественно местным», то есть крестьянам. Для покупателей был тоже установлен лимит — от девяти до 45 десятин (видимо, для того чтобы крепкие крестьяне не могли скупить слишком много — в ущерб другим). Устанавливался двухгодичный срок для полюбовных сделок, после чего избыточные земли помещиков должны были отчуждаться и продаваться крестьянам.

Подобные проекты, как мы помним, готовили еще при Витте, предлагали кадеты в Первой и Второй Государственной Думе. Был бы тогда принят и осуществлен *такой* закон о земле, то — прав Деникин! — не было бы в России революции или она была бы не столь радикальной и кровавой. Но Столыпин разогнал две Думы, устроил государственный переворот, покрыл страну виселицами, чтобы не допустить ущемления «священного права собственности» латифундистов. Массы малоземельных крестьян так и остались без земли. Получили они ее — от Ленина. Хотя и не в собственность, но в вечное пользование. Зато безвозмездно. После этого умеренные реформы работать не могли: на практике они означали бы не наделение крестьян землей, а изъятие части уже захваченной ими земли и требование платы за неизъятую часть. Но и такая реформа при Деникине не прошла: он не смог одолеть сопротивление «национальных» сил, для которых спасение Великой и Неделимой сводилось к спасению их собственных (уже разоренных и потерянных!) поместий.

Белое движение объединяло широкий спектр политических и идеологических сил — от черной сотни на одном фланге, до социалистов разных мастей на другом, с консерваторами, либералами, умеренными реформаторами между этими полюсами. Лебедь, рак да щука. Никакой согласованной программы они выработать не могли.

Будущее устройство Российского государства — даже в самых общих чертах — не могло быть определено. Монархия или республика? Централизм или федерализм? Права меньшинств? Права рабочих? Права собственности вообще, и на землю в частности? Решения откладывались на потом. Называлось это *непредрешенчеством*.

Когда на территории, контролируемой *красными*, продотряды выгребали из крестьянских амбаров все до после-

днего зернышка, да еще пристреливали без следствия и суда «укрывателей» хлеба, и всяких там «буржуев», и «контриков», и «саботажников», и «спекулянтов», то реакция населения была вполне понятной. *Белых* ждали как спасителей, встречали хлебом-солью. Но когда приходили *белые*, то выяснялось, что им тоже нужен хлеб, и скот, и фураж, и солдаты. Снова шли реквизиции и мобилизации, тот же «грабеж награбленного». И расстрелы без следствия и суда по первому подозрению в сочувствии большевикам, да и без всякого подозрения. А земля, которую крестьяне уже поделили, засеяли, полили своим потом, — с ней, в лучшем случае, все становилось неясно: *непредрешенчество!* В худшем являлись бывшие хозяева — требовать землю назад, грозя расправой, а нередко и учиняя ее.

Солженицын правильно указывает на Тамбовское восстание и другие выступления крестьян против советской власти как на признак ее враждебности народу, ибо крестьянство и составляло основную его массу. Но под властью *белых* крестьянское недовольство было не меньшим, выступления против власти носили гораздо больший размах.

Участник и летописец движения «зеленых» в Причерноморье Н.В.Воронович рисует типичную картину, рассказывая о том, как население Сочинского района, натерпевшись лиха от большевиков, встретило приход Добровольческой армии как избавление; но не прошло нескольких недель, и новая власть «возбудила к себе жгучую ненависть крестьян»*.

«Ненависть эта была вызвана, во-первых, назначением на административные посты старых полицейских взяточников, во-вторых, начавшимися реквизициями кукурузы, фуража, лошадей и повозок и, в-третьих, безобразным поведением новых властей и преследованием крестьян за пользование частновладельческими участками, хотя большинство этих участков было передано в пользование крестьянам учрежденным при Временном правительстве [до

* Воронович Н.В. «Зеленые» повстанцы на черноморском побережье. В кн.: Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. М.: «Отечество», 1991. С. 166. Работа впервые опубликована в 1922 году в Берлине в серии «Архив русской революции» (т. VII).

большевиков!] земельным комитетом... Результатом всего этого явилось то, что через месяц после занятия добровольцами Сочинского округа население вспоминало с сожалением ушедших большевиков, а через полтора месяца крестьяне с оружием в руках восстали против новой власти». И дальше: «Толчком к восстанию послужил приказ о всеобщей мобилизации населения до сорокалетнего возраста. Крестьяне заявили, что проливать свою кровь за такую власть они не желают, так как мобилизованных солдат “кадеты” пошлют умирять таких же крестьян или драться с большевиками, которые оказываются ничуть не хуже добровольцев»*.

Движение из Сочинского округа перекинулось в Туапсинский, Новороссийский «и распространилось затем по всему юго-востоку России». Воронович подчеркивает, что «подлинное “зеленое движение” ничего общего не имеет с бандитизмом, со скрывающимися в горах и лесах шайками грабителей и с бело-зелеными партизанами. Подлинные “зеленые” являлись и являются местными крестьянами, восставшими и против добровольческих, и против большевистских властей»**.

Деникинские карательные отряды, брошенные против «зеленых», пощады не знали, но вооруженный противник прятался или оказывал сопротивление, проводить операции против него было трудно и опасно. Отыгрывались на мирном населении: пороли всех шомполами, «не делая никакой разницы между мужчинами и женщинами, между взрослыми и детьми». Реквизировали все, что можно увести или увезти. Мужчин «призывного возраста» уводили, а часть из них расстреливали на месте — в назидание другим. Полковник Петров, в селении «Третья рота», оцепив его со своим отрядом, объявил, что намерен расстрелять всех мужчин, но готов смягчить приговор — за «контрибуцию» в пять тысяч рублей плюс «угощение». Деньги были собраны, угощение — выставлено. Вволю попировав, полковник велел расстрелять *не всех* мужчин, а каждого десятого.

* Воронович Н.В. «Зеленые» повстанцы на черноморском побережье. В кн.: Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. М.: «Отечество», 1991. С. 166.

** Там же. С. 167. Следует добавить, что *эти* «зеленые» также не имели ничего общего с бандой атамана Зеленого на Украине.

Один из обреченных, 16-летний подросток, подбежал к офицеру, нацелившему на него винтовку, но еще не успевшему выстрелить, вlepил ему пощечину и с разбега бросился в пропасть. Позднее, в феврале 1920 года полковник Петров был взят в плен крестьянским ополчением и *узнан* вдовой одного из казненных крестьян. Она дала знать другим женщинам (мужчин в селе уже не осталось). Вооружившись палками, топорами, бабы отбили полковника у конвоя и «буквально растерзали на куски»*. (Замечу в скобках, что немногих карателей ждала такая же участь; большинство потом доживало свой век официантами или вышибалами в кабаках Праги, Парижа, Белграда, скрежеща зубами на «жидов-комиссаров», которые обрекли их на жалкое эмигрантское существование; это не мешало им при случае вербоваться в сексоты к тем же комиссарам, чтобы выслужить «прощение родины».)

После краха Деникина и эвакуации остатков его армии в Крым вопрос о земле остро встал перед новым главнокомандующим, генералом Врангелем. Он образовал комиссию, поручив ей в трехдневный срок разработать земельную реформу. Князь В.Оболенский, бывший председатель Таврической земской управы, предложил законодательно закрепить статус-кво, чтобы крестьяне, по крайней мере, не боялись, что в случае прихода белых землю у них отберут, и будут карать за захваты.

«Я настаивал на немедленном принудительном отчуждении от землевладельцев арендных земель и закреплении их за арендаторами там, где, как в Крыму, не было захватов, а там, где захваты произошли, — на санкционирование их, с закреплением земель за фактическими владельцами»**.

Но — из всех членов комиссии за проект реформы проголосовал только сам Оболенский. Как он пишет в своих мемуарах, после созыва и разгона нескольких таких комиссий, генерал Врангель своей властью главнокомандующего и диктатора подписал закон «еще более левый», чем тот, что предлагал Оболенский. «Я глубоко убежден и сейчас, — писал позднее Оболенский, — что если бы зе-

* Воронович Н.В. Ук. соч. С. 168—169.

** Оболенский В. Крым при Врангеле. Цит. по: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. С. 369.

мельный закон, хотя бы в том виде, в каком он был издан генералом Врангелем 25 мая 1920 года, был издан генералом Деникиным 25 мая 1918 года, — результаты Гражданской войны были бы совсем другие. Если без земельного закона, в атмосфере ненависти всей крестьянской массы, Добровольческая армия при помощи английских пушек и танков докатилась до Орла и Брянска, то с земельным законом, который привлек бы крестьянские массы на ее сторону, она наверное дошла бы до Москвы»*.

Прав ли Оболенский в этом суждении или нет, проверить невозможно. Но очевидно, что «правильное» решение, то есть такое, которое могло бы обеспечить *белым* поддержку широких масс народа, а не вызывать их ненависть, было принято слишком поздно, когда уже не было сил его осуществить.

Аналогичная картина наблюдалась на других театрах военных действий.

Адмирал Колчак был побежден не столько Красной армией, с ее Чапаевыми а Анками-пулеметчицами, сколько крестьянскими восстаниями в тылу, по всей Сибири.

На северо-западе «политический террор, экономическая политика и специальные репрессии против крестьянства, пассивно сопротивлявшегося большевистским опытам, — вот главные причины, заставившие крестьянскую массу с энтузиазмом встречать белых, — отмечал бывший министр земледелия в правительстве этой области П.А.Богданов. — Но страх перед ответственностью за революционные выступления, боязнь за землю, что перешла или должна была перейти в руки крестьянства, всплыли на другой день появления белых»**.

Гражданские власти пытались использовать антибольшевистские настроения крестьян для налаживания отношений с ними; но подлинными хозяевами положения были военные, и они не признавали «дипломатических» ухищрений. «Вешали людей во все время правления белых псковским краем», констатирует *белый* (не *красный!*) летописец

* Оболенский В. Крым при Врангеле. Цит. по: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. С. 371.

** Цит. по: Горн В. Гражданская война на северо-западе России. В кн.: Гражданская война в описании белогвардейцев. С. 268.

северо-западного фронта Василий Горн. В Пскове «атаман крестьянских и партизанских отрядов» подполковник Булак-Булахович лично проводил публичные казни — для устрашения. В центре Пскова, регулярно, среди бела дня, вешали людей на трехгранных фонарях, сразу по трое, так что «трупы висели на фонаре гирляндами, иногда в течение всего дня». А по деревням в это время созывали волостные сходы и втолковывали крестьянам, что они «могут распоряжаться только своей землей, прочие земли могут попасть в руки мужика только при условии аренды или покупки ее. В итоге ропот всего схода: “Опять помещика на шею нам посадите”. “Мы будем работать, а баре хлеб есть... Не бывать этому!”»*.

Куда ни кинь, все тот же клин. Хотя массы народа восставали против бесчинств военного коммунизма, диктатура большевиков все-таки была для них меньшим злом, чем военная диктатура белых. Что и оказалось основным фактором, приносившим победу большевикам. Причем не только военную, но в значительной мере и моральную.

Горячий поборник *белого* движения, колчаковец, считавший себя большим патриотом России, Николай Устрялов, оказавшись в эмиграции, очень скоро пришел к заключению, что «пульс России бился все эти годы в Москве и только в Москве, — а не в Омсках, Екатеринодарах и Севастополях**». Теперь это уже бесспорно. Разве лишь безнадежно слепым это остается недоступным... Фундамент новой России закладывается Революцией, сжегшей старую Россию... Это воссоздание [подорванных сил государства] идет ныне под знаком советской власти***.

У Устрялова в эмиграции оказалось большое число единомышленников. Они развернули движение «смены вех», за возвращение «в Каноссу» (как называлась одна из центральных статей сборника «Смена вех»), то есть в большевистскую Россию, которую они объявили подлинным «выразителем национальных и государственных интересов Рос-

* Горн В. Ук. соч. С. 268—269.

** Омск — столица Колчака, Екатеринодар — Деникина, Севастополь — Врангеля.

*** Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 69. (Первоначально статья была опубликована в сборнике «Смена вех». Прага, июль 1921 г.)

сии на данном этапе». В доказательство правоты этой точки зрения Устрялов приводил слова Ленина: «В народной массе мы [большевики] все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда *правильно выражаем то, что народ сознает*» (курсив мой. — С.Р.)*.

Вкусив горький хлеб чужбины, недавние белые офицеры, монархисты, правые кадеты, октябристы, — те, кто еще недавно спасал Единую и Неделимую от большевистско-еврейской скверны, вдруг «прозрели» и стали доказывать, что большевики-то Единую и Неделимую как раз и олицетворяют.

«Революционная утопия побеждала, покуда на нее ополчались элементы, русской историей обреченные на слом», — писал Н.Устрялов в ноябре 1921 года**. «Не инородцы революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами революционерами, внешне или внутренне приобщившимися “русского духу” в его нынешнем состоянии» (Н.Устрялов)***.

«Мы идем к вам в “Каноссу” не столько потому, что считаем вас властью “рабоче-крестьянской”, сколько потому, что расцениваем вас как российскую государственную власть текущего периода», — объяснял большевикам другой ведущий сменовеховец, профессор Чахотин****.

«Правда» с победным ликованием откликнулась на выход в Праге сборника «Смена вех», а Устрялов откликнулся на этот отклик: «Ни один из ее [“Смены вех”] авторов — не социалист. “Смена вех” руководствуется прежде всего патриотической идеей»*****. Писалось это в то самое время, когда большевики цинично, на глазах всего мира, доламывали хребет своим ближайшим политическим противникам — эсерам, устроив судебный фарс, о котором мы уже упоминали.

В книге Солженицына движение сменовеховцев отсутствует, как и многое другое, что не укладывается в его

* Устрялов Н. Под знаком революции. С. 125.

** Устрялов Н. Сумерки революции. «Новая жизнь», ноябрь 1921. Цит. по: Н.Устрялов. Под знаком революции. С. 67.

*** Устрялов Н. Patriotica. «Смена вех», Прага, июнь 1921. С. 54.

**** Чахотин. «В Каноссу». Там же. С. 72.

***** Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 125.

схему. Зато можно найти такую сентенцию: «Назвать еврейскую эмиграцию пробольшевицкой — нельзя. Но большевицкий строй не был для нее главным врагом, а у многих сохранилась к нему и благосклонность» (т. II, стр. 179). Селективный метод в умелых руках снова творит чудеса. Так и получается, что в большевиках доминируют евреи; а из числа их противников — из тех, кто остался в стране, и из тех, кто эмигрировал, — к ним в «Каноссу» пошли тоже преимущественно евреи. В царстве кривых зеркал реальность преобразуется до полной неузнаваемости: показано не то, что адекватно действительности, а то, что автор хочет показать.

Русская смута: погромы

Летом 1918 года Ленин наговорил на граммофон речь, озвучившую декрет Совнаркома о борьбе с «антисемитским движением». Солженицын подчеркивает, что декрет был принят «сразу за расстрелом царской семьи» — тонкий намек на толстые обстоятельства, но цитирует эти документы тоже с изъятиями. О том, что «погромщиков и ведущих погромную агитацию» декрет ставил «вне закона» (с разъяснением, что это означало — расстреливать) — сообщает (т. II, стр. 94); о том, что «еврейский буржуа нам враг не как еврей, а как буржуа. Еврейский рабочий нам брат», — нет. О том, что «прокламированная борьба [против погромщиков] не получила развития», из его книги тоже не узнать: об этом сообщает Г.Аронсон. «В частности, — пишет он, — нет никаких сведений о том, чтобы участники погромов подвергались где-либо судебным преследованиям»*.

А внесудебным? На этот вопрос ответить труднее. Солженицын приводит только один пример расстрела на месте антисемита, заимствуя его из воспоминаний известного прозаика А.Ремизова, которому довелось быть свидетелем такой сцены: «Тут недавно возле Академии ученье было, один красноармеец и говорит: “Товарищи, не пой-

* Аронсон Г. КРЕ. С. 132—133.

демте на фронт, все это мы из-за жидов деремся!” А какой-то с портфелем: “Ты какого полку?” А тот опять: “Товарищи, не пойдемте на фронт, это мы все за жидов!” А с портфелем скомандовал: “Стреляйте в него!” Тогда вышли два красноармейца, а тот побежал. Не успел и до угла добежать, они его настигли, да как выстрелят — мозги у него вывалились и целая лужа крови» (т. II, стр. 135)*.

Вряд ли можно сомневаться, что расстрелянный красноармеец был антисемитом. Но пулю он получил не за «жида», а за то, что подбивал товарищей не идти на фронт. Несколько скупых упоминаний о расстрелах советскими властями погромщиков можно найти в «Багровой книге» С.Гусева-Оренбургского**. Но эти отдельные и крайне редкие случаи не идут в сравнение с массовостью и жестокостью погромов. Да и применялась «высшая мера» не за (или не только за) участие в погромах. Так, в Умани, несколько раз переходившей из рук в руки, два левых эсера, Штогрин и Клеменко, подняли восстание против советской власти, но оно было подавлено. Клеменко скрылся, Штогрин был схвачен и на допросе в ЧК признал, «что действительно звал крестьян на погром, ибо иначе поднять крестьян нельзя было. Он был застрелен»***. Понятно, что расправились с Штогриным не за погромную агитацию как таковую, а за то, что он поднял крестьян против советской власти.

История тем не кончилась. Красные продержались в Умани недолго: в город ворвались повстанцы во главе с Клеменко. И на радостях, что «жидовска влада скинута», они три дня расправлялись с мирным еврейским населением, убили 400 человек. А когда город был снова взят красноармейцами, последовал *красный* погром, и длился он не три дня, а — полтора месяца! «Вооруженные люди с красными бантами, красными шарфами и перевязками, верхом на убранных красными ленточками лошадях, с нагайками, револьверами, шашками, ружьями и во многих

* Со ссылкой на: Ремизов А. Взвихренная Русь. London: Overseas Publications, 1979. С. 376—377.

** Гусев-Оренбургский С.И. Багровая книга. Погромы 1919—1920 гг. на Украине. Ладога, Н.-Й., 1983 (репринт харбинского издания 1922 г.).

*** Там же. С. 85—86.

случаях даже пулеметами, врывались в квартиры. Начав с какого-нибудь предлога, или просто без предлога, производили разгром и расхищение. Требовали: денег. Забирали ценности. Избивали... издевались... пытали. И убивали... Защиты никто не оказывал»*. И дальше: «Было, правда, до десяти случаев расстрела бандитов, но они все принадлежали к составу [красноармейского] полка. Главные организаторы разгромов остались вполне безнаказанными, будучи хорошо известными высшим властям»**. Так что и здесь расстреливали за нарушение воинской дисциплины.

Картина типичная. Врываясь в города и местечки, где еще накануне их прихода денкинцы (или петлюровцы, или банды какого-нибудь Тютюнника, Ангела, Зеленого) убивали и насиловали евреев, части Красной армии не разыскивали погромщиков, а вместо этого нередко сами учиняли погром. А когда об этом докладывали «самому» Ильичу, он молча накладывал резолюцию — «в архив».

А позднее, после Гражданской войны, — что случилось с теми погромщиками? История не зафиксировала судебных или внесудебных дел против них. Может быть, всем им удалось скрыться, раствориться, замести следы и тем избежать «национальной мести» со стороны большевистской власти, по Солженицыну, наспигованной евреями?

Ответ находим там, где, казалось бы, меньше всего его ждешь — в отчете доктора Джозефа Розена — представителя американской еврейской благотворительной организации Агро-Джойнт. Советская власть, никогда не упускавшая случая поживиться за счет буржуазии (грабь награбленное!), «согласилась» принять финансовую помощь Агро-Джойнта для создания на пустующих землях еврейских сельскохозяйственных колоний***. Розен закупил и завез в Россию различную сельскохозяйственную технику, в том числе 86 тракторов, которые в первую же страду — 1922 года — вспахали 100 000 акров земли. Это были первые «железные кони» на российских полях. А поскольку власти объяснили Розену, что неполитично оказывать помощь еврейским па-

* Гусев-Оренбургский С.И. Багровая книга. Погромы 1919—1920 гг. на Украине. Ладога, Н.-Й., 1983 (репринт харбинского издания 1922 г.). С. 91.

** Там же. С. 92.

*** Подробнее об этом разговор впереди.

харям и не оказывать их соседям, то не менее половины из этих ста тысяч акров пришлось на земли русских и украинских крестьян. Объясняя все это своему начальству в Вашингтоне, Розен уточнял: «Мы, однако, ввели за правило, что трактора не будут обрабатывать землю тех деревень, которые участвовали в погромах», и не без гордости добавлял, что это «правило» вызвало поток петиций: крестьяне просили сменить гнев на милость, «выражая сожаление за преступные действия своих односельчан»*.

Никуда, стало быть, погромщики не попятались — они были известны односельчанам, а значит, и местным властям. Свиные чекисты их не трогали, «революционная расправа» свелась к тому, что доктор Розен сумел настоять на том, чтобы не распахивать на еврейские деньги поля тех, чьи руки вымазаны еврейской кровью. Такова цена ленинского декрета, поставившего погромщиков «вне закона».

Если в первом томе дилогии Солженицын не одобряет еврейских погромов в *царской* России, то во втором томе он не одобряет и погромов периода Гражданской войны. А на вопрос, чем они были вызваны, в обоих случаях отвечает сходно: до революции погромы были ответом (неразумным, неадекватным, но ответом) на «еврейскую эксплуатацию», а в Гражданскую войну — ответом на участие евреев «в большевиках»: народ мстил за «жидов-комиссаров». Как и в других случаях, тезис подкрепляется высказываниями «самых евреев», а когда их недостает — В.В.Шульгина. (Он, кстати, тоже не одобрял погромов, хотя сам к ним подстрекал.)

Вот как это выглядит в книге:

«По пути своего наступления и, в особенности, отступления», в жестоком последнем отступлении в ноябре—декабре 1919, белая армия учинила “длинный ряд еврейских погромов” (признаваемых Деникиным), и, очевидно, не только с целью грабежа, но и — в месть. Однако, говорит Бикерман, “убийства, грабежи и насилия над женщинами не были неизменными спутниками [Белой] армии, как

* Цит. по: Nora Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 128—129. Автор ссылается на: Dr. Rosen's report to JDC, 1922. Rosen Archive, Box 1, folder 11.

утверждают, преувеличивая ради своих целей и без того страшное, наши [еврейские] *национал-социалисты*»* (II, стр. 150; курсив мой — С.Р.; пояснительные слова в квадратных скобках А.И.Солженицына).

Как видим, Бикерман расшаркивается перед деникинцами и того же требует от других: благородное офицерство могло ведь *поголовно* убивать и насиловать еврейское население, а делало это не везде и не всегда; стало быть, евреи, которые не расшаркиваются перед их благородиями, — это *наши еврейские национал-социалисты*. Чего, однако, не ляпнешь в экстазе лакейского пресмыкательства перед погромщиками!

Но читаем дальше:

«Об этом же Пасманик: конечно, “все понимают, что ген. Деникин не желал погромов, но, когда я в апреле и мае 1919 г. был в Новороссийске и Екатеринодаре, т.е. еще до начала похода на север, я почувствовал сгущенную атмосферу антисемитизма, проникавшую повсюду”**. На той почве — на мщении ли, на попустительстве — и вспыхнули “белые” погромы 1919 года». (II, стр. 151).

«О том же Шульгин: “Для подлинно Белой психологии дикая расправа с безоружным населением, убийство женщин и детей, грабеж чужого имущества — все это просто невозможно”. Итак, “подлинны Белые виновны в данном случае в попустительстве. Недостаточно властно осаживали мразь, затесавшуюся в Белый лагерь”*** (II, стр. 150).

И снова Бикерман: «“По единогласному мнению людей, имевших несчастье пережить и те и другие [петлюровские и белоармейские] погромы, петлюровцы больше всех других именно за жизнью еврея гнались, за его душой: они преимущественно убивали”**** (II, стр. 151).

А вот, что находим в работах авторов, которые не рассуждают, а приводят факты и описывают *подлинные* события, досконально зная, что и как происходило.

«Багровая книга» Гусева-Оренбургского «составлена по материалам помощи пострадавшим от погромов при Рос-

* Россия и евреи. С. 64.

** Ссылка на тот же сборник. С. 176.

*** Ссылка на В.В.Шульгина. С. 86.

**** Ссылка на сборник «Россия и евреи». С. 65—66. То, как бессовестно врет в этом месте Бикерман, будет показано ниже.

сийском Красном Кресте в г. Киеве»*. Она «писалась спешно, при Деникине в г. Киеве, под звуки обстрелов и гул погромов; заканчивалась в разгаре эвакуации в Ростове» и «преследовала цель абсолютно объективного исследования»**. Автор-составитель — писатель и православный священник — старается быть предельно беспристрастным, хотя он человек и человеческие чувства ему не чужды. Порой они прорываются в тексте — в основном в виде выражения сострадания к жертвам и негодования к палачам. Но — к палачам *вообще*, без стремления кого-то выгородить, а кого-то заклеймить. Автор даже не всегда фиксирует — кто же устроил данный конкретный погром: белые, красные, петлюровцы, какие-то местные или пришлые группы? Не в этом его интерес. Похоже, что неясность такого рода в иных случаях — намеренная. Он создает образ звериной ненависти — вне зависимости от того, в какой ипостаси она проступает в отдельных ситуациях. Лишь в обобщающем «Прологе» он позволяет себе обозреть поле скорби с птичьего полета: «Проходит перед нашими глазами пятое по счету украинское массовое кровавое действие, — страшный кровавый разлив, оставивший за собой все ужасы протекших времен***. Никогда не падало такое количество жертв. Никогда евреи не были так одиноки. Никогда безысходность их положения не была так ужасающа»****. Он суммирует: «На киевском плацдарме стали одновременно действовать: 1. Добровольцы. 2. Петлюровцы. 3. Советские отряды. 4. Банды. ... Активными деятелями бывала иногда поочередно каждая из этих 4-х групп. Четыре главных молота и множество второстепенных стали подниматься и опускаться с силою и регулярностью паровых молотов чугунолитейного завода»*****.

* Гусев-Оренбургский С.И. Багровая книга. Погромы 1919—1920 гг. на Украине. «Ладoga», Н.-Й., 1983. Справка. [Репринт издания: Харбин, издание Дальневосточного Еврейского Общественного Комитета помощи сиротам — жертвам погромов, 1922.]

** Там же.

*** Автор говорит о пятой волне погромов на Украине. Четыре предыдущие: хмельнитщина середины XVII века, гайдаматчина второй половины XVIII века, начало 1880-х годов и 1905 год.

**** Гусев-Оренбургский С.И. Ук. соч. С. 3.

***** Там же. С. 11.

Вот один из примеров попеременной работы этих молотов:

«В местечке Тальном произошло следующее: 1. С уходом большевиков вошла банда Тютюнника и устроила резню еврейского населения, при которой убито 53 человека. 2. Тютюнника вытеснил отряд Махно, шедший с обозом из нескольких тысяч подвод. Он ограничился грабежом и убил только трех стариков евреев. 3. Махновцев вытеснили галичане, но они удовольствовались только реквизициями. 4. Наконец пришли добровольческие казаки, которые ограбили местечко дочиста, изнасиловали многих женщин, убили нескольких человек и сожгли часть местечка»*.

Порой охватывает досада от того, как мало в книге имен, хотя Гусеву они были известны или их легко было установить. Но автор-составитель книги — не прокурор и не адвокат, он *хроникер*. Тем сильнее звучит этот *багровый* реквием, предтеча «Черной книги», составленной по следам нацистских преступлений на той же земле. Разница в том, что «Черную книгу» создавал большой коллектив авторов при поддержке официальных советских властей (запрещена она была лишь на последнем этапе, когда уже была подготовлена к печати), тогда как Гусев-Оренбургский составлял свою книгу один, на свой страх и риск. (Можно представить себе, чем кончилась бы для него эта работа, если бы деникинская контрразведка прознала о его деятельности.)

Согласно его хронике, в той же Умани повстанцы под верховенством левого эсера Клеменко, вытеснив из города красных, поначалу ворвались в три квартиры евреев. Они требовали выдачи коммунистов и оружия, «не грабя и не убивая никого»**. Но скоро начали рыскать по другим домам и квартирам, требовать *также* денег. Потом — *только* денег: о коммунистах вовсе забыли.

«Руководимые местными преступниками [погромщики], направлялись в хорошо известные им квартиры богатых и зажиточных евреев... Случаи убийства целых семейств многочисленны. Был случай убийства целой семьи Богданиса,

* Гусев-Оренбургский С.И. Ук. соч. С. 11—12.

** Там же. С. 86.

в которой был старик 95 лет, зять его, дочь, внук и правнук. Были случаи применения пытки и зверских мучений, отрезания рук, ног, ушей, носа, груди у женщин. ...Убили мужа и отца женщины, заслонившей их своим телом. Она сама при этом была ранена пулей в грудь. Женщина эта была беременна и на другой день родила мальчика, причем в квартире на полу лежали три трупа убитых, в том числе ее мужа и отца... Много изнасилованных...

Во дворе дома Когана было расстреляно 9 мужчин и одна молодая беременная женщина. Эта женщина бросилась спасать мужа и упала, сраженная пулей прямо в живот. Убийцы тотчас же стали выражать сожаление, что стреляли в эту молодую красивую женщину... Особенно один был потрясен добровольной и героической смертью этой женщины. Во многих домах, куда он врвался при дальнейших налетах, он хмуро, с сожалением говорил: "Ось убили мы в доме Когана гарну жидивку. Як вона подивилась на меня перед смертью, то я вже очи той жидивки никола не забуду".

...Все трупы найдены голыми или полураздетыми. И в то время, как город постепенно превращался в обширное еврейское кладбище, христиане мирно жили в домах своих, благочестиво возжигая лампы перед иконами. Какому Богу они молились? Часто, когда в одной половине дома, у евреев, шел разгром и убийства, в другой половине христиане чувствовали себя спокойно, оклеив стены крестами и выставив на окнах образа... Случаи защиты так редки, но тем резче они стоят перед глазами. На торговой улице христианин офицер спас своим вмешательством целую улицу, в то время как в других случаях чиновники, интеллигенция вполне равнодушно наблюдали сцены погрома и убийств, не делая никаких попыток вмешательства...

Из домов и улиц сваливали на телеги тела и свозили их на еврейское кладбище, где предавали земле в огромных трех общих ямах. Отдельных могил евреям копать не позволяли. Когда согнанные для уборки и похорон трупов евреи, в числе коих были отцы, матери, жены, братья, сестры и дети убитых, плача, рыли яму, повстанцы смеялись и всячески издевались над ними. Передразнивали их. Не давали женщинам плакать, грозя оружием.

...Через несколько дней родственники убитых отправились на кладбище, чтобы разрыть братскую могилу и перенести трупы в отдельные могилы. Но мешане толпой — в большинстве участники погромов — преградили им дорогу и заявили, что не позволят беспокоить мертвецов.

— Нельзя их тревожить, а то они рассердятся и будут нам мстить»*.

Гусев-Оренбургский сообщает, что в городе тем временем был созван селянский съезд: Клеменко рассчитывал «узаконить» на нем разбой. Но на съезде «многие украинцы говорили речи против погрома и в защиту евреев, причем съезд... принял и выслушал еврейскую делегацию. И съезд отрицательно отнесся к погрому и враждебно к городским мешанам, духовенству и чиновничеству, единственно виновным, по мнению съезда, в погроме. Крестьянство же, по мнению ораторов, не принимало никакого участия в этом злом деле, *прикрытом лозунгом борьбы с большевиками*». Автор книги итожит: «Доказано, что из числа убитых евреев *не оказалось ни одного “коммуниста”*. Было убито без суда и приказа, властью крестьян, два коммуниста, но *оба убитых — христиане украинцы*»**. (Курсив мой. — С.Р.)

Невозможно передать все ужасы, о которых рассказано в «Багровой книге», перемежаемые редкими проявлениями милосердия и благородства, а иногда и трагикомическими эпизодами, ибо, несмотря на густо-багровый туман озверения, в повествование прорываются лучи света самых разных цветов радуги. Чтобы передать эту палитру, пришлось бы переписать всю книгу. Привожу лишь несколько отрывков из этого бесценного раритета***.

* Гусев-Оренбургский С.И. Ук. соч. С. 87—89.

** Там же. С. 90.

*** Несмотря на то что «Багровая книга», изданная в Харбине в 1922 году, была в 1983 году репринтно переиздана в Нью-Йорке (я пользуюсь этим изданием), я знаю людей, которые тщетно разыскивали ее по всем книжным магазинам и библиотекам США. Имеется не менее редкое издание Гржебина (Берлин, 1921), под редакцией М.Горького, но текст без ведома автора был искорежен. Горький, тогда уже добровольно взявший на себя роль просоветского цензора, произвольно изменил название книги, изъял все упоминания о красных погромах и внес иные «улучшения». Этот бракованный вариант книги тоже переиздан репринтно в Израиле в 1978 г.

Вот бесхитростный рассказ сорокалетней торговки — ее имя не названо. Она плыла на пароходе, на который напали бандиты. Они тотчас отделили евреев от остальных пассажиров, затем мужчин от женщин. Мужчин расстреляли, а трех женщин сбросили за борт. Две из них, видимо, утонули; третью, уже в беспомощности, течение вынесло на отмель. Очнувшись и придя в себя, она, мокрая, едва передвигая ноги, забрела в монастырь, где сестра милосердия ее отогрела, обласкала, напоила молоком и... велела уйти, иначе «монастырь может постичь несчастье». Рассказчица спряталась в монастырском хлеву, но зашел мужик накормить свиней, увидел ее, не обидел, но — тоже велел уходить, «объяснив, что боится». «Так в течение 5—6 дней бродила я из хлева в хлев, из одной дыры в другую. Питалась сама не знаю чем, а если и знаю, то не могу этого назвать. В деревне все время стоял сплошной гул: стреляли, играли на гармонике и до глубокой ночи пели веселые песни»*.

Вот два фрагмента из главы «По глухим углам»:

«Парни села Шершни, где мы живем, заперли дверь нашего дома. А потом вломились к нам вооруженные люди. Они назвали себя соколовцами, хотели убить мою жену и требовали денег. Когда же она заявила, что денег нет, они стали кричать: “Вы коммунисты!” Жена сказала, что мы не коммунисты. Но они закричали: “Вы, жида-коммунисты, сжигаете наши деревни!” Они забрали всех нас, вместе с детьми, и повели к командиру на ту сторону реки. Туда же из других дворов свели еще евреев, всего человек 18. Всех поставили в ряд. Один крестьянин распорядился зарядить винтовки. Но хорошо заряжайте, заявил он, так, чтобы можно было сразу 8 человек уложить. Тогда моя дочь и невестка стали умолять о спасении, обещая отдать за это спрятанное во дворе золото. Их повели ко мне во двор. Отдали все, что имели, до двух тысяч рублей. Они ушли»**.

Но «благополучные» концовки редки, более типично такое свидетельство:

«С криком: “Руки вверх!” выстрелили в воздух. Начали грабить нас. Потом подошли к моему сыну Давиду. Выстре-

* Гусев-Оренбургский С.И. Ук. соч. С. 126—128.

** Там же. С. 123—124.

лили в него. Он упал, тяжело раненый. Моя старуха жена, желая спасти другого сына, встала перед бандитами. Ее прокололи штыком. Застрелили другого моего сына. Жена моего старшего сына встала перед бандитами с ребенком на руках, надеясь спасти мужа своего, который еще жил, хрипел и просил дать пить, и рукой он делал движение закрыть ребенка. Стали бить меня по голове поленом. Я упал окровавленный. Так из всей нашей семьи осталась только невестка с восьмимесячным ребенком, которая стала за мной ухаживать, но вскоре впала в полубезумное состояние. Она целовала руки у мужиков, просила о помощи. Но безумный вид этой несчастной женщины с распущенными волосами, с ребенком на руках, вызвал у них только смех»*.

Еще один эпизод: «Мы жили на станции Турчинке, но петлюровцы все ограбили у нас, а сами мы спаслись только чудом и переехали жить в Кутузово. Но там дороговизна была ужасная, и я вынуждена была послать своих двух мальчиков домой, в Турчинку, чтобы достать немного провизии. Утром мальчики ушли. И больше мы их не видели. Крестьяне убили их. Чтобы уменьшить число крестьянских порабитителей, говорили они. Их убил, как “маленьких щенят”, мужик села Топорищ, который находился в повстанческом отряде, он снял с них одежду и бросил голые трупы в яму... В это время отступили петлюровцы, в село вошел 9-й красноармейский полк. Но он немного уступал своим предшественникам. Нет слов для описания лишений. Вынуждены были спать мы на голой, сырой земле... Питались одними сухарями. После ухода 9-го полка, провели свое добро. От имущества ничего не уцелело. Что было спрятано у крестьян, больше не было возвращено. Мы застали только обломки наших домов. Окна были внутри, мебель сожжена, крыши разрушены, осталось только плакать немного на развалинах когда-то родных и милых построек»**.

Вот рассказ 9-летнего ребенка: «Мы все находились в доме: наш сосед, его жена, мама, сестричка, братик и я. К нам забежала другая соседка, у которой только что убили

* Гусев-Оренбургский С.И. Ук. соч. С. 124—125.

** Там же. С. 125—126.

мужа, и стала просить отвести ее куда-нибудь. Наш сосед и я пошли к ней. Не успели мы еще открыть дверь, как ввалилась банда. «Куда идешь?» — спросил один. И два раза выстрелил. Сосед упал простреленный. Я убежал в одну комнату, наша соседка в другую. Там ее убили. Я все время сидел под кроватью и оттуда видел, как один, в форме матроса, расстреливал всех. Все солдаты молчали, не требовали денег, ничего не кричали. Пробыли они минут пять. Когда они ушли, я вылез испод кровати и увидел, что все мертвые. Я выскочил из окна и бросился бежать. И прибежал на наш черкасский вокзал. Там я видел, как расстреливали евреев, слышал крики. Но я не плакал, я собирал патроны, как будто ничего не случилось, как будто маму не убили. Я совсем все забыл. Что было на вокзале, рассказать не могу, это слишком страшная картина. Потом я бежал по городу, прибежал на берег. Ходил по берегу. Меня не трогали, думали, что я русский. Ко мне подошел какой-то солдат, дал мешок и сказал: «Иди грабь»*.

Вот изумительная новелла под названием «Страшный жених», комичная в своей трагедийности и трагическая в своем комизме. Привожу ее без сокращений:

«Мне 19 лет, живу при родителях. 7 апреля ночью, когда мы узнали о кровавых расправах с евреями у нас в Чернобыле, вся семья наша спряталась на чердаке. Квартиру мы оставили открытой и в нее, по каким-то неясным соображениям, вызванным очевидно растерянностью от ужаса, перебрался с семьей наш сосед еврей. Сидя на чердаке, мы слышали, как ночью в дом наш вошли солдаты. Они о чем-то грозно кричали и три раза выстрелили. Повозившись еще некоторое время, ушли. Потом опять был слышен шум и треск, явились другие солдаты... притихло и опять солдаты... Так в течение всей ночи. Мы поняли, что в нашем доме происходит что-то ужасное, но, опасаясь за свою жизнь, не решились покинуть своего убежища.

Утром я осмелилась спуститься с чердака. Сосед лежал раненый и почти все наше имущество было расхищено и попорчено. Днем вошел к нам в сопровождении двух солдат знакомый военный, русский. «Саша», — позвала я его.

* Гусев-Оренбургский С.И. Ук. соч. С. 163—164.

Он мне чрезвычайно обрадовался. Спросил о моих родных и, когда я ему сказала, что они, испуганные происходящим в нашем городе, боятся показываться, успокоил меня и сказал, что мне и родным нечего тревожиться, так как он нам выдаст расписку, обеспечивающую жизнь и остатки имущества. Он выдал такую записку: “Прошу этого еврея больше не тревожить”.

По моей просьбе он остался у нас на квартире. Он у нас спал, ел, выпивал и отлучался лишь по своим “военным надобностям”. Он знал меня еще с первых дней пребывания Лазнюка в нашем городе. Он находился тогда в числе других рядовых солдат, бывших на постое в нашем доме. Он был тогда оборван, буквально бос, и вернулся лишь недавно из австрийского плена. Родом он крестьянин, лет 30-ти, высокий, полный, колоссальной физической силы. В одном лишь нашем городе ему приписывают свыше 10 убийств, совершенных им собственноручно. Еще при Лазнюке он проявлял нескрываемую ко мне симпатию и часто оскорблял меня своими нежностями и вниманием. Уехав с отрядом Лазнюка, он присылал мне любовные письма, которые, понятно, оставались безответными. Теперь он вернулся прекрасно одетым и состоял командиром 11-го батальона. Он почти всегда носил на плечах пулемет.

Желая ему угодить, мы готовили ему самые изысканные блюда, доставали в городе спиртные напитки, и “бутылка” обязательно не должна была сходить со стола. Я сама подавала ему пищу. Сама должна была сначала пробовать ее. Обязательно должна была пить с ним. Он мне предложил выйти за него замуж. Когда я указала на разницу религий, он авторитетно заявил: “Религия чепуха”. Когда я пробовала приводить другие мотивы, препятствующие нашей женитьбе, он однажды так разозлился, что я буквально была на волосок от смерти. Приходилось его уверять в моей любви к нему. Я говорила: я выйду за тебя, как только мои родители оправятся от пережитого.

Бандиты с требованием денег и угрозами в наш дом больше не являлись и даже не показывались на нашей улице. В доме наших соседей тоже поселился командир струковских повстанцев и завел роман с дочерью хозяина,

молодой девушкой, которая имела на него большое влияние, благодаря искусно разыгранной преданности и влюбленности.

По вечерам почти все еврейские молодые девушки, живущие на нашей улице, собирались в нашем доме или в доме соседа. Здесь проводили вечера в обществе обоих командиров. Ужинали, выпивали, танцевали и пели. Все девушки себя держали так, как будто все влюблены в этих героев, стараются отбивать их друг у друга, страшно ревнуют. Это умиляло командиров. Они всецело были в нашем распоряжении.

Когда на нашей или прилегающей улице врывались бандиты в еврейские дома, мы при помощи “женихов” наших прогоняли их. Когда они, пьяные, засыпали, мы дежурили всю ночь напролет на улице: может быть, появятся бандиты, может быть, где-нибудь поблизости будет произведено насилие над евреями, чтобы быть всегда готовыми разбудить главарей и при их помощи рассеять буйствующих. Наша улица, населенная исключительно евреями и при том состоятельными, исключая ночь на 8-е апреля, почти не пострадала. Командиры своеобразно гордились этим. Назвали нас “бабий штаб”. А Саша даже требовал, чтобы улица была названа его именем.

Поздно ночью, когда при зловещей тишине слышны были отдаленные выстрелы, и мы всем содрогающимся существом своим понимали, что это прервалась после издевательств и пыток жизнь еврея, — на нашей улице слышалось пение, вынужденный хохот, звуки мандолины. Это мы забавляли “женихов”. Чтобы упрочить их расположение, мы им вышивали шелковые пояса, рубахи; выдумывали именины, чтобы преподнести им торты с поздравлениями, называли их уменьшительными именами. Они относились к нам нежно. Смотрели как на своих будущих жен. Но... “От своей природы не уйдешь”. Раз, когда моему “жениху” не понравился обед, он грубо прогнал меня и потребовал от моего отца серьезно, угрожая револьвером, 5000 рублей. А однажды, став атаманом, позвал меня: “Бронька, сними мне сапоги. Я стал атаманом”»*.

* Гусев-Оренбургский С.И. Ук. соч. С. 134—136.

Комитет Красного Креста, чьими материалами располагал Гусев-Оренбургский, зарегистрировал 35 тысяч убитых, но, как подчеркивает Гусев, в эту цифру «не вошли те многочисленные жертвы, которые пали в пунктах еще не зарегистрированных, потому что по сию пору отрезаны от нас и не доступны обследованию... Не вошли сюда известные еврейские семьи, истребленные до последнего человека в бесчисленных деревнях и селах. Не вошли жертвы, погибшие по дороге во время бегства из своих пепелищ, во время странствования из одного местечка в другое, вытащенные для расстрела из поездов, утопленные на пароходах, убитые в лесах и на проселочных дорогах. Не вошли очень многие, скончавшиеся от полученных ран и умершие от заразных и всяких других болезней, нажитых ими, когда их по неделям держали взаперти в смрадных помещениях без пищи, воды и одежды»*.

Исходя из всех этих соображений, Гусев полагает, что «число погибших от погромов никоим образом нельзя исчислить меньше чем — в 200 000 человек»**. Оговариваясь, что располагает неполными данными, он перечисляет 402 погромленных города и населенных пункта, а общее число погромов оценивает в восемьсот (во многих местах они происходили многократно). Как и предполагал автор, его данные занижены. Современный исследователь Ю.Финкельштейн, суммирует: «За время Гражданской войны деникинцы совершили 213 погромов, красные — 106, петлюровцы — около тысячи»***.

В отличие от Гусева-Оренбургского, Ю.Финкельштейн не выделяет в особую категорию «банды». Опираясь на материалы французского суда над убийцей Симона Петлюры Шломо Шварцбардом, он показывает, что большинство «батек» не было автономно от Верховного атамана, а потому Петлюра разделяет ответственность за кровавые оргии банд.

Но если погромы петлюровцев и «батек» носили скорее хаотичный, нежели планомерный характер, то в действиях

* Гусев-Оренбургский С.И. Ук. соч. С. 15.

** Там же.

*** Финкельштейн Ю. ...За дела рук своих: Загадка Симона Петлюры или парадокс антисемитизма. N.-Y., Слово-World, 1995. С. 101.

деникинцев была система, причем по уровню жестокости и беспощадности Добровольческая армия безусловно держала первенство. Белогвардейский автор Н.И.Штиф показывает, что весь путь Добровольческой армии был отмечен особо зверскими погромами. «Разгромом и уничтожением» неизбежно сопровождалось каждое «непосредственное военное занятие Добровольческой армией какого-либо пункта»*. Если некоторые «пункты» избежали погромов, то только потому, что «при усиленном стремлении командования Добровольческой армии броском и наскоком достигнуть возможно скорее центра России, Москвы», добровольцы в этих «пунктах» не появлялись.

Начав с периода «тихих погромов», когда главной целью был «легкий грабеж (денег, драгоценностей, легко уносимых вещей)», деникинцы затем вступили в период «массовых погромов», когда «у всего еврейского населения отбирается все, до одежды и обуви на теле, основательно очищаются еврейские квартиры, до пианино и кухонной утвари», когда имеют место «частичные поджоги и отдельные убийства», а «изнасилования принимают массовый характер»; и, наконец, наступил период «кровавых погромов и резни», которыми сопровождалась агония Добровольческой армии**.

«Грабеж и избиения, чинимые солдатами Добровольческой армии, одними комиссарами-евреями не объяснишь», — признает Солженицын (т. II, стр. 149), но тут же себя опровергает: «Не Добровольческая армия начала погромы — но она их продолжила, питаясь ложным убеждением, что все евреи — за большевиков» (т. II, стр. 151).

Не было такого убеждения, хотя бы и ложного! Пропанганда его насаждала, но жизнь ежедневно и ежечасно опровергала. Н.И.Штиф подчеркивает, что, пережив множество петлюровских погромов, немало выстрадав от бесчинств ЧК и от красноармейских погромов, еврейское население видело в Добровольческой армии *избавителя*,

* Штиф Н.И. Добровольцы и еврейские погромы. В кн.: Погромы на Украине, Берлин, 1922. Цит по: Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. М.: «Отечество», 1991. С. 138.

** Там же. С. 138—139.

«оплот “права и порядка”». Во многих городах и местечках, при приближении Добровольческих частей, еврейские делегации выходили к ним навстречу с хлебом-солью, со всякими подношениями и изъявлением неподдельной радости. «Известные круги еврейского населения, принадлежавшие к торгово-промышленному и посредническому классу, склонны были после советского коммунистического режима видеть во власти Добровольческой армии свой режим, несущий с собой начала незыблемой частной собственности и свободной торговли», — пишет белогвардейский автор*.

Но — «погромы при власти Добровольческой армии носят чисто военный характер, возникают по почину воинских частей и выполняются почти исключительно силами этих последних: Добровольческая армия монополизирует погромное дело**». Автор выделяет четыре особенности Добровольческих погромов: их чисто военный характер; массовые изнасилования женщин; особая жестокость, пытки; крайняя разрушительность, искоренение целых общин***.

«Массовое изнасилование еврейских женщин является самой резкой чертой, отличающей погромы Добровольческой армии от всех предшествующих... Массовое изнасилование имеет место решительно везде, даже при “тихих” погромах и в крупных центрах (в Екатеринославе называют цифру не менее 1000 еврейских женщин). В местечках количество изнасилованных исчисляется сотнями, доходя до половины и больше всего еврейского женского населения... Это делалось открыто, на глазах у мужей, братьев, родителей, посторонних; не щадили ни возраст, ни состояние. Повсюду эти ужасы касались как малолетних детей (от 8 лет), так и глубоких старух... В Корсуни (Киевская губ.) зарегистрировано два случая изнасилования 70-летних старух, то же и в Россаве (случай изнасилования 75-летней старухи на глазах у мужа и дочери), в Томашполе и в других местах. В Кременчуге 6[-ю] казаками изнасилована больная возвратным тифом, в Корсуни — агонизировав-

* Штиф Н.И. Ук. соч. С. 144.

** Там же. С. 147.

*** Там же.

шая женщина, которая тут же скончалась. В Нежине, Россае изнасилованы родильницы, только что перенесшие роды, в Прилуках — беременные женщины... Еврейские девушки и женщины массами уводятся из домов родных, чтобы никогда больше не возвратиться туда, выталкиваются из вагонов. Большинство жертв заражено самыми отвратительными венерическими болезнями. Многие жертвы насилия убивались тут же, иные лишались рассудка, другие вымаливали себе, как милость, смерть, предпочитая ее позору, и много жертв кровью принесло еврейское население, мужественно, но безнадежно защищая родных от позора»*.

Не знаю, был ли белогвардеец Н.И.Штиф евреем. Если был, то это не тот «еврейский источник», который цитирует Солженицын. Он держит себя на голодном пайке все того же сборника «Революция и евреи», из которого старательно выписывает: «Д.О.Линский, сам служивший в Белой армии, с большой силой чувства пишет: “Еврейству открывался может быть неповторимый случай биться так за русскую землю, чтобы раз навсегда исчезло из уст клеветников утверждение, что Россия — для евреев география, а не отчизна”» (II, стр. 152). И дальше выписка из того же Линского: «Еврейство должно было вложиться целиком в русское дело, отдать ему свои жизни и средства... Надо было сквозь темные пятна белых риз узреть чистую душу Белого движения... В рядах той армии, где было бы много еврейских юношей, в составе армии, которая бы опиралась на широкую материальную поддержку еврейства, антисемитизм задохнулся бы, и погромное движение встретило бы внутренние силы противодействия. Еврейство должно было поддерживать русскую армию, которая шла на бессмертный подвиг за русскую землю... Еврейство отстраняли от подвига участия в русском деле, но еврейство обязано было отстранить отстраняющих»** (II, стр. 152).

По этой логике, для борьбы с погромами евреи должны были массами вливаться в погромное войско! Правда, их туда не брали, но все равно, они должны были вли-

* Штиф Н.И. Ук. соч. С. 149—150.

** Ссылка на сборник «Россия и евреи». С. 149—151.

ваться могучим потоком, смывая с пути все преграды. Кстати, непонятно — как же самому Линскому это удалось? Либо *скрыл* свое еврейство, либо приписал себе боевую биографию задним числом. Третьего-то не дано, о чем говорят взятые А.И.Солженицыным из того же сборника сетования другого деникинца, доктора Пасманика: «Добровольческая армия систематически отказывалась принимать в свои ряды еврейских прапорщиков и юнкеров, даже тех, которые в октябре 1917 г. храбро сражались с большевиками. Это был нравственный удар русскому еврейству». — «Никогда не забуду картину, — пишет он, — 11 прапорщиков-евреев, пришедших ко мне в Симферополе жаловаться, что их выделили из строевых частей и откомандировали... кашеварами в тыл»* (т. II, стр. 152—153).

Вот такой нравственный удар был нанесен евреям нечуткими командирами Белого движения! Такая страшная обида: не допускали в окопы, под шашки красных конников, под пули тачанок-растачанок; не удостоили чести проливать кровь за святое *Белое* дело, приставили вместо этого к кастрюлям и котлам. Что в сравнении с таким несмываемым оскорблением — братские могилы, наполненные горами изувеченных тел, тысячи изнасилованных женщин, молящих о смерти как о великой милости!

Воистину, бумага все терпит; та бумага, на которую когда-то изливали свои претензии Линский с Пасмаником, и та, на которую их теперь перенес А.И.Солженицын, пытающийся если не оправдать, то объяснить погромную вакханалию тем, что-де были евреи в большевиках.

Чтобы завершить эту тему, приведу бесхитростное свидетельство одного такого «большевика», сохраненное для нас Гусевым-Оренбургским:

«Несколько солдат слезло с лошадей. Зарядили винтовки. Нас поставили в ряд, чтобы было удобнее расстреливать. Стоя в ряду перед лицом смерти, один из нас, Константиновский, лишился ума и стал истерически громко смеяться. Другой из приговоренных, Подольский, почему-то глубоко засунул руки в карманы и не в состоянии был их высвободить; или в нем погасло сознание, так как

* Ссылка на тот же сборник. С. 183.

на приказание политкома вынуть из кармана руки Подольский остался неподвижен и бессмысленно глядел перед собою вдаль. Это “неисполненное приказание” привело политкома в такое бешенство, что, обнажив шашку, он ударил его несколько раз по голове так сильно, что разбил ему череп... и мозги вывалились наружу. Подольский упал. Моя смерть была неотвратима. И я, уже коснеющим языком, с последними искрами потухшего сознания, снова принялся быстро, быстро говорить. Я говорил о моей преданности большевикам и борьбе рабочего класса за свое освобождение. Мои слова были бессвязны. Но в них была искренность уходящего от жизни. В мою пользу сказал один из конвоиров: “Этот жид сам явился”. Политком разрешил мне отойти в сторону. Я отошел. Около меня очутился и единственный не еврей, бывший в нашей группе обреченных. Раздалась дробь винтовок. Упали мои товарищи по несчастью...

Нас ввели, после целого ряда встреч и неизбежных угроз, на мироновскую телеграфную станцию, где находилась какая-то канцелярия. Здесь нас стал допрашивать политком пятого полка, молодой человек лет двадцати. Он начал свой допрос с того, что поставил меня и товарища к стенке. И стал в нас целиться из револьвера. Но источник слов моих был, по-видимому, неиссякаем. Я с несвойственной мне горячностью стал почти что не просить, а требовать. Я стал требовать суда и следствия. “Ибо мне смерть не страшна, — говорил я, — а ужасает то, что погибаю от рук своих же идейных товарищей, что умираю позорной смертью врага революции. А мне дороже жизни имя честного революционера, которое сохраню в глазах моих товарищей”. Слова мои подействовали на политкома. Он спросил меня “Вы еврей”? Я ответил: “Я не еврей, а солдат армии труда и революции”. Это мое заявление окончательно расположило политкома в мою пользу. После минутного совещания со своими приближенными политком объявил мне: “Вы оправданы и можете идти”»*.

* Гусев-Оренбургский. Ук. соч.. С. 81—82.

ЧАСТЬ IV

Богоборчество

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был принят советской властью 23 января 1918 года — через две недели после разгона Учредительного Собрания. Последствия этого акта мало кто мог предвидеть: ведь в *нормальной* стране такой закон служит обеспечению религиозной свободы. В тоталитарном обществе большевиков государству, в конечном счете, принадлежит *все*. Потому отделение церкви от государства означало не свободу религии, а тотальную войну против нее до победного конца.

Маркс, как хорошо известно, назвал религию «опиумом народа»*, что неоднократно повторяли Ленин, Бухарин, Луначарский и другие главари большевизма, «теоретически» обосновывая богоборчество компартии и советской власти. «Бога жалко! Сволочь идеалистическая!»** — негодовал Ленин на Гегеля.

За теорией следовала практика: как разъяснял «любимец партии» Николай Бухарин, «коммунизм несовместим с религиозной верой и на практике. Тактика коммунистической партии предписывает своим членам определенный образ действий. Мораль каждой из религий также предписывает верующим определенное поведение (например, христианская мораль: “если кто ударит тебя по одной щеке, подставь другую”). Между директивами коммунистической тактики и заповедями религии в огромном большинстве оказывается непримиримое противоречие»***.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. Т. 1. С. 415.

** Ленин В.И. Философские тетради. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 29. С. 267.

*** Бухарин Н. и Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической Партии Большевиков. Гомель: «Госиздат», 1921. С. 195.

Процесс поначалу шел туго. В 1921 году в директивной статье «Правды» «ответственным коммунистам» категорически запрещались «все расширительные толкования как самой религии (“религия-де частное дело каждого”), так и хотя бы “пассивного” участия (например, присутствие на похоронах)»*.

Такое требование тогда еще не распространялось на рядовых партийцев: им разрешалось быть «несознательными», то есть все-таки присутствовать на похоронах отца, матери, брата — даже если на них присутствовал священник или раввин. Исключение из партии за такое «мракобесие» рядовым коммунистам еще не грозило. Однако «Правда» предписывала искоренять «предрассудки», неустанно промывая мозги *всем* коммунистам и беспартийному населению. «В рядах обывательских масс» не должно было быть «спутанности понятий о задачах, преследуемых партией в религиозном вопросе», дабы не возникло «превратного взгляда, [что] якобы коммунизм в его целом признает религию и ее служителей»**.

Цель революции состояла в создании «нового человека», и, как формулировал тот же Бухарин, «Пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как это ни парадоксально звучит, методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи»***.

Как же эта линия партии проводилась в жизнь «на еврейской улице»?

В 1921 году, в канун праздника Рош-Ашана (еврейский Новый Год), в Киевском городском суде слушалось дело еврейской религии.

Первой показания давала очень решительная женщина. На вопрос о том, почему она отдала своих детей в хедер — еврейскую религиозную школу, а не в государственную школу, она ответила, что происходит из почтенной семьи

* Галкин (Горев) Мих. Коммунизм и религиозные обряды. «Правда», 1921, 15 мая (стиль оригинала).

** Там же.

*** Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. В кн.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.

раввинов и моэлов*, а не из каких-то там сапожников, а потому не отдаст своих детей коммунистам. Затем появился густобородый раввин — с пейсами, в традиционной одежде и традиционном головном уборе. Ему был задан вопрос — почему он отравляет молодежь религиозными небылицами и шовинистическими бреднями?

— Я это делаю сознательно, чтобы держать народные массы в невежестве и в повиновении буржуазии, — отчеканил раввин.

— Что сказано в вашем Талмуде?

— Сказано: лучшего из гоев убей.

По залу прокатывается волна негодования, кто-то выкрикивает: «Ты невежда и клеветник!» Крикуна тотчас выводят из зала, его имя и дальнейшая судьба неизвестны.

Еще один «свидетель» — стройный мужчина в дорогом костюме, увешанный золотыми цепочками и брелками, на пальцах золотые кольца с крупными бриллиантами. Он рассказывает суду, как еврейская буржуазия с помощью религии держит массы в рабстве и темноте, подчиняя их игу капитала.

В зале поднимается учитель древнееврейского языка Моше Розенблат и с негодованием говорит:

— Восемь лет назад в этом самом зале проходил процесс Бейлиса. На нем еврейская религия подвергалась такому же поношению, как сегодня. Черносотенный суд пытался очернить еврейскую религию, Тору, Талмуд — все, что дорого евреям. Теперь вы, как истые антисемиты и ненавистники евреев, повторяете те же наветы на еврейскую религию и духовные ценности нашего народа**.

Аудитория взрывается аплодисментами. Учителя выводят из зала, он арестован. Дальнейшая его судьба неизвестна.

* Моэлы производили обрезание новорожденным мальчикам в соответствии с религиозным ритуалом.

** Во время процесса Бейлиса «эксперт» по религиозным вопросам ксендз Пранайтис заявлял, что в Талмуде якобы содержится наставление: «Лучшего из гоев убей». Это, очевидно, и имел в виду М. Розенблат, говоря о том, что большевистский «суд» повторяет наветы черносотенного суда. Однако при слушании дела Бейлиса клевета Пранайтиса была опровергнута четырьмя другими экспертами, а также защитниками Бейлиса, уличившими его во лжи и невежестве, чего не произошло в советском «суде».

В обвинительной речи «прокурор» потребовал приговорить иудаизм к смертной казни. «Суд» удалился на совещание и вернулся с требуемым вердиктом*.

Источники не сообщают о том, каким образом предполагалось привести приговор в исполнение — расстрелом, повешением или утоплением баржи с раввинами и меламедами (что чекисты применяли по отношению к пленным белякам, заложникам и иной контре). Но на практике использовался более древний способ — четвертование. Иудейская религия была подвергнута медленному умерщвлению путем расчленения ее живого тела.

В Витебске «общественный суд» над религиозными школами (хедерами) был затеян еще раньше. Он был назначен на 8 января 1921 года, в семь часов вечера, в кинотеатре «Рекорд», однако к назначенному времени перед кинотеатром собралось более пяти тысяч евреев, угрожавших разнести его в щепы, если позорное действие не будет отменено. «Суд» был отложен, как плохо организованный. Но через несколько недель все-таки состоялся. Хедер был приговорен к ликвидации. Власти поспешили закрепить победу, приступив к конфискации синагог.

Около половины населения Витебска было еврейским, и в городе действовало 77 синагог. Под предлогом, что большинство из них пустует, а для светских школ не хватает помещений, местные власти предложил еврейской общине добровольно уступить несколько синагог, но «понимания» такое предложение не встретило. Тогда коммунисты стали врывать в синагоги и изымать свитки Торы, молитвенники, ритуальные принадлежности. Опустошенные таким образом синагоги попытались закрыть, но снова натолкнулись на сопротивление стихийно собравшейся толпы. Спешно вызванный красноармейский отряд был встречен градом камней и комьями грязи. Только присланный для подкрепления кавалерийский эскадрон смог ра-

* Эпизод подробно описан на идиш в сборнике «В эпоху революции»; мой пересказ основан на трех источниках: Nora Levin. *The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival*. New York University Press, N.Y., 1988, pp. 78—79; Zvi Gitelman. *Jewish Nationality and Soviet Politics*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1972, p. 301; Гершон Свет. *Религия в советской России. Книга о русском еврействе 1917—1967 (КРЕ)*. Нью-Йорк, 1968. С. 205—206.

зогнать толпу. Часть синагог была закрыта, а затем превращена в клубы, склады, в одной был открыт «коммунистический университет».

Кампания по закрытию синагог прокатилась по городам и весям; почти везде верующие оказывали сопротивление и кое-где добивались временного успеха. Партийная еврейская газета «Дер Эмес» [«Правда»] назвала эту кампанию «военной операцией: грандиозным наступлением на лагерь древнего врага, своего рода национальным движением еврейского пролетариата против еврейской буржуазии»*. (Все беззакония коммунистический режим творил от имени пролетариата!)

Проводились кампании против религиозных праздников, против субботнего отдыха, против соблюдения правил кошерной пищи, против выпечки мацы на Пасху. Устраивались шествия, спектакли, антирелигиозные праздники, во все это вовлекалась молодежь, ведущую роль играл комсомол. Борьба с религией «на еврейской улице» была одной из важнейших задач евкомов и евсекций, созданных после октябрьского переворота — сначала в Центре, а затем и на местах.

В рамках наркомата национальностей, во главе которого стоял Сталин, были образованы комиссариаты по делам отдельных национальностей. Еврейский комиссариат возглавил Семен Диманштейн. По его инициативе, но несколько позднее (из-за сопротивления Свердлова) была создана Еврейская секция РКП(б). Возглавил ее тот же Диманштейн. Других кандидатов на эти должности не было.

Всего в большевиках на момент революции насчитывалось менее тысячи евреев**. Все видные большевики-евреи были из ассимилированных в русской культуре семей. Еврейского языка они не знали, ни малейшего интереса к еврейской жизни у них не было. Ситуация была гротескной. Тогда как противники большевизма из крайне правых

* Цит. по: Zvi Gitelman. Ук. соч. С. 312; N. Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 77.

** По данным на 1922 год, в партии большевиков числилось 958 евреев с дореволюционным стажем, примерно 4 процента от общего числа (на 1 января 1917 — 23 600). (См.: Zvi Gitelman. Jewish Nationality and Soviet Politics. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1972. P. 105.)

кругов усиленно распространяли версию о том, будто октябрьский переворот — это осуществленный еврейский заговор*, сами большевики, задумав издавать газету на идише, не могли найти редактора, который бы знал этот язык и хотел с ними сотрудничать. В конце концов, появились два вернувшихся из эмиграции (из Лондона) анархиста. Один из них не знал русского языка, второй — не знал идиша; им дали словари и велели готовить первый номер газеты, а когда был создан Еврейский комиссариат, «пристегнули» к нему и новорожденную газету**.

В руководящем слое партии Семен Диманштейн был чуть ли не единственный «настоящий» еврей. Выходец из бедной семьи, он рос в обстановке еврейской учености и глубокого почитания традиций — благодаря тому, что семья жила в одном доме с раввином. Учась с большим прилежанием в хедере, а затем в двух очень престижных ешивах, он получил диплом раввина, причем высокий уровень его познаний и глубокая преданность иудаизму были письменно удостоверены двумя очень авторитетными раввинами Вильно. Но внезапно его приоритеты переменялись, он поступил в гимназию и скоро примкнул к революционному социал-демократическому кружку.

Первым его партийным заданием был перевод программы партии на идиш и на иврит, что он и выполнил в 1904 году. Этим большевистская работа среди еврейского пролетариата и ограничилась: революционно настроенная часть рабочих находилась в основном под влиянием Бунда, который вел пропаганду на понятном языке (идише) и включал в свою программу культурно-национальную автономию для евреев. Бунд считал себя частью российской социал-демократии и активно сотрудничал с ее меньшевистским крылом, но не с большевиками. С большевиками же контакта не получалось, потому что Ленин был яростным противником бундовского «национализма и оппортуниз-

* В первом составе советского правительства из 15-ти народных комиссаров был один еврей, Лев Троцкий. В составе большевистского ЦК из двадцати одного члена было шестеро евреев: Зиновьев, Каменев, Свердлов, Сокольников, Троцкий, Урицкий, причем двое из них — Каменев и Зиновьев — выступили против захвата власти.

** См. Nora Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 50.

ма». «Бескомпромиссная» линия означала, что среди евреев, в том числе и пролетариев, большевики не имели никакого влияния. После октябрьского переворота, когда партии срочно потребовалась практическая работа в еврейской среде, на всех и все был один Диманштейн.

Что касается газеты «Ди Вархайт», позднее переименованной в «Дер Эмес» («Правда»), то выходила она нерегулярно, с грубейшими языковыми нелепостями. Впрочем, основная часть населения, читавшего на идиш, находилась под немецкой оккупацией; доставлять туда газету можно было лишь нелегально, в считанном числе экземпляров. Какое-то количество экземпляров расклеивали на тумбах в Петрограде и Москве, но часто — вверх ногами: нанятые для этого мальчишки не знали, где верх и низ газетной страницы, а проследить за ними было некому. Большую часть пятидесятичного тиража сотрудники редакции уносили по домам — на растопку печей.

Работа советской власти среди еврейского населения стала оживляться только после того, как был раздавлен Бунд и другие еврейские партии, а небольшая часть их бывших активистов примкнула к большевикам. Тогда и газета «Дер Эмес» обрела грамотного редактора — в лице бывшего бундовца М.Литвакова. Оправдывая такую «смену вех», бывшие бундовцы поначалу хорохорились, объясняя себе и другим, что не изменяют делу «еврейского пролетариата», а идут в большевики, чтобы представлять и отстаивать особые интересы еврейских масс перед лицом новой власти. Но от них ожидалось прямо противоположное. На конференции евсекций и евкомов в октябре 1920 года Диманштейн настоял на принятии резолюции о том, что «в нашей жизни больше нет места учреждениям, которые до сих пор заправляли всеми делами на еврейской улице, и нет места еврейским представительным органам, избираемым всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. В период острой борьбы не может быть никакого компромисса с буржуазией; все такие учреждения подрывают интересы еврейских трудящихся масс, усыпляя их сладкими речами о так называемых демократических принципах»*.

* Цит. по: Nora Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 55.

То есть евсекциям и евкомам вменялось в обязанность представлять не массы в партийном и советском руководстве, а партийное руководство — в массах. И первое, что требовалось от масс, — это разрыв с религией отцов.

«Наш девиз всегда таков: долой раввинов и попов!» — скандировали воинствующие безбожники, причем, еврейские активисты проявляли особую бдительность, следя за тем, чтобы не возникало ни малейшего подозрения, что «раввинам» достается на орехи меньше, чем «попам».

«Вы не понимаете, в какой опасности находятся евреи, — теоретизировала ведущая воительница на «религиозной фронте» из числа бывших бундовцев Эстер Фрумкина. — Если русский народ начнет чувствовать, что мы попустительствуем евреям, это причинит им вред. Ради самих евреев мы должны одинаково обращаться с духовенством — еврейским и не еврейским. Опасность состоит в том, что массы могут подумать, что иудаизм исключен из числа объектов антирелигиозной пропаганды. Вот почему коммунисты-евреи должны быть более жесткими к раввинам, чем коммунисты-неевреи — к [православным] священникам»*.

«Воинствующие безбожники» устраивали «живые синагоги» (по примеру «живой церкви»); в Минске создали «Красную общину» во главе с «красным раввином». Учитывая особое значение в череде еврейских религиозных праздников дня покаяния и поста (Йом-Киппур), «безбожники» с особым размахом устраивали свои «йомкипурники»: громкие шествия и демонстрации под окнами синагог, переполненных молящимися под революционные песни и антирелигиозные лозунги.

В Одессе в день поста и молитвы комсомольцы ворвались в Бродскую синагогу (основанную выходцами из местечка Броды), разогнали молящихся и демонстративно стали есть хлеб. В другой синагоге молящиеся дали отпор, началась драка, вмешалась милиция, арестовавшая, конечно, не хулиганов, а молящихся.

Хедеры повсеместно закрывались, детей заставляли учиться только в государственных школах, и они все чаще

* Nora Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 73; так же: Boris D. Bogen. Born a Jew. N.-Y., Macmillan. 1930. С. 329.

возвращались с занятий настроенными против «мракобесов-родителей». Десятки, сотни, тысячи трагедий, вызванных конфликтом отцов и детей, искусственно создаваемым новой властью, вошли в еврейские семьи — как, конечно, и в русские.

В 1923 году была конфискована хоральная синагога в Харькове, чему предшествовала долгая пропагандистская кампания; так же в Минске, Одессе и многих других городах и местечках. В Киеве конфискация синагоги сопровождалась демонстрацией. «Безбожники» несли транспаранты: «Долой религию! Да здравствует пролетарская культура!» Синагога была отдана под клуб «еврейским трудящимся, празднующим победу над клерикализмом»*. В Москве тоже пытались закрыть хоральную синагогу, как «центр клерикализма» — разумеется, «по требованию рабочих». Однако петицию подписало всего... восемь рабочих, тогда как протестовали против закрытия тысячи верующих и неверующих евреев. Синагогу удалось отстоять.

В Херсоне сравнительно тихо закрыли пять из шести синагог, но когда посягнули на последнюю, в центр была направлена петиция протеста, подписанная двумя тысячами верующих. Евсеки доказывали, что по воле еврейских масс синагогу необходимо превратить в рабочий клуб. Евреев-пролетариев в городе не оказалось, пришлось опереться на ремесленников, то есть на «мелкую буржуазию». Но опора оказалась хлипкой. Для обсуждения резолюции удалось собрать три сотни ремесленников, но проголосовали за нее только восемьдесят. Синагогу удалось отстоять.

Однако некоторые временные уступки властей не меняли общего вектора наступления на религию.

В 1924 году в Минске побывал американский раввин Глезер. Вернувшись, он опубликовал статью об увиденном: раввины ютятся по чужим углам, так как их квартиры реквизированы; синагоги превращены в клубы; еврейские кладбища — в парки.

Реакция на эту статью была четкой: в Минске было арестовано тридцать евреев — раввины и простые верующие; их обвинили в том, что по их наущению в Америке ведется антисоветская пропаганда**.

* Гершон Свет. Ук. соч. С. 209.

** Там же. С. 208.

В рамках антирелигиозной кампании непрерывной чередой проводились митинги, лекции, дискуссии; газеты наводнялись тысячами публикаций, атаковавших религию вообще и иудаизм в частности. Для тех, кто не готов был полностью отказаться от веры, ее профанировали, модернизировали и «коммунизировали». В 1927 году на идише была издана пасхальная «Агада для верующих и неверующих». Текст написал активный в те годы пропагандист «революции на еврейской улице» Мордехай Альтшулер, а иллюстрировал книгу первоклассный художник А.Тишлер — в последующие годы близкий сотрудник Соломона Михоэlsa, оформитель многих спектаклей ГОСЕТа.

«Агада для верующих и неверующих» предназначалась для чтения за праздничным пасхальным столом вместо традиционной Агады. Праздник весны и свободы, которым евреи более трех тысяч лет отмечают избавление от рабства, в «революционной» Агаде был представлен как «средство порабощения масс» и даже — «внушения им ненависти к неевреям»*.

Верующие должны были читать вслух:

«Пусть всех аристократов, буржуев и их пособников — меньшевиков, эсеров, кадетов, бундистов, сионистов и других контрреволюционеров — поглотит огонь революции. Пусть те, кто в ней сгорит, никогда не возродятся из пепла. А оставшихся мы выявим и сдадим в ГПУ».

Обряд омовения рук сопровождал текст:

«Смойте с себя, рабочие и крестьяне, все буржуазные предрассудки, смойте пыль столетий и произнесите — не благословение — а проклятье: пусть будут уничтожены все устаревшие раввинские законы и обычаи, ешивы и хедеры, которые туманят сознание и порабащают народ».

И дальше: «За кусок хлеба каждый капиталист покупает нашу кровь и пот. Гонимые голодом, мы становимся добровольными рабами капитала. Наш еврейский характер, сформированный традициями и раввинами, учит нас терпению и смирению. Они хотят нас уверить, что мы голодны и одиноки только потому, что мы живем в рассея-

* Yosee Hayim Yerushalmi. Haggadah and History. Philadelphia, 1997. Plate 144.

нии. Они превратили религиозные праздники в средство закабаления народа».

Вот, может быть, самый экстравагантный пассаж, обращенный к Всевышнему: «Соедини Второй Интернационал с Лигой Наций, между ними помести сионизм и скажи: Пусть их пожрет всемирное революционное восстание пролетариата».

И — торжественная Песня-Псалом: «Пойте Интернационал и говорите: / Долой предрассудки столетий! / Долой клерикальные националистические праздники! / Да здравствуют революционные праздники рабочих!»*

В период гонений на «космополитов» и ликвидации остатков еврейской культуры А.Тишлер был многожды бит за декадентство, формализм и национализм, но уцелел. Сознал ли он, что сам раздувал огонь, который испепелил почти всех его друзей и только чудом обошел его самого?.. Достоин упоминания и то, что в 1970 году автор профанированной «Агады» М.Альтшулер критиковал «вытравливание всякого еврейского своеобразия» из современной советской еврейской литературы (на идише); по его словам, это сказывалось даже на переводах *более ранних* произведений (надо полагать, еще не полностью лишенных национального колорита). При переводе детских стихов Льва Квитко, возмущался критик, еврейские имена детей заменяются русскими, так что ничего еврейского в стихах не остается**.

Посеявший ветер пожинал бурю? Но «Красными Агадами» и другими подобными акциями активисты-безбожники 1920-х годов как раз *сеяли* бурю, крушившую все на своем пути. По сравнению с этим, замена еврейских имен в стихах Квитко — это детские забавы. «Климу Ворошилову письмо я написал / Товарищ Ворошилов, народный комиссар!» Право же, не вижу разницы, сказано ли это от имени пионера Пети или октябренька Пинхуса. Это даже не ветер после рассеянной бури, а ласковый бриз, слегка вспенивающий волну над затонувшей (утопленной!) Атлантидой еврейской культуры.

* Yosee Hayim Yerushalmi. Haggadah and History. Philadelphia, 1997. Plate 144.

** Nora Levin. Ук. соч. Т. 2. С. 784.

В ходе кампании по созданию «на еврейской улице» нового человека были арестованы и отправлены в ГУЛАГ тысячи раввинов, меламедов, моэлов, резников, просто верующих — из тех, что предпочитали традиционную Агаду — пролетарской.

Наибольшую известность приобрел арест в Ленинграде в 1927 году духовного лидера Любавичевского движения Хабад, Ребе Йосефа-Исаака Шнеерсона, рельефно описавшего испытания, выпавшие на его долю*. Допросы Ребе вел начальник следственного отдела ленинградского ГПУ Дегтярев — при помощи мелкого и невероятно злобного сотрудника-еврея Лулова. (Шнеерсон принципиально отказывался отвечать по-русски, Лулов переводил.)

Перечень обвинений, предъявленных Ребе, был внушительен: «поддержка реакции в СССР»; «контрреволюция»; «лидер мракобесов»; религиозные евреи видят в нем высший авторитет; его влияние распространяется на часть нерелигиозных евреев; он «организовал по всему Советскому Союзу сеть [подпольных] хедеров, ешив и прочих религиозных учреждений»; связи с границей; оказывает влияние на «американскую буржуазию»; получает из-за рубежа «огромные суммы денег», которые идут «на поддержание и распространение религии в Советском Союзе, а также на борьбу против советского правительства»**.

Сломить арестованного не удавалось никакими запугиваниями и издевательствами. Шнеерсон отказывался отвечать на вопросы и даже принимать пищу до тех пор, пока ему не были возвращены изъятые молитвенные принадлежности. Он выставлял и другие требования, доводившие тюремщиков до бешенства: например, чтобы для него кипятили воду в особой посуде, так как кипяток из общего котла мог быть не кошерным. Только добившись всего этого, он стал отвечать на вопросы следователя. Он отверг обвинения в антисоветской деятельности, но признал все то, что касалось собственно религии:

«Не буду спорить, евреи действительно видят во мне авторитет, но я никогда не использовал его в антисовет-

* Рабби Шнеерсон И.И. Записки об аресте. Составитель и переводчик Д.А.Гуревич. Brooklyn, N.-Y., 1980.

** Там же, цит. по интернет-версии: http://www.chassidus.ru/reshimas_hamaasar/reshimas_hamaasar.htm.

ских целях. Кроме того, не забывайте, этот авторитет чисто нравственный, моральный. Я никого не принуждал и не принуждаю, никто из евреев не находится в какой-то зависимости от меня. По вашим представлениям, я властвую над людьми, но это и неверно, и невозможно. Власть и принуждение противоречат самой сути учения Хабад. Главенство у хасидов — означает духовное величие, означает первенство в стремлении достичь цельности, в стремлении усовершенствовать себя настолько, чтобы и другие следовали тем же путем. Нетрудно понять, что подобного авторитета невозможно добиться принуждением и силой власти хотя бы потому, что каждый хасид волен учиться или не учиться у своего руководителя — Ребе»*.

Но всякая религиозная деятельность, согласно коммунистической доктрине, считалась антисоветской. Шнеерсон был виноват, так сказать, по определению.

Следствие длилось недолго, чекистский приговор был неумолим: к высшей мере**. К счастью, друзья и последователи Ребе сумели быстро и широко оповестить об его аресте. Особая заслуга в этом принадлежала его зятю Шмарьяху Гурарье. На следующий день он выехал в Москву, сумел незамеченным войти в германское посольство и рассказать о случившемся. Так об опасности, нависшей над Ребе Шнеерсоном, узнал Запад. В самом Советском Союзе тоже были подняты на ноги высокопоставленные лица — все, до кого удалось достучаться.

Протесты внутри страны, давление из-за рубежа и тихая дипломатия Екатерины Павловны Пешковой*** позволили добиться отмены смертного приговора. Сперва он был заменен десятилетним заключением на Соловках; затем — соловецкая каторга была заменена трехлетней ссылкой в Кострому. Но едва Ребе приехал в Кострому, была

* Там же, цит. по интернет-версии: http://www.chassidus.ru/reshimas_hamaasar/reshimas_hamaasar.htm.

** Таков был лицемерный лексикон палачей: чем чаще и больше казнили, тем реже употреблялись понятия «смертная казнь», «расстрел».

*** Е.П.Пешкова, первая жена М.Горького, возглавляла советское отделение Международного Красного Креста. Благодаря своему особому положению, связям в высших эшелонах власти, невероятной настойчивости ей удалось спасти от гибели в застенках ЧК—ГПУ—НКВД сотни, если не тысячи деятелей культуры, науки, религиозных деятелей.

отменена и ссылка. Шнеерсон с семьей поселился в Малаховке под Москвой: возвращение в Ленинград ему было заказано.

Особую роль в освобождении Ребе сыграли многократные обращения Е.П.Пешковой к председателю ОГПУ Менжинскому, а сильнее всех сопротивлялся смягчениям приговора глава Ленинградского ГПУ Мессинг.

Д.А.Гуревич, подготовивший к печати книгу Ребе, включил в нее разговор Мессинга с заместителем Е.П.Пешковой по Международному Красному Кресту, которого та послала в Ленинград, надеясь урезонить грозного чекиста. Тот наотрез отказался изменить свою позицию, а в качестве довода выставил... возможную вспышку антисемитизма.

«— Вы, конечно, знаете, — пояснил Мессинг, — что в тюрьмах и ссылке сколько угодно служителей культа: попов и пасторов, ксендзов, мулл... Но их не выпускают. Представьте теперь, что начнется, если освободят раввина. Из каждой щели завопят черносотенцы: “Ага, что мы говорили! Это жидовская власть!” [Словно «сколько угодно» раввинов не находилось в ссылках и лагерях вместе с попами и муллами.]

— Хочу вас заранее предупредить, — закончил Мессинг короткую беседу. — Если даже Москва выпустит Ребе, мы немедленно найдем повод снова упрятать его за решетку*.

Этот палач, развращенный безграничной властью над жизнью и смертью людей, похоже, не забывал о своем еврейском происхождении и именно поэтому был особенно непреклонен к евреям. Интересно бы узнать, что он думал через десять лет, когда сам оказался в камере смертников: считал ли *свой* смертный приговор актом антисемитизма или посчитал бы таковым помилование? Ведь если бы его вдруг помиловали, у черносотенцев появилось бы еще одна возможность кричать, что жидовская власть держит сторону евреев!

В деле Шнеерсона Мессинг проиграл, но уже на следующий день после освобождения Ребе газета «Эмес» вышла

* Рабби Шнеерсон И.И. Записки об аресте. Составитель и переводчик Д.А.Гуревич. Brooklyn, N.-Y., 1980. Цит. по интернет-копии.

с аншлагом: «Раввина Шнеерсона — в Соловки или в Сибирь!» Травля усиливалась с каждым днем. «Почему не арестовывают раввина-мракобеса?», «Кто победитель: революция или Шнеерсон?»

Дело шло к новому аресту; друзья Ребе стали настаивать на его отъезде за границу, чего, в конце концов, удалось добиться — благодаря новым ходатайствам Е.П.Пешковой и давлению из-за рубежа. А точнее, Ребе был *продан*: за его выезд власти получили выгодный торговый договор с Латвией, который прежде латвийский парламент отказывался ратифицировать. В таких делах советская власть никогда не проигрывала.

Вероятно, для того чтобы «милость», оказанная раввину Шнеерсону, не вызвала вспышки антисемитизма, Мессинг приказал арестовать другого ленинградского раввина, Лазарова. Лазарову удалось добиться разрешения на ввоз в Советский Союз из-за границы партии пасхального хлеба (мацы), что давно уже было запрещено: велено было обходиться собственными силами. Но в 1929 году собственными силами обойтись оказалось невозможно. Благодаря ударным темпам коллективизации год в стране был голодным, муку стали выдавать по карточкам, для выпечки мацы дефицитная мука не предназначалась. Импорт пасхального хлеба (к тому же бесплатного — маца пеклась и ввозилась на пожертвования заграничных евреев) позволил хоть немного смягчить продовольственный кризис, почему Лазарову и пошли навстречу. А вслед за тем раввин Лазаров был арестован как польский шпион, сослан, и вернулся из ссылки тяжело больным и сломленным человеком*.

В 1928—32 годах проводились особенно интенсивные репрессии против служителей иудаизма. Бредень был закинут очень широко. Гребли раввинов, мозлов, резников, меламедов, рыская по городам и местечкам черты оседлости и по всей стране. Служителям культа предъявляли абсурдные

* Joshua Rothenberg. "Jewish Religion in the Soviet Union. In collection "The Jews in Soviet Russia", edited by Lionel Kochan, with introduction by Leonard Shapiro, Third edition, Published for the Institute of Jewish Affairs, London, Oxford University Press, 1978, p. 174.

обвинения — в троцкизме, саботаже, даже в подрыве колхозного строя*.

В 1929 году в Москве было обнаружено тайное религиозное общество студентов и рабочих, возглавлявшееся любавичевским раввином Яковом Ландау. Девиз общества: «Будь полноценным евреем у себя дома и будь полноценным евреем в мире». То был полемический парафраз формулы еврейского поэта XIX века Я.Л.Гордона, представителя движения *гаскала*: «Будь человеком в мире и евреем у себя дома». Для хасидов такой «оппортунизм» был неприемлем. Члены общества Якова Ландау должны были ежедневно изучать Тору, Талмуд, хасидизм, соблюдать все религиозные предписания и запреты, не думая о том, как на это реагируют окружающие. Входившие в общество не афишировали, но и не скрывали своего образа жизни; студенты, например, отказывались сдавать экзамены в субботу. «Тайная» организация, действовавшая вполне явно, скоро была обнаружена всевидящим ГПУ. Ее звенья были раскрыты также в Ленинграде, Минске, Смоленске, Полтаве. Ее тотчас прихлопнули, хотя кое-где и позднее делались попытки ее возродить**.

О судьбе участников этого движения я никаких сведений не нашел, но судьба Любавичевской общины в целом известна: в Советском Союзе от нее почти ничего не осталось, возродилась она в США, благодаря усилиям и авторитету эмигрировавшего Ребе. Сейчас любавичевское присутствие снова ощущается в России, но уже в постсоветской, не богоборческой. Некогда «экспортированное» на Запад, оно теперь импортируется с Запада.

К 1930 году Евсекция свою миссию выполнила и была ликвидирована, следом были закрыты евсекции на местах. В 1938 году Семен Диманштейн был арестован и расстрелян. Были арестованы и расстреляны либо отправлены в ГУЛАГ почти все ведущие деятели бывших евсекций и евкомов: Литваков, Рафес, С.Агурский, Эстер Фрумкина, сотни других. Для дальнейшей переплавки евреев в

* Joshua Rothenberg. "Jewish Religion in the Soviet Union. In collection "The Jews in Soviet Russia", edited by Lionel Kochan, with introduction by Leonard Shapiro, Third edition, Published for the Institute of Jewish Affairs, London, Oxford University Press, 1978, p. 174.

** Zvi Gitelman. Ук. соч.. С. 308—309.

«человека коммунистической эпохи» они уже стали помехой: изничтожая «буржуазную» еврейскую жизнь, они противопоставляли ей «пролетарскую», но тоже еврейскую. А партия, под мудрым руководством товарища Сталина, взяла курс на полную ликвидацию еврейства. Подводя итог бесчинствам евсекций «на еврейской улице», Джошуа Ротенберг справедливо замечает, что хотя они были только орудием макиавелистской политики советской власти, но это не умаляет их собственных грехов: преступные приказы хозяина не снижают вины исполнителя*.

В конце тридцатых годов в Москве была разгромлена «еврейская контрреволюционная группа», в которую входили «религиозные авторитеты» во главе с раввином Медалье, о чем победно сообщила «Правда». Преступления группы состояли в выпечке мацы, ее продаже и содержании на вырученные деньги сети нелегальных хедеров и ешив (легально они уже давно не существовали). Обвинения против раввинов и религиозных евреев становились все более абсурдными, вплоть до шпионажа в пользу нацистской Германии. Раввин Медалье был арестован и бесследно исчез. Только в 1964 году его жена получила официальную справку о «реабилитации». В ней говорилось, что в годы «культы личности» ее муж был отправлен в Сибирь и казнен; его дело пересмотрено, он признан невиновным**.

Все, до сих пор рассказанное в этой главе, Солженицын обходит молчанием. Богоборчеству большевистской власти он дает специфическую окраску: по его мнению, «самым неразумным образом евреи-активисты вливались в общебольшевицкую настойчивую ярость в травле православия (в сравнении с другими религиями), в преследовании священников, в печатном глумлении над Христом. Тут и русские перья расстарались: Демьян Бедный (Ефим Придворов), и не он один. Но евреям постоять бы в стороне» (т. II, стр. 96).

Чтобы показать, что евреи *не* стояли в стороне, Солженицын даже радикально выходит за пределы своего обычно-

* Joshua Rotenberg. Ук. соч. С. 178.

** Цит. по: Joshua Rotenberg. Ук. соч. С. 178; автор ссылается на публикацию в журнале «Jews in Eastern Europe», Nov. 1964.

го круга источников. К бичеванию и самобичеванию авторов сборника «Россия и евреи» — скрепляющей арматуре его аргументации — добавлены новые голоса, куда более весомые. Остановимся на этом вливании «свежей крови» чуть подробнее.

В декабре 1917 года (со времени Октябрьского переворота прошло полтора месяца, почти никто еще не понял, что же именно произошло!) в Кронштадте строительные рабочие вдруг возмущаются «назначением православных священников на очередное дежурство милиционеров», хотя «ни один еврейский раввин, магометанский мулла, римско-католический ксендз и немецкий пастор» назначен не был; а все потому, что «весь Исполнительный Комитет состоит исключительно из иноверцев...» (т. II, стр. 96)*.

Документ этот не новый. Он не раз цитировался историками, но всегда как пример неумной черносотенной пропаганды. Нельзя же всерьез поверить, что Исполком совета в Кронштадте — цитадели матросов Железняков — был исключительно инородческий. Это так же абсурдно, как и то, что Совет накладывал повинности на духовенство одних исповеданий, но не других. Скорее всего, ни одного муллы или раввина в Кронштадте не было, а если был один раввин, то нес ту же повинность, как миленький — разве что был освобожден от нее по старческой немощи или болезни.

Но для Солженицына эта резолюция — доказательство, что коммунисты преследовали попов и благоволили к раввинам.

Письмо Патриарха Тихона от 9 августа 1920 года на имя предсовнаркома Ленина, копия председателю ВЦИК Калинину, — заслуживает большего внимания. В нем изложена просьба (или требование) — отстранить от следствия по его делу сотрудника министерства юстиции Шпицберга, «как лицо, производящее следствие и допросы “с пристрастием”, что ярко выяснилось из предыдущих церковных процессов». По словам Патриарха, это «человек, публично оскорбляющий религиозные верования, открыто глумящийся над религиозно-обрядовыми действиями, печатно в предисловии к книге “Религиозная язва” (1919 г.)

* Ссылка на «Церковные Ведомости». Пг., 1918, № 1 (5 января). С. 38.

называющий Иисуса Христа ужасными именами» (т. II, стр. 96). Солженицын сообщает, что ходатайство Тихона было рассмотрено Малым Совнаркомом и отклонено; однако М.И.Калинин все же приватно посоветовал наркому юстиции Красикову заменить Шпицберга кем-то другим, дабы «лишить “духовные круги... возможности главного довода насчет национальной мести и проч.”»* (т. II, стр. 97).

О чем говорят эти документы? О том, что осмотрительные представители власти, такие, как М.И.Калинин, задумывались о последствиях грубых антирелигиозных акций, понимая, что они могут давать повод к контрпропаганде националистического толка, особенно если в акциях против православия будут участвовать лица неправославного происхождения, и наоборот. Но большого значения этому, видимо, не придавалось, почему Шпицберг оказывался причастным к делу Патриарха Тихона, а Дегтярев — к делу раввина Шнеерсона. Полагаю, что никакого иного *корректного* вывода из этих материалов не извлечешь. По Солженицыну, однако, из предостережения Калинина о нежелательности участия еврея в деле Патриарха «очевидно, что представление о национальной мести со стороны евреев-большевиков было развито в русском сознании уже и к 1920 году» (т. II, стр. 98).

Такую же мысль он находит у эмигранта-эсера С.С.Маслова, который комментирует антирелигиозную кампанию по «вскрытию мощей»: «“Разве бы русские, православные на такое дело пошли?” говорят по России, “это все жида подстроили. Жидам что: они самого Христа распяли”» (т. II, стр. 97).

Какую именно кампанию имел в виду С.С.Маслов, из солженицынского изложения не понять, но похоже, что это кампания 1919 года, описанная в брошюре «Мощи» некоего И.Ломакина. Вот что пишет на основании этой брошюры современный автор:

«И.Ломакин информирует публику о результате “осмотра мощей советскими представителями, рабочими, в присутствии духовенства, монашества и народа”. Оказывается, церковники долгое время обманывали верующих:

* Ссылки на два архивных документа, хранящихся в Государственном Архиве РФ (ГАРФ).

“вместо нетленных останков в раке Александра Свирского оказалась восковая кукла, закутанная в парчу и марлю. В раке Артемия праведного обнаружены только кирпич и гвозди, обмотанные парчой... В Калязине, в раке преподобного Макария, — кости, наполовину истлевшие, проложенные ватой в количестве 5 фунтов, и свежие сосновые стружки” и т.д. (стр. 3—4). Далее следует разъяснение, что “ни в Евангелии, ни в апостольских писаниях мы не находим ни одного слова о мощах и почитании их. И понятно почему: потому, что почитание мощей есть идолопоклонство”, приводятся подходящие цитаты из Писания*.

Коли так, то данная конкретная кампания была направлена не против православия, а в его защиту — против шарлатанов, ввергавших доверчивую паству в идолопоклонство! Вполне можно допустить, что после этого кто-то и говорил в толпе: «Это все жида подстроили» (а не шарлатаны в рясах). Удивляться этому не приходится: антисемитские предрассудки, десятилетиями внедрявшиеся в сознание необразованного и легковверного народа, не могли исчезнуть по мановению волшебной палочки. Отсюда и обилие желающих играть на этих предрассудках, наживать на них политический капитал. О том же говорит и «возыв рабочих Архангельска “к сознательным русским рабочим и крестьянам”», который, как сообщает Солженицын, «в саму “Правду” прорвался (напечатали под насмешливым заголовком “Бей жидов!”)». «Повсюду “поруганы, опоганены, разграблены” — “только русские православные церкви, а не еврейские синагоги, — цитирует Солженицын. — Смерть от голода и болезней уносит сотни тысяч ни в чем неповинных русских жизней”, а “евреи не умирают от голода и болезней”» (т. II, стр. 96).

Позвольте, но ведь это напечатано летом 1919 года! По всей бывшей черте оседлости и повсюду, где имеется заметное скопление евреев, грабят, рушат, жгут именно еврейские синагоги; смерть уносит тысячи еврейских жизней — женщин, стариков, детей; не только голод и болезни тому причиной, но и пули, штыки, топоры, шашки,

* Цит. по: Эдельман О. Культурная тундра. «Отечественные записки», 2003, №5. Интернет-версия: http://magazines.russ.ru/oz/2003/5/2003_5_12-pr.html.

колья, вилы и прочие орудия погрома. А у самого Белого моря, в городе, где едва ли насчитывался десяток-другой евреев, у «сознательных рабочих» горит душа оттого, что синагог *не* рушат, и евреи *не* голодают, и никакая зараза их *не* берет!

Неужто этот документ и впрямь вышел из глубины рабочего сердца? Я заглянул в указанный источник, и все стало ясно. В Архангельске-то в то время советской власти не было: британский морской десант вышиб оттуда большевиков в августе 1918-го, а во главе гражданской администрации поставил эсера Н.В.Чайковского; панегириком этому халифу на час и является «воззвие рабочих Архангельска». Сам ли Чайковский его сочинил, или кто-то из его приближенных, не суть важно. Вот выписки из него, которые *не* приводит Солженицын: «Ваше правительство в лице Ленина, Троцкого и Ко. составлено большей частью из евреев, и этому правительству вы позволяете управлять собою! Во главе нашего правительства стоит старый революционер Н.В.Чайковский». — «Мы жили и под советской властью, живем теперь и при новом строе, а вы знаете только первую, поэтому нам легче судить, какая власть лучше»*.

Что ж, может быть, и лучше жилось в Архангельске под мудрым водительством эсера Чайковского, чем при Советах; но вот аргументы в пользу того, что его режим «лучше», таковы, что «Правда» их напечатала почти без комментариев. «Ваши жены и сестры преданы позору, — зывают “рабочие Архангельска”. — Документально установлено, что большевики повсюду проводят национализацию женщин по купонам (!)» (Надо ли было это комментировать?) И далее то, что выписал Солженицын: «Церкви поруганы, опоганены, разграблены. Только русские православные церкви, а не еврейские синагоги, — заметьте это!.. Смерть от голода и болезней уносит сотни тысяч ни в чем неповинных русских жизней. Евреи не умирают от голода и болезней».

Правдист А.Меньшой, приводящий этот документ, лишь саркастично роняет: «Как вам нравится это противопоставление “старого революционера” евреям»**.

* Меньшой А. “Бей жидов!”. «Правда», 1919, 3 июля. С. 1.

** Там же.

Немногим более высокого уровня и «аргументы», подчерпнутые Александром Исаевичем у религиозного философа Сергея Булгакова: «Гонение на христианство здесь хоть и вытекало из идеологической и практической программы большевизма вообще, без различия национальностей, однако естественно находило наибольшее осуществление со стороны еврейских “комиссаров” безбожия», — как возглавление Губельманом-Ярославским Союза воинствующих безбожников “перед лицом всего православного русского народа есть акт... религиозного нахальства”» (т. II, стр. 97—98)*.

Но и насчет «еврейского комиссара безбожия» Александр Исаевич заблуждается, причем сразу по двум параметрам.

Во-первых, потому, что Емельян Ярославский (Миней Губельман) был евреем только по крови. Если стоять на расистской точке зрения, то состав крови все и решает; но Солженицын, кажется, придерживается той точки зрения, что национальная принадлежность — даже и «отщепенцев» — определяется «по духу». Так вот, *по духу*, то есть по воспитанию, образованию, среде, в которой вырабатывались его представления о жизни, Емельян Ярославский выпестован *русским подпольем* (в том смысле, какой вкладывал в это понятие Достоевский) и волею судьбы и революции катапультирован из грязи в князи.

Родился он в 1878 году в Чите, в семье ссыльнопоселенца (то есть еще его отец был человеком *подполья* — либо уголовником, либо революционером), так что от еврейской среды он был бесконечно далек с самого рождения. Окончил трехклассное городское училище, а позднее, поработав переплетчиком в типографии и кем-то в аптекарском магазине, сдал экзамены за четыре класса гимназии. Этим его образование и завершилось. Не знаю, что он потом указывал в советских анкетах, но если заполнял их честно, то в графе «образование» должен был писать: «начальное». Кое-какие знания он добирал в тюрьмах и ссылках, как это было принято у революционеров, но там

* Следует ссылка на книгу С.Булгакова «Христианство и еврейский вопрос». Париж, YMCA-Press, 1991. С. 76.

налегали на «Готскую программу», да на «Капитал», да на «Призрак бродит по Европе» — даже для гимназического курса узковато (не говоря об университетском).

Революционной деятельностью «старый большевик» Ярославский занялся в своей родной Чите в 1898 году, с этого года и числил свой партийный стаж — в большевистской табели о рангах это имело огромное значение*.

Ярославский — участник революции 1905 года в Петербурге, один из руководителей октябрьского переворота в Москве. Затем впал в ересь «левизны в коммунизме» (был против Брестского мира), но ошибки свои осознал, был прощен и в дальнейшем ни в каких отклонениях от генеральной линии не замечался. В 1920—30-е годы занимал высокие партийно-государственные посты, был недолго секретарем ЦК и очень долго — членом президиума ЦКК (Центральной контрольной комиссии), то есть проводил чистки партийных рядов. На партийных съездах и конференциях отчитывался в том, сколько человек было вычищено из партии за уклоны, сколько за сокрытие «буржуазного» происхождения, сколько за пассивность и т.п. А насчитывались тысячи. Такая у него была боевая работа! Трудная. Но выполнял он ее хорошо.

Входил он и в редколлегию «Правды» и журнала «Большевик», был академиком и лауреатом — не за научные, конечно, заслуги, каковых за ним не числилось. Зато числились книги о Ленине и, что особенно важно, о Сталине. Он участвовал в составлении «Краткого курса истории ВКП(б)» и во всей кампании по фальсификации истории партии, дабы задним числом поднять в ней роль Сталина и заклеить его оппонентов — Троцкого, Зиновьева, Бухарина и их сторонников как раскольников, двурушников, предателей.

* Хорошо известно, что как раз в 1898 году собрался Первый съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, но весь состав его был арестован, и партия основана не была. Она ведет свое начало со Второго съезда (1903), однако большевизм организационно выделился из РСДРП только в 1912 году; все это не мешало «старым большевикам» числить свой партийный стаж со времен, когда партии не было и в помине. Так, «старейший большевик» Ф.Н.Петров (1876—1973) вел свой партийный стаж даже с 1896 г., так что претензии Ярославского на то, что он вступил в партию большевиков в 1898-м, можно считать умеренными!

Ярославский рано ощутил, куда дует ветер, и подставил под него паруса. В 1931 году он обратился к Сталину за разрешением написать книгу «Сталин». Сталин ответил, что для книги «Сталин» еще не пришло время. На XVII съезде партии (1934) Ярославский пропел звонкую песню о «великом друге и вожде»: «Товарищ Сталин был наиболее зорким, наиболее далеко видел, неуклонно вел партию по правильному, ленинскому пути». Вскоре после съезда он обратился к заведующему агитпропом ЦК Александру Ивановичу Стецкому (через три года расстрелянному, а тогда очень могущественному функционеру) с еще более проникновенной песней:

«Тов. Стецкий, посылая вам копию моего письма тов. Сталину, я хочу Вам сказать то, что неудобно мне писать тов. Сталину. Надо во всех учебниках дать больше о Сталине, о его роли в строительстве партии, в руководстве ею, в разработке ее идеологии, ее организации, ее тактики. Вы знаете, что я над этим работаю и буду работать, чтобы дать книгу о тов. Сталине. Это крайне необходимо для всех компартий. Учебники по истории партии надо, по возможности, насытить материалом о тов. Сталине не только в период после смерти В.И.Ленина. В особенности же надо показать роль тов. Сталина после смерти В.И.Ленина, — то, что он поднял учение Ленина на новую ступень»*. Песни эти были услышаны. Тогда как направо и налево летели головы второго слоя партийной элиты, к которому он принадлежал, и особенно густо головы *евреев по крови*, Ярославский-Губельман благополучно умер в своей постели (1943), похоронен с почетом у Кремлевской стены. По критериям самого Солженицына, в евреи Ярославский не очень подходит.

Теперь второе. Союз воинствующих безбожников, во главе которого партия поставила Ярославского, был лишь одним из многих ее «приводных ремней». Богоборчество входило в задачи комсомола и пионерии, профсоюзов, Академии наук и Академии педагогических наук, средней и высшей школы, системы политпросвещения, Союза писателей и остальных творческих союзов, Политуправления

* Цит. по: Русское поле. Хронос CD-ROM, sema.ru>хронос> биографии>>я>. Ссылка на ЦПА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 84, л. 15.

армии и флота, ЧК—ГПУ—НКВД, Главлита, всей советской печати, книгоиздательств. Союз воинствующих безбожников занимал в общем строю видное место (одно название чего стоило!), но не главное и далеко не самое воинствующее. Да возникла эта организация только в 1925 году, а беспощадные акции против церкви начались значительно раньше.

Партия долго скрывала, да на излете своего господства обнародовала директивное письмо от 19 марта 1922 года, в котором Ленин (по Солженицыну, «русский отщепенец») инструктировал Молотова (еще одного «русского отщепенца») по поводу судебного фарса над ведущими иерархами церкви: «Чем больше представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно сейчас прочесть эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»*. Сопротивление духовенства изъятию церковных ценностей следует подавить «с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий»**.

Тут уместно заметить, что намерение Ленина было тогда исполнено далеко не в полном объеме. Помешало этому мужественное выступление Д.Б.Рязанова, с которым большевистская верхушка до поры до времени вынуждена была считаться из-за его высокого авторитета в партии как крупнейшего знатока и исследователя наследия Маркса и Энгельса. На Московской конференции РКП(б) Рязанов, «опираясь на факты, доказал надуманность обвинений, выдвинутых против священнослужителей, на юридическую несостоятельность процесса и приговора, призвал к амнистии. Шестерых из десяти приговоренных Рязанову удалось спасти»***. Большевик Рязанов, понятно, тоже был «отщепенец». Уроженец Одессы по фамилии Гольденбах.

Что же касается Союза воинствующих безбожников во главе с Емельяном Ярославским, то деятельность его была

* Новые документы о В.И.Ленине (1920—1922 гг.). «Известия ЦК КПСС», 1990, №4. С. 192—193.

** Там же.

*** Яков Рокитянский. Рейнхард Мюллер. Красный диссидент. Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. "Academia", М., 1996. С. 91.

направлена против религии вообще, в том числе и против иудаизма, о чем говорит хотя бы то, что наряду с общим журналом «Безбожник» он издавал и отдельный журнал на идише, «Апекойрес». На Союзе лежали преимущественно «просветительские» функции. Для карательных функций эта аморфная организация была не очень приспособлена, тут действовали более крутые органы.

Партия регулировала напор антирелигиозной работы, бдительно следила за ее интенсивностью и эффективностью, принимала срочные меры при признаках ее увядания, устраивала выволочки за перегибы. В зловещем 1937 году Первый секретарь ЦК комсомола А.В.Косарев (вскоре расстрелянный) счел нужным проявить особую бдительность на «религиозном фронте»: «Представление о том, что все реакционные пережитки, все древние предрассудки в человеческом сознании рассосутся сами собой, отразились, в частности, на состоянии антирелигиозной пропаганды в стране. Незачем скрывать, что ни одна наша общественная организация — профсоюзы, комсомол, союз воинствующих безбожников — не отличаются сейчас особой антирелигиозной активностью. Даже советы союза воинственных безбожников заняты подчас не столько пропагандой атеизма, сколько “изучением отмирания религии у трудящихся” и умиленными восторгами по этому поводу... Между тем попы и не думают свертывать свою “духовную деятельность”. Наоборот, налицо все признаки оживления церковного и сектантского мракобесия»*.

Критиковали Союз безбожников и на более высоком уровне, от чего по спине Емельяна не раз, должно быть, пробегал мертвящий холодок. Он был тертый калач и знал, что лучший способ обезвредить критику — это ответить на нее боевой самокритикой: «На последнем пленуме ЦК ВКП(б) т. Жданов очень резко характеризовал деятельность Союза воинствующих безбожников, вообще деятельность безбожников. Он правильно сказал, что многие безбожники из воинствующих превратились в мирных безбожников, и спрашивал: не заключили ли они какого-то

* Косарев А.В. Антирелигиозная пропаганда и задачи комсомола. М.: «Молодая гвардия», 1937. С. 4—5.

договора с богом?»*. От такой критики один шаг оставался до того, чтобы стереть Емельяна в порошок. Ему требовалось немало ловкости, чтобы удерживать равновесие. Он это умел. Но представлять его полководцем армии, штурмовавшей небо, — значит, не сознавать всей мощи этого штурма. Ярославский, в лучшем случае, командовал батальоном, тогда как армия состояла из многих дивизий и полков.

Все это хорошо известно А.И.Солженицыну, он сам жил в то время, что подчеркивает по иным поводам. Но в его книге в «комиссары безбожия» возведен Ярославский, и только потому, что он Губельман. При этом под безбожием Ярославского понимается, главным образом, его вражда к *православию*, что еще менее соответствует действительности.

Основной антирелигиозный «труд» Е.Ярославского, «Библия для верующих и неверующих», выдержавшая 12 изданий, состоит из пяти частей; вот их названия: «Сотворение мира», «Книга Бытия», «Книга Исхода», «Книга Левит», «Книга Числ, Второзаконие и другие». *Другие* — это «Книга Иисуса Навина», «Книга Судей», «Книга Руфи», «Первая Книга Царств». Как видим, Губельман атакует *еврейскую Библию* — Танах, иначе Ветхий Завет. К православию эти атаки имеют отношение лишь постольку, поскольку христианское вероучение включает Ветхий Завет в свой канон. Однако, хорошо известно амбивалентное (скажем так) отношение христианства к Ветхому Завету. Современный исследователь указывает на «противоречивость отношения христианства к Танаху... Оно колеблется в диапазоне от полного отрицания Танаха и открытой враждебности к нему до признания его важности, но в основном как предтечи, подготовительного этапа Нового Завета**». Разоблачая библейские сказания о сотворении мира и человека как антинаучные, а библейские заповеди как аморальные, Ярославский-Губельман бил в основном по иудаизму. Да и в целом советское государство и все его уч-

* Ярославский Ем. Задачи антирелигиозной пропаганды. М.: Партиздат ЦК ВКП(б). С. 25.

** Вайнберг И. Введение в Танах. <http://history.pedclub.ru/traditions/tanah002.htm>.

реждения, включая и Союз безбожников, преследовали иудаизм и еврейство ничуть не меньше, чем православие. Да что там — не меньше, гораздо больше!

В годы Второй Мировой Войны Сталин, как известно, пошел на мировую с церковью, рассчитывая на ее содействие в деле мобилизации патриотических чувств народа. Был создан Совет по делам религиозных культов, как связующее звено между культами и властью. Было заключено формальное соглашение между властью и православной церковью (но не с другими религиозными группами), так что Православие вновь получило статус привилегированной религии. Правда, кое-что перепало с барского стола и иудеям. В Средней Азии, куда во время войны было эвакуировано заметное число евреев из оккупированных и прифронтовых районов, две хасидские общины, Хабад и Браслав, открыли подпольные молитвенные дома, но власти их не трогали, хотя легко могли разгромить. Очевидно, имели указание из Москвы. Спасибо товарищу Сталину!

Но религиозная оттепель длилась недолго. Кончилась война, и железная метла заискрилась по мостовой с новой, прежде невиданной энергией. С особой суровостью высклабливался иудаизм. Итожа полувековой антирелигиозной разбой большевиков в Советской России, Гершон Свет приводит сопоставительные данные, относящиеся к 1967 году:

«На 40 миллионов православных насчитывается в стране 20 000 церквей, 35 000 священников и около 70 монастырей. На 3 миллиона баптистов приходится 6000 приходов и пасторов, — по одному приходу и пастору на каждые 500 верующих. Лютеранские церкви Латвии и Эстонии насчитывают 100 церквей и 150 пасторов. На миллион, если не больше, верующих и верных традициям евреев в Советском Союзе приходится всего 60—70 синагог, — по одной синагоге и одному раввину примерно на 15 000 верующих. Православная церковь в СССР имеет две духовные академии и 5 семинарий для подготовки священников. Мусульмане имеют Медрассу для подготовки мулл. Несколько студентов из Медрассы обучаются в Каире, а молодые семинаристы-баптисты — в духовных академиях

Англии и Канады. Но на протяжении 40 лет не было во всей России ни одного раввинского семинара»*.

В 1957 году, в разгар хрущевской оттепели, усилиями московского раввина Соломона Шлифера удалось открыть ешиву при Большой синагоге в Москве. Вскоре он умер, школу возглавил его преемник раввин Юда-Лейб Левин. Первоначально в ешиве обучалось 35 студентов, приехавших из разных мест Союза, в основном с Кавказа и Средней Азии, но власти тут же повели наступление на «гнездо клерикализма». Иногородним студентам отказывали в московской прописке, и большинство из них не смогло вернуться после каникул. К 1960 году в ешиве осталось 20 студентов, затем 11, затем 6, в 1965 году их оставалось 4**. Окончили курс и получили дипломы раввинов двое. К середине 1960-х годов на весь Советский Союз, по данным Гершона Света, оставалось 60—70 раввинов, а по данным Леонарда Шапиро, — около 40. Средний их возраст достигал 70—80 лет***. Не напрасно в 70—80 годы ходила шутка по интеллигентской (отнюдь не религиозной и не только еврейской!) Москве: никак-де не могут найти раввина для синагоги, кто ни придет наниматься — либо еврей, либо беспартийный.

А вот уже совсем нешуточные свидетельства «последнего» советского раввина, а ныне одного из двух «главных» раввинов России, Адольфа Шаевича.

Прежде всего — как он стал раввином? Оказывается, вот как:

«Я, инженер-механик по строительно-дорожным машинам, приехал [в 1972 году в Москву из Биробиджана, откуда родом], чтобы поступить на работу по специальности. Но никто меня не брал, многие даже не стеснялись: ты, мол, еврей, евреи уезжают [эмигрируют из страны], зачем нам неприятности... Меня привели в синагогу случайные люди. Подвернулся [?] американский раввин, у него были связи с венгерскими раввинами и с нашим послом в США Дубининым [очевидная оговорка, речь идет

* Свет Г. Ук. соч. С. 211—212.

** Шапиро Л. Евреи в Советской России после Сталина. КРЕ. С. 353.

*** Свет Г. Ук. соч. С. 212; Шапиро Л. Ук. соч. С. 252.

о А.Ф.Добрынине]. И нас послали учиться в Будапешт. Старые раввины умирали, школ не было. Семь лет учился — все мои коллеги бросили. В 1983 году я оказался единственным дипломированным раввином в СССР».

А первым учителем Шаевича (надо понимать, до поездки Будапешт) был раввин Лев Гурвич, который «получил диплом в 1917 году и ни дня раввином не работал. Началась революция, он поступил в университет, получил инженерную специальность и до пенсии работал в авиации. А уже на пенсии его пригласили работать в синагогу».

В каких же условиях пришлось работать «единственному дипломированному раввину» после возвращения из Будапешта? Он свидетельствует: «Мы жили под тяжестью такого наблюдения, что гвоздь в стену нельзя было вбить, покупку на 15 рублей надо было согласовать. Опека была плотной и постоянной, хотя в самой религии никто не разбирался — специалистов там не было».

Там — это в надсматривающих инстанциях.

«К нам приходили из Совета по делам религий, из райисполкома. Представляется: “Иван Иванович” — все ясно, объяснений не требовалось. Спрашивает, кто ходит, что говорят, что делают? Обычно приглашали меня к себе, а перед праздниками сами являлись. “Говорят, там у тебя отказник работает?” — “Да, взяли уборщиком”. — “Завтра чтобы не было”. Ясно, что кто-то доложил им. Недели не проходило, чтобы после моей субботней проповеди не приглашали в Совет. “Что ты там разводишь сионистскую пропаганду”... Мы ездили с делегациями по миру. Руководителем делегации был, допустим, митрополит Филарет или Ювеналий. Собирались и вместе писали отчет для Совета — с кем встречались, о чем нас спрашивали, что отвечали*».

И ведь это он спокойно, без зазрения совести, рассказывает — не винясь, не прося прощения у Бога, у доверявшихся ему людей, у зарубежных коллег, хотя всех их систематически предавал гебешным «Иванам Ивановичам!» Православные его коллеги были не лучше, и тоже не слышно, чтобы хоть один из них покался.

* Адольф Шаевич: “У раввинов не принято уходить, пока есть здоровье и силы”. Газета, 2002, 22.07. <http://www.gzt.ru/nubricator.gzt?id=1405000000003481>.

В 1925 году, в первом номере журнала «Безбожник», Н.И.Бухарин, находившийся тогда в зените власти и влияния, формулировал боевые задачи партии на фронте борьбы с религией: «Отмена самодержавия на небесах; отмена всех чинов, орденов, венцов и прочего; выселение богов из храмов и перевод их в подвалы (а злостных в концентрационные лагеря); передача главных богов, как виновников всех несчастий, суду пролетарского трибунала»*. (Ясно видно, как «любимец партии» упивается собственным лихим остроумием!) Но это была только программа-минимум. Им же сформулированная программа-максимум — по выработке коммунистического человека из материала капиталистической эпохи всеми методами, начиная от расстрелов, — выполнялась, как мы видим, не менее успешно. Вплоть до выработки вполне коммунистических «раввинов и попов».

«Реакционный» язык

Профессор Нора Левин, автор самого обстоятельного и превосходно документированного труда по истории советского еврейства, указывая на относительную творческую свободу писателей и деятелей искусства в 1920-е годы (по сравнению с более поздним временем), видит в этом отражение взглядов Ленина на искусство. Ленин, по ее мнению, «не хотел надеть на искусство смирительную рубашку идеологии», он считал, что искусство «не является оружием партии или класса, но “принадлежит народу”, “должно быть понятно массам и любимо ими”»**.

Это, конечно, неверно. Нора Левин то ли не знала, то ли не придавала значения основной работе Ленина на данную тему — «Партийная организация и партийная литература», хотя в Советском Союзе ее обязан был знать каждый школьник. В ней вождь большевизма утверждал, что литературы, свободной от идеологии, не бывает; литерату-

* Цит. по: Эдельман О. Ук. соч. Интернет-версия: http://magazines.russ.ru/oz/2003/5/2003_5_12-pr.html.

** Nora Levin. The Jews in the Soviet Union since 1917. N.-Y., New York University Press, v. 1, p. 194.

ра всегда выражает идеологию какого-то класса: если она не служит пролетариату, то служит его врагам. И потому, придя к власти, Ленин именно хотел надеть на литературу и искусство намордник «пролетарской», то есть большевистской идеологии. Под «массами» он понимал не совокупность всех слоев народа, а тот же «пролетариат и трудовое крестьянство» — это *им* искусство должно быть понятно и *ими* любимо. А что понятно и любимо «массами», определял «авангард», то есть партия. Если в первые годы господства коммунистической системы власть еще не полностью подмяла под себя искусство, литературу, культуру, то только потому, что тоталитарный режим находился в стадии становления, он не мог сразу же подчинить себе всех и вся.

До революции культура и литература на языке Библии набрала в России немалую мощь. Хотя народ говорил в основном на идише, иврит был широко распространен: на нем велись религиозные службы, на нем были написаны религиозные книги, а затем стала появляться и светская литература — художественная, педагогическая, историческая, философская, научная.

Центром иврита была Одесса, где жил и работал «почти гениальный» (по оценке М.Горького) поэт Хаим-Нахман Бялик. Некоторые его произведения были известны всей читающей России — благодаря превосходным переводам В.Жаботинского*.

Вокруг Бялика группировались прозаики, поэты, педагоги, энтузиасты иврита. Бялик руководил издательством, выпускавшим на иврите самую разнообразную литературу для детей и взрослых. Активно работали ассоциация учителей иврита, культурно-просветительское общество «Тарбут». В 1917 году, в короткий период свободы между Февралем и Октябрем, возник ряд журналов, периодических литературных сборников. Энергичный деятель культуры Аврам Стейбел начал издавать в переводах на иврит произведения мировой классики — Толстого, Романа Роллана, Тургенева, Оскара Уайльда, Флобера, Золя. Летом 1917 года

* Бялик Н.Х. Песни и поэмы. Перевод В.Жаботинского. СПб., 1914 (одно из нескольких изданий).

в Одессе появилась еженедельная газета «Ха-Ам», затем ставшая ежедневной. Ее редактор Бенцион Кац, кстати сказать, быстро распознал суть нового режима и уже в декабре 1917 года в редакционной статье писал: «Русская революция превзошла своей дикостью все отрицательные проявления Французской революции... Нам осталась лишь надежда, что власть новой инквизиции продлится недолго»*.

Но режим оказался живучим, а вот газета просуществовала только до июля 1918 года.

В январе 1920 года, когда коммунисты окончательно утвердились в Одессе, *все* издания на иврите были закрыты. Просьба разрешить хотя бы один литературный журнал, совершенно аполитичный, была отклонена.

Началось наступление на школы с преподаванием на иврите, как на религиозные, так и на светские.

1 декабря 1918 года Народный комиссариат просвещения обнародовал декрет о школах для национальных меньшинств. Согласно декрету, в любой местности, где набиралось не менее 25 учащихся, желавших учиться на национальном языке, для них создавалась национальная школа. Для кочевых и малых племен, не имевших письменности, в ударном порядке создавалась письменность, записывались и издавались народные песни, сказки, легенды, писались учебники, готовились учителя. Только один язык — из двухсот! — оказался под фактическим запретом: самый древний, несший в себя печать четырех тысяч лет развития цивилизации, необычайно музыкальный, богатый лексически, дававший возможности выражения тончайших оттенков мыслей и чувств.

Борьба с ивритом стала одним из обязательных элементов «культурной» политики большевистской власти. А «вперед планеты всей» в центре и на местах шествовали евкомы и евсекции.

Евсекция объявила родным языком еврейских «трудящихся масс» — идиш. А потому еврейские школы — это школы на идише, еврейская поэзия и проза — это поэзия и проза на идише, еврейский театр — это театр на идише,

* Цит. по: Слуцкий И. Судьба иврит[а] в России. КРЕ. С. 242; Noga Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 100.

еврейская публицистика, журналистика, философия, литературная критика, политпросвещение и просто просвещение — только на идише. Газета «Дер Эмес» объявила иврит языком классового врага — раввинов, капиталистов, сионистов — в противоположность идишу, языку «новой пролетарской культуры».

В Москве на митинге протеста против дискриминации иврита с горячей речью выступил московский раввин Яков Мазе. Блестящий оратор, не только религиозно, но и светски образованный (окончил юридический факультет), он пользовался огромным авторитетом и был один из самых активных ходатаев по делам, касающимся евреев. Вся страна помнила яркое, темпераментное, глубоко обоснованное выступление раввина Мазе на процессе Бейлиса (он был одним из экспертов по религиозным вопросам). Широкая известность нередко открывала перед ним двери, закрытые для других*.

Яков Мазе добился приема у наркома просвещения А.В.Луначарского, который назначил ему встречу почему-то в Ярославле. В ожидании приема Мазе просматривал местную газету и узнал из нее, что накануне Луначарский выступил с речью, в которой назвал пророка Амоса и других библейских пророков первыми в истории коммунистами.

Разговор Мазе начал с этой речи, сказав, что многие идеи, которые сейчас называют коммунистическими, действительно восходят к Библии, а, стало быть, впервые были высказаны на иврите. Он стал объяснять значение библейского языка для мировой цивилизации. Он сказал, что пришел к наркому по поручению учителей, учеников и родителей из города Гомеля, где закрыта школа на иврите, хотя в ней учились в основном дети бедняков.

Луначарский сочувственно выслушал раввина.

— Никто не оспаривает ценности иврита кроме ваших же соплеменников — идишистов. Они утверждают, что иврит — язык буржуазии. Мне интересна ваша оценка ив-

* Мне довелось в Вашингтоне познакомиться с сыном Якова Мазе. К сожалению, он был уже очень стар и болен, долго беспокоить его было нельзя. Мы договорились встретиться для обстоятельной беседы после его выздоровления, но вскоре он умер.

рита как языка пролетариата. Для меня это ново. Припоминаю, что у вас есть поэт Бялик — он вырос в бедной семье?

К счастью, Бялик действительно был из бедной семьи. Мазе ответил:

— В беднейшей! И то же самое можно сказать почти обо всех значимых писателях на иврите*.

Луначарский обещал помочь. Поскольку он обладал практически неограниченной властью в сфере образования, казалось, что вопрос решен. Но нарком не пошевелил пальцем для защиты иврита, хотя к нему обращались многие.

Профессор Соломон Цейтлин (оставивший воспомина-ния) объяснил наркому, что идишисты непримиримы к ивриту просто из конкуренции; называть иврит языком буржуазии — это абсурд.

Луначарский ответил, что считает иврит таким же языком, как и все остальные. Он добавил, что ничего не имеет против преподавания иврита в школах, но инициатива должна исходить с мест. Если к нему обратятся с просьбами об организации школ на иврите, он их удовлетворит. (Как будто к нему не обращались!) Профессор ушел обнадеженный, а через несколько дней прочитал в газете публичную речь наркома просвещения, в которой иврит был назван языком клерикалов и эксплуататоров**.

Чем объяснить лицемерие наркома? Не тем ли, что «эта сволочь Луначарский», как обозвал его Ленин за «богоискательство» и иные идейные шатания, должен был постоянно доказывать партийным верхам свою пролетарскую несгибаемость, но не хотел прослыть держимордой в кругах интеллигенции.

В 1917 году, между Февралем и Октябрем, в Москве появился Наум Цемах, преподаватель иврита, лелеявший мечту — создать театр на языке Библии.

Собственно, театр он создал еще в 1912 году в Белостоке, а через год уже выезжал с ним в Вену — выступать перед делегатами 11-го сионистского конгресса. Успех был огромный, но безденежный, не набралось даже на обрат-

* Nora Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 102.

** Там же. Т. 1. С. 102; Т. 2. С. 833—834.

ный проезд. Цемаху пришлось уехать одному, чтобы раздобыть деньги и выслать актерам на билеты. Провинциальные гастроли проходили с неизменным успехом, но тоже безденежным, а война вконец разорила труппу, она распалась. Но мечту свою Цемах не оставил. В Москве он собрал восемь неопытных, но одержимых энтузиазмом молодых людей, и стал готовить спектакль, по ходу обучая их основам актерской техники. Его театр-студия называлась «Габима» («Сцена»).

Первую зиму студийцы прозанимались в нетопленном помещении, в шубах и валенках. Но Цемаху удалось заинтересовать своим начинанием Станиславского и Горького, а они склонили в его пользу Луначарского. Появилось помещение; Станиславский отрядил для обучения студийцев и режиссуры своего талантливейшего ученика Евгения Вахтангова.

Успех первого спектакля «Габимы» в Москве («Вечный Жид» Давида Пинского) был огромным, но ведомство Семена Диманштейна объявило театр на языке Библии националистическим и антисоветским. В ответ властям было направлено письмо, подписанное Станиславским, Немировичем-Данченко, Шаляпиным, другими самыми крупными деятелями сценического искусства. В нем говорилось:

«В своеобразии и многокрасочности художественных форм главное обаяние и притягательная сила искусства. Язык не может быть ни буржуазным, ни пролетарским, ни реакционным или прогрессивным. Язык — средство выражения человеческих мыслей. Нельзя заставить актера играть на языке, не созвучном его душе, не гармонирующем с персонажем, которого актер воплощает. Важно, чтобы игра и сценическое воплощение нашли отклик в душах зрителей, и этого “Габима” достигает»*.

Письмо было доложено Ленину, и он распорядился не трогать «Габиму».

Особый успех выпал на спектакль «Дибук» по пьесе С.Ан-ского** в переводе Х.Н.Бялика. (Пьеса была написана по-русски для Художественного театра, но Станислав-

* Цит. по: Свет Г. Еврейский театр в Советской России. КРЕ. С. 275.

** С.Ан-ский (Рапопорт) — талантливый писатель и крупный ученый-этнограф, возглавлял Еврейскую историко-этнографическую комиссию.

ский щедро подарил ее «Габиме».) Вахтангов был в восторге от пьесы и вложил в постановку весь свой замечательный талант. На премьере присутствовали Станиславский, Качалов, Москвин, Мейерхольд, Михаил Чехов, Шалапин, Горький, Шагал. Она стала театральной сенсацией.

Попытки евсекции и газеты «Дер Эмес» возобновить травлю «Габимы» первоначально успеха не имели, но со временем гонения усиливались, а защита ослабевала. Ранняя смерть Вахтангова поставила театр в трудное положение в чисто творческом плане, но еще хуже было все нараставшее политическое давление. В 1926 году, уехав на заграничные гастроли, театр в Советскую Россию не вернулся*. Возвращаться, собственно, было некуда, так как иврит к тому времени фактически стал запретным языком, а вся культура на этом языке — сплошное пепелище.

Ивритские типографии были национализированы еще в 1919 году и переданы евсекциям для издания литературы на идише. Многие писатели и преподаватели иврита пытались покинуть Россию, но запрет на эмиграцию сделал это почти невозможным. Только вмешательство Горького позволило семьям Бялика и еще одиннадцати писателей выехать из страны. (Дальнейшая творческая деятельность поэта протекала в Палестине, где он и умер в 1934 году.)

С отъездом Бялика еврейская культура на иврите в России осиротела, но не прекратила борьбы за выживание. Подросла новая поросль писателей. Некоторые из них были искренне преданы советской власти и писали вполне «партийные» произведения — «национальные по форме, социалистические по содержанию». Табу, наложенное на иврит, в их глазах было временным недоразумением или даже вредительством классового врага (представления вполне в духе времени!) Один из наивных поэтов, Й.Саарони, вспоминал через двадцать лет свою первую реакцию: «Запретить иврит? Это решение было столь нелепым, таким анти-Октябрьским»**. Другой поэт, Яков Борухин, под-

* Часть труппы осела в Нью-Йорке, часть — в Палестине. Сейчас театр «Габима» — один из ведущих художественных коллективов Израйля.

** Цит. по: Yehoshua A. Gilboa. Hebrew Literature in the USSR. В кн.: The Jews in the Soviet Russia since 1917, Oxford University Press, London, 1978, p. 227.

черкивал свою преданность советскому строю тем, что, подписывая свои произведения, рядом с именем неизменно писал: «Красный солдат ГПУ».

Все это не помогало, хотя, пользуясь некоторыми вольностями нэпа, частным образом удалось выпустить два-три коллективных сборника. Все они были подвергнуты грубому политическому разному в «Дер Эмес».

Обращения к властям с просьбой разрешить иврит либо оставались без ответа, либо следовал ответ, что закона, запрещающего иврит, нет, а потому нет надобности и в законе, его разрешающем.

Сопrotивление — все более безнадежное — продолжалось еще долго с поразительным, порой геройским упорством. В 1924—25 годах была проведена удивительная по дерзости и масштабу петиционная кампания. Из разных городов и местечек властям были направлены сотни писем от школьников, просивших ввести преподавание иврита в их школах. Молодежная сионистская организация размножила эти письма и широко распространила их в самиздате. Ответом стала еще более агрессивная кампания против «языка раввинов и буржуазии». Детей исключали из школ, активистов арестовывали, книги на иврите изымали из библиотек.

В 1928 году стало известно, что Максим Горький после нескольких лет эмиграции возвращается в Россию. Евреи, хорошо помнившие его эмоциональные выступления против антисемитских гонений, восприняли это известие с большой надеждой. В середине июня 1928 года тысячи энтузиастов иврита собрались на тайную сходку в лесу под Тверью, чтобы составить коллективное письмо М.Горькому.

«Трехмиллионная еврейская община России, — говорилось в письме, — не имеет ни одной газеты, еженедельника или ежемесячного журнала на иврите, ни одного книжного издательства. Каждый, кто захочет взять книгу на иврите в библиотеке, должен получить разрешение евсекции, но такие разрешения даются в очень редких случаях. Во всей Советской России нет ни одной школы, в которой изучали бы иврит. Дети и взрослые, которые берут частные уроки иврита, подлежат наказанию. Все наши просьбы и требования — глас вопиющего в пустыне. Мы

обращаемся к Вам, дорогой и мужественный борец за свободу культуры для всех народов. Возвысьте Ваш голос протеста против подавления нашей древней культуры»*.

Нора Левин высказывает предположение, что Горький либо не получил это письмо, либо его ответ не был доставлен адресату. То и другое не исключено, но возможно и третье: Горький письмо получил, но пальцем о палец не ударил и отвечать на него не стал. Ведь это был уже не тот Горький! Ивритский поэт Хаим Ленский, арестованный в конце 1934 года, тоже пытался воззвать к Буревестнику: «Моя единственная вина состоит в том, что я пишу на языке Библии и Бялика»**. (Он знал, как высоко Горький отзывался о Библии как памятнике культуры, и о поэзии Бялика.) Возможно, Горький и этого письма не получил, но не исключено, что просто выбросил его или оно еще отыщется в его необъятном архиве. Ленскому он не ответил и ничем не помог. Поэт умер в заключении в 1942 году; чудом уцелевшая, вернее, сохраненная другом-зэком, тетрадка с его лагерными стихами была издана в Израиле только в конце пятидесятых. Но это лишь малая часть его творческого наследия. Большая часть пропала, по-видимому, навсегда. Рукописи горят...

Но борьба продолжалась. Так, в 1930 году в Москве поэт Абрам Криворучка (Карив) основал подпольную учительскую семинарию. В ней училось 12 студентов, занятия проводились в квартире, снятой у одного крестьянина: группа якобы собиралась для совместной подготовки к поступлению на рабфак. Школа просуществовала полтора года, пока не была раскрыта чекистами. Понятно, что все 12 студентов (десять мужчин и две женщины) вместе с учителем были арестованы. Но в 1934 году Криворучке удалось вырваться из советского рая в Палестину.

Подпольные школы и кружки существовали во многих городах, в них бесплатно преподавали старые энтузиасты иврита — писатели и педагоги. Все они жили в большой бедности и лишениях, под постоянным страхом быть рас-

* Там же. Т. 1. С. 106.

** Gilboa. Ук. соч. С. 240. Автор восхищается необычайным богатством языка Ленского и его виртуозной поэтической техникой; Иегуда Слуцкий тоже отмечает «значительное дарование» Хаима Ленского.

крытыми и арестованными. Но энтузиазм их не иссякал. Они передавали друг другу уцелевшие в личных библиотеках книги и журналы. Иногда удавалось получать какие-то новинки из Палестины. Иногда отправлять туда свои произведения.

В числе наиболее значительных прозаиков исследователи называют Абрама Фримана, автора многотомной эпопеи под названием «1919». В романе показана жизнь евреев на Украине в разгар Гражданской войны. Главный герой романа, Соломон, организатор отряда еврейской самообороны, пытающегося противостоять погромщикам всех мастей. Ребята знают, что их ждет гибель, их девиз: «Продадим свою жизнь подороже». Роман писался в 20—30 годы, но в Советской России не мог быть опубликован. В Палестине вышло три тома, они принесли автору премию Бялика. Задуманы были еще один или два тома, но были ли они написаны, и если да, то какова их судьба, неизвестно.

Фриман не раз пытался уехать из Советского Союза, но его не выпускали. Арестовывали, освобождали, снова арестовывали, а в 1936 году уекли в лагерь на десять лет. Он отсидел от звонка до звонка, выжил, умер в декабре 1953-го.

Поразительна судьба поэта Элиши Родина. Его дарование, по оценкам специалистов, было скромным, и сам поэт это сознавал. Он говорил: «Я не принес с собой сюрпризов, но я принес свое сердце».

Ему пришлось вести войну на два фронта. Один фронт был там, где сражались все приверженцы иврита. Революции и советскому режиму Родин не мог простить профанацию Библии, как и то, что ее надо прятать: говоря его словами, обертывать «Правдой», чтобы «уберечь от дурного глаза». Но не менее важным для него был второй фронт, который проходил по сердцу его единственного сына, Гриши. Каждый день, когда мальчик возвращался из школы, отец садился с ним в запертой комнате и читал ему главы из Библии, чтобы «проветрить его мозги», набиваемые в течение дня «пятилеткой и надругательством над Богом, иудаизмом, человечностью». Борьба была неравная: «их много, а я один». Поэт боялся, что из сына вырастет советский монстр, еще один Павлик Морозов. Драма усугублялась тем, что жена не поддерживала поэта. Она хотела жить как

все, и чтобы сын ее был как все, и чтобы муж выкинул из головы дурь: жил как все, и зарабатывал как все. Его не раз тягали в НКВД для зловеще-душещипательных бесед. Его упрямство пугало жену: она боялась угодить в лагерь за то, чему не сочувствовала. Она ушла и забрала сына.

Парадоксально, но разлука отца с сыном их сблизила. Повзрослевший мальчик сам писал стихи — не на иврите, конечно, а на русском, но в них слышались отцовские мотивы. Когда разразилась война, Грише было шестнадцать лет. Он добровольцем пошел на фронт, вероятно, накиннув себе годы; в марте 1942 года погиб под Калинином. Потрясенный отец написал поэму о сыне и послал ее в ... военную цензуру. Вот его сопроводительное письмо (в обратном переводе с английского):

«Уважаемые товарищи из военной цензуры!

Посылаемые при сем стихи — о моем сыне Родине Григории Абрамовиче*, который добровольно пошел на фронт и погиб под Калинином 14 марта 1942 года. Стихи написаны на языке Библии. Это язык моего детства, язык моего народа, это мой музыкальный инструмент, потому что только на этом языке я умею выражать свои чувства. Я прошу показать их человеку, достаточно знакомому с языком, честному и никак лично не причастному к еврейским национальным устремлениям в Палестине. Я убежден, что точный и честный перевод моих стихов позволит вам без промедления направить их в Палестину, потому что они служат нашей общей цели: победе над Гитлером. В память о моем сыне, который незадолго до гибели выражал удовлетворение тем, что я о нем пишу, я прошу отнестись к моим стихам с должным вниманием и отправить их в Палестину, где публикуются мои работы»**.

Чем было вызван этот отчаянный демарш? Прежде Родин переправлял свои произведения в Палестину, не спрашивая разрешения властей. Может быть, война перекрыла его каналы связи? Или то была последняя попытка вразу-

* Не понимаю, почему имя «Элиша» трансформировалось в отчетство «Абрамович», но так в источнике.

** Yehoshua A. Gilboa. Hebrew Literature in the USSR. В кн.: The Jews in the Soviet Russia since 1917, Oxford University Press, London, 1978, p. 237—238.

мить властвующих варваров, что язык Библии пригоден для вполне «пролетарских», «патриотических» писаний? Безумство храбрых!..

Самое поразительное то, что оно привело к успеху.

Чье-то каменное партийно-бюрократическое сердце на минуту размякло. Не поднялась рука запретить отцу, отдавшему родине несовершеннолетнего сына, воспеть его на том языке, на каком он только и умел. В 1943 году в Тель-Авиве была издана книжка Элиши Родина под названием «Сыну». В нее, кроме стихов, вошло письмо дивизионного комиссара, сообщавшего об обстоятельствах геройской гибели Гриши, и письмо автора в цензуру.

Счастливым конец тяжелой драмы? Это было бы не по-советски.

Авторский экземпляр книги Родина был послан из Тель-Авива на адрес Еврейского антифашистского комитета, где поэт внештатно подрабатывал. Но бандероль из логова «сионизма и клерикализма» всполошила партийных надзирателей, которыми был нашпигован Комитет. Адресату пакет не отдали, а само его поступление — скрыли. Поэт скончался в Москве в 1947 году, так и не «воссоединившись» с собственной книгой, может быть, даже не зная о выходе ее в свет. Уже то хорошо, что «умер в своей постели». Проживи он еще пару лет, такой конец был бы менее вероятен.

Так была утоплена Атлантида, под названием «Ивритская культура в СССР».

Какое отношение ко всему этому имеет книга А.И. Солженицына? Очень небольшое. В пятисотстраничной толще его второго тома, посвященного тому, как русские и евреи жили *вместе* под красным стягом, уничтожению ивритской культуры посвящено несколько скупых фраз в разных местах. Подробности опущены, людские судьбы автору не интересны, названо вскользь только одно имя — Бялик. Но чего автор не забывает, так это подчеркнуть, что «по настоянию Евсекции Еврейский комиссариат объявил иврит “реакционным языком”» (т. II, стр. 253), словно Евсекция и Евком были не инструментами большевистской власти, а самой властью. Создается впечатление, что евреи *сами* громили свою культуру — не *вместе* с русскими большевиками, а *отдельно*.

При большой скупости в освещении разгрома еврейской культуры Солженицын довольно щедро повествует о том, как в те же 20-е годы досужие эмигранты, русские и евреи, собирались *вместе* в уютных парижских кафе — потолковать о росте в Советской России антисемитизма. Причина этого роста объяснялась тем, что «“долго угнетенное [при царизме] русское еврейство, получив свободу [!], ринулось завоевывать позиции, до сих пор ему недоступные“, что и раздражает русских» (т. II, стр. 195). Держась «средней линии», Солженицын не забывает сообщить, что некоторые русско-еврейские парижане категорически возражали против того, чтобы сажать еврейский народ на скамью подсудимых. Но никто, похоже, не называл истинную причину роста антисемитских настроений: проводимую властью политику культурного геноцида евреев. Кажется, очевидно, что политический курс власти не может не влиять на подвластное население. Но завсегдатаи парижских кафе не замечали этой очевидности. Так, во всяком случае, получается — по Солженицыну.

Интерес к ивриту стал оживать лишь в семидесятые годы — в узком кругу евреев-отказников. Но это не было *возрождением* ивритской культуры в стране. Отказники были нацелены на эмиграцию и ставили перед собой утилитарную задачу: осваивать язык страны своего будущего проживания. Но даже этому невинному занятию власти препятствовали, как только могли.

В Советской России частное преподавание не было запрещено. Требовалось только зарегистрироваться, отчитываться в получаемых доходах и платить налоги. Преподавать можно было математику, физику, биологию, литературу, русский и иностранные языки. Но не язык «клерикалов, эксплуататоров и сионистов». Преподавателям иврита отказывали в регистрации, а затем преследовали за тунеядство. Иосифу Бегуну такое «тунеядство» стоило нескольких обвинительных приговоров и десяти лет тюрем, лагерей, ссылок и пересылок.

Такую *свободу* получили евреи от большевиков.

«Прогрессивный» язык

«Культуру на идише ждала судьба гораздо оживленнее», пишет Солженицын (т. II, стр. 253), в чем, несомненно, прав. Взяв с первых же лет, даже месяцев советской власти, курс на искоренение «реакционного» языка, большевики активно противопоставляли ему «прогрессивный» идиш — бытовой язык основной массы еврейского населения России. По сравнению с ивритом это был язык сравнительно молодой, не универсальный (на нем говорили евреи Восточной Европы, но не «сефарды», бухарские, горские и другие) и, так сказать, заемный: производный от немецкого.

После изгнания из Испании (конец XV века), значительные массы евреев осели в германских государствах, где и переняли разговорный язык местного населения, пополняя его гебраизмами — для обозначения некоторых особенностей внутренней жизни еврейских общин. Для письменных сношений использовали древнееврейский алфавит и некоторые правила письма (справа налево). Так образовался идиш. Мигрируя дальше на восток, в славянские земли, евреи (ашкенази) продолжали пользоваться этим языком, хотя его словарь постепенно пополнялся славянизмами.

Ревнителю библейского языка смотрели на идиш свысока, именовали его «жаргоном» (испорченным немецким), считали языком плебеев и невежд. Когда началось сионистское движение, то вопросов об официальном языке будущего еврейского государства не возникало — им, конечно, должен был стать иврит.

Зато противники сионизма, предпочитая синицу в руке журавлю в небе, то есть считая, что еврейские массы должны добиваться равных прав и лучших условий жизни в самой России (Германии, Австро-Венгрии, Румынии и т.д.), были поборниками идиша.

Борьба между двумя направлениями была не только неизбежной, но и плодотворной: она способствовала осовремениванию иврита и культурному обогащению идиша. То, что в конце XIX — начале XX века наступил расцвет

литературы на иврите (Бялик) и на идише (Шолом-Алейхем), видимо, не в последнюю очередь стало результатом соперничества между двумя ветвями еврейской культуры.

Все резко изменилось, когда большевики стали наводить революционный порядок «на еврейской улице». Ополчившись против иврита, они должны были искать опору в идише. В местах компактного проживания евреев, то есть в основном в местечках бывшей черты оседлости, создавались даже еврейские советы, все делопроизводство в них велось на идише. По данным Норы Левин, к 1927 году таких советов было 130, а к 1932 году — 168. Избирались в них, как повсюду в СССР, «кандидаты блока коммунистов и беспартийных» — советские выборы без выборов. Но и в этом «празднике жизни» могло участвовать только 11 процентов еврейского населения. Остальные 89 процентов либо проживали не компактно, либо не имели права голоса. Нора Левин подсчитала, что в местечках из десяти *лишенцев* восемь были евреями, так что говорить о том, будто эти советы в какой-то мере «представляли» еврейское население можно с очень большой натяжкой. Их задача состояла в том, чтобы проводить в жизнь директивы вышестоящих властей на понятном населению языке.

На Украине, в Белоруссии и западных областях Российской Федерации (бывшая черта оседлости) создавались еврейские школы, техникумы, исследовательские учреждения, отделения в некоторых педагогических вузах и университетах. Издавались на идише газеты, журналы, работали книгоиздательства, театры.

В 1921 году в Москве был открыт Еврейский камерный театр, скоро ставший Государственным Еврейским театром (ГОСЕТ). Его основатель и художественный руководитель Александр Грановский был профессионалом высокого класса, учеником выдающегося немецкого режиссера Макса Рейнхарда. Его красочные, музыкальные, феерические спектакли пользовались большой популярностью, театр уверенно вошел в обиход ведущих театров Москвы, его посещали не только евреи. Правда, Грановский доверия властей не оправдал. В 1928 году театр отправился в длительные зарубежные гастроли, после чего руководитель труппы на родину не вернулся.

Советские власти немало потрудились над тем, чтобы *помочь* Грановскому стать «невозвращенцем». Триумфальный успех театра в Европе не на шутку их всполошил. О гастрольных спектаклях ГОСЕТа с восторгом отзывались виднейшие интеллектуалы Европы, о нем наперебой писали газеты самых разных направлений — как «буржуазные», так и коммунистические, тогда как советская пресса хранила молчание. А затем в «Вечерней Москве» от 6 октября 1928 года (гастроли начались в марте!) появилась очень двусмысленная статья наркома просвещения А.В.Луначарского. Он писал о заграничном турне ГОСЕТа: «Успех его можно назвать смешанным. С одной стороны, нет никакого сомнения, что и пресса, и очень значительная часть публики всюду, где появляется этот театр, приветствует его тонкое и острое искусство, с другой стороны, некоторые газеты — часть буржуазной и даже эмигрантской печати — всячески стараются ослабить политическое значение этого успеха, заявляя, что в театре нет и следа какой-либо советской идеологии, что этот театр чужеродный у нас и непоказательный для подлинного лица нашего театра. К сожалению, руководители Еврейского театра, по-видимому, не сделали всего, что предписывал им прямой советский долг для того, чтобы резко опровергнуть такого рода ложные суждения и подчеркнуть свою коренную принадлежность именно к советскому театру, о чем мы так часто слышали от них здесь, в Москве»*.

Возможно, опасаясь того, что ГОСЕТ последует примеру «Габимы», Москва приказала театру прервать гастроли и вернуться. Грановский к этому времени успел заключить годовой контракт на осуществление нескольких постановок в Берлинском театре и, то ли под этим предлогом, то ли по этой причине, задержался на Западе. В Москве тотчас распространились слухи, что он навсегда остался за границей, порвал с СССР, с ГОСЕТОм. Грановский опроверг их письмом в «Известия». Такие же наветы опровергал Соломон Михоэлс, ставший временным (так казалось ему и другим) художественным руководителем театра. По мнению биографа Михоэлса, «кампания, поднятая в

* Цит. по: Гейзер М. Соломон Михоэлс. М.: изд-во «Прометей», 1990. С. 87.

печати против Грановского, была спланированной, целенаправленной»*, так что Грановский побоялся вернуться.

При всех успехах ГОСЕТа, театр подвергался все более жестким проработкам. Чтобы спасти театр, нужно было «повернуться лицом к современности», то есть ставить «идейные», хотя и слабые пьесы. Такие и были поставлены под руководством Михоэlsa, чем он выторговал себе право на создание «Короля Лира» и ряда других спектаклей, которые обессмертили его имя и утвердили славу ГОСЕТа как театра мирового класса. Платить за это приходилось дорого. В том числе публично отмежевываться от своего учителя (чем ему уже нельзя было повредить), петь хвалу товарищу Сталину, словом, проводить партийную линию.

Выдающийся талант артиста, помноженный на личное обаяние, общественный темперамент и умение ладить с властями, определили то уникальное положение, какое занял Михоэлс в культурно-общественной жизни на излете 1930-х годов. Оно стало еще более значимым и весомым в годы войны, когда он возглавлял Еврейский антифашистский комитет. Когда его хоронили (1948), «среди сотен венков было [только] четыре еврейских». Об этом напомнил его преемник и ближайший сподвижник Вениамин Зускин на *Неправедном суде* над еврейской культурой. Зускин пытался напомнить судьям, что «буржуазный националист» Михоэлс отнюдь не замыкался в среде евреев**.

Общественная роль, которую играл Михоэлс почти два десятилетия, была столь же трагична, как лучшая его сценическая роль. Пожалуй, еще трагичнее. Ибо если король Лир отказался от королевства по собственной прихоти и высокомерию, то королевство Михоэlsa таяло и сжималось, как шагреновая кожа. То была роль хранителя неумолимо гаснущего (гасимого!) очага.

Аналогичной была роль его сподвижников — ведущих мастеров культуры на идише, хотя большинство из них осознали это с опозданием.

* Цит. по: Гейзер М. Соломон Михоэлс. М.: изд-во «Прометей», 1990. С. 91.

** *Неправедный суд*. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. Ответственный редактор — профессор В.П.Наумов. М.: «Наука», 1994. С. 308. (Показания В.Зускина.)

Гражданская война и политика военного коммунизма заставили ряд еврейских писателей (писавших на идише) покинуть страну. Но во второй половине 20-х годов некоторые стали возвращаться. Их захватила волна сменовеховства: если не *вместе* с русскими коллегами, то параллельно с ними они двинулись назад, в «Каноссу».

Из русских писателей, вернувшихся из эмиграции, наиболее известны Алексей Толстой, Илья Эренбург; позднее — Александр Куприн (похоже, желавший только умереть на родине) и Марина Цветаева (которая умирать не хотела, но жить не смогла); тем же потоком оказались захвачены Давид Гофштейн, Дер Нистер, Перец Маркиш, Лев Квитко, Давид Бергельсон. Того, что писатели-гебраисты в те самые годы пытались выбраться из России, они не могли не знать. Не исключено, что на каких-то пограничных пунктах им доводилось встречаться с беглецами. Нетрудно представить себе, как усмешливо глядели они друг на друга, вертя у виска указательным пальцем — как в известном анекдоте.

Наслышанные о «безграничных возможностях» для развития еврейской культуры на идише в Стране Советов, писатели возвращались окрыленными. Однако действительность очень скоро стала подрезать им крылья.

Прежде всего, оказалось, что хотя более 70 процентов евреев считали своим родным языком идиш*, в школах на этом языке училось не больше 20—25 процентов еврейских детей, главным образом, из-за нехватки учителей. Старые квалифицированные учителя были на подозрении — если не в прямой контрреволюции, то в недостаточной пролетарской сознательности, в отсутствии боевитости по отношению к религии, в «идишизме» (как бы дико это не звучало, но в еврейских школах это считалось грехом!). Доверить им юное поколение строителей коммунизма советская власть не хотела, а учителей рабоче-крестьянского происхождения и образа мыслей готовить не успевала.

Что касается еврейских «масс», то к советизированным еврейским школам, они относились, мягко говоря, с прохладцей. В этих школах велась массивная атака на иуда-

* Данные переписи населения 1926 года.

изм, причем в самой вульгарной форме. Подвергались поношению традиционные еврейские праздники, правила кошерной пищи, субботний отдых, сложившиеся веками обычаи и обряды. Большинство родителей — даже неверующих — не хотели расставаться с традициями, составлявшими важную часть жизни еврейской семьи. Они предпочитали отдавать детей в русские или украинские школы. Там тоже велась антирелигиозная пропаганда, но более общего характера: в ней не было целевой анти-иудейской направленности. Если ребенок не приходил на занятия в субботу или в день религиозного праздника, то в русской школе на это смотрели как на обычный прогул, в еврейских же школах родителей требовали к ответу.

Но для того, чтобы еврейский ребенок был принят в русскую школу, одного желанья было мало: детей записывали только в еврейскую школу, если таковая имелась в наличии, хотя — кроме языка — ничему еврейскому в них не учили. Не только религия была под запретом, но и еврейская история (вместо нее преподавали предмет «классовая борьба у евреев»), и история еврейской литературы (разрешалось знакомить детей с творчеством только трех дореволюционных писателей — Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер Сворима и Ицхока Переца — и ни одного из живших за пределами СССР). Сам язык преподавался на примитивном уровне: это был реформированный и советизированный идиш. Из него изгонялись слова древнееврейского происхождения, их заменяли славянизмами (в основном русизмами). Написание слов было изменено на фонетическое, благодаря чему слова древнееврейского происхождения, которые не удалось вовсе изгнать из идиша, писались иначе, чем на иврите. Даже сам алфавит подвергся ревизии: из него убрали пять «лишних» букв. Во благо ли была реформа алфавита или во вред, я не берусь судить (русский алфавит тоже освободили от нескольких букв — вроде бы без заметного ущерба). Важнее то, что любое несогласие с «революционными» новшествами клеймилось как «националистический уклон, чуждый пролетарских идей». Хорошо хоть «не делали серьезных попыток вообще отказаться от древнееврейского алфавита и перейти на латиницу или кириллицу, что проделывали с некоторыми

другими языками»*. А ведь могли бы. Так что — спасибо партии за это!

Учителю отводилась ключевая роль не только в школе, но и во всей жизни местечка. Ему надлежало вести просветительскую работу среди населения — выступать с докладами, лекциями, устраивать «красные уголки», развешивать плакаты и прочую наглядную агитацию. Во многих случаях учитель был в местечке единственным интеллигентом, проводившим партийную линию. Директор Бюро образования центральной Евсекции Михаил Левитан уже в 1923 году докладывал, что советская еврейская школа стала «революционизирующим фактором» еврейской жизни**.

Еврейская школа создавалась для быстрейшей «советизации» подрастающего поколения, а не для приобщения его к ценностям национальной культуры, потому и долгосрочных перспектив для ее развития не было.

Революция и Гражданская война более чем вдвое сократили еврейское население страны: граница Советской России разрезала бывшую черту оседлости на две неравные половины, большая ее часть оказалась за кордоном (Польша с Западными областями Украины и Белоруссии, Бессарабия, отошедшая к Румынии, Прибалтийские страны). Затем число советских евреев, читавших и говоривших на идише, продолжало сокращаться, а без читателей не может быть и писателей. Но пока писатели *были*, между ними шла грызня — точно такая же, как и в *большой*, русской литературе.

В обеих литературах группы писателей объединялись в два основных лагеря: «пролетарских писателей» и «попутчиков». Даже названия изданий, вокруг которых концентрировались представители двух лагерей, были сходными. У пролетарских русских писателей был журнал «Октябрь»; пролетарские еврейские писатели издали коллективный сборник «Октябрь». Главным журналом русских попутчиков была «Красная новь», и на идише был выпущен сборник с похожим названием «Найерд». Позднее каждая из групп смогла издавать свой журнал: в Минске — пролетарский ежеме-

* Nora Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 182.

** Там же. С. 177.

сячник «Дер штерн» («Звезда»), в Харькове — ежемесячник «Ди роте вельт» («Красный мир»). «“Октябрь” — наш, “Найерд” — с нами», — так пролетарская критика проводила различие между двумя лагерями. Лишь не зная обстановку тех лет, можно считать его несущественным.

Среди попутчиков было немало талантливых прозаиков и поэтов; но, в силу непролетарского происхождения и интеллигентских шатаний, они то и дело впадали в какую-нибудь буржуазную ересь. Израильский исследователь советской литературы на идише Хаим Шмерак приводит документ, в котором пролетарский критик классифицировал ереси попутчиков.

1. Писатели отделяют себя от реальной жизни. Замыкаются в индивидуализме и символизме. — *Дер Нистер, Л. Резник.*

2. Идеализация уходящих классов, эмоциональная вовлеченность в их жизнь. — *Н. Лурье.*

3. Пассивное отношение к жизни. — *Й. Кипнис.*

4. Эпикурейство, преувеличение ценности уходящего мгновения. — *З. Аксельрод.*

5. Отсутствие собственной позиции, нейтральность, отстраненность — *общее зло**.

Шмерук добавляет, что список грехов и грешников легко можно было бы пополнить: постоянному клеймению подвергались «еврейский шовинизм» и «национализм», в чем обвинялись Перец Маркиш, Самуил Галкин, Эзра Фининберг, С. Розин, Л. Квитко, А. Каган**.

Во главе пролетарской критики стоял Моше Литваков, главный редактор главной партийной газеты «Дер Эмес» («Правда»). Литваков был одним из нескольких большевистских функционеров относительно высокого ранга, кто, как Семен Диманштейн, получил традиционное еврейское образование. Он превосходно владел ивритом, разбирался в религиозной литературе, в молодости даже слыл выдающимся талмудистом. Он получил и светское образование: живя в эмиграции в Париже, окончил Сорбонну. До рево-

* Цит. по: Shmeruk Ch. Yiddish Literature in the USSR. В кн.: The Jews in the Soviet Russia since 1917, Oxford University Press, Oxford-London-New York, 1978, p. 259.

** Там же.

люции он состоял в партии сионистов-социалистов, то есть, по большевистским понятиям, был буржуазным националистом. Октябрь и последующие события помогли ему изжить «заблуждения». В 1921 году он вступил в компартию и стал видным деятелем Евсекции, где остро не хватало людей, знакомых с еврейской культурой. Как главный редактор «Дер Эмес», Литваков фактически возглавил всю большевистскую печать на идише. Ведя войну с ивритом, он не оставлял в покое и писателей-идишистов, бдительно выискивая у них всевозможные «уклоны».

В 1929 году были изданы две книги Переца Маркиша — роман «Из века в век» и поэма «Братья». Они были восприняты как большой успех еврейской литературы. Но на их презентации (как теперь бы сказали) Литваков обвинил автора в узко национальном подходе к революции, в воспевании жертвенности, в том, что все революционеры в его романе — евреи, а русских и украинцев нет. Маркиш возразил, заметив, что в романах русских писателей, как правило, действуют только русские революционеры и это считается нормальным; почему же в еврейском романе не могут быть выведены только еврейские революционеры? Газета «Дер Эмес» назвала вылазку попутчика «ужасом ада».

Но внимание партийных надсмотрщиков переключилось на другого еретика, Лейба Квитко. В его книге сатирических стихов высмеивался сам Литваков — «каркающая птица» (буквально «вонючая птица»), которая мельничным жерновом повисла на шее еврейской литературы.

Смелость поэта объяснялась тем, что партия проводила кампанию «критики и самокритики, невзирая на лица», так что Квитко просто выполнил социальный заказ. Но...

Партийная инквизиция как раз снимала стружку с Бориса Пильняка, чья повесть «Красное дерево» была забракована цензурой, но вышла в Германии. Спустить такую «антисоветскую» акцию власти не могли. Пильняк должен был уйти с поста председателя Всероссийского союза писателей и с тех пор (вплоть до гибели в чекистском застенке) оставался в опале. В *малой* еврейской литературе требовалось найти козла отпущения, дабы в бдительности не уступать старшему брату. Квитко и выпала роль еврейского

Пильняка. Его стихотворение было расценено как контрреволюционный акт. Ситуация обострилась еще сильнее, когда Давид Гофштейн написал письмо в защиту Квитко. Он привел выдержки из скулодробительных статей Литвакова, показав, что проводимая им линия ведет к деградации еврейской литературы. Не имея возможности опубликовать свое письмо, Гофштейн разослал его многим видным писателям и литературным надсмотрщикам. Литваков поднял перчатку и разгромил вылазку еще одного «классового врага».

Все это совпало с нападками на ГОСЕТ после его гастролей и невозвращенчества Грановского, что еще больше сгустило тучи над еврейской культурой. Но вдруг «пролетарская диктатура» Литвакова оборвалась: ему был нанесен удар с тыла, откуда он меньше всего мог его ожидать. Своей мощной фигурой Литваков заслонял дорогу молодым пролетарским критикам, и они давно уже вострили когти. Случай представился, когда Литваков похвально отозвался о поэтическом сборнике Самуила Галкина, одного из самых талантливых, хотя и не громких, еврейских поэтов. Образный строй поэзии Самуила Галкина восходил к традиционной еврейской лирике, к библейским мотивам; «светлое будущее» еврейской культуры в стране социализма ему представлялось мрачным. Для партийных ортодоксов это были страшные преступления, но даже на Литвакова подействовала проникновенная лирика поэта*. В эту ахиллесову пяту и впились стрелы «молодых пролетарских критиков». У Литвакова обнаружили тайное почитание иврита и тайный национализм. Заодно в тайном национализме было обвинено все руководство Евсекции, вскоре ликвидированной. Литваков был арестован в 1937 году — вместе с Диманштейном и другими бывшими руководителями Евсекции. В том же году он умер в застенке, вероятно, не выдержав пыток. Гонимые им поэты и писатели к тому времени уже не числились в попутчиках, а,

* Именно Самуилу Галкину Михоэлс позднее поручит составить перевод «Короля Лира», а затем поставит по его пьесе спектакль «Суламифь», считающийся одним из вершинных достижений ГОСЕТа. Самуил Галкин чудом не оказался в числе обвиняемых по делу ЕАК и избежал расстрела в 1952 году. Умер в 1960-м.

напротив, вошли в фавор и пользовались привилегиями элиты, платя за это обязательную партийно-патриотическую дань.

«Пролетарские критики» не только блюли идеологическую чистоту, но становились законодателями эстетических норм. Все более обязательным становилось фанфарное воспевание «социалистического строительства города и деревни». Положительными героями могли быть только строители коммунизма с правильным классовым сознанием; а отрицательными — враги социализма, лишенные каких-либо симпатичных черт. Никакой символики, никаких подтекстов, сложных ассоциаций, никакого «национализма» (этот ярлык наклеивался на все еврейское).

«Следует подчеркнуть, что многие произведения, признанные непригодными для печати, до нас не дошли. Мы также не располагаем оригинальными текстами произведений, “исправлявшихся” различными цензорами», — отмечает Х.Шмерук, указывая, что первым цензором своих произведений должен был быть сам писатель*.

О том же Юдель Марк:

«Литература находилась как бы в обручах. Чистая лирика почиталась контрреволюцией. Национальные эмоции — до [Второй мировой] войны — находились под табу. Писатель мог описывать только настоящее или недавнее прошлое. За это духовное закрепощение писатель получал свою “порцию мяса”. Он принадлежал к привилегированным в советском обществе. Материально он был обеспечен, но, с другой стороны, у него возрастал страх за завтрашний день — как бы не провиниться и не утратить все привилегии, а может быть, как в период чисток в 30-х годах, и самую жизнь. В таких условиях почти невозможно знать — что в данном произведении написано в соответствии с побуждениями писателя, а что продиктовано страхом или погоней за специальным вознаграждением»**.

Одним из самых даровитых писателей был Дер Нистер (Пинхус Каганович), но он не умел и не хотел подлаживаться под партийные директивы. До революции он сделал себе имя как тонкий стилист-символист. Но в советские

* Shmeruk Ch. Ук. соч. С. 257.

** Марк Ю. Литература на идиш в Советской России. КРЕ. С. 220.

годы ему приходилось зарабатывать на жизнь репортерством и иной поденщиной. В отчаянии он обратился к брату, жившему в Париже, за материальной поддержкой, без чего он не мог бы написать давно задуманный роман. Его письмо позволяет проникнуть в ту тяжелую атмосферу, в которой задохнулась еврейская литература под железной пятой пролетарской диктатуры.

«Если ты меня спросишь, почему мне пришлось заниматься технической работой, а не творческой, я отвечаю тебе, что то, что я писал до сих пор, вызывало в моей стране жесткую оппозицию. Этот товар не пользуется спросом. Символизму нет места в Советской России, а как ты знаешь, я всегда был и остаюсь символистом. Очень трудно такому человеку, как я, который с такими усилиями оттачивал свой метод и свою манеру письма, перейти к реализму. Это не вопрос технических навыков. Тут надо заново родиться. Надо вывернуть наизнанку свою душу. Я проделывал над собой некоторые эксперименты. Сначала ничего не получалось. Теперь, кажется, я нашел путь. Я начал писать книгу, которую я и мои близкие друзья считаем важной. Я хочу весь отдать этой книге. Она о моем поколении, обо всем, что я видел и воображал. До сих пор почти невозможно было ею заниматься, потому что все мое время уходило на то, чтобы зарабатывать на жизнь. За мои прежние произведения я не мог получить ни копейки... Но я обязан написать эту книгу, если не напишу, мое внутреннее «я» погибнет. Если я этого не сделаю, я буду вычеркнут из литературы и из жизни, потому что не мне тебе объяснять, что для писателя жить — значит писать, а если он не пишет, то и не живет»*.

В 1939 году увидел свет первый том дилогии Дер Нистера «Семья Машбер» (в 1947 году — второй том). «Во вступлении автор еще платит кой-какую дань властям, но не в самом романе, где дано описание Бердичева с семидесятих годов прошлого столетия. С большой симпатией изображаются в нем талмудисты и хасиды, особенно верные ученики реб Нахмана из Брацлава. Перед нами встают незабываемые образы верующих евреев. Этот роман — самое

* Shmeruk Ch. Ук. соч. С. 265—266.

несоветское и внутренне самое свободное произведение еврейской прозы в Советском Союзе. Дер Нистер остался верен самому себе также в рассказах военных лет. Его три рассказа «Жертвы» — подлинные жемчужины»*.

Как такие произведения могли увидеть свет? Вероятно, в этом одно из многих чудес страны чудес. Если бы все партийные доктрины в области культуры, как и в хозяйственной жизни и вообще в жизни, проводились с железной непреклонностью, то страна просто вымерла бы.

Как выжить, как удержаться на плаву и не утратить свое творческое лицо, свое неповторимое видение мира? Перед такой дилеммой постоянно находился Михозэлс, его театр, каждый одаренный писатель. Но не каждый был Дер Нистером. Как в русской литературе не каждый был Михаилом Булгаковым, или Осипом Мандельштамом, или Анной Ахматовой, или Михаилом Зощенко. Впрочем, и Булгаков пытался «реабилитироваться» пьесой о Сталине, и Ахматова пела осанну вождю («И благодарного народа/ Он слышит голос: “Мы пришли/Сказать — где Сталин, там свобода/Мир и величие Земли”»), и Зощенко писал слащавые рассказы о Ленине, участвовал в сборнике о Беломорканале. Все были *вместе* — в одной лодке. Всех одинаково трясло, хотя и не одинаково тошнило. Давид Бергельсон, тонкий прозаик, стал писать «соцреалистические» романы. Лейб Квитко, зализав раны, нашел свою нишу в сочинительстве детских стишков, на каковом поприще стяжал невероятную для этнического поэта популярность. Его пионерские стихи, легкие, как считалки, и в то же время очень «идейные», «тимуровские», переводились на русский и многие другие языки, издавались миллионными тиражами, входили в школьные учебники и хрестоматии. Но когда дошло до награждения писателей орденами (1939), единственный орден Ленина, выделенный для еврейской литературы, достался не Квитко, а Маркишу, хотя, по свидетельству его супруги, «многие поглядывали на Маркиша, как на обреченного. Трудно установить сегодня, отчего Маркиш остался в то время на свободе»**. (Но она тут же дает правдоподобное объясне-

* Марк Ю. Ук. соч. С. 225.

** Маркиш Э. Ук. соч. С. 102.

ние: «Одна из версий сводится к тому, что Сталин в беседе с Александром Фадеевым говорил о Маркише как о прекрасном поэте. Могущественный Фадеев поспешил принять это к сведению, и Маркиш до времени избежал судьбы многих своих коллег»*.

Вероятно, самыми страшными для культуры (еврейской, русской и всех культур, «национальных по форме и социалистических по содержанию») были не «колодки, в которые власть загоняла литературное творчество» (Ю.Марк), а то, что писатели сами загоняли себя в эти колодки. («Не носите, евреи, ливреи,/ Не ходите вам в камергерах, евреи», — поколением позже подведет грустный итог Александр Галич.)

«Мне вспоминается очень тяжелый разговор в доме наших друзей, — читаем у Эстер Маркиш, — разговор очень откровенный и по тем временам [тот же конец 1930-х гг.] смертельно опасный. Все вещи назывались своими именами, говорили о Сталине и о терроре. Маркиш не выдержал, рванул ворот рубахи, закричал: “Хватит! Я не могу больше!” — и выбежал вон. На улице он сказал мне: “Если я перестану верить, я не смогу написать больше ни строчки!”» Маркиш, объясняет его жена, «был “подкован политически” в той мере, в какой требовалось, но продумать политическую ситуацию до конца и сделать выводы он не умел. А может быть, и не хотел, потому что, продумав и сделав выводы... надо было покончить с собой или, по малой мере, перестать писать, а перестать писать было бы для Маркиша тоже смертью»**.

В большей или меньшей мере это замечание можно отнести к любому из *лучших* писателей эпохи (о *худших* не говорим).

Со второй половины 1930-х годов партия взяла курс на ликвидацию культуры на идише. Еврейские школы были закрыты, издания стали сворачиваться, волна репрессий унесла некоторых еврейских писателей. Процесс был заторможен нападением Гитлера на Советский Союз. То есть многократно ускорен, но инициатива «окончательного решения» перешла в руки нацистов. А поскольку «враг моего

* Маркиш Э. Ук. соч. С. 102.

** Там же. С. 89.

врага мой друг», то Сталин сообразил, что евреи могут еще пригодиться.

При Совинформбюро был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). Одновременно были созданы антифашистские комитеты ученых, женщин, молодежи, но, похоже, что наиболее эффективным оказался именно ЕАК. Он готовил тысячи статей, очерков и различных материалов — о зверствах нацистов и о героической борьбе против них Советского Союза. Пройдя советскую цензуру, эти материалы направлялись в зарубежные издания — еврейские и общие, и производили нужное партии и правительству впечатление.

Триумфальная поездка в Америку в 1943 году Соломона Михоэlsa и приставленного к нему в качестве политкомиссара Ицика Фефера (пролетарского поэта и негласного агента НКВД) позволила собрать огромные средства и принести политические дивиденды.

После победы Сталин снова взял дело «окончательного решения» в свои руки, а поскольку ЕАК стал помехой для осуществления его планов, его решили ликвидировать вместе с активом.

В ноябре 1947 года в ГОСЕТе до глубокой ночи шли репетиции спектакля к 30-летию революции. В одну из таких ночей, уже в три часа утра, когда актеры стали расходиться, Михоэлс попросил своего ближайшего сподвижника Вениамина Зускина задержаться.

«Он пригласил меня к себе в кабинет и показал мне театральным жестом Короля Лира место в своем кресле. “Скоро ты будешь сидеть вот на этом месте”. Я ему сказал, что я меньше всего желаю занимать это место. Далее Михоэлс вынимает из кармана анонимное письмо и читает мне. Содержание этого письма: “Жидовская образина, ты больно высоко взлетел, как бы головка не слетела”. Это было письмо, которое он мне показал и о существовании которого я никому не говорил, даже собственной жене. После этого Михоэлс разорвал это письмо и бросил. Это было при мне. Вот как было дело до 1948 года»*.

* Показания В.Зускина цит. по: Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. Ответственный редактор профессор В.П.Наумов. М.: «Наука», 1994. С. 308.

Через три месяца Зускин занял место убитого Михоэlsa, но дни театра уже были сочтены.

Вслед за арестом ведущих деятелей еврейской культуры было ликвидировано еврейское отделение Союза писателей, закрыты еврейские театры по всей стране, закрыты газеты, издательства. Даже сам шрифт был вывезен и исчез. Идиш стал таким же запретным языком, как и иврит. Вторую ветвь еврейской культуры постигла та же участь, что и первую — со сдвигом в полтора десятка лет. В 1952 году вышел 15-й том второго издания БСЭ; в статье «Евреи» сказано: «*в прошлом* на идиш[e] говорили е[вреи] России» (курсив мой. — С.Р.)*. В прошлом — не в настоящем!

Правда, сталинские соколы несколько опережали события: по переписи населения 1959 года 25 процентов евреев назвали своим родным языком идиш. (Впрочем, большинство из них — жители или выходцы из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии, куда советская власть пришла — и процесс насильственной денационализации начался — на двадцать лет позже.) Но если вспомнить, что по переписи 1926 года таких было более 70 процентов, то «прогресс» впечатляющий. В 1970-м говорящих на идише оставалось чуть больше десяти процентов, а к середине 1990-х годов — два процента (и один процент — на иврите)**. Так что тенденция в БСЭ была определена верно.

Глубина и эффективность разгрома еврейской культуры на идише раскрылась мне задолго до знакомства с цифрами. В конце 1970-х годов мой школьный товарищ познакомил меня со своим родственником Борисом Гершманом, скромным и малоизвестным, но много помнившим человеком.

В 30-е годы Борис Гершман окончил театральный техникум при ГОСЕТе и был принят в театр. На войне потерял ногу, после чего не мог выступать на сцене. Михоэls взял его обратно в театр — на административную должность. В январе 1948 года, когда в театр позвонили из Минс-

* БСЭ, 2-е издание. 1952. Т. 15. С. 377.

** См.: Рывкина Р. Евреи в постсоветской России — кто они? Социологический анализ проблем российского еврейства. М.: изд-во УРСС, 1996. С. 56—57.

ка, трубку поднял Борис Гершман. Он первым услышал страшную весть о гибели Михоэлса «в автомобильной катастрофе».

После закрытия театра Гершман успел поработать корректором в издательстве «Дер Эмес». Он рассказал, как нагрянул отряд НКВД, выгнал сотрудников и опечатал помещение.

О Гершмане вспомнили через десять лет, когда, в связи с приближением столетнего юбилея Шолом-Алейхема, который отмечался во всем мире по программе ЮНЕСКО, власти посчитали полезным издать на языке оригинала его однотомник. Гершмана просили помочь отыскать типографский еврейский шрифт. Бывший корректор припомнил обрывки давних разговоров — о том, что при закрытии издательства «Дер Эмес» шрифт вывезли, кажется, в типографию «Известий». Там, в подвале, он и был найден. Его разобрали, промыли бензином. Гершману пришлось набирать книгу, а затем вычитывать корректуру. Он рассказывал, как у него дрожали руки от волнения и страха: десять лет он не видел еврейского текста, подзабыл правописание и боялся наделать ошибок. Он показал мне этот небольшой томик. Я повертел его в руках, но прочитать не мог даже названия. Для моего поколения идиш был столь же далек, как египетские иероглифы.

В 1961 году в Москве был открыт журнал «Советиш геймланд» («Советская родина»). Главным редактором стал Арон Вергелис, еврейский поэт советской формации, идиш знал потому, что учился в еврейской школе в Биробиджане. Его официальная карьера началась с того, что он сменил Переца Маркиша на посту директора радиопрограмм на идише, когда тот — незадолго до ареста — был смещен. В то время, когда ведущие деятели еврейской культуры проходили круги лубянского ада, и даже после их расстрела, Вергелис, должным образом инструктированный, выезжая в Европу, заверял западных коллег, что слухи об исчезновении еврейских писателей вздорны. Они живы-здоровы, благоденствуют на курортах Крыма, где и творят свои новые произведения*.

* Nora Levin. Ук. соч. Т. II. С. 632—633. Такую же лапшу на уши западным коллегам вешали другие советские посланцы, в их числе Борис Полевой, рассказывавший такие же сказки Говарду Фасту.

Но у лжи короткие ноги; после того как таить правду стало невозможно, Вергелису на Западе не подавали руки, подвергали обструкции. При всем том Нора Левин считает, что в деятельности Вергелиса была и положительная сторона: он старался содействовать оживлению еврейской культуры и еврейского самосознания. Она указывает на то, что в журнале «Советиш геймланд», наряду с пропагандистской дребеденью, публиковались и вполне достойные произведения; редакция служила центром притяжения для людей, не утративших интереса к еврейской культуре.

Должен сказать, что в 1980-м или 1981 году я пару раз бывал на вечерах в редакции «Советиш геймланд». Запомнилось выступление Михаила Членова — этнографа, серьезно интересовавшегося историей еврейской культуры. Но из разговоров с сотрудниками редакции (в их числе был мой друг Лев Фрухтман, ныне живущий в Израиле) я вынес убеждение, что Арон Вергелис *вынужденно* терпел эти сборища и боялся их как огня: как бы не прозвучало чего-то недозволенного.

В 1978 году мне довелось побывать в Биробиджане. Местная газета издавалась на двух языках: «Биробиджанская звезда» и «Биробиджанер Штерн». Я заглянул в редакцию и был сердечно встречен двумя самыми молодыми сотрудниками газеты на идише — Леонидом Школьником и Романом Шойхетом (одному тогда было под сорок, другому — за сорок). Они меня повели по городу и рассказали, что почти весь тираж газеты уходит за границу: в самом Биробиджане читать ее некому. Все сотрудники редакции кроме них двоих давно перешагнули пенсионный возраст, пополнения не предвидится, газете предстоит умереть естественной смертью. Они показали мне местную синагогу — маленький покосившийся сарайчик с амбарным замком на двери. Вспомнили о том, как несколькими годами раньше, под Первомай, в Биробиджан приезжал американский журналист Генри Шапиро и как специально для него (и его фотоаппарата!) был срочно намалеван транспарант на идише. Те, кто его нес в колонне демонстрантов, не могли его прочитать*.

* Леонид Школьник позднее эмигрировал в Израиль, а сейчас живет в Нью-Йорке; до недавнего времени редактировал русское издание газеты «Форвадс». От него знаю, что Романа Шойхета давно нет в живых.

Судьбе советской культуры на идише автор «Двухсот лет вместе» уделяет несколько больше места (точнее, несколько мест), чем ивритской. Но в толще пятисотстраничного тома эти крохотные вкрапления выглядят чем-то побочным: не затронуть нельзя, а углубляться — нет желания. Впрочем, автор охотно сообщает, что «“Книга о русском еврействе” дает отнюдь не мрачную оценку еврейской культурной ситуации в СССР в раннесоветские годы» (т. II, стр. 255); что Еврейский театр «*процветал* в Москве с 1921 года, *на государственном содержании*» (т. II, стр. 256) (словно другие театры содержало не государство); что в 30-е годы «*еще не проявлялось официальное недоброжелательство к евреям*» (т. II, стр. 310); что когда «*катилось по всей стране закрытие православных храмов и уничтожение многих из них*», еврейскую религию — «*теснили*» (т. II, стр. 314); что «*советские притеснения традиционной еврейской культуры или сионистов легко исчезали под общим на тот день впечатлением, что советская власть евреев не угнетает, и даже, наоборот, сохраняет многих у рычагов власти*» (т. II, стр. 280). (Курсив везде мой. — С.Р.)

Ну, *общим* такое впечатление не было ни на тот, ни на какой-либо другой день.

Коренилось оно лишь в узких псевдо-патриотических кругах эмиграции, которые (в отличие от сменовеховцев) ничего не забыли и ничему не научились. Ведомые своими вожаками типа Маркова Второго или Шульгина, они не хотели смириться с реальностью и понять, что их отверг русский народ, а коммунисты, захватившие власть в России, — не мифические сионские мудрецы, а такие же враги культуры (в том числе и еврейской), как и они сами, но только более решительные и жестокие.

Антисионизм

В мае 1917 года — впервые после отмены антиеврейских ограничений — в Петрограде состоялся Общероссийский съезд сионистов. На него съехалось 552 делегата от семисот местных организаций, объединявших 140 тысяч «шекеледателей» — то есть активных членов сионистских органи-

заций, плативших членские взносы*. Если вспомнить, что в большевиках в начале 1917 года насчитывалось около одной тысячи евреев, а в Бунде — около 30 тысяч, то станет понятно, каковы были настроения широких масс еврейского населения в канун прихода большевиков к власти.

Еще более массовым движение сионистов стало после октябрьского переворота, когда — в ноябре 1917 года — была обнародована декларация лорда Бальфура. Правительство Великобритании официально объявляло о поддержке создания еврейского национального очага в Палестине. Мировая война вступила в заключительную фазу, и все более реальным становился распад Оттоманской империи (в чей состав входила Палестина), так что неожиданная поддержка Великобритании превращала туманную мечту сионистов в реальную возможность.

Вряд ли многие евреи в России рассуждали таким или подобным образом, но декларация Бальфура вызвала в их среде огромный энтузиазм. Число «шекеледателей» возросло до трехсот тысяч (более чем вдвое), а число сионистских организаций — до тысячи двухсот. Во многих местах прошли демонстрации в поддержку декларации Бальфура, сионистские лидеры приветствовали ее, как начало международного признания будущего еврейского государства в Палестине.

Мы помним, с какими трудностями столкнулись большевики, когда пытались открыть первую газету на идише, но не могли найти грамотного редактора ни в своих собственных рядах, ни среди тех, кто хотел бы с ними сотрудничать. У сионистов таких проблем не было. В сентябре 1917 года в России издавалось 39 сионистских газет и журналов на идише, десять на иврите и три на русском языке. Культурно-просветительное общество «Гарбут» имело 250 школ и других учреждений на иврите.

На Украине в конце 1917-го — начале 1918 года прошли выборы делегатов Всероссийского еврейского конгресса. Сионисты набрали больше голосов, чем четыре противостоявшие им партии вместе. В июле 1918 года в Москве состоялась конференция еврейских общин центральной

* Schechtman J.B. The U.S.S.R., Zionism and Israel. В кн.: The Jews in Soviet Russia since 1917. Third edition, Oxford University Press, 1979, p. 108.

России. На нее съехалось 149 делегатов от 40 общин, и снова большинство составили сионисты*.

Чтобы не осложнять отношений с новым режимом, сионистская конференция, созванная в мае 1918 года в Москве, приняла резолюцию о нейтралитете во внутрироссийских делах — в надежде на то, что советская власть ответит тем же. Конечно, это была иллюзия. Большевики, как известно, исходили из принципа: «Кто не с нами, тот против нас». И поскольку сионисты были *не* с большевиками, то невольно оказывались *против*. При создании Еврейских комиссариатов (Евкомов) и Еврейских секций ВКП(б) (Евсекций) перед ними была поставлена боевая задача: установить «диктатуру пролетариата на еврейской улице». Диманштейн и его команда тотчас стали действовать.

Буквально через месяц после провозглашения сионистами одностороннего нейтралитета появилась брошюра некоего З.Гринберга на идише под названием «Убрать сионистов с еврейской улицы» («Ди Сионистен ойф дер Идишер Гасс»). Автор клеймил сионизм как «цитадель реакции», концентрацию «мелкобуржуазных элементов» и «средостение между еврейскими массами и российской революцией»**.

Пока шла Гражданская война, преследования сионистов происходили спорадически, в отдельных местах. Наиболее авторитетные исследователи (Нора Левин, И.Шехтман, Б.Пинкус, Цви Гителман) не усматривают в них системы. Конференция районных евсекций и евкомов в Москве в июне 1919 года приняла грозную резолюцию, объявлявшую сионистов «контрреволюционной, клерикальной и националистической» партией, «орудием в руках империализма Антанты в ее борьбе против пролетарской революции»***. Опасаясь тяжелых последствий, ЦК сионистской организации направил во ВЦИК просьбу об официальной легализации. Ответ был макиавеллиевский: поскольку ни ВЦИК, ни Совнарком не запрещали сионистскую партию, не объявляли ее контрреволюционной, то и

* Schechtman J.B. The U.S.S.R., Zionism and Israel. В кн.: The Jews in Soviet Russia since 1917. Third edition, Oxford University Press, 1979, p. 108.

** Цит. по: Шехтман И.Б. Советская Россия, сионизм, Израиль. КРЕ-2. С. 317.

*** Шехтман И.Б. Ук. соч. С. 318.

официальной легализации не требуется. Это означало, что запрета на сионистскую деятельность нет, но и разрешения нет; произвол на местах усиливался.

В поисках защиты один из ведущих сионистов Петрограда Соломон Гепштейн обратился к Максиму Горькому.

Горький к тому времени осознал, что советский режим, вопреки его прогнозам, не рухнет в ближайшие недели и месяцы, и пошел на мировую с большевиками. В ответ большевистские лидеры стали приваживать Буревестника революции, дабы он больше не вылезал со своими «несвоевременными мыслями». Помириться с режимом, не потеряв лица, Горькому было непросто, но скоро определилась его новая миссия: ходатая по делам культуры и отдельных ее деятелей. Имея прямой контакт с Лениным, Горький выторговывал поблажки некоторым интеллектуалам, имевшим несчастье привлечь к себе внимание ЧК или погибавших от голода и болезней. Благодаря этому некоторые ученые, писатели, художники, общественные деятели были спасены от тюрьмы, расстрела, стали получать лекарства и продовольственные пайки, кое-кто получил разрешение на выезд за границу.

Когда Ленин не хотел удовлетворить просьбу, то он избегал прямых отказов: просто выяснялось, что ходатайство «опоздало» (а порой и вправду опаздывало). Но стоило Буревестнику замолвить слово за сионистов, как Ильич резко его оборвал и прочитал ему лекцию о «реакционной сущности» сионизма и еврейского национализма*.

Ильич был верен себе. Со времен ранних столкновений с Бундом он занял непримиримую позицию. В желании еврейских социал-демократов образовать унию с РСДРП, но не раствориться в ней без остатка, он усмотрел реакционный оппортунизм и буржуазный национализм. Он не признавал, что у трудящихся евреев — кроме классовых — могут быть национальные интересы.

На унию с Бундом охотно соглашались меньшевики, но для «партии нового типа» это было неприемлемо. По Ленину, «сама идея еврейской “национальности” носит явно реакционный характер не только у последовательных сто-

* Nora Levin. Ук. соч. Т. 2. С. 832.

ронников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы)»*. Он считал, что враждебность к евреям может быть устранена только их «полным слиянием с общей массой населения... и вот этому единственно возможному решению противодействует Бунд [и тем более сионисты], не устраняя, а усиливая и узаконивая еврейскую обособленность»**.

Таким образом, единственным способом уничтожения антисемитизма Ленин считал уничтожение евреев как этнической общности. Средство действительно радикальное: хочешь ликвидировать болезнь — убей больного! Если это не *геноцид*, то *этноцид*. Вполне, впрочем, укладывавшийся в марксистское учение о нации — исторической категории, которая возникает на определенном этапе развития общества, при капитализме, а при коммунизме — исчезает. Потому тот, кто противится возникновению нации при капитализме или ее исчезновению при социализме — махровый реакционер; «пролетариат» должен вести с ним беспощадную борьбу. Это он очевидно и втолковывал Максиму Горькому в своей импровизированной «лекции».

За словом последовало дело. Вскоре чекисты нагрянули на штаб-квартиру сионистской организации в Петрограде, конфисковали бумаги, деньги, арестовали руководителей, в их числе и Гепштейна. Ему были предъявлены нешуточные обвинения, хотя и походившие на дурную шутку: «Нам известно, что вы ежедневно из своего погреба передаете военную информацию в Лондон». (Гепштейн не имел доступа к военной информации, не знал ни слова по-английски и в его доме не было погреба***.)

Аресты были произведены в Москве, затем в Витебске, Саратове и других городах. Это уже не походило на местную самодеятельность — то была спланированная централизованная операция. Правда, через некоторое время арестованных выпустили, вернули деньги и часть изъятых документов. Деятельность сионистских организаций в России могла возобновиться.

* Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 8. С. 74.

** Там же. С. 75.

*** Nora Levin. Ук. соч. Т. 2. С. 832.

Но — набирали обороты гонения на Украине, совсем недавно занятой красными войсками. В то самое время, когда, согласно деникинской и петлюровской пропаганде, на Украине свирепствовали «жиды-комиссары», комиссары-большевики производили массовые аресты сионистов и требовали от них письменного отказа от сионистской деятельности. В противном случае им грозил суд революционного трибунала.

Репрессивные акции проводились в Киеве, Одессе, Харькове и повсюду на Украине, где на штыках красных конников был водворен большевистский режим. Недавний глава левого крыла Бунда, переметнувшийся к коммунистам, М. Рафес «с чувством законной гордости» заявлял, что репрессии против сионистов — это проявление «еврейской Гражданской войны и осуществление диктатуры пролетариата на еврейской улице». Только когда войска Деникина выбили коммунистов из Украины, преследования сионистов прекратились. Их программа вполне устраивала идеологов Белого движения, как и жевто-блакитного: чем больше евреев уберется из России—Украины, тем лучше. В начале 1920 года советская власть вновь утвердилась на Украине, и тотчас возобновилась «еврейская гражданская война». Газета «Дер Штерн» («Звезда») требовала «решительных действий, а не бумажных резолюций» против сионистов*.

В апреле 1920 года в Москве собрался третий всероссийский сионистский съезд, но на третий день его работы 75 из 109 участников были арестованы. В тюрьму они двинулись строем, под пение сионистского гимна «Хатиква». Один из главарей ЧК Мартин Лацис предъявил им обвинения в наличии компрометирующих документов, в симпатиях к Англии, в сотрудничестве с американскими сионистами, даже в помощи Колчаку и в общей поддержке всех антисоветских элементов.

Впрочем, участники съезда вскоре были освобождены. Председатель ЦК сионистской партии, крупный экономист Ю.Д. Бруцкус через два года окажется в числе двухсот интеллектуалов, высланных по приказу Ленина из Советской России.

* Nora Levin. Ук. соч. Т. 2. С. 321.

Однако, все это не мешало наркому иностранных дел Г. Чичерину убеждать британского министра и видного сиониста (в Англии одно другому не мешало) Дэвида Эдера, что в Советской России сионизм не подвергается преследованиям; отдельные сионисты сидят в тюрьмах как буржуазные, контрреволюционные элементы, совершившие преступления против советской власти.

И. Шехтман интерпретирует заверения наркома как свидетельство терпимого отношения советской власти к сионистам: с ними-де воевали только евсеки, их извечные соперники. Но Нора Левин замечает: «Евсекция хорошо служила правительству, представляя дело так, что все нападки на сионизм носят стихийный характер и выражают недовольство “прогрессивного общественного мнения самих евреев”». Играть в игру доброго-злого полицейского властям было нужно для воздействия на западное общественное мнение, в особенности на американских евреев, от которых шло финансирование программы землеустройства, чему советская власть придавала тогда большое значение*. Игра продолжалась до середины, а в какой-то части до конца 1920-х годов. За каждым пряником следовал удар кнута. Так, в 1923 году, когда в Москве была открыта Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, в качестве иностранных участников были приглашены земледельческие хозяйства Палестины. Палестинский павильон стал одной из сенсаций выставки. Летом 1924 года, когда в Москву приехали представители палестинских профсоюзов Давид Ремез и Давид Бен Гурион (будущий первый премьер-министр Израиля), их принимали с должным почетом. Переговоры с ними вел председатель Профинтерна Соломон Лозовский — будущий директор Совинформбюро и заместитель министра иностранных дел (а затем «враг народа», главный обвиняемый на процессе Еврейского Антифашистского Комитета — расстрелян 12 августа 1952 года). На вопрос гостей, как советские власти оценивают позицию компартии Палестины, выступающей против иммиграции евреев, Лозовский ответил: «Это антикоммунистическая позиция». Гости уехали окрыленные, полагая, что

* Nora Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 89—91.

уладили большое недоразумение и что надо срочно готовиться к приему в Палестине потока иммигрантов из СССР. А через месяц после их отъезда, в одну ночь, по всей стране были проведены массовые аресты сионистов. Несколько тысяч их были отправлены в ГУЛАГ или в ссылку: на Соловки, в Сибирь, в Среднюю Азию.

Вскоре после этого сионистам удалось организовать массовые демонстрации детей. Дети маршировали вокруг синагог, пели сионистский гимн Хатиква, скандировали сионистские лозунги. Так как большинство пожилых и взрослых сионистов были уже арестованы или скрывались, то во главе ячеек (давно уже нелегальных) встали подростки 14—15 лет. Эта юная поросль не только противостояла натиску властей, но порой предпринимала очень чувствительные ответные акции. В 1924 году на Украине сионистам удалось нелегально отпечатать и распространить сто тысяч экземпляров брошюры, в которой выдвигались широкие демократические требования: свободные выборы в еврейские советы, обеспечение подлинной власти трудящихся, создание свободных и добровольных сельскохозяйственных кооперативов, поддержание связей с Палестиной, свобода эмиграции. Бедственное положение в местечках объяснялось неспособностью советского режима решить экономические проблемы еврейского населения.

Об организованности и мощи сионистского сопротивления произволу большевиков сообщает высокопоставленный большевистский агитатор Юрий Ларин: «Три года назад [то есть в 1926-м] в один и тот же день в 27 городах нашей страны, главным образом на Украине, были распространены нелегальные (тайно напечатанные) на русском языке прокламации (воззвания). В Одессе их разбрасывали с галерки театра, в других городах их расклеивали на улицах и т.п., — это было по вопросу о перевыборах советов. Сионисты агитировали среди еврейских рабочих — не верьте в советы, несите высоко знамя сионизма и т.д.»*.

Развернулась война между сионистским молодежным подпольем и комсомолом, причем, по утверждению Норы Левин, явный перевес был на стороне сионистов: им уда-

* Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.-Л.: Госиздат, 1929. С. 16.

валось внедряться в комсомольские организации и осведомлять товарищей о готовящихся против них акциях. Газета «Дер Эмес» писала: «Большая нужда, в которой находится еврейское население местечек, создает плодотворную почву для развития сионизма, чье влияние на мелкобуржуазную [!?] еврейскую молодежь очень велико»*. В октябре 1924 года на Всеукраинской конференции Евсекций признавалось, что «еврейская местечковая молодежь не в наших руках», да и в больших городах «сионисты проникли в наши школы».

25 мая 1925 года крупному большевистскому функционеру Петру Смидовичу, временно занимавшему пост председателя ВЦИК, был послан меморандум с требованием: прекратить преследования сионистов и разрешить свободный выезд в Палестину всем желающим. Играя всю ту же игру в доброго-злого полицейского, власти собрали внеочередное заседание ВЦИК; петиция была рассмотрена благожелательно. Сионистам предложили войти с конкретным проектом создания легального эмиграционного общества. Проект тотчас был представлен. Но параллельно от имени Евсекции был направлен меморандум, требующий отвергнуть предложение сионистов. Смидович развел руками: ваши же люди чинят препятствия.

Однако приближался очередной Всемирный сионистский конгресс, который мог бы привлечь внимание Запада к преследованиям их единомышленников в «передовой стране социализма». Обеспокоенные власти уведомили лидеров сионистского движения, еще остававшихся на свободе, что им могут позволить направить делегацию на Конгресс, но при условии, что она заявит: советская власть обеспечивает евреям все права. Кроме того, от делегации требовалось призвать евреев Запада к поддержке еврейских сельскохозяйственных поселений в Крыму. В обмен на это власти обещали легализовать эмиграцию, вновь разрешить Тарбут и школы с преподаванием на иврите.

Лидеры сионистов готовы были пойти на «делку с дьяволом», но выставили еще одно условие — освобождение из ссылок и лагерей их сотоварищей. Переговоры, на-

* Цит. по: Nora Levin. Ук. соч. С. 94.

поминавшие игру кошки с мышкой, длились шесть месяцев, пока власти не поняли, что с этими упрямыми кашу не сварить. 16 марта 1926 года в Москве было арестовано более ста сионистов. Каждого из них без лишнего шума приговорили к трем годам ссылки в Казахстан (удивительно мягкие приговоры, но сроки, как правило, продлевались), а нескольких выслали в Палестину. Сионистский Конгресс «не заметил» отсутствия делегации из СССР, американская организация «Джойнт» поддерживала переселение евреев «на землю», ассигнуя на эти цели миллионы долларов.

После этого только одна сионистская организация, Гехалуц, могла еще действовать открыто, хотя и очень недолго. Это была молодежная организация, одухотворенная идеями сионистского социализма. Ее члены готовились к физическому (в основном крестьянскому) труду в будущем еврейском государстве, которое они хотели строить на принципах свободы и социальной справедливости.

Общество было создано Иосифом Трумпельдором, легендарной личностью, героем русско-японской войны, в которой он потерял руку, но вернулся в строй и продолжал сражаться. Он был награжден солдатским Георгием, произведен в офицеры (редчайшее исключение из правил!), принят и обласкан государем. На солдата-еврея, проявившего такой героизм и патриотизм в самой непопулярной за всю историю России войне, смотрели как на диковинную птицу. Человек действия, Трумпельдор в погромную волну 1905 года стал организатором еврейских отрядов самообороны. В Гражданскую войну он тоже создавал такие отряды, и там, где они действовали, погромов не было или погромщики встречали отпор. В сионистском движении Трумпельдор занимал особое место: всегда окруженный молодежью, он не теоретизировал, а действовал.

Эмигрировав в Палестину в 1920 году, Трумпельдор перенес туда то, что начал в России. Тип пионера-поселенца, идущего за плугом с винтовкой в руках, возник не в последнюю очередь благодаря Трумпельдору. В Израиле он стал легендарным национальным героем. Рискну предположить, что внутренней мотивацией всех его действий — может быть, неосознанной — было стремление

противостоят шаблонам антисемитских представлений, которые полвека спустя вычеканил в стихах Борис Слуцкий: «Евреи хлеба не сеют./Евреи в лавках торгуют./Евреи рано лысеют./ Евреи больше воруют./ Евреи люди лихие, они солдаты плохие:/ Иван воюет в окопе,/ Абрам торгует в райкопе...»

Трумпельдор посвятил жизнь тому, чтобы доказать, что евреи могут быть и солдатами, и пахарями; тем же была одержима окружавшая его молодежь. После его эмиграции общество Гехалуц продолжало набирать силу. К концу 1923 года в нем было 75 групп, 3000 человек. Созданные им хозяйства имелись в Белоруссии, на Украине, в Крыму. Евсекция не раз пыталась добиться запрета Гехалуца, однако более высокие власти имели иные виды. Обществу был предложен легальный статус в расчете использовать его опыт и энтузиазм в проектах по землеустройству евреев. Но когда проекты начали осуществляться, Гехалуц стал не нужен, и был ликвидирован. В 1926 году была закрыта газета «Гехалуц», просуществовавшая два года, многие члены общества были арестованы, а 1 марта 1928 года был издан официальный указ о его роспуске*.

В книге «Двести лет вместе» Солженицын едва упоминает Гехалуц, а всей деятельности сионистов в раннесоветский период отводит две страницы текста, наполненные преимущественно выдержками из тех же селективно подобранных «еврейских» источников. Д.Пасманик, оказывается, сетовал в 1924 году: «Сионисты, ортодоксы и национальные евреи должны были бы быть в первых рядах борющихся с советской властью и большевистским мирозерцанием» (т. II, стр. 259). Думаю, я показал, насколько неуместно это сослагательное наклонение: ведь в первых рядах они и *были*. Однако Солженицын итожит: «Не состоялось ни такого союза, ни такого первого ряда» (т. II, стр. 259). Но такого мнения он держался не всегда. «Живой и боевой партией в 20-е годы были сионисты-социалисты с их энергичной юношеской организацией «Гашемер» и легальной организацией “Гехалуц”, создававшей земледельческие еврейские коммуны в Крыму. В 1926-м посади-

* Pinkus B. The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. Cambridge University Press, 1988, p. 132.

ли все их ЦК, а в 1927-м мальчишек и девчонок до 15—16 лет взяли из Крыма в ссылку. Давали им Турткуль и другие строгие места. Это была действительно партия — спаянная, настойчивая, уверенная в правоте. Но добивались они не общей цели, а своей частной: жить как нация, жить своею Палестиной. Разумеется, коммунистическая партия, добровольно отвергшая отечество, не могла и в других потерпеть узкого национализма». Так написано в «Архипелаге ГУЛАГ»*. Тот ли это Солженицын писал?!

Ликвидация в 1930 году Евсекции несколько не улучшила положение сионистского движения, уже едва дышавшего. Давление на него и расправы приняли тотальный характер. Году к 1935—1937-му сионистская деятельность была задавлена практически полностью**. Правда, после заключения пакта Риббентропа—Молотова Москва присоединила к себе три прибалтийские страны, часть Польши и Бессарабию. То были территории с большим еврейским населением и — активным сионистским движением. Но импульс оно получило очень ненадолго. Активистов перехватывали и отправляли в ГУЛАГ. В число узников попали М.Бегин (будущий премьер-министр Израиля), Ю.Марголин, крупный писатель, автор одной из самых ярких книг о ГУЛАГе (написанной почти за двадцать лет до Солженицына)***. В лагерях Дальнего Севера Юлий Марголин встречал сионистов, которые провели в заключении уже по 16—17 и более лет. Там они только и сохранялись — как мамонты, вцементированные в вечную мерзлоту. В *более теплой зоне* сталинской (и послесталинской) России они существовать не могли, а само слово «сионизм» почти исчезло из советского лексикона.

* Солженицын А.И. Собрание сочинений. Том седьмой. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования. V—VI—VII, Вермонт—Париж, 1980. С. 346.

** Профессор Бенджамин Пинкус из университета им. Бен-Гуриона (Израиль) считает, что организованная сионистская деятельность в СССР продолжалась до 1934 года, хотя в другом месте указывает, что она была полностью подавлена во второй половине 1930-х годов. (См.: Pinkus B., Ук. соч. С. 132, 310.)

*** Марголин Ю.Б. Путешествие в страну зэ-ка. Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1952.

Когда было создано государство Израиль, и на него двинулись армии пяти арабских стран, Советский Союз оказал ему решительную поддержку. В «Правде» публиковались статьи, требовавшие прекратить агрессию, в противном случае арабам грозили «опасными последствиями»*.

Американский политолог Роберт Фридман, исследовавший динамику советско-израильских отношений, указывает на важные стратегические причины, побудившие Сталина занять такую позицию. Арабские страны в послевоенные годы оказались в сфере влияния Великобритании, она имела на арабском востоке сеть военных баз, которые могли быть использованы против Советского Союза. Желая угодить арабским друзьям, Британия всячески ограничивала приток евреев в Палестину и — вопреки декларации Бальфура — противилась созданию еврейского государства.

Уничтожение шести миллионов евреев в Европе стало важным аргументом Москвы в пользу того, что евреи заслужили право на свое государство-убежище. В ООН эту позицию озвучивал А.А.Громыко, о том же активно писала советская пресса**. Под влиянием всего этого в Советском Союзе возникла широкая симпатия к молодому еврейскому государству — не только среди евреев. От недавних солдат и офицеров Советской армии стали поступать тысячи заявлений с просьбой направить добровольцами в Палестину. Приезд в Москву первого посла Израиля Голды Меир вызвал взрыв энтузиазма. В этой манифестации симпатий к Израилю не было и следа нелояльности к Советскому Союзу; советские евреи понятия не имели, что бросают вызов режиму. Они не сомневались, что выполняют интернациональный и патриотический долг советских граждан — именно в том смысле, как трактовались эти понятия.

Но Сталин, «желая помочь государству Израиль, не желал никакого проявления национальных чувств евреев внутри советских границ»***. Многих из них «интернацио-

* «Правда», 30.5.1948.

** Robert O. Freedman. Soviet Jewry as a Factor in the Soviet-Israeli Relations. В кн.: Soviet Jewry in the 1980s. Edited by Robert O. Freedman. "Duke University Press", Durham and London, 1989. P. 63—64.

*** Там же. С. 64.

нальная солидарность» привела в ГУЛАГ. Им шили разные преступления, но, как правило, *не* сионизм.

Даже в деле Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) это слово почти не фигурировало: подсудимые обвинялись в «еврейском национализме», в «антисоветской националистической деятельности», в произнесении «антисоветских националистических речей» и во многом подобном. Согласно приговору, «ЕАК превратился в шпионский и националистический центр». Слово «национализм» и производные от него в приговоре повторяются несчетное число раз, тогда как «сионизм» в стенограмме процесса едва упоминается — в основном применительно к одному из обвиняемых, Давиду Гофштейну, который в 1920-е годы *действительно* примыкал к сионистам и около двух лет жил в Палестине (1925—27). В вину, однако, и ему ставился не «сионизм», а то, что он «выступал... в реакционной еврейской печати с националистическими произведениями»*.

Теперь, когда материалы дела ЕАК стали доступными, можно не сомневаться, что сталинские соколы готовили открытый показательный процесс — по примеру бухаринского и зиновьевского, но несговорчивость подсудимых сорвала эти планы. Пришлось процесс сделать тайным и покрыть его тяжелой могильной плитой, расстреляв всех обвиняемых (кроме академика Лины Штерн, получившей пять лет ссылки по неожиданной милости Сталина). Однако от идеи грандиозного открытого процесса, который должен был перешеголять и дело Бейлиса, и дело Дрейфуса, и средневековые судилища над евреями и, возможно, стать детонатором «окончательного решения», Сталин не отказался.

В сообщении ТАСС об «убийцах в белых халатах» от 13 января 1953 года, говорится: «Большинство участников террористической группы (Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и другие) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”, созданной американской разведкой, якобы, для оказания материальной по-

* Неправедный суд. Последний сталинский расстрел, М.: «Наука», 1994. С. 376 и по всему тому.

мощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву “об истреблении руководящих кадров СССР” из США от организации “Джойнт” через врача в Москве Шимелиовича [расстрелянного по делу ЕАК] и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса*.

Слово «сионизм» и здесь не фигурирует. Появляется оно только в сопроводительной редакционной статье «Правды»: «Они были завербованы филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”. Грязное лицо этой шпионской сионистской [!] организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено. Опираясь на группу растленных еврейских буржуазных националистов, профессиональные шпионы и террористы “Джойнт”, по заданию и под руководством американской разведки, развернули свою подрывную деятельность и на территории Советского Союза». И дальше: «Разоблачение шайки врачей-отравителей является ударом по международной еврейской сионистской организации. Теперь все могут видеть, какие “благотворители” и “друзья мира” скрываются под вывеской “Джойнт”»**.

Тут «Джойнт» хоть и называется сионистской организацией, но как бы сквозь зубы. А 4 апреля ТАСС сообщил об освобождении врачей и аресте тех, кто сфабриковал это дело. Тем автоматически реабилитировалась и «сионистская» организация «Джойнт».

В последующие годы советская пропаганда вспоминала о сионизме лишь в связи с обострениями арабо-израильского конфликта. То была сфера внешней политики. О «сионизме» внутри СССР и вообще о какой-либо нелояльности евреев советскому режиму после провала «дела врачей»

* «Правда», 13.01.1953.

** Там же.

говорить не решались, по крайней мере, публично. Анти-семитизм процветал на административном уровне, но не на идеологическом.

Одиозная попытка нарушить это табу была сделана в 1963 году, когда в Киеве в издательстве Украинской академии наук была опубликована книга Трофима Кичко «Иудаизм без прикрас». Иудаизм в ней объявлялся духовной основой сионизма, а сионизм — политической реализацией иудаизма. Иудаизм, в интерпретации Кичко, проповедует не смирение, как другие религии, а превосходство евреев над всеми народами. Он поощряет захватывать их имущество, эксплуатировать их, поработать, а для этого «проникать» в их общественные и государственные структуры и всеми правдами и неправдами захватывать руководящее положение, что и осуществляют сионисты.

Что такое сионизм?

Правоверный марксист и непримиримый враг сионизма Ю.Ларин в свое время разъяснял: «Теперь, говорят сионисты, надо подумать о том, чтобы восстановить свое царство. Надо для этого евреям съехаться в Палестину, поселиться вокруг этой горы Сион и восстановить свое самостоятельное национальное бытие»*.

Не то говорит Кичко. Создание и укрепление государства Израиль — это лишь ближайшая цель сионизма, конечная же цель — поработение других государств, в первую очередь стран социализма, с использованием евреев этих стран в качестве пятой колонны. Автор, в сущности, перепевал «Протоколы сионских мудрецов», «разоблачая» мифический сионизм, созданный его воспаленным воображением.

Понятно, что книга не могла появиться самостийно, без одобрения в верхах. По всей вероятности, это была только затравка большой кампании. Но ее зачинатели перестарались. Книга была издана с *иллюстрациями*, и они мало отличились от антисемитских карикатур нацистских изданий; опознать ее суть можно было не читая. Посыпались запросы из-за границы, причем не только из «буржуазных» кругов, которые советские власти привыкли игно-

* Ларин Ю. Ук. соч. С. 15.

рировать, но и от коммунистов. Острокритическая статья появилась в парижской «Юманите», а в журнале «Франс новелл» было опубликовано резкое письмо генерального секретаря компартии Мориса Тореза. Аналогичной была реакция итальянских, британских и других коммунистов*.

Москва сочла за лучшее отмежеваться от книги Кичко, признав ее неудачной. Она стала сигнальным выстрелом, за которым *не* последовало ожидаемой атаки. Ядовитое семя дало всходы только через шесть лет. В 1968 году, когда советские танки раздавили Пражскую весну, с еврокоммунистами уже можно было не считаться: с ними произошел полный разрыв. Между тем, Кремль должен был объяснить собственному народу, почему так опасен эксперимент чехословацких товарищей, возмечтавших о «социализме с человеческим лицом». Тут-то и пришло на подмогу спасительное слово — *сионизм*.

Советскую прессу наводнили статьи, преподносившие чехословацкие события как «сионистский переворот». В 1969 году уже была издана (и через год переиздана; общий тираж 350 тысяч экземпляров) книга партаппартчика из ЦК КПСС Юрия Иванова «Осторожно, сионизм!»

В небольшой книжице нашлось место всему: и «контрреволюции» основателей сионизма; и «израильскому варианту апартеида»; и «реальной власти верхушки ВСО» [Всемирной сионистской организации], которая «гарантируется не числом американских сионистов, а чековыми книжками американских и связанных с ними западноевропейских, южноафриканских и прочих мультимиллионеров»; и «специфической деятельности сионистской разведки»; и «исключительности еврейства»; и «маневру чисто расистского толка, заключающемуся в искусном, зачастую осуществляемом чужими руками насаждении идеи о “незаурядных”, “выдающихся”, “граничащих с гениальностью особенностях” всех евреев по сравнению с другими народами»; и «“беженцам” из ЧССР, направленным венским сионистским разведцентром в Израиль для обучения и дальнейшего использования в качестве сионистских агентов и шпионов в странах Западной Европы и ЧССР», которые

* См.: Nora Levin. Ук. соч. Т. II. С. 617; Zvi Gitelman. Ук. соч. С. 254.

якобы и совершили переворот в этой стране. Есть в книге место и советским евреям, поставляющим то ли шпионскую, то ли клеветническую информацию сотрудникам израильского посольства.

Суммируя свои «изыскания», автор делал выводы:

«Итак, не возникновение и существование государства Израиль — первооснова сионистской проповеди: “еврейство превыше всего”, а более чем семидесятилетняя по возрасту цель подчинения мирового еврейства любыми средствами воле проимпериалистического сионистского центра».

«Капитальной целью международного сионистского концерна было и остается обогащение всеми средствами, гарантирующее в рамках империализма власть и паразитарное благоденствие;

установление идейного и политического контроля над населением еврейского происхождения, которому в необозримом будущем обещана роль пастырей человечества, было и остается в сионистских прожектах реализации этой цели, одним из главных средств...

главным объектом устремлений и подрывной деятельности международного сионистского концерна... были и остаются Советский Союз, все социалистические страны, международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение.

Поход против социалистического содружества, и, в особенности, против Советского Союза, проводится под потрепанным знаменем “защиты евреев”...»*

Книга Юрия Иванова стала тем детонатором, каким раньше *не стала* книга Кичко. Следом возникло целое направление в публицистике, пропаганде, появилась даже новая «наука» — *синология*, не исследующая сионизм, а творящая его из древних антисемитских и недавних нацистских мифов, облакаемых в наукообразный камуфляж. Перекрашивание красной идеологии в коричневую оказалось хлебной профессией. В нее ринулись полчища маляров, получавших ученые степени, должности в научных учреждениях и на университетских кафедрах, членство в творческих союзах. «Разоблачение международного сионизма» стало

* Иванов Ю. Осторожно, сионизм! Второе издание. М.: «Политиздат», 1970. С. 125, 126, 144, 145, 147, 148, 153, 169.

предметом сотен диссертаций, книг, коллективных сборников, десятков тысяч статей в периодике, пьес и кино-сценариев, поэм и романов, предметом бесчисленных лекций, семинаров, учебных курсов, оно стало ведущей составной частью военно-патриотического воспитания молодежи, политической подготовки солдат и офицеров. При всеобщей воинской повинности через школу ненависти в обязательном порядке было проведено почти все мужское население страны*.

Можно услышать суждение, что антисиионистская вакханалия была развязана для того, чтобы противостоять эмиграции евреев из СССР. Я убежден, что, если тут есть связь, то обратная: число стремящихся уехать росло с нарастанием этой травли, ибо все большему числу евреев (и неевреев) становилось ясно, что «выхода нет, а есть исход». Как ни опасно было обнаружить свое «сионистское нутро», подавая документы на выезд, оставаться в стране было еще опаснее. Не случайно по Москве ходила популярная шутка: «смелые евреи уезжают, а самые смелые остаются». Все это было известно властям, но травля «сионистов» только нарастала.

В 1983 году был создан Антисиионистский комитет советской общественности — в основном из «полезных» евреев, во главе с дважды героем Советского Союза генерал-полковником Давидом Драгунским. О том, как он удостоился этой чести, он рассказал своему биографу Ф.Д.Свердлову.

* Вот наиболее заметные из них: Евсеев Е. Фашизм под голубой звездой. М.: «Молодая гвардия», 1971; Большаков В. Сионизм на службе антикоммунизма. М.: «Политиздат», 1972; Бегун В. Ползучая контрреволюция. Минск, 1973; Бегун В. Вторжение без оружия. М.: «Молодая гвардия», 1978, второе издание 1979; Идеология и практика международного сионизма. М.: Политиздат, 1978; Идеология и практика международного сионизма. Киев: «Наукова думка», 1981; Корнеев Л. Классовая сущность сионизма. Киев: «Политиздат Украины», 1982; Маджорян Л. Международный сионизм на службе империалистической реакции. М.: «Международные отношения», 1984; Семенюк В. Сионизм: ставка на террор. М.: АПН, 1984; Романенко А. О классовой сущности сионизма, Л.: «Лениздат», 1986; Корнеев Л. Враги мира и прогресса. Библиотека «Огонек», № 7. С. 1987; и др. Некоторые из них детально рассмотрены в двух моих книгах: Резник С. Красное и коричневое. Вашингтон: «Вызов», 1992; Reznik S. The Nazification of Russia. Washington, Challenge Publications, 1996.

«Весной 1983 года Драгунского пригласили в отдел пропаганды ЦК КПСС. Здесь он услышал: “ЕСТЬ МНЕНИЕ — НАЗНАЧИТЬ ВАС ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОЗДАВАЕМОГО Антисионистского комитета...” “Ни в каком самом скоротечном бою, — рассказывал мне Давид Абрамович в 1988 году, когда мы близко познакомились, — мне не нужно было так быстро принимать решение. Ведь слова «есть мнение» тогда означали решение Политбюро... Отказаться — можно попасть и в лагерь, согласиться — не все поймут, но будут средства. Наряду с неясной еще борьбой с сионизмом, — можно будет оказывать помощь нуждающимся евреям... Я согласился”»*.

Можно удивляться наивности автора очерка, но не его героя. Никакой лагерь Д.А.Драгунскому в 1983 году не грозил. Необходимости принимать решение быстрее, чем в быстротечном бою, не было. И никакой неясности относительно борьбы с сионизмом у него быть не могло: он сам был ее давним и весьма активным участником, причем «не только вел пропаганду против сионистов, но учил их убивать»**. (Генерал Драгунский был начальником военной академии «Выстрел», где проходили подготовку офицеры стран третьего мира, в их числе террористы ООП.)

В 1979 году, когда «Воениздат», уверенно державший первенство в публикации антисионистских наветов, издал роман Юрия Колесникова «Занавес приподнят» (о тайном сговоре и совместных преступлениях сионистов и германских нацистов), то даже самые *сионологические* издания о нем промолчали — настолько дикими и кощунственными были инсинуации автора. Единственная рецензия появилась в «Правде» — за подписью генерала Д.А.Драгунского. Авторитетом дважды героя и военачальника высокого ранга он подтверждал историческую достоверность творения Ю.Колесникова, а заодно и восхвалял выдающиеся художественные достоинства романа. Подводя «теоретическую

* Свердлов Ф.Д. Энциклопедия еврейского героизма. М., 2002. С. 229. (Благодарю И.Саксонова за предоставление этого ценного справочника.)

** Цит. по: Korey W. Soviet Public Anti-Zionist Committee. В кн.: Soviet Jewry in the 1980s. Edited by Robert O. Freedman. “Duke University Press”, Durham and London, 1989. P. 30.

базу» под фантазмагорию красно-коричневого романиста, генерал-полковник глубокомысленно рассуждал о родстве нацизма и сионизма: якобы обе идеологии выше всего на свете ставили чистоту расы*. (О героическом участии сионистов в организации восстания в Варшавском гетто и вообще в европейском сопротивлении, о еврейском палестинском батальоне, сражавшемся против Гитлера в составе британской армии, рецензент, конечно, не вспомнил.)

Эта рецензия долгое время оставалась единственным печатным отзывом на роман Ю. Колесникова: критиковать его было нельзя, а хвалить невозможно. Но когда был образован Антисионистский Комитет, и генерал-председатель сделал писателя Ю. Колесникова своим заместителем, вспомнили и о романе.

Как выяснилось гораздо позднее, Юрий Антонович Колесников — еврей, родом из Бессарабии; прежде чем стать писателем, был профессиональным разведчиком. Когда разразилась война, его забросили в тыл врага, где он провел 32 месяца и совершил немало подвигов, своевременно не оцененных. Звезду Героя России ему вручил уже Ельцин, через сорок лет после победы. Трагический парадокс видится в том, что такие люди, как Драгунский и Колесников, героически сражавшиеся против коричневой чумы, по первому зову партии и правительства подхватили знамя, ими же выбитое из рук фюрера.

Вице-председатель Антисионистского комитета Юрий Колесников на многочисленных митингах и пресс-конференциях возводил на сионистов те же кровавые поклепы, что и в романе**. В награду за усердие его произведение

* «Правда», 05.09.1979.

** В числе активных членов Антисионистского комитета были также: профессор-юрист Самуэл Зивс (вице-председатель), заместитель директора агентства печати «Новости» Марк Крупкин (вице-председатель), академик Мартин Кабачник, писатели Борис Шейнин и Цезарь Солодарь, эксперт по Ближнему Востоку и обозреватель «Литературной газеты» Игорь Беляев (кажется, единственный нееврей) и ряд других. В состав комитета был также включен раввин Фишман, который должен был выступить на первой пресс-конференции Комитета, 6 июня 1983 года, но за день до нее скончался от обширного инфаркта. Видимо, предстоявшее позорное выступление на пресс-конференции вызвало столь сильные переживания, что сердце не выдержало.

было перепечатано в «Роман-газете»*, поставлявшей «патриотическое» чтиво для массового полуинтеллигентного читателя. Издательство «Прогресс» выпустило его в переводах на нескольких иностранных языках — на экспорт. Общий тираж романа превысил пять миллионов экземпляров. Рецензент «Огонька» Валентина Мальми в неумеренных восхвалениях этого кровавого навета превзошла генерала Драгунского. Основное достоинство романа она видела в том, что в нем показано, как «и в итальянском фашизме, и в германском нацизме, и в румынском национализме, и везде, везде, везде обнаруживаются умело замаскированные кровавые следы сионизма»**.

Апофеозом деятельности Антисионистского комитета (советского юденрата, по меткому замечанию американского исследователя Уильяма Кори) стало издание «Белой книги» — совместно с Ассоциацией советских юристов***. Из предисловия к ней Д.А.Драгунского и обер-юриста А.Я.Сухарева можно узнать, что:

«Сионизм — это проповедь воинствующего шовинизма и расовой нетерпимости.

Сионизм — это культ вседозволенности и безнаказанности в политике.

Сионизм — это открытая ставка на индивидуальный и государственный террор.

Сионизм — это непрекращающаяся война.

Сионизм — это целенаправленная поддержка наиболее оголтелых кругов международного империализма и реакции.

Сионизм — это оголтелая реакция, воинствующий антикоммунизм и антисоветизм.

Советский народ всегда относился и относится к сионизму как к идеологии, которая концентрирует в себе апологию национальной исключительности, “избранности одного народа”, следовательно, как к идеологии шовинистической и расистской.

* «Роман-газета», 1983, №№ 13—14.

** Цит. в обратном переводе с английского по: Когей В. Ук. соч. С. 40.

*** Белая книга. Новые факты, свидетельства, документы. М.: «Юридическая литература», 1985.

Сегодня борьба против сионизма — его идеологии и политической практики — веление времени. Вот почему советские люди готовы дать достойный отпор сионистским провокаторам*.

«Белая книга» появилась на свет уже при М.С.Горбачеве и вполне отражала его «новое мышление». Соавтор Драгунского А.Я.Сухарев стал министром юстиции (позднее был смещен, но не за *сионологию*, а за то, что оказался негодным администратором).

«Четыре пятилетки застоя», как потом назвали эпоху Брежнева — Андропова — Черненко, были четырьмя пятилетками *нацификации* общественного сознания путем нагнетания ненависти к «сионизму»; в этом деле застоя не было. Коэффициент полезного действия красно-коричневой пропаганды не был высоким (люди перестали верить официозу), но не нулевым. Как только вожжи стали выскальзывать из ослабевших рук власти, «посев научный дал всходы на ниве народной». Навстречу насаждавшейся сверху *сионологии* жадно потянулась митинговая поросль «национально-патриотического» общества «Память», «Русское национальное единство» Баркашова. Того же происхождения национал-большевизм Зюганова — Макашова и не примкнувшего к ним Лимонова, «либерализм» Жириновского. Книжные лотки и прилавки густо усеяли, словно грибы после хорошего дождика, бесчисленные переиздания «Протоколов сионских мудрецов», гитлеровской «Майн кампф», «Записки о ритуальных убийствах», газета «Завтра» и сотни похожих изданий. Незащищенное сознание россиян отравляют мегатонны печатной продукции типа, к примеру, брошюры под названием «Страшен гитлеризм, но сионизм страшнее»**. Правозащитников и антифашистов, запугивают на интернет-сайтах Национал-Державной Партии и других подобных организаций, а тех, кого не удастся запугать, убивают — при полной глухоте и слепоте правоохранительных органов, «расследующих» преступления ненависти***.

* Там же. С. 7—13.

** Шумский В.С. М.: издание журнала «Русская правда», 1999.

*** О русском нацизме времен перестройки и пост-советского времени см.: Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История. Идеология. Экстремистские тенден-

В книге А.И.Солженицына тема *сионологии* и того, как она калечила и продолжает калечить души евреев, русских и представителей всех других национальностей России, не затронута. Автор избавил себя от этого сюжета, передвинув хронологические рамки повествования. Им был обещан труд, охватывающий двести лет российской истории; на обложке первого тома точно обозначены сроки: 1795—1995. Но во втором томе повествование доведено до 1972 года, а даты на обложке не обозначены. В интервью Солженицына газете «Московские новости» сдвиг хронологических рамок объяснен тем, что писать историю современности невозможно. Мягко говоря, это не звучит убедительно. В самой книге объяснение иное, но еще более шаткое:

«Я не сразу оценил тот отчетливый исторический рубеж, который положила широкая эмиграция евреев из СССР, начавшаяся в 70-х годах XX века, — как раз к 200-летию пребывания евреев в России, — и ставшая вполне свободной к 1987. Этот рубеж впервые отменил недобровольность состояния российских евреев: они более не прикреплены к жизни здесь, их ждет Израиль, им доступны все страны мира. Ясно обозначившийся этот рубеж внес поправку в мой план довести повествование до середины 90-х годов — ибо замысел книги исчерпан: с момента Исхода исчезает и уникальность русско-еврейской переплетенности» (т. II, стр. 522).

Если так, то незачем было Александру Исаевичу писать весь первый том дилогии: чему-чему, а выезду евреев из России царская власть не препятствовала, напротив, всячески поощряла и понуждала. Как формулировал К.П.Победоносцев, раскинувший крыла над двумя последними царствованиями, «западная граница для евреев открыта». Ненужным оказывается и добрая треть второго тома: первые четыре главы в нем охватывают времена революции и Гражданской войны, когда евреев не только не удерживали, но половину их оставили за кордоном; а пятая глава и вовсе посвящена зарубежью, где русско-еврейская пере-

ции. М.: «Институт экспериментальной социологии», 1996; Верховский А., Папп, Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: «Институт экспериментальной социологии», 1996; Лихачев В. Нацизм в России. М.: центр «Панорама», 2002 и ряд других изданий.

плетенность, разумеется, сохранялась, но не из-за отсутствия добровольности.

Выходит, что две трети двухтомника посвящены тому, о чем, по поздней переоценке автором собственного замысла, вообще не надо было писать. Зато «недобровольное пребывание евреев в России» им произвольно укорочено на два десятка лет: ведь период «недобровольности» завершился не в начале 1970-х годов, а в конце 1980-х (даже в начале 1990-х). Сам Солженицын называет рубежным 1987 год, что тоже несколько преждевременно: в том году из СССР выехало чуть больше восьми тысяч евреев, а в следующем, 1988-м, меньше девятнадцати тысяч*, — ничтожная доля по сравнению с сотнями тысяч, которые *рвались* уехать. И в 1989 году (падение Берлинской стены и бархатные революции в Восточной Европе) ворота открылись еще не настужь. Свобода эмиграции пришла после провала ГКЧП и падения коммунистического режима. Но тогда не только евреи, а *все* граждане России обрели свободу ее покидать и возвращаться в нее.

А в 1970—80-е годы, незаслуженно обиженные Солженицыным, свободы эмиграции не было, а была *борьба* за свободу эмиграции и вообще за права человека. О том, как протекала эта борьба, напоминает самолетное дело с двумя смертными приговорами; «шпионское» дело Щаранского; тюрьмы, ссылки, лагеря, через которые прошли преподаватели иврита и многие другие активисты-отказники. Еще были котельные и дворничные, куда правдами и неправдами устраивались на работу доктора наук (часто по поддельным документам), чтобы не умереть с голоду или не получить срок за «тунеядство». Были демонстрации протеста и домашние аресты, тайные собрания в лесу и научные семинары на квартирах, был еврейский самиздат, голодовки, подслушивание и отключение телефонов, сидения в приемной Верховного Совета. Было глумление и произвол чиновников ОВИРов, адресированных на травле евреев, обирание отъезжающих на таможне. Были разорванные семьи, оставленные могилы близких, разрывы с друзьями. Не один Александр Солженицын бодался с ду-

* См. статистические данные в кн.: Soviet Jews in the 1980s. P. 215.

бом советской системы, а среди тех, кто бодался, евреи были представлены куда гуще, чем во власти. (Хотя во власти и около власти их тоже хватало.) Именно в этот период судьба русских и евреев переплелась особенно туго, причем в обоих лагерях — гонимых и гонителей. Одни отправлялись в лагеря или в эмиграцию, а вторые — в антисюнистские комитеты.

Обо всем этом у Солженицына ни полслова. Повествование оборвано, как недопетая песня.

«Бывшие»

Читаем у Солженицына: «“Светлые” Двадцатые годы — ох как нуждаются в трезвой оценке. Они наполнены были ожесточенными преследованиями и по *классовому* признаку, в том числе неповинных *детей* за прошлую, даже не виданную ими жизнь их родителей, но *тогда*: не евреи были те дети, не евреи были те родители» (т. II, стр. 274).

Трезвая оценка? Касательно преследований по классовому признаку — безусловно. Сама советская власть не скрывала этих преследований, напротив, бравировала ими — вплоть до декабря 1936 года, когда в стране тотального бесправия, под фанфары и барабанный бой, *Великая Сталинская Конституция* для показухи «наделила» всех граждан равными и гарантированными правами. Вот тогда и запели хриплые репродукторы: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» А перед тем никто и не претендовал на то, что в стране пролетарской диктатуры *человеку* вольно дышится. Народ был разделен на классы — передовые, менее передовые, которые надлежало «подтянуть», и реакционные, подлежащие ликвидации. По Солженицыну, евреи из дележа на *чистых* и *нечистых* по классовому признаку выпадали: «Еврейскую буржуазию не вымаривали сплошь, как русскую. Купец-еврей несравненно реже становился проклятым “бывшим”, находились свои заступники и выручатели. Родственники или сочувственные из советского аппарата то полегчали в поборах, то предупреждали о грозящей конфискации или аресте. Если теряли, то — капиталы, не жизни. Тогда со-

действие оказывалось и полуофициально, Еврейским комиссариатом при Совете Народных Комиссаров: ведь еврейская нация доселе была угнетенная, а значит, теперь, естественно, нуждается в помощи» (т. II, стр. 203).

Сходны представления и некоторых оппонентов Солженицына. Аркадий Ваксберг так определяет суть своей книги «Из ада в рай и обратно»: «В начале века евреи бежали из России от гонений и погромов (из “ада”)... потом интернационалистическая революция (читай: государственный переворот) соблазнила их созданием райских условий жизни (какое-то время, имея в виду действительно упраздненную дискриминацию, так оно и было — без всяких кавычек), а вскоре Сталин снова загнал евреев в ад, не чета прежнему»*.

Увы, в «рай без кавычек» после революции попал лишь небольшой слой в основном денационализированных евреев в *ливреях*, влившихся в партийно-государственную элиту. Об изгнании их из коммунистического рая Сталиным Ваксберг написал с присущим ему публицистическим талантом**. А массы еврейского населения, с которых власть срывала дореволюционные лапсердаки, часто вместе с кожей, им остались незамеченными. Как и Солженицыным.

Наиболее многочисленный слой еврейского населения и до революции прозябал на грани нищеты: предложение услуг со стороны мелких торговцев и ремесленников в черте оседлости в несколько раз превышало спрос, занятость была очень низкой, шла жестокая конкуренция за каждую копейку и кусок хлеба. (В маленьких городках и посадах вне еврейской черты на душу населения приходилось в три-четыре раза меньше ремесленников и торговцев, но их посреднических услуг вполне хватало.) Военный коммунизм, отменив торговлю, поставил массу этого полунищего населения на грань гибели. Выживали те, кто нелегально все-таки торговал, рискуя быть расстрелянным без следствия и суда. Бессудный расстрел в Полтаве двух «спекулянтов» в 1920 году широко известен из писем В.Г.Короленко А.В.Луначарскому. Названы имена этих несчаст-

* «Форвертс». Нью-Йорк, 2004, 15—21 октября. С. 8.

** Ваксберг А. Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М.: «Олимп», 2003.

ных: Миркин и Аронов*. Тысячи таких же «спекулянтов» ушли из жизни безмянными. Какой процент из них составляли евреи, неизвестно, но можно не сомневаться, что очень большой. Крестьяне имели шанс припрятать часть хлеба; рабочие в городах, не говоря о партийно-советской элите, получали хоть какие-то продовольственные пайки. Местечковая «буржуазия» могла добывать хлеб *только* путем купли-продажи, а это автоматически делало ее «врагом революции». То есть врагом революции становился каждый, кто *ел хлеб!* Если бы военный коммунизм продлился еще два-три года, то весь этот слой населения просто бы вымер или был уничтожен.

В период нэпа частная торговля была легализована, но обороты были ничтожными по сравнению даже с дореволюционным уровнем. В реальной жизни это означало вот что:

«До революции экономическая жизнь местечка [Любавичи — исторический центр хасидизма] базировалась на двух факторах — лен, который здесь перерабатывался и отправлялся по железной дороге, и резиденция Ребе Шнеерсона. Он притягивал к себе хасидов со всего света, в их числе купцов, которые завозили сюда товары, нужные местному населению. Благодаря этому процветали ремесла, несмотря на презрительное [?] отношение к таким занятиям со стороны Ребе и его клики. Империалистическая и Гражданская войны подорвали экономический фундамент деревни. Лен не появился на рынке. Двор Ребе и гнездо хасидизма разорены. Большинство населения лишилось прежних источников существования. Началось обнищание населения»**. В этой же справке местного большевистского функционера сообщается, что еврейская часть населения Любавичей за четыре года (1921—25) сократилась с 1302 до 967 человек, хотя нееврейское население росло.

То, что происходило в Любавичах, происходило повсюду. Большевистский функционер Юрий Ларин, считавшийся экономистом, свидетельствует:

* А кстати, и имя руководителя полтавской ЧК, приказавшего их расстрелять: Иванов — вариация на тему «жидов-комиссаров», упивающихся кровью братьев-славян.

** Документ сохранился в знаменитом «Смоленском архиве», цитируется в книге: Nora Levin. Ук. соч. Т. 1. С. 153. Привожу в обратном переводе с английского.

«Для “лишних” сотен тысяч людей, живущих еще в “доиндустриальном периоде”, остается одно из двух: или постепенно вымирать, или *перейти к обработке пустующих земель* [об этом ниже]... Постепенное вырождение местечкового еврейского населения действительно имеет место уже ряд лет... *значительное уменьшение рождаемости* среди евреев сравнительно с дореволюционным временем. Причиной служит, конечно, не какое-либо желание уменьшением семьи устранить дробление наследств (ибо у полунницей массы и наследовать нечего), а физическая невозможность хоть кое-как прокормить детей» (курсив Ю.Ларина. — С.Р.)*.

Касаясь социального состава евреев России к моменту революции, Ларин приводит, по-видимому, вполне объективные данные.

«Из всего еврейского населения на помещиков, банкиров, фабрикантов, заводчиков и купцов первой гильдии с их семьями приходился всего один процент». «Собственно фабричного пролетариата было небольшое количество. Это те евреи, которые были заняты на фабриках в Минске, Гомеле, Витебске и других местах западной полосы. Их было всего 23 тысячи, а вместе с членами своих семей они составляли несколько более 2% тогдашнего еврейского населения»**. Еще два процента населения, указывает Ларин (точнее 2,2 процента), составляли крестьяне (потомки тех немногих, что удержались на земле в результате переселенческих экспериментов Николая Первого).

Из остальных 95 процентов еврейского населения 42 процента было занято в торговле, причем из них 34 процента были собственно торговцами и 8 процентов — служащими торговых заведений: приказчики, бухгалтеры и т.п., часто члены семьи или родственники хозяина. То есть это были мелкие торговцы, большинство из них не имели ни одного наемного работника или помощника, а остальные — не

* Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.-Л. Госиздат, 1929. С. 93—94.

** Там же. С. 69. В Царстве Польском (особенно в Лодзи, Белостоке, Варшаве) процент евреев-рабочих был более высоким, но Ларин не касается территорий, которые после революции остались за пределами Советского государства.

более одного-двух. 36 процентов были ремесленники — портные, сапожники, скорняки, жестянщики, печники, плотники, мебельщики. Две трети из них (23 процента) тоже были *хозяевами* и одна треть — подмастерья, по большей части члены семьи или родственники мастеров. 14 процентов составляли представители свободных профессий, причем к этой группе Ларин относил весьма разношерстную публику, от врачей, адвокатов, писателей до нищих, приютских [?], проституток, арестантов. (Три процента не учтены его статистикой.)

Стараясь как-то закамуфлировать почти полное отсутствие «атакующего класса» среди евреев, Ларин, явно не по-марксистски, записывает в одну группу с промышленными рабочими *всех* работавших по найму: то есть торговых и конторских служащих, подмастерьев и прочих. С такой натяжкой ему удастся отнести к категории «трудящихся и их семей» четверть еврейского населения. Впрочем, своя логика в этом была. «Трудовые элементы» — это те, кто после революции и Гражданской войны мог вернуться к прежним профессиям и роду занятий. Для некоторых из них даже открылись дополнительные возможности: государственная служба, которая до революции была закрыта. Остальные же 75 процентов — «буржуазия». Мелкая, полуголодная, но абсолютно не пригодная к вступлению в светлое будущее, уготованное народу большевиками. Из этого «человеческого материал капиталистической эпохи» и предстояло «выработать коммунистического человека» методами «пролетарского принуждения во всех его формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью»*.

К 1929 году в обработке «материала» были достигнуты грандиозные успехи. Понятно, что слой богачей был ликвидирован сразу же: тут расстрелом начинали и кончали. (Спаслись те, кто успел эмигрировать или скрыть свое прошлое.) Но не этим достижением советской власти гордится Ларин: один процент — это такая малость, что не стоит и говорить. Подлинный успех состоял в том, что

* Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. В кн.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.

число рабочих и служащих среди евреев возросло почти вдвое (до 47 процентов вместо 25-ти), а число евреев-крестьян даже вчетверо — от двух до восьми процентов.

По великому закону, открытому Михайлой Ломоносовым, если что-то где прибавляется, то в другом месте должно убавиться. Именно это и происходило с евреями путем «пролетарского принуждения». «Доля самостоятельных торговцев», торжествовал Ларин, понизилась втрое — до 12 процентов, а группа «свободных профессий» усохла почти на треть — до 10 процентов (надо надеяться, не за счет врачей и писателей, но, увы, — и не за счет арестантов). Только в группе ремесленников успехи оказались относительно скромными — с 23 процентов их число сократилось до 20,8 процента. Недовыполнение плана было вызвано растерянностью большевистских идеологов перед этим специфическим слоем «человеческого материала». В кондовые марксистские мерки он не укладывался — какой-то кентавр: голова вроде бы вполне пролетарская, а туловище — заправского буржуя. Или наоборот. Ведь этот «человеческий материал» шил, кроил, строгал, красил своими мозолистыми руками — чем не пролетарий? Но — он сам договаривался с заказчиком; и инструмент у него был свой; и сырьем обеспечивал себя сам, добывая его черт знает откуда, то есть орудовал как заправский буржуин. От этой *кентаврости* «пролетарское принуждение» шло не столько по линии искоренения, сколько по линии сгона в артели и всякие кооперативы — для лучшего надзора и воспитания коллективистского начала.

Наиболее впечатляющие «сдвиги» больших слоев еврейского населения происходили в пространстве. С начала революции по 1928 год, сообщает Ларин, было «расселено» около миллиона евреев, а в следующее десятилетие предстояло «расселить» еще 600 тысяч. При общей численности в два с половиной-три миллиона речь шла о великом переселении народа! «Планов наших громадье» Ларин переводил на сухой язык экономиста-пропагандиста.

«Для хозяйственного развития СССР в целом такое расселение является выгодным. Уничтожается очаг хозяйственного застоя, нищеты и разложения, какими были западные города, искусственно переполненные людьми свыше

потребности соответствующих районов. Перестанут пропадать бесплодно полезные навыки ремесленников и служащих обмена. Нуждающиеся в квалифицированных рабочих местности СССР, поскольку не имеют готовых, смогут получить их без затраты многих лет и средств на подготовку. Больше будет в государстве производиться сельскохозяйственных продуктов (поскольку бывшие еврейские торговцы превратятся в земледельцев) и других полезных изделий, — вместо того, чтобы те же самые люди бесплодно толклись на одном месте “впятером около одной селедочной головы”, как сказано в одном рассказе» (курсив Ю.Ларина — *С.Р.*)*.

Для хозяйственного развития было бы куда выгоднее развивать экономику тех самых городков и местечек бывшей черты оседлости, где томила бездельем квалифицированная рабочая сила. Швейные, обувные, мебельные и подобные им фабрики могли бы поглотить значительную ее часть, не перегоняя за тысячи километров, где людей надо было обеспечивать хотя бы самым примитивным жильем, транспортом, школами, больницами, торговыми точками... Но тогда труднее было бы выжигать из сердец и умов привязанность к привычному укладу жизни, к национальным традициям, праздникам, к языку Библии, а, значит, и создавать из этого бросового материала «коммунистического человека». О том, *как* это делать, в России знали со времен николаевской рекрутчины. Опыт вполне пригодился, хотя и в подновленном виде.

«Хотя сейчас в России люди не умирают от голода прямо на улицах, как 1921—22 году, но в еврейских городках и местечках тысячи и тысячи семей медленно гибнут от физического и духовного истощения из-за нищеты и вынужденного безделья, без каких-либо надежд на будущее»**.

Так в 1925 году было сказано в отчете Джозефа Розена, представителя в России американской благотворительной организации «Джойнт». (Отчет не был ни просоветским, ни антисоветским; он был составлен с сугубо практической

* Ларин Ю. Ук. соч. С. 63.

** Founding a New Life for Suffering Thousands. Report by Dr. Joseph A. Rosen on Jewish Colonization work in Russia. Under the Auspices of the Joint Distribution Committee. With a forward by Louis Marshall. Philadelphia, September 12, 13, 1925. С. 9.

целью: ознакомить руководство организации с положением дел, чтобы оно могло решить, как наиболее эффективно использовать пожертвования американских евреев.)

Люди молодые и предприимчивые с надеждой переезжали в города (хотя бы это теперь стало возможным!), пристраивались на возрождавшихся заводах, фабриках, в учреждениях, ремесленных училищах и общеобразовательных школах, вузах, а некоторые открывали частные предприятия, что при нэпе тоже стало возможным. Но уже через год после введения нэпа «пролетарское принуждение» навалилось на частника непосильными налогами. Выжить он мог только при сокрытии доходов. Фининспектор стал грозой нэпмана — он был страшнее ГПУ, хотя и ГПУ не дремало. Любого нэпмана можно было схватить и судить по уголовной статье, он просто не мог не нарушать каких-то законов. Если нарушений найти не могли, статью все равно находили. Например, отец Эстер Маркиш Ефим Лазебников, вернувшийся при нэпе в Баку и открывший красильное предприятие, был арестован и осужден за дачу взятки в пять рублей!*

Частники и их дети третировались как «деклассированные» элементы, *лишенцы*. Они были лишены избирательных прав (даже призрачных, советских), а вместе с ними — всех человеческих прав. Кто не помнит сарказма Ильфа и Петрова: «Пиво только членам профсоюза». Если бы только пиво! *Лишенцев* и их детей в последнюю очередь зачисляли в школы, в вузах для «бывших» была установлена норма: пять процентов при условии полной оплаты обучения. Их в последнюю очередь принимали на работу. Деклассированных евреев из местечек выжимали в города, но не предоставляли жилья, а коренных горожан, имевших квартиры, «уплотняли». Даже в больницы лишенцев клали в последнюю очередь — при наличии свободных мест (а их никогда не было). Медицинские показания значения не имели: жить или умереть без медицинской помощи — это решало клеймо социального происхождения.

«Мелкие торговцы в черте оседлости вряд ли заслуживали звание “деклассированных элементов”, так как большинство из них влачило полуголодное существование, но

* Маркиш Э. Ук. соч. С. 28.

новый режим не проводил четких разграничений, — пишет Нора Левин. — Они числились “эксплуататорами”, как и евреи-ремесленники, которым приходилось не только изготавливать свою продукцию, но и продавать ее, а вдобавок, часть ремесленников работала не в одиночку, им помогали “эксплуатируемые” члены семьи*.

В переписи населения 1926 года Нора Левин обращает внимание на то, чего Ларин «не замечает». В некоторых городках черты оседлости *лишенцами* были 60 процентов евреев. При выборах местечковых советов на Украине в 1926 году 81,5 процента лишенцев составляли евреи, а при выборах городских советов — 68,8 процента. Всего насчитывалось 830 тысяч лишенцев-евреев, то есть треть всего еврейского населения. (В среднем по стране лишенцев было шесть процентов.)

Вопреки мнению Солженицына, что евреи получали поблажки и преимущества как представители «бывшей угнетенной нации», ничего подобного не было. Эстер Маркиш вспоминает, как ее брат в 18 лет уехал из Баку в Москву «зарабатывать пролетарское происхождение». Он хотел стать журналистом, но должен был устроиться рабочим на фабрику для «официального перевоспитания», ибо «без “пролетарского настоящего” нашего Шуру просто не стали бы печатать»**.

Шуре повезло. В двадцатые годы из-за высокого уровня безработицы устроиться на фабрику было трудно даже пролетариям, а сыну бывшего коммерсанта — тем более. Правда, в Москве это было легче, чем в провинции. Джозеф Розен писал в отчете 1926 года:

«Теперь имеются реальные возможности, при содействии комиссариата труда и некоторых наших ремесленных училищ, устроить несколько тысяч еврейских рабочих на разные предприятия, обучив их на кратковременных курсах профессиям механиков, электриков, сантехников, печатников и т.п. Эти курсы также позволят повысить квалификацию рабочих, уже работающих на фабриках, давая им возможность роста и освобождая места для других»***.

* Nora Levin. Ук. соч. С. 153.

** Маркиш Э. Ук. соч. С. 30.

*** Dr. Joseph Rosen. The Present Status of Russian Jewish Agricultural Colonization and the Outlook. Chicago, October 9—10, 1926.

Розен называет Тулу, Калугу, Воронеж, Самару, Саратов, Казань, и указывает, что местные еврейские общины готовы организовать помощь мигрантам. Однако, по его словам, возможности для устройства в малых и средних городах были очень ограничены, «было бы неразумно стимулировать значительный приток в них евреев, хотя движение это заслуживает пристального внимания»*.

Возможности были ограничены и другими причинами.

В Петрограде, в Военно-медицинской академии, расхвалив на ученом совете молодого физиолога Е.М.Крепса, одного из лучших учеников академика И.П.Павлова, его кандидатуру на оставление при кафедре проваливают тайным голосованием**. В Академии Наук академик С.Жебелев отказывает своему ученику Соломону Лурье пользоваться библиотекой, а за его спиной шепчет — тихо, но так, чтобы тот слышал: «Все мы виноваты в революции. Вот и я тоже — оставил еврея при университете»***.

В Московском университете студентка куда-то засунула учебник политэкономии французского ученого Шарля Жида и говорит в сердцах: «Ну и растяпа же я! Куда это я дела моего Жида — никак не могу найти!» И тотчас насмешливая реплика: «Жида потеряла? А ты обернись вокруг — у нас в Москве жид на каждом углу». Это слышит студентка-еврейка Эстер Лазебникова. Ее реакция: «Мне оставалось возмущаться только “про себя”: университетское начальство не позволило бы устроить общественный суд над антисемитом»****.

Это — на уровне яйцеголовых.

А вот как происходило по-простому, по-рабочему.

Поселок «Новка»: «Работницу еврейку Гиндину систематически преследовали в течение двух лет... На то место, куда она садилась, мастера часто клали расплавленное стекло, потешаясь над тем, как корчится Гиндина от невыно-

* Dr. Joseph Rosen. The Present Status of Russian Jewish Agricultural Colonization and the Outlook. Chicago, October 9–10, 1926.

** Талант, конечно, пробьется; в будущем академик Крепс — один из ведущих советских физиологов. За плечами его будет многое, в том числе и долгие годы в ГУЛАГе.

*** Бейзер М. Евреи Ленинграда. 1917–1939. Национальная жизнь и советизация. «Мосты Культуры», 1999. С. 104.

**** Маркиш Э. Ук. соч. С. 28.

симой боли. Однажды ее опрокинули вниз головой в ящик, заголили тело и пустили на нее сильную струю воды... один из них [мастеров] — Забавленко — заставил Гиндину отвезти себя верхом в уборную и обратно»*.

Городок Боровичи, обувная фабрика. «Несколько человек повалили [рабочего еврея] Гольбрайха на пол и пытались вымазать скипидаром его половые органы»**.

«Рабочие строительства деревообделочного комбината Цивилько и Петрович бросили в глаза рабочему еврею Нейману кусок извести. Спустя короткое время Нейман ослеп»***.

Комсомолец Ягуда Моисеев был чистильщиком сапог в Ташкенте, потом приобрел строительную специальность, работал в Коканде. «Помимо словесной травли хулиган Курчужев незаметно подкрался к Моисееву и поджег на нем рубашку. Никто из присутствовавших не пришел ему на помощь... Прошин и Никифоров стащили у Моисеева плащ и испражнялись на нем... Однажды Головин схватил Моисеева за волосы и потянул к себе через верстак. От боли Моисеев потерял сознание, а в руках Головина остался клочок волос... Начальник района узрел в этом только взаимную драку и оштрафовал обоих по 2 рубля за нарушение общественной тишины»****.

Астрахань. «В начале апреля 1929 года Астраханский суд вскрыл жуткую картину преследования двух рабочих-евреев на гортрамвае рабочими и служащими этого предприятия... Комсомольцы Лавров, Кирпичников и Нестеров избивали своего товарища-еврея Падунского и плевали ему в лицо. Член партии Швецов кричал в пивной: “Жидовская рожа, плати!” Коммунистка Мокеева заявила во всеуслышание в билетном отделе, где собралось много рабочих: “Вот насадили везде жидов, они и властвуют” (всего в трампарке среди 600 рабочих — 4 еврея). Приговор суда

* Маркиш Э. Ук. соч. С. 330.

** Ларский Л. Антисемитизм в наши дни. В кн.: «Неодоленный враг». Сборник художественной литературы против антисемитизма. Составитель В.Вешнев. М.: «Федерация», 1930. С. 328. На этот сборник мне указал Марк Авербух (Филадельфия), приславший ксерокопию статьи Л.Ларского и некоторых других материалов. Выражаю ему искреннюю благодарность.

*** Там же. С. 329.

**** Там же. С. 338.

(начиная от 1 г[ода] и 2 м[есяцев] заключения и ниже в отношении Швецова (член партии) и Писарева смягчили, учитывая их “революционные заслуги”»*.

Автор цитируемой статьи подчеркивает, что приводит примеры, «случайно выхваченные из сотен подобных за один только месяц [1929 года]».

Учебные заведения Ленинграда. «Сообщения об антисемитских инцидентах поступали из Областного торгово-промышленного техникума, из Института коммунального хозяйства, из Ленинградских реставрационных мастерских, из Политехнического института, Химико-фармацевтического техникума, из Художественно-промышленного техникума при Академии художеств. В последнем студенты керамического отделения травили студента Левитана. Когда показательный суд выгнал из техникума двух братьев-зачинщиков, все их сокурсники, а так же другие студенты, подписали заявление с просьбой восстановить хулиганов»**.

В одной из школ учительница обществоведения заявляет на уроке:

— Факт употребления евреями христианской крови в мацу можно считать установленным. Примером может служить дело Бейлиса.

— Но Бейлиса оправдали, — возражает кто-то из учеников.

— Присяжные были подкуплены.

Учительницу не поставили «вне закона», не упекли на Соловки. Вместо обществоведения ее нарядили преподавать литературу***.

А вот и питерский пролетариат, главная опора большевизма и пролетарского интернационализма: «Оскорбления и травля евреев, избиения на антисемитской почве стали, судя по прессе, обычными явлениями на заводах... Попытки добиться общественного осуждения антисемитов часто наталкивались на сопротивление. Когда хулиганов, избивших до потери сознания еврея-студента, вызвали в администрацию, на их защиту пришел весь курс. Административные меры наказания за антисемитизм на производстве

* Ларский Л. Ук. соч. С. 339—340.

** Бейзер М. Ук. соч. С. 109.

*** Там же. С. 105.

общественной поддержкой не пользовались. Другое дело — антисемитский дебош, устроенный посреди улицы одиноким алкоголиком; в этом случае суд мог без проблем засадить дебошира в тюрьму и затем выслать на три года из Ленинграда»*.

Вне Ленинграда, но в пределах губернии:

«В машинной школе Кронштадта партийные и комсомольские организаторы называли учащихся евреев не иначе как “жидовская морда”, на лесопильном заводе коммунист и бывший комсомольский руководитель Новиков откровенничал: “Евреи — самая вредная нация. Если бы я мог, я бы их сам собственными руками передушил до одного. На польском фронте я 900 евреев перестрелял”>**.

(Воевал, надо полагать, за красных; иначе трудно было бы ему стать коммунистом и комсомольским вожаком.)

В Пскове, в рабочем общежитии завода “Металлист”, 17-летний комсомолец Трофимов садистски измывался над своим соседом по комнате Леонидом Большеминниковым — при молчаливом одобрении остальных обитателей комнаты. Леонид старался приходить попозже и тотчас юркал в постель, закутывался в одеяло и молча сносил оскорбления, что, видимо, только распаяло юдофоба. После того как Леонид пожаловался в заводоуправление, Трофимов пригрозил: «Убью!» Поздно вечером, когда Леонид, как обычно, юркнул в постель, Трофимов схватил топор и с криком «Убью!» два раза рубанул по одеялу. Увидев, что жертва еще шевелится, ударил третий раз. Затем спокойно умылся, переоделся и отправился в клуб — на танцы. При задержании объяснил: “Я его убил за то, что он жид”.

Попытка использовать дело Трофимова для кампании против антисемитизма, провалились. Выступавшие на митингах ерничали, предлагали наградить убийцу премией в тысячу рублей. Группа школьниц писала узнику нежные письма, посылала посылки. Девочки раздобыли фотографию героя и размножили ее, чтобы у каждой перед глазами был его лик. Вместо «вышки», положенной по закону, Трофимов

* Бейзер М. Ук. соч. С. 107—108.

** Там же. С. 105.

был осужден на 10 лет лишения свободы, но «под давлением общественности» срок тут же был сокращен вдвое*.

О «райских условиях жизни» красноречиво повествует стихотворение В.Маяковского «Жид». Опубликованное в «Комсомольской правде» 15 июня 1928 года, оно *перечитано заново* В.Порудоминским, который отслоил пропагандистскую риторику от фактографической основы этого произведения, не блистающего артистизмом, но интересного для понимания духа времени**.

«Это слово [жид] слесарню набило доверха, / в день, когда деловито и чинно / чуть не насмерть “жиденка” Бейраха/ загоняла пьяная мастеровщина», — цитирует В.Порудоминский и, «припадая воспаленной губой к реке по имени “Факт”», поясняет: «Весть о “деле Бейраха” выплеснулась на газетные полосы из Иванова-Вознесенска. Там, на одной из фабрик шесть мастеров-электриков долго, с садистской жестокостью измывались над 15-летним учеником-“жиденком”. Статья об этом в “Комсомольской правде” от 22 февраля 1927 года так и называлась — “Жиденок”. “Бейраха, — цитирую одно из тогдашних изданий, — били руками, иногда драли ремнем, а потом стали раздевать и прижигать индуктором. Когда же он кричал и плакал, негодяи гоготали и пинали его сапогами. В стакан с чаем бросали окурки и требовали, чтобы “жиденок лакал”. Заколачивали ящик с инструментом дюймовыми гвоздями, клещи убирали, и, под раскатистый хохот, разбирая в кровь руки и обрывая ногти, Бейрах вручную должен был отдирать доски”... Кончилось тем, что мальчика едва не забили до смерти»***.

Вот еще один *перечитанный заново* фрагмент: «Это слово [жид] шипело над вузовцем Райхелем, / царских дней подымая пыльцу,/ когда “христиане”-вузовцы ахали/ грязной галошей “жида” по лицу».

«В строках о “вузовце Райхеле” Маяковский допускает поэтическую вольность», — уточняет В.Порудоминский и

* Гейзер М. Ук. соч. С. 109.

** Порудоминский В. Перечитывая заново. Комментарий к стихотворению В.Маяковского «Жид». «Окна», Иерусалим, 30.1.1997; «Шалом», Чикаго, 10.1997. Цитирую, по машинописной копии, любезно присланной автором.

*** Там же.

поясняет, что галошей по лицу, чтобы не марать рук, “ахали” студентов-евреев в Харьковском геодезическом институте; а Аркадий Райхель учился в музыкальном техникуме, его “ахали” просто кулаками, под руководством секретаря парторганизации, который не терпел белоручек*.

Подробности автор работы (а в свое время — В.Маяковский) почерпнул из статьи в той же «Комсомолке»: «Письма с Украины. Антисемитизм в вузах». «Здесь находим весьма впечатляющую картину травли евреев-студентов. Мучители из числа молодых людей, устремленных к обретению высшего образования, поочередно сменяясь, не дают жидам спать, с каковой целью обливают его в постели холодной водой, будят ударами линейки по голове, колют пятки иглой кронциркуля. Беременную студентку-жидовку “расстреливают” ударами футбольного мяча по животу»**.

Как писал составитель сборника «Неодоленный враг» В.Вешнев, «антисемитизм в нашей стране — одно из позорнейших пережитков прошлого. К сожалению, у нас еще много темноты, бескультурья, в атмосфере которых держатся как это, так и другие уродливые явления: алкоголизм, хулиганство, религиозные предрассудки и проч. Со всеми ими мы ведем беспощадную борьбу»***.

Но «беспощадная борьба» не давала эффекта, ибо власть осуждала преследование евреев на словах и насаждала на деле (как, кстати, и алкоголизм). «В ходе ликвидации НЭПа [и раньше, но в ходе ликвидации кампания усилилась] на скамью подсудимых то и дело попадали многочисленные петроградские [и московские, одесские, и т.д.] евреи — торговцы, нэпманы, советские хозяйственники, о чем подробно сообщали газеты. Два месяца, с января по март 1927 г., в Губсуде слушалось дело “шоколадных фабрикантов” Маггида и Рывкина, обвинявшихся в даче взятки банковскому служащему Шапиро и в сокрытии доходов. Некий Иоффе, председатель трудартели, был посажен за растрату. Правление артели, состоявшее из жен репрессированных “торгашей и нэпманов”, было разогнано»****.

* Порудоминский В. Ук. соч.

** Там же.

*** «Неодоленный враг». С. 5. Грамматика и стиль автора.

**** Бейзер М. Евреи Ленинграда. 1917—1939. Национальная жизнь и советизация. М.: «Мосты культуры», 1999. С. 105—106.

Митингов в защиту Маггидов и Рывкиных никто не устраивал, смягчения приговоров не требовал. «Многочисленные газетные материалы о “плохих” евреях только подливали масла в огонь антисемитизма», — констатирует исследователь*.

Н.И.Бухарин, выступая в 1927 году на 24-й Ленинградской губернской партконференции, особо остановился на росте антисемитизма в стране**. Население Москвы и Ленинграда «не видит еврейских бедняков и рабочих, заполняющих западные губернии, а знакомо только с теми евреями, кто преуспел более других и вырвался в крупные города, то есть с нэпманами и интеллигенцией. Конкуренция в бизнесе, на рынке труда и в интеллигентских профессиях — вот что порождало антисемитизм, по словам Бухарина»***.

Вполне марксистское объяснение, но очень далекое от реальности: хотя среди нэпманов было много евреев, лишь небольшая часть евреев была нэпманами. Их травили в газетах, воспроизводя снова и снова клишированный образ «жида» — жулика и стяжателя, а галошей по лицу «ахали» Райхелей и Бейрахов в рабочих и студенческих общезитиях, поджигали на них рубахи в трамвайных депо, сыпали известь в глаза на стройках. Такая «райская» жизнь «вместе» не многих устраивала. Их тянуло подальше от этого рая, «отдельно».

Землеустройство

Недолгий период военного коммунизма в советской России завершился тотальным голодом 1921 года. Принято считать, что голод поразил Поволжье из-за небывалой засухи; но засуха лишь усугубила разорение Гражданской войны и продразверстки. Поволжье стало эпицентром голода, но откуда он расползся по всей стране.

«Никаким пером невозможно описать, что значит голод, с которым сталкиваешься в таком городе, как Одес-

* Бейзер М. Ук. соч.

** «Правда», 1927, 2 февраля.

*** Бейзер М. Ук. соч. С. 109—110.

са, где прямо на улицах валялись трупы — много человеческих тел, буквально умерщвленных голодом», — говорится в отчете, подытожившем первые результаты деятельности в России американской еврейской благотворительной организации «Джойнт»*.

Организация «Джойнт» была создана в начале Первой Мировой войны — для помощи ее жертвам. Это была «организация евреев, собиравшая пожертвования среди евреев для помощи пострадавшим евреям»**. Так определялся ее характер и задачи. Но когда Герберт Гувер, будущий президент США, а в то время министр торговли, отозвавшись на призыв Максима Горького, пригласил к участию частные благотворительные организации, в числе отозвавшихся был «Джойнт». В ассоциацию АРА (American Relief Association) вошло 12 благотворительных организаций. Каждая из них направила в Россию своего представителя, чтобы на месте следить за распределением грузов и средств. От «Джойнта» приехал доктор Джозеф Розен, высококвалифицированный агроном, человек с редкой деловой хваткой и высокими душевными качествами.

Розен был выходцем из России. Семья его эмигрировала в Америку в конце XIX века, когда он был еще подростком. Он получил превосходное образование, стал крупным бизнесменом и администратором; его ждали блестящая карьера, богатство, высокое общественное положение. Отказавшись от всего этого, оставив семью, он отправился — спасать людей.

С августа 1921 года по январь 1923-го «Джойнт» направил в Россию деньги и гуманитарные грузы на сумму более восьми миллионов долларов — огромная по тем временам сумма! Розену пришлось не только следить за тем, чтобы грузы и деньги шли по назначению, но, как агроному, заняться, пожалуй, наиболее ответственным делом — надо было не допустить повторения бедствия не следующий год. Угроза была реальной: посевной материал был съеден, пять миллионов акров земли (два миллиона гектаров) могли остаться незасеянными.

* The American Jewish Joint Distribution Committee in Russia. January 1924. Pp. 38—39.

** Там же. С. 3.

Узким местом оказалась разруха на транспорте. За оставшийся короткий срок завезти необходимое количество семян пшеницы — основной культуры Поволжья — было невозможно. Розен предложил дерзкий план, который оказался спасительным. Идея состояла в том, чтобы традиционные для Поволжья зерновые культуры по возможности заменить кукурузой. Кукурузу можно было сеять по май включительно, а не по март, как пшеницу, так что посевная страда удлинялась на два месяца, давая время для завоза семян. Да и самих семян кукурузы требовалось в несколько раз меньше по сравнению с пшеницей; это означало уменьшение поставок на 200 тысяч тонн. План был одобрен крупнейшим специалистом по семеноводству профессором В.В.Талановым (сподвижником Н.И.Вавилова) из Отдела прикладной ботаники и проведен в жизнь.

Когда основная миссия АРА завершилась, ее сотрудники вернулись домой, но Джозеф Розен остался в России. Он успел ознакомиться с положением еврейского населения бывшей черты оседлости и понял, что нельзя бросить его на произвол судьбы и большевистской власти.

Скромный и непритязательный человек, Розен не афишировал своей деятельности. Он неутомимо колесил по стране, терпя все сопутствующие лишения: холод, грязь, переполненные вокзалы, тысячи километров на попутных машинах и телегах, ночевки в степи — то в стогу, то в каком-то сарае, а то и под открытым небом. Скверное питание, клопы, вши, постоянная опасность заразиться тифом или подцепить другую инфекцию, и все это — по собственной доброй воле, без «пролетарского принуждения». Он заводил связи среди коммунистических бонз в центре и на местах, проявлял такт и дипломатическое чутье, чтобы преодолевать подозрительность и прямую злобу к козням «американского империализма».

Не располагая точными цифрами, которыми позднее оперировал Ю.Ларин, Розен гораздо яснее обрисовал социально-демографическое состояние еврейского населения. В 1925 году он указывал, что примерно пять процентов евреев занято в сельском хозяйстве; 10 процентов — специалисты, включая государственных служащих, 15 процентов — рабочие, ремесленники; и 70 процентов — торговцы, кустари, «продавцы воздуха».

Об ужасном экономическом положении еврейского населения власти хорошо знали. Вот что говорил «вице-президент Советской республики» П.Г.Смидович представителю «Джойнта» Дэвиду Брауну, посетившему его в 1924 году.

«За все годы, что еврей подвергался ограничениям в [царской] России, у него не было возможности заниматься чем-либо, кроме посредничества; с приходом революции еврей сразу лишился и возможности заниматься своим делом, и средств к существованию; правительство само занимается производством товаров первой необходимости и торговлей ими. Правительство России сознает, что на данном этапе эта его деятельность приносит большие лишения [еврею], и готово помочь изменить нынешнее ненормальное экономическое положение еврея»*.

Заметив, что Смидович — не еврей, Браун называет свою встречу с ним исторической. *Историчность* этой и подобных встреч разъясняет Розен:

«Нынешнее земельное законодательство в России точно определяет категории граждан, имеющих право на получение земельных наделов от государства. К первой категории относятся крестьяне, а бывшие торговцы — к самой последней. Это автоматически лишило бы подавляющее большинство евреев возможности когда-либо получить землю. По представлению Комзета** правительство издало особое постановление, касающееся только евреев, в котором специально указывалось, что при царском режиме евреям не разрешалось селиться на земле и они не могли иметь в своей среде класса крестьян; потому еврейские торговцы и ремесленники, которые полны желания взять земельные наделы для их культивирования силами собственных семей, при наделении их земельными участками приравниваются к категории крестьян»***.

Иначе говоря, удалось добиться того, что при «окрестьянивании» евреев они в правовом отношении приравни-

* Brown David A. The New Exodus. The story of the historical movement of Russian Jewry. Back to The Soil. New York, May 29, 1925. P. 12.

** Государственного комитета по землеустройству трудящихся евреев. Во главе его стоял тот же Петр Смидович, благосклонно относившийся к инициативам и кошельку «Джойнта».

*** Rosen J. Ук. соч. С. 22.

вались к крестьянам. Вот и все «привилегии» бывшей угнетенной нации!

Розен сосредоточил основные усилия именно на «окрестьянивании» — не только потому, что сельское хозяйство было его стихией. Он объяснял:

«Процесс индустриальной реконструкции в России в настоящее время состоит в основном в открытии фабрик и заводов, которые были закрыты в годы Гражданской войны и революции. Естественно, что когда эти фабрики открывают, предпочтение отдается тем, кто раньше на них работал»*. То есть основной массе евреев при этом светило немного (а в какую мясорубку попадали те, кто все-таки устраивался на заводы, фабрики, стройки, мы видели).

Иное дело — земля. Говоря о преимуществах земледелия перед другими видами занятий, Розен указывал на целый ряд факторов. Первый, и главный: никакой или почти никакой зависимости от рынка. (Что такое «социалистический» рынок, он уже хорошо представлял.) Главное, чего хочет семья, это прокормиться, а удастся ли ей продать излишки урожая, и по какой цене — это вопрос вторичный. Другое важное преимущество: поселенцы сами создают для себя рабочие места, они в этом отношении ни от кого не зависят. В-третьих, из деклассированных лишенцев, отбросов общества, они становятся полноправными гражданами — в той мере, в какой можно было говорить о праве в стране бесправия. И, наконец, советское правительство, поддерживало проект. Оно предоставляло землю, льготные железнодорожные тарифы для переезда и перевозки скарба, даже небольшие денежные кредиты, хотя львиную долю их давал «Джойнт».

Что же до наличия потенциальных переселенцев, то Розен опасался, что волна желающих его захлестнет. Он должен был принять меры, чтобы ее сдержать. Было объявлено, что каждая семья должна внести по триста-четыре-ста рублей своих собственных денег. Розен знал, что это несправедливо: ведь таким образом отсекались самые обездоленные. Но иного выхода не было. Да и необходимо было поставить заслон людям несерьезным — готовым попробовать, а затем сбежать при первых трудностях или неудачах.

* Rosen J. Ук. соч. С. 13.

Откуда взялась земля для еврейской колонизации?

Розен объясняет, что надо отдельно рассматривать Западную и Восточную части тогдашнего юга России — Украины. На западе — Киевщина, Подолия, Волыния — плотность населения высокая; крестьяне малоземельны, рабочих рук избыток, поэтому помещичью землю исторически обрабатывали *местные* крестьяне (веками как крепостные, а затем — как наемные рабочие). В революцию они расхватили и поделили *всю* помещичью землю. Что касается восточной части — Херсонщина, Днепропетровская (Екатеринославская) область, Северный Крым, — то там сельское население редкое, местных рабочих рук мало, поэтому в страду помещики, владевшие большими массивами земли, завозили сезонников из других мест. После революции *местные* крестьяне и здесь разобрали помещичью землю, но не всю, а сколько кто способен был обработать. Значительная часть земли осталась бесхозной и уже ряд лет не обрабатывалась. Советская власть хотела поскорей пустить ее в оборот, но, по возможности, не за свой счет!

Розен призывал руководство «Джойнта» не медлить и не скупиться, так как с каждым годом свободной земли оставалось меньше. Он говорил о переселении за три года 20—30 тысяч семей, то есть 100—150 тысяч человек, что, по его оценке, составляло примерно 15 процентов всех деклассированных евреев бывшей черты оседлости.

«Агро-Джойнт», как стала называться организация Розена, развернул огромную работу. Надо было обследовать землю на предмет ее пригодности и определения очередности заселения. Надо было выявить наличие питьевой воды (одно из узких мест) и приступить к рытью колодцев. Надо было определить юридический статус земельных участков, поступавших в бесплатное пользование поселенцев, но остававшихся собственностью государства; провести четкое размежевание участков, во избежание будущих тяжб между соседями; функции товариществ по совместной обработке земли и отношения между ними и индивидуальными хозяйствами*. Были созданы учебные животновод-

* Кооперативы, создававшиеся Розеном, не имели ничего общего с будущими колхозами. Похоже, что в этом отношении Джозеф Розен находился под сильным влиянием русских ученых-кооператоров Кон-

ческие фермы, курсы механизаторов. Надо было прокладывать дороги, рыть землянки для пионеров, а затем строить дома для их семей, завозить лесоматериалы. Новым поселениям нужны были школы, больницы, какие-то культурные заведения.

Как бы то ни было, а результат был ощутимый. Если сразу после революции крестьянствовало два процента евреев, то на 1925 год Розен называет пять процентов, а на 1929 Ларин дает цифру 8 процентов — 200 тысяч человек. Солженицын ставит эту цифру под сомнение, но она неплохо согласуется с данными Розена. Близки и данные американского исследователя Цви Гительмана: на 1928 год число евреев-крестьян достигло 220 тысяч, после чего стало снижаться*.

«Программа еврейского земледелия осталась практически безуспешной», — считает Солженицын, а причины неудачи видит в том, что «для многих поселенцев не было побуждений оставаться. Ведь само переселение (и постройка домов) производилось по приказу сверху и за счет западных организаций» (т. II, стр. 46).

Это не совсем верно, если не сказать — совсем неверно. Переселение, безусловно, было принудительным, но не по приказу сверху, а из-за голодных, бесправных и бесперспективных условий существования, которые власть намеренно усугубляла. Потому побуждения переселяться и оставаться «на земле» было очень велико. Кто-то, конечно, не выдерживал, но массового оттока до коллективизации не было.

«Планов громадьё» предусматривало распашку 100 тысяч гектаров земли, поселение на ней 500 тысяч евреев и создание на территории Северного Крыма и Днепровских плавней Еврейской Автономной Республики. Предусматривалось даже осушение Сиваша для новых поселений. Кро-

дательства и Чайанова. В двадцатые годы их идеи были весьма популярны, их поддерживала власть, на их взгляды опирался Бухарин, развивая свою концепцию «постепенного вращивания мужика в социализм». Коллективизация опрокинула все эти проекты, ведущие аграрии были арестованы, обвинены во вредительстве и уничтожены.

* Gitelman Z. A Century of Ambivalence, N.-Y., YIVO Institute, 1988. P. 156.

ме всего прочего, Еврейская республика в Крыму выстав- лялась как советский противовес сионизму.

Но в конце 1920-х годов Крыму был противопоставлен Биробиджан.

До причин этой «смены вех» нелегко докопаться, но главное можно обозначить. Один из факторов — антисемитская пропаганда, без конца муссировавшая то, что «жидовская власть» отдает евреям «лучшие земли», а те обрабатывают ее не сами, а нанимая батраков. То и другое было ложью, ибо лучшие и самые удобные земли разобрали местные крестьяне, а за тем, чтобы наемного труда в еврейских колониях не использовалось, власти следили с особой бдительностью: каждый «сигнал» проверялся грозными ревизиями и никогда не подтверждался. Но слухи нервировали власть, о чем говорит хотя бы то, как решительно и подробно они опровергались в книге Ю.Ларина и в советской печати того времени.

Второй фактор выявляется ретроспективно: товарищ Сталин не одобрял идею еврейского Крыма, хотя до поры до времени помалкивал, наблюдая за ходом событий.

Третий фактор — стратегические соображения. Южная часть Восточной Сибири представляла собой совершенно незащитимую территорию — леса и болота, с очень редким населением, без дорог и опорных пунктов. Тогда как по китайскую сторону границы территория была густо заселена, освоена, контролировалась японскими войсками, и «самураи» не шибко таили своих намерений «перейти границу у реки».

Огромная научная экспедиция — 180 ученых разных специальностей! — обследовала Северный Кавказ, целинные земли северного Казахстана, район Аральского моря. Все эти земли были более пригодны для сельскохозяйственного освоения, чем болотистая тайга Сибири, с сорокоградусными морозами зимой, наводнениями летом, и гнусом, способным замучить до смерти человека и лошадь. Тем не менее, выбор пал на Биробиджан, что активно поддержал наркомат обороны*.

* Chimen Abramsky. The Biro-Bidzhan Project, 1927—1959. The Jews in Soviet Russia, edited by Lionel Kochan. Oxford University Press, 1978. Pp. 70—71.

Касаясь стратегических соображений, Солженицын указывает еще на один мотив, тайный: «вклинить советское население во враждебном казачьем краю» (т. II, стр. 247). Он убежден, что лишеныцы из умирающих еврейских местечек были преданы советской власти больше всех остальных групп населения! Мне кажется, что когда Александр Исаевич сам был предан советской власти, он думал об этом прямо противоположным образом*.

Энтузиасты крымского проекта встретили новое начинание в штыки, но их обвинили в левом уклоне и в национализме. М.И.Калинин, недавний энтузиаст крымского проекта, стал еще большим энтузиастом Биробиджана. Советский противовес сионизму перемещался на Дальний Восток. Именно там предстояло создать очаг еврейской государственности: Еврейскую автономную область (провозглашенную в 1934 году), а в перспективе — автономную республику. Под бойкими перьями пропагандистов речка Бира наполнилась млеком, Биджан — медом, а их слияние обрело черты горы Сион с сияющим храмом на вершине.

Пропаганда велась по всему миру, и дала некоторый эффект. Уверовав в социализм с человеческим еврейским лицом, в Биробиджан приехали молодые энтузиасты из многих стран — несколько сот, может быть, пара тысяч человек. Большинство из тех, кто не успел убраться восвояси, потом загребели в ГУЛАГ. Но не все. В 1978 году, когда я был в Биробиджане, мне порекомендовали встретиться с местной достопримечательностью — колхозным бригадиром, Героем Социалистического Труда, тогда уже пенсионером. Это был бодрый и энергичный старик. Я не запомнил его имени, но то, что он рассказал, помню хорошо. Он приехал из Аргентины в 1931 году. Со своей выдающейся бригадой он ставил рекорды — то ли надоев, то ли урожаев, за что был удостоен всевозможных наград и званий. Он рассказал, между прочим, о том, что недавно ездил к себе на родину, в Аргентину, провел там полгода, неся благую весть о том, как хорошо в стране советской

* В предвоенные годы Солженицын задумал и начал писать роман под названием «Люби революцию!». Эти наброски теперь в виде повести включены в книгу: Солженицын А. Дороженька. М.: «Вагриус», 2004. С. 249—412.

жить. В общем, правильный был человек. Дважды еврей Советского Союза, как называли таких уникалов остряки.

В Биробиджан ежегодно прибывало в восемь-десять раз меньше переселенцев, чем планировалось властями. Прибывали они целыми семьями, с немощными стариками и малыми детьми на руках*. Их негде было селить; из-за нехватки инструмента и общей неразберихи — нечем заняться. («Агро-Джойнт» в проекте не участвовал.)

Переселенцы везли и скот, если у кого была коза или лошадь, но в первую же зиму почти весь скот погиб от сапа. Люди жестоко страдали от холода, дизентерии, других болезней. 20—30 процентов (по некоторым данным больше пятидесяти) уезжало в первый же год; в иные годы уезжало больше людей, чем приезжало. В 1937 году стали брать евреев из руководящего слоя области. Это побудило бежать тех, за кем еще не успели придти. Столь шумно начатая кампания заглохла, приток евреев практически прекратился. Он несколько оживился после войны, когда евреи, избежавшие Холокоста, но потерявшие своих близких, свои жилища, и нередко, при возвращении на пепелища, враждебно встречаемые бывшими соседями, от полной безысходности ехали в Биробиджан. Поток этот был небольшим и скоро иссяк.

Когда я впервые познакомился с материалами о еврейской «автономии», а потом там побывал, то был удивлен, что Биробиджан все-таки существует, что это не фикция. Там были улица Шолом-Алейхема, двухэтажные дома грязно-зеленого цвета, учреждения, редакция газеты, гостиница, в которой я смог переночевать на чистой простыне благодаря звонку из этой редакции, а наутро, в окно, выходявшее на базарную площадь, увидел маленькую согбенную еврейку, продававшую курицу старику-еврею. Оба не торопились разойтись, вели душевную беседу...

Проект переселения евреев на землю окончательно загубила сплошная коллективизация. Судя по книге Ю.Ларина, изданной в *год великого перелома*, даже он (уж на-

* Этот негативный опыт был учтен. Позднее ударные стройки в отдаленных местах объявлялись комсомольско-молодежными, вербовали на них молодежь, не обремененную семьями.

сколько осведомленный человек) не подозревал о том, что грядет. Евсекция тоже была застигнута врасплох. Не разобравшись в ситуации, С.Диманштейн заикнулся о том, что в «национальных сельхозрайонах» следовало бы повременить со сплошной коллективизацией, за что был обвинен в национализме. Вероятно, то была последняя капля, побудившая Сталина разогнать Евсекцию, а затем ликвидировать ее бывшее руководство.

Еврейские поселенцы испытали на себе все то, что принесла коллективизация крестьянству. «Многие еврей-фермеры отказывались вступать в колхозы, отказывались выращивать урожай, зная, что государство его заберет. Скот резали, чтобы не сдавать его в колхоз. Начался значительный отток населения из колоний, ставших колхозами. Вместе с коллективизацией проводилась “интернационализация”. Еврейские и нееврейские колхозы насильственно объединяли — поощряли переселение не евреев в еврейские поселения и наоборот»*. По оценке Цви Гителмана, к началу войны число евреев-крестьян уменьшилось более чем вдвое. Все же еврей-крестьяне не исчезли полностью; в конце 1960-х мне довелось навестить дальних родственников в «еврейском» колхозе в Джанкое.

Одновременно с ликвидацией единоличных крестьянских хозяйств был ликвидирован нэп. Деклассированные, лишённые прав нэпманы стали «бывшими» и из ведения фининспектора полностью перешли под опеку ГПУ. Началась «золотуха».

«Исследователи, потрясенные бессовестным, кровавым концом НЭПа, почти упустили из виду окончательную расправу над ним — “золотуху”, — вспоминала Эстер Маркиш. — Всех, не успевших умереть собственной смертью или быть убитыми нэпманов, решено было вновь посадить и “трясти” до тех пор, пока они не отдадут утаенное в прошлом золото, ценности или деньги»**.

Кампания охватила всю страну, тысячи, десятки тысяч «лишенцев» и нэпманов похватили и «трясли». О масштабе

* Abramsky Ch. Ук. соч. С. 153.

** Маркиш Э. Ук. соч. С. 76.

этой акции живо говорит хотя бы описание того, как Эстер Маркиш искала арестованного отца: «Площадь перед тюрьмой была черна от народа — словно бы праздник какой здесь проводили или ярмарку, или устроили центр черного рынка». Эстер Маркиш вспоминает, как гэпэушник требовал от нее:

«— Твой отец во всем признался! Он сказал — у него вот такие мешки с золотом! Где имперIALы? Ты привезла имперIALы?

— Ах, так! — закричала я и почти в истерике. — Если мой отец скрывал свое золото от семьи — ведите его сюда! У нас есть только рояль, мамино кольцо и золотые часы...

У мамы была еще нитка орлеанского жемчуга, но я про эту нитку ничего не сказала — она мне очень нравилась.

— А нитка орлеанского жемчуга!.. Что же ты ничего нам о нем не рассказываешь? Нитка на тридцать зерен!»*.

Вопреки А.И.Солженицыну, среди тех детей и тех родителей, которых советская власть «трясла» в двадцатые годы, евреи были представлены очень густо — во много раз гуще, чем в советском руководстве. И то же было в тридцатые годы. И в сороковые. И во все остальные — до самого скончания советской власти, вырабатывавшей «коммунистического человека из материала капиталистической эпохи». Евреи оказались для этого наименее пригодными, потому и подвергались наиболее жесткой обработке, «начиная от расстрелов». А когда пошел попятный ход — к капитализму — козлами отпущения снова стали евреи. Подтверждений тому много, самых разных. В числе других — книга А.И.Солженицына «Двести лет вместе».

Евреи в ливреях

По Солженицыну, евреи доминировали в большевистском руководстве, и особенно — в карательных органах советской власти, «густо окрашивая» все репрессивные кампании. Особенно этим полны две главы — 18-я («Двадцатые годы». Т. II, стр. 198—277) и 19-я («В тридцатые годы».

* Маркиш Э. Ук. соч. С. 78—79.

Т. II, стр. 278—328). Вместе они охватывают 130 страниц, то есть четвертую часть второго тома. В них мелькают сотни еврейских имен — целыми проскрипционными списками. Только расстрелянных или доведенных до смерти и самоубийства высокопоставленных чекистов в конце тридцатых годов, то есть в годы Великого террора, перечислено полсотни (т. II, стр. 295—296). За ними следует вдвое больший список репрессированных партийных, военных, дипломатических, хозяйственных деятелей, который автор называет «мартирологом многих и многих евреев на верхах» (т. II, стр. 300—301). При этом подчеркивается, что сталинские чистки *не* носили антиеврейского характера: евреев оказалось так много среди репрессированных, потому что до этого их было слишком много в руководящем аппарате. Они-де двадцать лет терзали Россию, а потом и сами поплатились. За что боролись, на то и напоролись.

Картина действительно жуткая. И только мелким шрифтом, без логической связи с основным текстом, прорывается удивительная статистика. Оказывается, во все 30-е годы, «по недавно опубликованным данным, в местных органах госбезопасности, без ГУГБ [Главного управления ГБ], служило 1776 евреев (7,4%)» (т. II, стр. 293). (Следует ссылка отнюдь не на «еврейский» источник*.)

Но 1930-м годам предшествовали 1920-е. Как обстояло дело в первое советское десятилетие?

«Отсутствие квалифицированных специалистов в карательных органах создавало на всем протяжении 1920-х годов особые проблемы в ВЧК—ОГПУ», — отмечает автор наиболее полного исследования этого вопроса Л. Кричевский, указывая, что одна из «особых» проблем — «отсутствие необходимого количества лиц, преданных революции и одновременно имеющих достаточный уровень хотя бы общего образования»**. Приводя выписки из художественной и мемуарной литературы, Л. Кричевский показывает, насколько широко было распространено *мнение о*

* Кокурин А., Петров Н. НКВД: структура, функции, кадры. «Свободная мысль», 1997, № 6. С.118.

** Кричевский Л. Евреи в аппарате ВЧК—ОГПУ в 20-е годы. В кн.: Евреи и русская революция. Материалы и исследования. Редактор-составитель О.В.Будницкий. М.—Иерусалим, 1999 (5759). С. 237.

господстве в карательных органах инородцев — особенно латышей, в меньшей мере евреев и поляков. Он цитирует поэму Сергея Есенина «Страна негодяев», в которой главным «негодяем» выведен комиссар Чекистов, чья настоящая фамилия — Лейбман.

«Горький, вообще считавшийся юдофилом, — продолжает автор исследования, — очень болезненно воспринимал рост антисемитских настроений в послереволюционной России и одну из причин этого видел в сотрудничестве евреев в органах ЧК. В мае 1922 г. в интервью корреспонденту нью-йоркской социалистической газеты “Форвертс” Якову Лещинскому Горький сказал: “Я верю, что назначение евреев на опаснейшие и ответственные посты часто можно объяснить провокацией, так как в ЧК удалось пролезть многим черносотенцам... реакционные должностные лица постарались, чтобы евреи были назначены на опаснейшие и неприятнейшие посты”»*.

Буревестник тут явно «загнул». Его теория черносотенного заговора, по которой евреев намеренно заставляли чинить расправу над русским народом, чтобы вызвать антисемитизм, вполне достойна теории жидо-масонского заговора. Тем более, что тайные черносотенцы, якобы пробравшиеся в руководство ЧК, до сих пор не обнаружены.

В свете приведенных мнений Л.Кричевский озадачен тем, что «большое участие евреев в органах ЧК» не нашло заметного отражения в мемуарах тех, кто побывал в их лапах, но вырвался из них. Таковы известные нам историки и публицисты Г.Аронсон, С.Мельгунов, его жена П.Мельгунова-Степанова. Она даже особо отмечала, что органы «захватили» латыши, и евреям туда путь перекрыт. Л.Кричевский не доверяет таким сведениям, полагая, что «антибольшевистски настроенные социалисты, члены партий с весьма заметным членством еврейской интеллигенции»** занижали участие евреев в карательных органах, так как в их среде «подобное обращение к “еврейской теме”, вполне вероятно, могло вызвать “непонимание”»***.

* Кричевский Л. Ук. соч. С. 326.

** Г.Аронсон был меньшевиком; С.Мельгунов — народным социалистом.

*** Там же. С. 325.

А подобное обращение к “латышской теме” вызывало понимание?

Теория тоже странная, показывающая, как трудно избавиться от шор стереотипных представлений. Поэтому, не доверяя теориям, слухам, воображению поэтов, страстной памяти мемуаристов, обратимся к цифрам, благо в исследовании Л.Кричевского их предостаточно. Мне эта статистика не кажется скучной — надеюсь, она не утомит и читателя.

Вот данные на сентябрь 1918 года. В аппарате ВЧК в Москве 781 сотрудник. Евреев 29, то есть 3,7 процента, латышей 278 — действительно многовато для маленького народца, оставшегося за пределами советской территории. Но *значительно больше половины* — русские.

Правда, в *руководящем слое* карателей инородцев больше половины: 116 латышей, 19 поляков и 19 евреев — из общего числа 220. Объясняется это низким образовательным уровнем рабоче-крестьянской России. Не могли же занимать руководящие должности те, кто едва мог расписываться. Впрочем, и в этом слое евреи составляли только 8,6 процента — в три раз меньше, чем русские и в шесть раз меньше, чем латыши.

Статистика показывает, что в дальнейшем довольно долгое время относительная численность карателей «правильной национальности» неизменно росла, число латышей убывало, а число евреев оставалось примерно одинаковым. Вот сводные данные по 32-м губерниям на лето 1920 года: общее число чекистов 1805, из них русских 1357 (75,2 процента), латышей 137 (7,6 процента), евреев 102 (5,6 процента). В конце того же года русских 77,3 процента, евреев 9,1 процента.

На 15 ноября 1923 года в руководстве ОГПУ — русских 54, евреев 15, латышей 12. При этом 14 евреев (почти все!) имеют среднее и высшее образование, из русских же таких 28, то есть чуть больше половины. Очевидно, что предпочтение при продвижении наверх отдавалось братьям-славянам. Аналогичны данные по более поздним годам. На первое мая 1924 года в составе центрального аппарата ОГПУ русских 1670 — почти 70 процентов общего числа, а вместе с украинцами и белорусами — больше трех четвертей; евреев же 204, то есть 8,5 процента (общее число — 2402).

Несколько иными были пропорции в руководстве центрального аппарата после преобразования ОГПУ в НКВД. Справочник «Кто руководил НКВД. 1934—1941»* содержит почти исчерпывающие данные об этом — правда, очень небольшом — слое аппарата карательной системы. За семь лет его численность удвоилась — с 95 до 184 человек — и одновременно происходили изменения его возрастного, социального, национального состава, образовательного ценза и т.п. Проследить за этой динамикой — значит многое понять.

Число евреев от 37 человек в 1934 году сократилось до 10, зато число русских возросло с 30 до 118, украинцев — от 5 до 28, грузин — от 3 до 12-ти. Как видим, утверждение Солженицына о том, что чистки не имели антиеврейской направленности, не подтверждается, хотя пятый пункт был не единственным критерием обновления аппарата.

Другими критериями были неудачное (не рабоче-крестьянское) происхождение и принадлежность в прошлом к другим партиям; очищался аппарат также от коммунистов с дореволюционным и ранним послереволюционным стажем. Даже долгий опыт работы в ЧК—ОГПУ был негативным фактором: старых опытных чекистов заменяли новичками. В целом же руководство НКВД интенсивно освобождалось от ненадежных, по советско-сталинским понятиям, элементов, и заменяло их молодыми рабоче-крестьянскими кадрами преимущественно славянского племени.

Не последнюю, но и не ведущую роль в этом процессе играл уровень образования. Он был удручающе низок. В 1934 году из 95 руководящих (!) работников НКВД 39 имели начальное и еще 40 — среднее и незаконченное среднее образование. Только 15 человек окончило вузы или поучилось в высшей школе два—три года. К 1941 году число лиц с начальным образованием уменьшилось ненамного: из 39 осталось 35. (Видимо, этот слой имел безукоризненное пролетарское происхождение, недавний партийный стаж и — *правильную* национальность.) Но относительно их количество сократилось серьезно: ведь общая численность аппа-

* Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941. Справочник. М., 1999.

рата удвоилась. Значит, при пополнении состава предпочтение отдавалось более образованным кадрам.

Уместно напомнить, что, как ни жестоко обращалась советская власть с народом, но одного у нее не отнимешь — стремления вывести массы из вековой темноты и невежества. Как нам уже приходилось указывать, до революции подавляющее большинство русских крестьян и рабочих не умело ни читать, ни писать, ни расписываться. Линия на всеобщую грамотность, затем на всеобщее семилетнее, десятилетнее образование советская власть проводила в жизнь не так успешно, как о том трубили в победных реляциях, но — проводила. Число вузов тоже увеличивалось, и прием в них расширялся — конечно, не за счет лишенцев, а за счет рабоче-крестьянской молодежи. Для подготовки ее к учебе в вузах действовали рабфаки. К концу тридцатых годов власть уже могла себе позволить при наборе карателей учитывать и уровень образования.

Итожа, можно сказать, что в первые два десятилетия советской власти участие евреев в карательных органах примерно соответствовало или было несколько ниже их процента в городском населении страны (восемь процентов), из которого преимущественно черпались кадры чекистов; в руководящем слое численность евреев была более высокой, примерно соответствуя их пропорции в слое людей с высшим и средним образованием — в среднем около 15 процентов. Только когда НКВД возглавлял Генрих Ягода (1934—1936), число евреев в руководстве зловещего ведомства перешагнуло 30 процентов. Этот период длился всего два года. На смену ему пришла ежовщина, при которой размах террора достиг апогея, и большая часть вчерашних палачей сама стала жертвами. Ягоду пристегнули к «правотроцкистскому блоку» Бухарина. Он должен был «признаваться» не в тех *реальных* преступлениях, которые творил по указке Сталина (да, видать, не слишком усердно), а в *мнимых* — в отравлении Менжинского, Куйбышева, Горького, в других самых фантастических злодействах.

К 1941 году евреев в руководящем слое НКВД осталось немного: 10 из 184. В дальнейшем, за единичными исключениями, они уже больше там не появлялись. Но и в течение *всех лет* советской власти, при большем или меньшем

участии евреев, латышей, поляков, грузин, иных инородцев, *доминирующее* положение в карательном аппарате занимали русские.

Сказанное о карательных органах в большей или меньшей степени приложимо к верхнему слою всего государственного и общественного организма. *Доминирующее или главенствующее* участие в нем евреев — это фикция, в равной мере оскорбительная и для русских, и для евреев. Доминировали, конечно, русские. Но и *евреев в ливреях* было более чем достаточно. Обусловливалось это двумя основными факторами, уже не раз отмечавшимися: высоким уровнем урбанизации еврейского населения в аграрной стране и относительно высоким уровнем образования в стране почти сплошной безграмотности и малограмотности. В Белоруссии, например, евреи в 1930 году составляли около девяти процентов населения, но 36 процентов рабочих (это отмечает и Солженицын). Высокий уровень образования, накладываясь на традиционно более интенсивное *стремление* к образованию, определял значительную долю евреев в партийно-государственном аппарате, в слое так называемых хозяйственников, в науке, технике, литературе, искусстве, в других интеллигентских профессиях. Природная или освященная вековой традицией склонность к некоторым видам деятельности обуславливала относительно большую концентрацию в этих сферах и меньшую — в других. Среди врачей евреев было больше, чем среди агрономов, среди экономистов — больше, чем среди военных, портных и сапожников — больше, чем металлистов, шахматистов больше чем футболистов; среди музыкантов евреев всегда было значительно больше, чем среди живописцев.

Как оценить их деятельность в условиях ленинско-сталинской диктатуры? Все, что делали евреи и неевреи «в ливреях», так или иначе, шло на укрепление режима. Но под режимом-то корчились и страдали живые люди, с реальными потребностями: жить, работать, растить и учить детей, и даже — петь «песни советских композиторов», пока иных песен ни сочинять, ни петь не дозволялось. Евреи и не евреи «в ливреях» спасали народ от тифа и дифтерии, поднимали из руин промышленность, разрабатывали проекты электростанций и линий электропере-

дач, строили жильё, прокладывали дороги, выводили продуктивные сорта сельскохозяйственных растений и скота, создавали научные школы, осваивали Крайний Север и Дальний Восток — и при этом клеймили «врагов народа», развивали «самое передовое учение», славили «великого вождя и учителя», использовали рабский труд зэков.

Мудро была устроена советская тоталитарная система! Ни в какой сфере деятельности ни одна личность, особенно творческая, не могла даже частично реализовать себя, не идя на какие-то сделки с системой. Где пролегает черта между нравственно допустимыми уступками «диктатуре пролетариата» и обрывом в лакейство, подлость, доношительство, соучастие в кровавых преступлениях? Картина неоднозначная, многоцветная, дальтонику ее не разглядеть, тем более — не нарисовать.

Деятелям культуры Солженицын особенно не дает спуска, выдергивая, как обычно, евреев из общего ряда. Словно популярные песни И. Дунаевского писались не на стихи В. Лебедева-Кумача, и словно не такие же агитки сочиняли Новиков, Захаров, даже Шостакович. С В. П. Соловьевым-Седым у Солженицына вышел даже конфуз. Борис Кушнер, превосходный знаток музыкальной культуры (в частности, и советской песенной), замечает:

«Не угодил Василий Павлович [Соловьев-Седой] Александру Исаевичу и оказался-таки в евреях! Во втором томе «200 лет вместе», перечисляя еврейских композиторов-песенников (Исаак Дунаевский, Матвей Блантер, братья Даниил и Дмитрий Покрассы, Оскар Фельцман, Ян Френкель, Владимир Шаинский — неплохая компания), поминает Солженицын не тихим и не добрым словом и Соловьёва-Седого (стр. 321): “А ведь помимо песен талантливых — сколько ж они все настукали оглушительных советских агиток в омрачивание и оглушение массового сознания, — и начиная головы ложью, и коверкая чувства и вкус?” Что же — был и такой грех, на ком греха нет, при преступном тоталитарном режиме особенно. Пусть г-н Солженицын в Душу свою заглянет — без греха ли сам? Может быть, и, наверное, поменьше тех, кого он уничтожает словесно, но да разве вовсе уж без греха? Да ведь жили *вместе* и грешили *вместе*! А здесь на позор стотысячного тиража одна еврейская половина выведена.

Когда думаю я о Шостаковиче, то ведь не «Над Родиной нашей Солнце сияет» и не «Родина слышит, Родина знает»* вспоминаю... И Анатолий Новиков не «Гимном демократической молодёжи»** и не «Маршем коммунистических бригад»*** (кстати, обе «агитки» талантливо написаны) мне дорог. Сколько слёз пролито было над удивительной его песней “Эх, дороги...”****. А “Смуглянка”*****, “Вася-Василёк”?***** Как любили их фронтовики, как любят ветераны... Огромного таланта был Мастер. А “Соловьи” Соловьёва-Седого*****? Песню “Калина Красная” многие считают народной. А в ней только слова народные, музыка же — Яна Френкеля... Евгений Светланов посвятил памяти В.Шукшина симфоническую поэму “Калина красная”, в которой разрабатывается мелодия Френкеля. И — уже из недавних лет — от детей моих — вопрос Солженицыну: чем не угодил ему Крокодил Гена, поющий по Шаинскому?***** Акцент у крокодила не тот?»*****

Как это ни удивительно (а по сути, очень логично), но даже диссидент Александр Галич пришёлся не по нраву Александру Исаевичу. Хоть и признает он, что песни Галича принесли «несомненную общественную пользу, раскочку общественного настроения» (т. II, стр. 449), но выволочку поэту устраивает великую. И псевдонимом посмел выбрать «имя древнего русского города, из глубинного славянского запаса» (т. II, стр. 448). И неправильно «осознавал свое прошлое, свое многолетнее участие в публичной советской лжи» (т. II, стр. 450). И память коротка у Галича на «те 20 лет, когда не в Соловках сидело советское еврейство — а во множестве щеголяло “в камергерах и в Сенате”!» (т. II, 452) И в том, что «сочинил свою агностическую формулу, свои воистину знаменитые, затрепаные потом в цитатах и столько вреда принесшие строки: «Не

* Оба произведения на слова Евг. Долматовского.

** Слова Л.Ошанина.

*** Слова В.Харитоновна.

**** Слова М.Матусовского.

***** Слова Швсдова.

***** Слова С.Альмова.

***** Слова А.Фотьянова.

***** Слова А.Тимофеевского.

***** Борис Кушнер. Больше, чем ответ. «Вестник», № 2 (239), 21 января 2004.

бойтесь пекла и ада,/ А бойтесь единственно только того, / Кто скажет: “Я знаю, как надо!”» Но *как надо* — и учил нас Христос...» (т. II, стр. 451).

(Не могу не заметить в скобках, что именно Солженицын — творениями последних лет в особенности — демонстрирует, насколько опасны те, кто уверен, что «знает, как надо!»; черпают ли они свое «знание» у Христа, Магомета, или Ленина—Сталина — не суть важно.) Ну, а главный грех Галича, оказывается, в том, что его сатира «обрушивалась на русских, на всяких там Климов Петровичей и Парамоновых, и вся социальная злость досталась им в подчеркнутом “русопятском” звучании, образах и подробностях, — вереница стукачей, вертухаев, развратников, дураков или пьяниц — больше карикатурно, иногда с презрительным сожалением (которого мы-то и достойны, увы!)» (т. II, стр. 452).

По всем статьям проштрафился Александр Аркадьевич Галич (Гинзбург) перед Александром Исаевичем Солженицыным: посильнее, чем Михаил Зощенко и Анна Ахматова перед Андреем Андреевичем Ждановым. Их, по крайней мере, не обвиняли в русофобии и прикрытии еврейских фамилий глубинным славянским ресурсом!

Но вернемся к карательной системе ленинско-сталинская диктатуры — с нею все гораздо яснее, чем с неоднозначным творчеством Соловьева-Седого или Блантера, или поэтов, на чьи стихи они писали свои песни. «Железные Феликсы» не дали народу ничего, кроме миллионов загубленных жизней. Все прямые участники чекистских злодеяний должны быть названы поименно, и мера вины каждого должна быть определена с возможной полнотой. Поздно уже судить их уголовным судом, но суд истории не знает срока давности. Судить надо *всех* — без дискриминации по национальному или какому-либо иному признаку. Только тогда можно надеяться на то, что подобное не повторится.

Не таким путем идет Солженицын. Из тысяч и тысяч преступников он выковыривает исключительно еврейские имена. Прекрасно зная, что репрессии обрушивались на евреев в такой же, а в иные периоды и в гораздо большей степени, чем на не евреев, он, тем не менее, вяжет весь еврейский народ круговой порукой, возлагая на него вину за *всех* карателей.

В тюремных бушлатах

Ну, а как насчет караемых — тех, кто вместе с самим Солженицыным прошел через мясорубку ГУЛАГа, чему в его книге посвящена отдельная, правда, не очень объемная глава (т. II, стр. 330—342)? Вот ее зачин.

«Если бы я там не был — не написать бы мне этой главы.

До лагерей и я так думал: “наций *не надо замечать*”, никаких *наций* вообще нет, есть человечество.

А в лагерь присылаешься и узнаешь: если у тебя *удачная* нация — ты счастливчик, ты обеспечен, ты выжил! Если общая нация — не обижайся. Ибо национальность — едва ли не главный признак, по которому зэки отбираются в спасительный корпус *придурков*. Всякий лагерник, достаточно повидавший лагерей, подтвердит, что национальные соотношения среди придурков далеко не соответствовали национальным соотношениям в лагерном населении. Именно прибалтийцев в придурках почти совсем не найдешь, сколько бы ни было их в лагере (а их было много); русские были, конечно, всегда, но по пропорции несомненно меньше, чем их в лагере (а нередко — лишь по отбору из партийных *ортодоксов*); зато отчетно сгущены евреи, грузины, армяне; с повышенной плотностью устраиваются и азербайджанцы, и отчасти кавказские горцы» (т. II, стр. 330, курсив автора).

Солженицын в лагерной теме первый авторитет, но все-таки ведь не единственный. О советских тюрьмах и концлагерях целая библиотека написана, но не встречал я таких «придурочных» наблюдений ни у Варлама Шаламова, ни у Евгении Гинзбург, ни у Льва Разгона, ни, например, у Михаила Розанова, автора двухтомного исследования о Соловках*, ни даже у Ивана Солоневича**, одного из пионеров этой темы и — воинственного антисемита. У самого Солженицына в трехтомном «Архипелаге» — книге, не-

* Розанов Мих. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922—1939. Факты-домыслы-«параша». Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В двух книгах. Книга первая, 1979. Книга вторая, 1980. Издание автора.

** Солоневич И. Россия в концлагере. Пятое издание. Вашингтон, изд-во П.Р.Ваулина, 1958.

сомненно, великой, но неровной, — содержится много всякого, в том числе такие пассажи о евреях, которые ныне с энтузиазмом цитирует американский расист Дэвид Дюк, новоявленный разоблачитель всемирного еврейского заговора*. В Америке его книгу не замечают как бред сумасшедшего, а в России она стала бестселлером, вошла в основной поток (main stream) общественного сознания (что немало говорит о состоянии этого сознания). Но даже Дюк не отыскал в «Архипелаге ГУЛАГ» ни малейшего намека на то, что «спасительный корпус придурков» отбился по национальному признаку, — а то не преминул бы процитировать.

Более двадцати лет я знаком с Семеном Юльевичем Бадашом, живущим в Германии врачом и журналистом, бывшим зэком, автором небольшой, но очень содержательной книги «Колыма ты моя, Колыма...» В ней, между прочим, читаем: «В бригаде Панина ходил зэк-нормировщик, постоянно с папочкой нормативных справочников, — это был Саша Солженицын»**.

В то время как еврей Бадаш вместе с другими зэками на сорокаградусном морозе долбил окаменевшую глину и лопатами, в две-три перекидки, выбрасывал ее из котлована, Александр Исаевич в теплой конторке вел учет этой работе. Нормировщик он, видимо, был хороший, потому что скоро был произведен в бригадиры.

А С.Ю.Бадаш, человек редкой скромности, был не просто лагерником, а активным участником лагерного сопротивления. В Экибастузе он был одним из организаторов забастовки и голодовки зэков, за что мог бы быть и прикончен, но был «всего лишь» этапирован в Норильск. Там снова участвовал в восстании заключенных, снова чуть не погиб, но был «только» этапирован на Колыму. Вот что написал мне Семен Юльевич (в добавление к тому, что опубликовано в его книге) в электронном послании от 7 января 2003 года:

«В Степлаге, в Экибастузе, придурком был Дмитрий Панин — бригадиром, который пристроил прибывшего

* См.: Дюк Д. Еврейский вопрос глазами американца. Москва, 2001. С. 50—51.

** Бадаш С. Колыма ты моя, Колыма... Effect Publishing, New York, 1986. С. 44.

А.С[олженицына] на должность нормировщика. К моменту нашей забастовки и голодовки зимой 1951/1952 года А.С. был уже на придурочной должности бригадира. (Об этом он признавался в своем «АГ».) Последний год его пребывания в Экибастузе мне неизвестен из-за этапирования в Норильск. Помимо обоих русских: Панина и Солженицына, был еще русский бригадир (придурок) по фамилии Генералов. Придурком был русский врач Панченко [позднее С.Ю. уточнил, что фамилия врача была Янченко] в санчасти, который якобы должен был его [Солженицына] оперировать по поводу «рака». Были еще другие русские на придурочных работах, в процентном отношении [это] соответствовало их численности в лагере. Ибо от 60 до 75% во всех Особых лагерях были западные украинцы, которые принципиально не шли на придурочные работы. Евреи были тоже на придурочных работах, но в соответствии с их общей численностью в лагере — 1%. Всегда и везде этот 1% — и в Экибастузе, и в Норильске, и на Колыме*. В Экибастузе было два «повторника», отсидевших в 30-е годы свои сроки и взятые повторно, — евреи: Матвей Адашкин, нарядчик, и Гиндлин в КВЧ. Был еще в придурках Яша Готман — зубной врач, инвалид войны, который начал работу после того, как моя мама, по моей просьбе, из Москвы прислала ему весь полагающийся для работы зубоврачебный инструмент. Ни одного бригадира-еврея не было. Два барака заселяли одни русские, с отличительными номерами на одежде КТР — каторжане, имевшие все сроки по 20 лет каторги по указу В[ерховного] С[овета] от 1943 года за прислужничество оккупантам: [бывшие] полицаи, бургомистры. У них были свои бригадиры из русских. Остальные русские с обычными четырьмя номерами составляли русские власовцы или служившие в плену в эсэсовцах (у них в подмышке были полагающиеся в СС татуировки с группой крови)**.

* Может удивить сравнительно малый процент эзков-евреев, отмечаемый С.Ю.Бадашом, но надо помнить, что в послевоенные годы основную массу эзков составляли бывшие военнопленные или жители оккупированных территорий, обвинявшиеся (справедливо или несправедливо) в сотрудничестве с нацистами. Евреев среди этой категории практически не было — об этом «позаботились» гитлеровцы.

** Письмо С.Ю.Бадаша от 7 января 2003. Архив автора.

Это письмо С.Ю.Бадаша было написано, а мною процитировано еще до того, как он (и я) ознакомились с полным текстом второго тома*, а потому мы понятия не имели, что Семен Юльевич как раз и выведен Солженицыным в качестве характерного лагерного придурка-еврея.

Читаем во втором томе:

«Экибастузский мой солагерник Семен Бадаш в своих воспоминаниях рассказывает, как он устроился — позже, в норильском лагере — в санчасть: Макс Минц просил за него рентгенолога Ласло Нусбаума просить вольного начальника санчасти. Взяли. Но Бадаш, по крайней мере, кончил на воле три курса медицинского института**. А рядом с ним остальной младший медперсонал: Генкин, Горелик, Гуревич (как и мой приятель Л.Копелев, Унжлаг) — и не касались той медицины никогда прежде» (т. II, стр. 331)***.

Так как я давно и хорошо знаю книгу С.Ю.Бадаша, то, прочитав это, я не поверил своим глазам. Все могут короли — это понятно, но зачем же так подставляться? У Бадаша говорится:

«Ткачуки связываются с хирургом Омельчуком, имеющим вес у начальника санчасти вольной Евгении Александровны Яровой, и просят повлиять на нее, чтобы меня взяли на работу в больницу, как своего из казахстанских бунтовщиков. Одновременно и Макс Минц через рентгенолога Ласло Нусбаума просит поговорить обо мне с начальницей. Через месяц я получаю разрешение на работу в санчасть в 4-м лагпункте. Среди медперсонала, кроме Омельчука и Нусбаума, — Генкин, Реймасте, Горелик, Гуревич»****.

Как видим, черным по белому написано: поступить в санчасть *еврею* Бадашу помогли *три украинца* Николай и Петр Ткачуки и Омельчук, а окончательно решила вопрос

* Отрывки появились в «Комсомольской правде» до выхода в свет всего тома.

** На самом деле, почти четыре; он был арестован перед экзаменами за четвертый курс.

*** Ссылка на книгу С.Ю.Бадаша. С. 65—66.

**** Бадаш С.Ю. Колыма ты моя, Колыма... New York, Effect Publishing Inc., 1986. С. 65—66.

Яровая, скорее всего, тоже украинка. Помогло ли ходатайство еще и Минца-Нусбаума — неизвестно, хорошо, что не повредило. Именно на этот отрывок ссылается Солженицын, но препарирует его на свой лад.

Как старатели промывают песок, уносимый потоком воды, чтобы собрать выпавшие в осадок крупинцы золота, так и Солженицын *промывает* текст своего солагерника, дабы избавиться от пустой нееврейской породы. Таким методом написаны все тысяча сто страниц его историко-научного труда, но здесь этот метод предельно обнажен.

Прием работает не только по отношению к самому Бадашу, но и к остальному норильскому медперсоналу. Откуда Солженицыну известно, что перечисленные им *придурки*-евреи к медицине отношения не имели и пристроились в санчасть исключительно по протекции других евреев? В книге Бадаша ничего подобного не говорится, а другими источниками Александр Исаевич не располагает. Бадаш написал мне об этом «цитировании»:

«Я перечислил в своих воспоминаниях и ряд работавших в больнице эзков. Омельчук — украинец, блестящий хирург, после освобождения начальство Норильского комбината просило его остаться на работе в Норильске. Реймастэ — эстонец, старый опытный фтизиатр, кончивший много лет назад Тартуский университет. Рентгенолог пожилой Ласло Нусбаум — венгерский еврей, в Будапеште имел большую практику. Горелик — не еврей, а чех, из города Простеев. Саша Гуревич — еврей — киевлянин, специалист по рентгенотехнике (работал с Нусбаумом). Генкин — московский врач, еврей, по специальности гинеколог, но за отсутствием женщин работал общим врачом на амбулаторных приемах»*.

Солженицын не только вытравил из цитируемого текста все нееврейские фамилии и *объевреил* чеха, — он опозорил всех названных им лиц, хотя ничего о них ему не известно. На поверку-то выходит, что все они имели медицинское образование и опыт работы и, вероятно, многим эзам спасли жизнь! Откуда же такая злоба к людям, кото-

* Письмо С.Ю.Бадаша от 15 января 2003 г. Архив автора.

рых он никогда не встречал, не видел и не слышал? Они провинились только одним — своими еврейскими фамилиями*.

В книге Бадаша о медицине и медперсонале много говорится именно в главе об Экибастузе, но ее Солженицын *полностью обошел*, хотя он сам там был, ему и карты в руки. Бадаш пишет, что мечтал работать по своей будущей специальности, но медперсонал встретил его в штыки, как возможного конкурента. В результате он стал «санинструктором», то есть, работая в бригаде эков киркой и лопатой, имел при себе чемоданчик с медицинским набором для оказания первой помощи. Так же и два врача, Корнфельд и Петров, вкалывали на общих работах и носили чемоданчики с красным крестом. А прием больных вел некто Шубартовский — «не медик, а ксендз», который, «зная латынь и будучи человеком грамотным, устроился в амбулаторию»**.

Солженицыну все эти люди и обстоятельства известны; если бы в тексте Бадаша было хоть слово неправды, он бы ему не спустил. Но об этом — гробовое молчание. По книге Бадаша, соответственно ее препарируя, он строит нужные ему умозаключения о Норильском лагере!

Ну, а если сопоставить нынешний текст Солженицына с тем, что раньше писал он сам?

«С первых же шагов по пересылке ты замечаешь, что тут тобой будут владеть не надзиратели, не погоны и мундиры, которые все-таки нет-нет да держатся же какого-то писаного закона. Тут владеют вами — *придурки* пересылки. Тот хмурый банщик, который придет за вашим этапом: “Ну, пошли мыться, господа фашисты!”; и тот нарядчик с

* Показателен и выпад в адрес «приятеля» Л.З.Копелева. Слишком хорошо известно, что Лев Зиновьевич Копелев и Александр Исаевич Солженицын были не просто приятелями, а *близкими друзьями*. Именно благодаря Копелеву — больше, чем кому-либо другому, — был напечатан «Иван Денисович». Позднее они разошлись, разорвали отношения — бывает! Недавно появилось резкое письмо Копелева Солженицыну («Синтаксис», № 37, Париж, 2001), написанное еще в 1986 году, к печати не предназначавшееся. Оно опубликовано по решению близких друзей покойного. Право Солженицына — промолчать, право — публично ответить. Он ответил — пинком в промежность...

** Бадаш С. Ук. соч. С. 40—41.

фанерной дощечкой, который глазами по нашему строю рыщет и подгоняет; и тот выбритый, но с чубиком *воспитатель*, который газеткой скрученной себя по ноге постукивает, а сам косится на ваши мешки; и еще другие неизвестные вам пересылочные придурки, которые рентгеновскими глазищами так и простигают ваши чемоданы, — до чего ж они друг на друга похожи! и где вы уже всех их видели на вашем коротком этапном пути? — не таких чистеньких, не таких приумытых, но таких же скотин мордатых с безжалостным оскалом?

Ба-а-а! Да это же опять *блатные*! Это же опять воспетые утесовские УРКИ! Это же опять Женька Жоголь, Серега-Зверь и Димка-Кишкенья, только они уже не за решеткой, умылись, оделись в доверенных лиц государства и С ПОНТОМ наблюдают за дисциплиной — уже нашей. *Если с воображением всматриваться в эти морды, то можно даже представить, что они — русского нашего корня, когда-то были деревенские ребята, и отцы их звались Климь, Прохоры, Гурии*, и у них даже устройство на нас похожее: две ноздри, два радужных ободочка в глазах, розовый язык, чтобы заглатывать пищу и выговаривать некоторые русские звуки, только складываемые в совсем новые слова» (курсив мой. — С.Р.)*.

Может быть, это про специфический тип лагерей — пересыльные?

Но вот и они самые, *истребительно-трудовые*:

«Особенным образом подбираются те зонные придурки, от кого зависит питание и одежда. Чтоб добыть те посты, нужны пробойность, хитрость, подмазывание: чтоб удержаться на них, — бессердечие, глухость к совести (и чаще всего еще быть стукачом)... Неслучайно именно сюда назначаются начальством все бывшие свои люди, то есть посаженные гебисты и эмведешники. Если уж посажен начальник МВД Шахтинского округа, то он не будет валить леса, а выплывет нарядчиком на комендантском ОЛПе Усольлага. Если уж посажен эмведешник Борис Гуганава («как снял я один раз крест с церкви, так с тех пор мне в

* Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956. Опыт художественного исследования. I-II. YMCA-PRESS, Paris, 1973. С. 538.

жизни счастья не было”) — он будет на станции Решеты заведующим лагерной кухней. Но к этой группе легко при-мыкает и совсем казалось бы другая масть. Русский следо-ватель в Краснодаре, который при немцах вел дело моло-догвардейцев, был почетным уважаемым нарядчиком в одном из отделений Озерлага. Саша Сидоренко, в про-шлом разведчик, попавший сразу к немцам, а у немцев сразу же ставший работать на них, теперь в Кенгире был завкаптеркой и очень любил на немцах отыгрываться за свою судьбу. Усталые от дня работы, едва они после про-верки засыпали, он приходил к ним под пьянцой и под-нимал истошным криком: “Немцы! Achtung! Я — ваш бог! Пойте мне!”*.

Густо, я бы даже сказал, *сгущенно* представлена тема *придулков* в «Архипелаге». Но писана — совсем другими красками. Что произошло с глазом, с палитрой художни-ка? Каким образом мордовороты «русского нашего корня» и прочие Саши Сидоренки преобразились в евреев? Или секрет в том, что «Архипелаг ГУЛАГ» — это *художествен-ное* исследование, а «Двести лет вместе» — *научное*?

Присмотримся же еще к этой науке. С.Ю.Бадаш пишет:

«Прибыли мы в Норильск осенью 1952 года. Организо-ванное нами восстание [в Норильске «придурок» Бадаш участвовал еще в одном бунте эков!] было в мае 1953 года. Потом этап «норильских повстанцев» на Колыму. В Мага-дан в трюме парохода мы прибыли в августе 1953. Следо-вательно, в больнице в Норильске я работал всего не бо-лее 7—8 месяцев [из семи лет в ГУЛАГе]**.

А Солженицын?

«Архипелаг — это мир без дипломов, мир, где аттесту-ются саморассказом. Зэку не положено иметь никаких до-кументов, в том числе и об образовании. Приезжая на но-вый лагпункт, ты изобретаешь: за кого бы себя на этот раз выдать? ... Я при перегоне меня в следующий лагерь, на Калужскую заставу, в самую Москву, — с порога же, пря-мо на вахте, соврал, что я нормировщик... Младший лей-

* Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956. Опыт художе-ственного исследования. III-IV. УМСА-PRESS, Paris, 1974. С. 255—256.

** Бадаш С.Ю. Письмо от 15 января 2003 г. Архив автора.

тенант Невежин, высокого роста хмурый горбун... исподлобным взглядом оценил... мое галифе, заправленное в сапоги, длиннополую шинель, лицо мое с прямодышащей готовностью тянуть службу, задал пару вопросов о нормировании (мне казалось — я ловко ответил, потом-то понял, что разоблачил меня Невежин с двух слов) — и уже с утра я за зону не вышел — значит, одержал победу. Прошло два дня, и назначил он меня... не нормировщиком, нет, хватай выше! — “заведующим производством”, то есть старше нарядчика и начальником всех бригадиров!»*.

Хватка у автора «Архипелага» была железная. Значительную часть своего тюремного срока он сумел продержаться *в круге первом* ГУЛАГовского ада, в шарашке, где эки выполняли относительно непыльную, то есть *придурочную* (на лагерном жаргоне) работу. Попал он туда, потому что *развесил чернуху* не хуже того ксендза: школьный учитель математики выдал себя за ученого, физика-атомщика. Чтобы удержаться подольше, он и в сексоты записался — под кличкой Ветров (хотя пишет, что ни на кого не настучал, чему нет причин не верить). А когда все-таки не удержался, соскользнул в Экибастуз, то и там сумел недурно (*придурно!*) зацепиться: нормировщиком, бригадиром, даже раковым больным.

Об этих штрихах своей лагерной биографии Солженицын рассказал сам, я напоминаю о них здесь не для того, чтобы ставить ему лыко в строку. Есть любители это делать — я не из их числа. Переходить в полемике на «личности» — последнее дело: не этично и не профессионально. Да и какое у меня право попрекать каторжника тем, что он *выжил* в таких условиях, какие мне разве что снились в кошмарных снах — под впечатлением от его же книг!

Но он атакует личности, много личностей. Указующим перстом буравит своих бывших друзей, знакомых и незнакомых, живых и мертвых, нередко возводя и заведомую *напраслину* на людей одной с ним судьбы, а часто более тяжелой, потому что многие из них отбывали более долгие сроки, в куда более трудных условиях, и вели себя куда

* А.И.Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956. Опыт художественного исследования. III-IV. YMCA-PRESS, Paris, 1974. С. 259—260.

менее *придурно*. У них он со страстью золотоискателя выискивает каждую соринку в глазу, не видя оглобли в собственном.

Как же это осенило А.И.Солженицына сортировать и лагерных *придурков* по пятому пункту — через столько-то лет и после тысяч им же написанных на данную тему страниц?! И не слишком ли кстати поставлены в ряд с евреями кавказские народы («кавказцы», по сегодняшней терминологии). Неужели мало той ненависти к кавказцам, какая и без того сейчас разлита по России — чуть ли не в большей степени, чем к евреям!

Однако не всех эков-евреев Солженицын гребет под *придурочную* гребенку! Он признает, что бывали в лагерях и «хорошие» евреи. Для них припасен не только кнут, но и пряник. Повезло «генетику Владимиру Эфроимсону, который из 36 месяцев своего заключения (одного из своих сроков, у него было два) провел 13 на общих, и тоже из принципа (он имел возможность устроиться). Полагаясь на посылки из дому (но в этом нет укора) [нет укора! — С.Р.], он взял тачку именно потому, что в Дзезказгане было немало евреев-москвичей, и они хорошо устраивались, а Эфроимсон хотел развеять недоброжелательство к евреям, которое естественно возникало. И как же бригада оценила его поведение? — “Да он просто выродок еврейского народа; разве настоящий еврей будет тачку катать?” Смеялись над ним и еврей-придулки (да и досадовали, что “выставляется” в укор им)» (т. II, стр. 337).

Не разомлешь от такой ласки! Невольно вспоминается: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!»

Покойного В.П.Эфроимсона я знал: общался с ним с перерывами почти двадцать лет. Он принадлежал к той редкой породе людей, которые до старости сохраняют наивное, детское восприятие мира.

Мы ведь жили в искаленном обществе, состоявшем сплошь из *придурков*, — они были не только в лагерях, но и в Большой Зоне. Все мы придуривались — кто больше, кто меньше; одни нехотя и с отвращением, другие с энтузиазмом, но все жили по лжи. «Сосед ученый Галилея был

Галилея не глупее: он знал, что вертится Земля. Но у него была семья» (Е.Евтушенко). Была семья! Да и без семьи — многим ли была охота лезть на рожон! Тех, кому в какой-то момент придуриваться становилось неважно, ждали тюрьма, психушка или эмиграция.

Так вот, в этом обществе *придурков* Эфроимсон сохранял абсолютное нравственное и психологическое здоровье. С колоссальной энергией этот большой ребенок боролся за возрождение генетики, загубленной лысенковщиной. Казалось, что он не понимал, в каком обществе живет, и уж точно не *принимал придурочных* правил игры. Он наивно верил в то, что все беды — от незнания. Надо только объяснить, раскрыть людям глаза, просветить их, и все станет на место.

Впервые я его увидел, думаю, году в 1961—62-м, в Доме журналистов, на дискуссии о молекулярной биологии (эвфемизм, заменявший крамольное слово «генетика»). После первого или второго оратора на сцену выскочил и забегал по ней невысокий, очень энергичный очкарик с ярко выраженной еврейской внешностью и, сильно горячась, заговорил о колоссальной вреде, который лысенковщина наносит науке, медицине и сельскому хозяйству. Он говорил о мировом опыте, который игнорируется, об инициативе, которая подавляется, о подтасовках и фальсификациях, которые не дают публично разоблачить.

Когда отведенные по регламенту десять минут истекли, председательствовавший Михаил Васильевич Хвастунов (он возглавлял отдел науки «Комсомольской правды» и был председателем секции научной журналистики в Союзе журналистов), поднялся во весь свой могучий рост, но Эфроимсон продолжал бегать по сцене, не замечая его. Постукивание по графину тоже не произвело никакого действия, и тогда Хвастунов остановил оратора.

Владимир Павлович от неожиданности опешил, преврался на полуслове и, оглядывая зал с какой-то чисто детской просительной надеждой, сказал, что он только начал говорить. МихВас развел руками: регламент есть регламент! Но тут раздался из зала голос сидевшего рядом со мной Ярослава Голованова:

— Дайте же человеку сказать, он двадцать лет молчал!

Застывший от напряжения зал грохнул. Хвастунов постоял еще пару секунд, улыбаясь, и сел, а Эфроимсон продолжал бегать по сцене и выкладывать свои разоблачения еще минут двадцать.

В «Комсомолке» была подготовлена полоса о художествах Лысенко, она была одобрена и вот-вот должна была появиться. Голованов предвкушал, как прямо ночью поедет в академический дом, где жил Лысенко, и опустит свежий номер газеты в его почтовый ящик. Но... Были приняты контрмеры, полоса не появилась, а в каком-то супер-партийном журнале, то ли «Коммунист», то ли «Партийная жизнь», появилась скулодробительная статья о поднявших голову «формальных генетиках», подрывающих *единственно правильное мичуринское учение*. Назывались имена Ж.А.Медведева, В.П.Эфроимсона и, кажется, еще В.С.Кирпичникова.

Владимир Павлович, с которым мы иногда пересекались в Ленинке (я собирал материалы для книги о Н.И.Вавилове, а он, если не ошибаюсь, для своего — потом ставшего классическим — труда «Введение в медицинскую генетику»), говорил:

— Понимаете, мы работаем по четырнадцать часов в сутки, а они все это время заняты интригами. Как же мы можем их победить!

Когда лысенковщина пала, он не стал закрепляться на отвоеванном плацдарме, как другие генетики, а снова пошел против официоза — своими еретическими, бросающими вызов марксизму публикациями о генетической обусловленности социального поведения, этики, эстетики и т.п. Помню бурное обсуждение одной из его статей на эти неудобные темы, кажется, в Малом зале ЦДЛ, и чисто эфроимсоновский ответ на вопрос из зала — вполне доброжелательный: являются ли его взгляды общепризнанными в науке, или это только гипотезы? Подумав несколько секунд, Владимир Павлович сверкнул сквозь очки своими выразительными глазами и, пристукнув рукой по трибуне, победным голосом сказал:

— Значит, так! Намордник на меня пока не надели!

Одна из наших последних встреч была года за два до моего отъезда из страны. Он позвонил и попросил при-

ехать для важного разговора. Он жил у станции метро «Проспект Вернадского», в хорошей квартире, но в ней царил фантастический беспорядок. У него недавно умерла жена, он чувствовал себя одиноко и скверно. В этот вечер впервые в наших с ним разговорах всплыла на минуту еврейская тема — в своеобразном, чисто эфроимсоновском аспекте. Он сказал возмущенно:

— Представляете, обо мне распускают слухи, что я собираюсь уехать в Израиль! И мне известно, что это исходит *не* из лысенковских кругов! А что мне делать в Израиле? Там есть прекрасные генетики!

(Его травила группа академика Н.П.Дубинина, крупного ученого, но ловкого политикана. После Лысенко он захватил монопольное положение в генетике, с чем Эфроимсон не мог мириться.)

Несмотря на плохое самочувствие, во Владимире Павловиче клочкотала энергия:

— Я двигаю пять проектов! Главный — «Генетика и педагогика». Если такую книгу я напишу сам, ее прочтут десять тысяч. А если ее напишете вы, прочтут сто тысяч.

Он предлагал мне соавторство, считая, что я смогу подать его идеи в более популярной и занимательной форме, чем он сам. Я уже отошел от проблем биологии, писал исторический роман о Кишиневском погроме («Кровавая карусель»), но отказывать Владимиру Павловичу не хотелось. Договорились, что я прочту его черновую рукопись, и после этого дам ответ. Мы засиделись до половины третьего ночи. Не прерывая разговора, Владимир Павлович все это время энергично рылся в бумагах. Но нужную папку так и не нашел!..

Был бы это другой человек, я мог бы заподозрить, что он зазвал меня к себе для разговора под благовидным предлогом, страдая долгими вечерами от одиночества. Но от Эфроимсона даже такой невинной хитрости ожидать было невозможно. Он был наивен и незащищен, как состарившийся ребенок.

И вот Солженицын отдает ему должное — переводит из евреев-придурков в еврей-выродки! Это не хлыст, а пряник! Это *средняя линия*. Шаг вправо, шаг влево, считается побег, конвой стреляет без предупреждения...

На войне как на войне

Символом непримиримости СССР к гитлеровской Германии и всем фашистским режимам в 30-е годы служил «ливрейный» еврей, нарком иностранных дел Максим Литвинов (Макс Валах). (Правда, сам себя он евреем не считал.) С трибуны Лиги Наций и при всякой возможности он разносил нацизм и фашизм, не давая спуску и западным демократиям за их бесхребетность, готовность к уступкам и сговору. Он, конечно, лишь озвучивал политику партии и правительства во главе с товарищем Сталиным, не подозревая, что за его спиной как раз и готовится смертоносный сговор *красных с коричневыми*.

Литвинов был удален, чтобы стало возможным расстелить ковровую дорожку перед Риббентропом. Опального наркома хотя бы не тронуло ведомство Берии. С командой его, в которой евреи были представлены гуще, чем в других ведомствах, церемонились меньше. Приняв портфель, Молотов заявил, что разгонит «эту синагогу», после чего многие дипломаты из высоких наркоминделовских кабинетов были спущены в подвалы Лубянки. Чистка дипломатического корпуса была необходима, чтобы Риббентроп почувствовал себя в Кремле, «как в кругу старых партийных товарищей».

Договорились в считанные часы.

Гитлеру была отдана на съедение западная часть Польши, Сталину — восточная. И еще три прибалтийские страны. И Бессарабия, которую «добровольно» должна была уступить Румыния. И Финляндия. (Ею красный диктатор поперхнулся — но тут уж не Гитлера и Риббентропа была вина.) При этом Гитлер ввязывался в Большую Войну против западных союзников Польши, а Сталин оставался в стороне. Словом, выгодная была сделка «для диктатуры пролетариата» — с какой стороны не погляди. Не понял *кремлевский горец* лишь того, какого страшного джинна выпустил из бутылки. При его прикрытии с тыла Гитлер расколошматил западных союзников, овладел большей частью Европы и всей этой мощью обрушился на кремлевских товарищей, поправ только что заключенное соглашение.

В России до сих пор мало осознается, что Вторая Мировая война была начата не 22 июня 1941 года, *ровно в четыре часа*, а почти на два года раньше, *ровно* через неделю после подписания пакта Риббентропа-Молотова, включая секретные протоколы, наличие коих Москва потом отрицала полвека. Таким образом, *прямую* ответственность за развязывание самой кровопролитной войны в истории человечества Москва почти поровну делит с Берлином. В войне участвовала 61 страна с населением 1,7 миллиарда человек и с общей численностью вооруженных сил — 110 миллионов, среднее «мобилизационное напряжение» составляло 6,5 процента. В воюющих странах тогда проживало 15—15,5 миллионов евреев, а в армиях служило 1 миллион 685 тысяч, или 11—12 процентов еврейского населения. Это значит, что в пересчете на сто тысяч жителей евреев воевало *почти вдвое больше*, чем не евреев.

Эти данные мною почерпнуты из статьи И.Подрабинника и источников, на которые он ссылается*. Ф.Д.Свердлов приводит несколько меньшие, но близкие цифры. По его данным, в войсках стран антигитлеровской коалиции воевало 1 миллион 400 тысяч евреев, но в это число не включены десятки тысяч бойцов сопротивления в союзных Гитлеру и оккупированных им странах**.

Советско-германский театр войны был, конечно, самым напряженным. По данным М.Штейнберга и цитирующего его Подрабинника, в Советской армии сражалось 34 миллиона 477 тысяч человек из 200-миллионного населения, то есть 17 процентов. Но так как огромные территории были захвачены врагом до проведения мобилизации, то реальное «мобилизационное напряжение» следует раскладывать не на все 200 миллионов жителей СССР, а на меньшее число. М.Штейнберг оценивает его в 20 процентов. То есть воевал каждый пятый житель неоккупированной части страны.

* Подрабинник И. Евреи в Великой Отечественной Войне. «Вестник», № 10 (269), 8 мая 2001 года; Штейнберг М. Евреи в войнах тысячелетий. Америка, 1995; СЕИВВ — Союз евреев-инвалидов и ветеранов войны. Книга памяти воинов-евреев, павших в борьбе с нацизмом. 1941—1945. Т. III. М., 1996.

** Свердлов Ф.Д. Энциклопедия еврейского героизма. М., 2002. С. 214.

Такую же методику подсчета М.Штейнберг применил к еврейскому населению СССР. По его данным, в советских войсках служила 501 тысяча евреев (167 тысяч офицеров и 334 тысячи солдат). Общая численность еврейского населения, включая только что приобретенные территории, составляла 4,8 миллиона, но половина его осталась погибать под нацистской оккупацией. Те, кому удалось уйти или остаться вне зоны досягаемости врага, составляли 2,4 миллиона — из них и было мобилизовано полмиллиона, то есть несколько *больше* 20 процентов.

А.И.Солженицын признает, что цифра в 500 тысяч воинов-евреев является «общеупотребительной», но оспаривает ее достоверность (т. II, стр. 362). Для него высший авторитет — это «Военная энциклопедия» (пиетет к энциклопедиям красной нитью проходит через двухтомник). Она оценивает число воевавших евреев в 434 тысячи. Но общее число советских участников войны, согласно этому источнику, — 30,3 миллиона человек, а не 34,5 миллиона, так что пропорция примерно такая же (т. II, стр. 363).

Общее число погибших советских воинов — 8 миллионов 668 тысяч: 25 процентов личного состава. А из пятисот тысяч евреев погибло 198 тысяч — почти сорок процентов. Это по данным Подрабинника—Штейнберга. По данным Ф.Д.Свердлова, воевало меньше евреев — 430 тысяч, а погибло больше — 205 тысяч, то есть почти каждый второй.

Наиболее полные данные об отличившихся в боях собраны Ф.Д.Свердловым. Общее число награжденных за боевые заслуги составило 9 284 199 солдат, офицеров и генералов. В их числе русских — 6 миллионов 173 тысячи. Украинцев — 1 миллион 171 тысяча, белорусов — 311 тысяч, евреев — 161 тысяча. «Возьмем калькулятор и определим, сколько же награждено на 100 тысяч человек каждой национальности, — пишет Ф.Д.Свердлов. — Подсчитал — и глазам не поверил. Евреев — 7 тысяч, русских 5415, украинцев 4624, белорусов 3936. Представителей всех остальных национальностей гораздо меньше»*. Обработав отдельно данные о Героях Советского Союза, исследователь по-

* Свердлов Ф.Д. Ук. соч. С. 11—12.

лучил такие результаты: русских — 8736, украинцев — 2176, белорусов — 331, евреев — 157; а при пересчете на сто тысяч населения: русских — 7,66; евреев — 6,83; украинцев — 5,88; белорусов — 4,19. Евреи на втором месте, лишь очень немного уступая «коренной нации»*.

Между тем, Сталин еще в 1941 году жаловался, что «евреи — плохие солдаты». А в начале 1943-го начальник Главного Политуправления А.С.Щербаков (он же кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС, заместитель министра обороны, один из застрельщиков антисемитской политики) не постеснялся инструктировать: «Награждать представителей всех национальностей, но евреев — ограниченно»**. Понятно, как такие сигналы отражались на составлении наградных списков и на их продвижении по инстанциям.

27 июня 1941 года — пятый день войны на советском фронте. Летчик Исаак Зиновьевич Прейсазен направил свой подбитый самолет на вражескую танковую колонну и уничтожил большое скопление живой силы и техники немцев. Сам, конечно, погиб. Накануне такой же подвиг совершил Николай Гастелло, но Прейсазен еще не мог о нем знать и вдохновляться его примером, то есть действовал совершенно самостоятельно. Был представлен посмертно к золотой звезде Героя. Наградной лист был подписан командующим фронтом, но дальше дело не пошло. Подвиг Прейсазена замалчивали 50 лет. Только в 1991 он был отмечен орденом Отечественной Войны.

Всего за войну 11 евреев совершили такой подвиг. Награждали их «ограниченно»: пятерым дали звание Героя, шестерым — нет. (Одного из шестерки «перевели» в Герои с опозданием тоже почти на полвека, в 1990 году.) Никто из одиннадцати не был воспет в бесчисленных очерках, поэмах, песнях советских композиторов.

Скажут: Гастелло был первым, вот и достались ему все лавры!

Так, да не совсем так.

«5 сентября сорок первого года редакция [газеты “Красная звезда”] получила краткое сообщение своего коррес-

* Свердлов Ф.Д. Ук. соч. С. 12.

** Там же. С. 12.

пондента по Западному фронту, которое было опубликовано под шапкой на всю страницу: “Родина никогда не забудет бессмертного подвига летчиков Сковородина, Ветлужских и Черкашина” — они повторили подвиг капитана Гастелло. На второй день газета выступила с передовой статьей на эту же тему, а под передовой были заверстаны стихи Михаила Голодного “Богатыри”. И все же мы чувствовали, что нужны еще какие-то особые сильные слова о героях. И мы обратились к [Алексею] Толстому. Толстой написал небольшую статью “Бессмертие”. В ней были те же факты, что и в сообщении корреспондента, и в передовой, но изложенные по-своему, с присущей писателю страстностью»*.

Так «раскручивали» русских богатырей в главной армейской газете, чего они, безусловно, заслуживали. Но когда у богатыря оказывалась еврейская фамилия, включался стоп-кран.

Рядовой Абрам Левин «повторил» подвиг Александра Матросова за год до него самого. Матросов воспет как былинный герой. Ему и романтическую довоенную биографию сочинили, дабы лучше соответствовала образу «русского богатыря» (по некоторым сведениям, реальный Сашка Матросов был мелким уголовником). Подвиг Абрама Левина остался незамеченным, «награда нашла героя» через четверть века после его гибели — в 1967 году, когда уж и кости его успели истлеть. Да и тут родина поскупилась: звездой Героя обнесла, Абраму достаточен орден Отечественной войны. И на том спасибо. Еще три еврея совершили такой же подвиг (один чудом остался жив). Итог: двое стали Героями, двое — нет. Имена всех четырех почти никому не известны. Награждали *ограниченно*, а прославляли еще *ограниченнее*.

26 октября 1941 года в Минске была повешена 17-летняя Маша Брускина, студентка Медицинского института, одна из организаторов и наиболее отважных участниц сопротивления в Минском гетто. Она нелегально проникала в лагерь военнопленных — лечила больных и раненых,

* Ортенберг Д. Время не властно. Писатели на фронте. М.: «Советский писатель», 1975. С. 49.

переправляла в лес к партизанам здоровых. Она знала явки, тайники, в ее руках были многие связи. Гестаповцы ее схватили, пытали всю ночь. Она не произнесла ни слова, молча взошла на эшафот. Награды не удостоена.

Через месяц аналогичный подвиг совершила ее ровесница Зоя Космодемьянская. Ее имя тотчас прогремело на всю страну. «Народная героиня» — так назывался первый сборник материалов о ее подвиге. «Ей посвящены многие произведения советских поэтов, писателей, драматургов, художников, скульпторов; ее именем названы улицы многих городов СССР, на Минском шоссе, близ деревни Петрищево, поставлен памятник (скульпторы О.А.Иконников и В.А.Федоров). С 1942 года могила К. находится на Новодевичьем кладбище в Москве; на месте первоначального захоронения К. в деревне Петрищево установлена мемориальная плита»*. Так русская комсомолка Зоя Космодемьянская стала символом доблести, геройства, патриотизма.

(Мать «Зои и Шуры» десятилетиями паразитировала на подвигах своих детей; снова и снова переиздавалась ее насквозь лживая книга; она выступала в огромных аудиториях, как заправская актриса, имитировала искренность, боль; произносила она всегда одну и ту же отретпетированную речь; ее голос изредка прерывался — в одних и тех же местах — якобы от душивших ее рыданий; перед выступлением она деловито инструктировала принимавших ее начальничков: «После таких-то слов я сделаю паузу, вы начинайте хлопать — зал вас поддержит».)

Артиллерист Роман Маркович Куперштейн прошел боевой путь от Сталинграда до Берлина, от лейтенанта до майора. Четыре раза его представляли к званию Героя Советского Союза, но так и не удостоили. В январе 1945 года, во время боев на Одере, Куперштейн, в составе небольшой группы бойцов, форсировал реку в районе города Киниц и закрепился на крохотном плацдарме. Группа попала под ураганный огонь, но плацдарм нужно было удерживать любой ценой, чтобы обеспечить переправу основных сил. Куперштейн заменил выбывшего из строя командира батальона, вызвал огонь на себя, плацдарм был удержан.

* БСЭ. 3-е изд. Т. 13. М., 1973. С. 254.

За этот подвиг Куперштейн был представлен к званию Героя в третий раз, но получил только орден Красного Знамени. В четвертый раз он был представлен к Золотой звезде в Берлине: при штурме Силезского вокзала, когда под жестоким огнем он выкатил свое орудие прямо на площадь, сам встал на место наводчика и бил прямой наводкой до тех пор, пока не подавил огневые точки противника, обеспечив успех операции. Вместо звезды Героя — снова Красное Знамя.

Таких примеров можно приводить очень много, я ограничусь еще одним.

Трижды представляли к звезде Героя Иосифа Абрамовича Рапопорта, выдающегося генетика: еще до войны он заложил новое направление в науке — химический мутагенез. Первый раз капитан Рапопорт был представлен к званию Героя осенью 1943 года — за блестящую операцию по форсированию Днепра. (Он был тогда начальником штаба полка.) В 1944 году Рапопорт — командир стрелково-десантного батальона — был представлен к Золотой Звезде за героические действия при проведении воздушно-десантной операции у озера Балатон в Венгрии. Третий раз к Герою его представили в самом конце войны, когда он, снова штабист (но не из тех, кто носит бумаги из кабинета в кабинет), лично возглавил передовой отряд, прорвал укрепленную оборону противника, захватил стратегически важный район, множество пленных и боевой техники. Он был тяжело ранен, потерял глаз. Звание Героя ни в одном случае ему присуждено не было.

Попутно должен сказать о послевоенном подвиге И.А.Рапопорта, требовавшем не меньшего героизма. Иосиф Абрамович был одним из главных действующих лиц знаменитой Сессии ВАСХНИЛ 1948 года, на которой Лысенко и его сподвижники давали последний и решительный бой «менделизму-морганизму». На Рапопорта нападали с особой остервенелостью, беспардонно издевались над его увещьем: мол, никаких генов люди и с нормальным зрением не видят, а менделист-морганист видит их одним глазом. В последний день Сессии, когда было официально объявлено, что погром генетики одобрен ЦК партии (то есть Сталиным), некоторые ученые выступили с покаянными

речами. Рапопорт тоже попросил слова. От него ждали покаяния, как и от других, но он заявил, что ни от чего не отказывается, а прошедшую Сессию сравнил со средневековой охотой на ведьм. Понятно, что в опубликованную стенограмму Сессии ВАСХНИЛ это выступление не попало*. К научной работе Рапопорт смог вернуться почти через десять лет — благодаря поддержке нобелевского лауреата Н.Н.Семенова, создавшего в своем институте химической физики биологическую лабораторию, которую и возглавил Иосиф Абрамович. Его выдающиеся заслуги были признаны во всем мире, с опозданием — и в своей стране. В 1990 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Звезды Героя войны он так и не удостоился.

Из правила бывали исключения. В число «счастливиц» посмертно попал Израиль Фисанович. Он командовал подводной лодкой, а потом дивизионом подлодок. Им потоплено 13 (!) крупных вражеских кораблей, тысячи (!) солдат, огромное количество техники пущено на дно. Он погиб в конце 1943 года, когда его подлодка была атакована с воздуха и потоплена. Солженицын указывает, что «широко во всем СССР продавались открытки с изображением отличившегося командира подводной лодки Израйля Фисановича» (т. II, стр. 358). Этот пример приводится для того, чтобы показать, что военные подвиги евреев не очень-то и замалчивались. Но этот редчайший случай лишь подтверждает правило. Да и если опросить, скажем, десять тысяч россиян, слышали ли они когда-нибудь имя героя войны Фисановича, — вряд ли хотя бы один ответит утвердительно.

Из научных и историко-публицистических трудов последних лет** можно узнать не только о том, как *на самом*

* О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина. 31 июля — 7 августа 1948. М.: ОГИЗ—Сельхозгиз, 1948. Выступление И.А.Рапопорта: стр. 130—135; покаянные заявления некоторых генетиков: стр. 523—528.

** Кроме книг Ф.Свердлова «Энциклопедия еврейского героизма» и М.Штейнберга «Евреи в войнах тысячелетий», обращает внимание «Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом. 1941—1945», М., 1996, и ряд других. См. также темпераментно написанную работу Валерия Каджая «“Еврейский синдром” советской пропаганды и до какой степени оказался ему верен Солженицын». «Вестник», 7(318) — 9(320), 2003, названную работу И.Подрабинника и др.

деле воевали евреи, но и о том, как создавалась, внушалось народу *лживая легенда* об «Иване в окопе, Абраме в рабкоопе».

В американской биографии И.Эренбурга рассказано о столкновении героя книги с М.А.Шолоховым в ноябре 1941 года в Куйбышеве (куда была эвакуирована газета «Красная звезда»). Будущий нобелевский лауреат по литературе, желая, видимо, польстить коллеге, сказал ему: «Вы-то сражаетесь, но Абрам обделывает дела в Ташкенте», — на что Эренбург закричал, что «не может сидеть за одним столом с погромщиком». Там же приведено письмо Василия Гроссмана с фронта Эренбургу: «Я думаю об антисемитской клевете Шолохова с болью и возмущением. Здесь, на юго-западном фронте, воюют тысячи, десятки тысяч евреев. С автоматами на перевес, в снежную вьюгу, они врываются в города, захваченные немцами, гибнут в боях. Я все это видел. Я видел блестящего командира Первой гвардейской дивизии Когана, танкистов, разведчиков. Если Шолохов в Куйбышеве, скажите ему, что товарищи на фронте знают, о чем он говорит. Пусть ему будет стыдно»*.

В монографии Г.Костырченко цитируется обнаруженное в архиве письмо писателя А.Степанова, автора широко известного романа «Порт-Артур», посланное в мае 1943 года главному редактору «Красной звезды» Д.Ортенбергу. А.Степанов, находившийся в эвакуации во Фрунзе, делился такими наблюдениями: «“Демобилизованные из армии раненые являются главными его [антисемитизма] распространителями. Они открыто говорят, что евреи уклоняются от войны, сидят по тылам на тепленьких местечках. Я был свидетелем, как евреев выгоняли из очередей, избивали даже женщин те же безногие калеки. Раненые в отпусках часто возглавляют такие хулиганские выходки. Со стороны милиции по отношению к таким проступкам проявляется преступная мягкость, граничащая с прямым попустительством”». Дальше Г.Костырченко сообщает: «Д.Ортенберг переслал письмо в ЦК партии, а вскоре

* Rubenstein J. Tangled Loyalties. The Life and Times of Ilya Ehrenburg. N.-Y., BasicBooks, 1996. P. 205. Письмо В.Гроссмана из семейного архива И.Эренбурга приводится в обратном переводе с английского.

А.С.Щербаков вызвал его к себе и объявил о снятии с работы. Размышляя впоследствии о причинах своего смещения, Ортенберг вспомнил, как за несколько месяцев до этого Щербаков также вдруг вызвал его и без объяснений потребовал очистить центральную армейскую газету от евреев»*.

«Красная звезда» была самой популярной газетой во время войны, и в ней действительно печаталось немало писателей и журналистов-евреев. В их числе, кроме Эренбурга и Гроссмана, Самуил Маршак, Перец Маркиш, Михаил Светлов, Маргарита Алигер и многие другие. «Очистить» от них газету было просто невозможно. Но писать о доблестях солдат и офицеров с еврейскими фамилиями они практически не могли, разве что очень «ограниченно». То, что Гроссман сообщал в личном письме Эренбургу, в печати не появлялось. На то были негласные и, вероятно, неофициальные, но четкие установки.

О том, как это отражалось на общественном сознании страны, Илья Эренбург рассказал на заседании Еврейского Антифашистского Комитета в 1943 году. «Вы все, наверное, слышали о евреях, которых “не видно на передовой”. Многие из тех, которые воевали, не чувствовали до определенного времени, что они евреи. Они это почувствовали лишь тогда, когда стали получать от эвакуированных в тыл родных и близких письма, в которых выражалось недоумение по поводу распространявшихся разговоров о том, что евреев не видно на фронте, что евреи не воюют». В качестве противоядия Эренбург предлагал издать книгу о подвигах евреев в войне — «не для хвастовства, а в интересах нашего общего дела — чем скорее уничтожить фашизм... Одной статистики мало. Нужны живые рассказы, живые портреты. Нужен сборник о евреях-героях, участниках Великой Отечественной Войны. Необходимо рассказать правду, чистую правду. И этого будет достаточно»**.

Нечего и говорить, что сборника не появилось. Да и само выступление Эренбурга было опубликовано только в переводе на идиш (газета «Эйникайт», 15 марта 1943 года),

* Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: «Международные отношения», 2003. С. 243.

** Цит. по: Свердлов Ф.Д. Ук. соч. С. 9—10.

так сказать, для внутриеврейского потребления. А в «Звездочке», где почти ежедневно появлялись его знаменитые подвалы, из-за которых нацистская пресса возвела его в ранг «сталинского военного корреспондента номер один», он писал про «хорошее *русское* лицо, крупные черты, как бы вылепленные, густой, напряженный взгляд» генерала Л.Говорова, который представлялся ему «воплощением спокойного *русского* отпора»*. (Курсив мой. — С.Р.) Для того чтобы показать во всей красе «неприметный, простой и трижды благословенный героизм *русского* человека», ни Эренбург, ни другие авторы «Звездочки» не жалели слов**. (Курсив мой. — С.Р.) Нечего и говорить, что даже если иногда и проскакивала заметка о подвигах еврея, то ни одному автору или редактору даже в голову не могло прийти, что у него «хорошее еврейское лицо» или что он «воплощает героизм еврейского народа». Национальность такого героя не обозначалась, а часто и не угадывалась***.

«Нельзя сказать, что внутренняя советская пресса молчала о немецких изуверствах, — считает Солженицын. — Илье Эренбургу, еще и другим, например, журналисту Кригеру, дано было “добро” сквозь всю войну поддерживать и распалать ненависть к немцам — не без упоминания жгучей и выстраданной ими еврейской темы, но и без специальной акцентировки ее» (т. II, стр. 349).

Без *акцентировки* — это точно!

Шла ли речь о евреях, сражавшихся с врагом, или о поголовном уничтожении еврейского населения в оккупированных районах, или о том, каким «густым» было участие в нацистских преступлениях представителей «коренного народа», *акцентировка* не допускалась.

В 1943 году, во время пребывания Михозэlsa и Фефера в Соединенных Штатах, в ходе их встреч с Эйнштейном и

* Свердлов Ф.Д. Ук. соч. С. 96.

** Цит. по: Ортенберг Д. Ук. соч. С. 98.

*** Помню, в детстве с упоением читал книгу трижды Героя, летчика-истребителя И.Н.Кожедуба. Мало что помню из нее, но запало, как он писал о поступившем на вооружение новом самолете Лавочкина — намного маневреннее, мощнее и послушнее в управлении, чем немецкие «мессершмитты». Автор не уставал восхищаться замечательным авиаконструктором, но о том, что С.А.Лавочкин — еврей, ни малейшего намска.

некоторыми другими возникла идея «Черной книги» — сборника очерков и документов о геноциде евреев. Предполагалось, что она выйдет одновременно в СССР, США, Англии, Палестине, затем и на других языках. Советские власти официально одобрили идею, но тут же началось ее удушение. Только весной 1944 года при ЕАК была основана Литературная комиссия под председательством И.Эренбурга. Он и В.Гроссман были утверждены редакторами советской части издания, хотя начали работать над ним еще раньше. Эренбург представил властям проспект книги, но вразумительного ответа добиться не мог. Первое заседание возглавляемой им литературной комиссии (13 октября 1944 года) он открыл драматическим заявлением: «В течение долгого времени не прояснено, будет ли санкционировано издание нашего тома. Даже теперь я не уверен, как надо понимать официальную формулировку... Мне сообщили через ЕАК, что мы должны составить книгу, и если она будет хорошей, ее издадут. Поскольку авторы этой книги не мы, а немцы, и ее цель очевидна, то я не понимаю, что значат слова “если это будет хорошая книга”. Это же не роман, содержание которого нельзя знать заранее»*.

Эренбург предупреждал привлекаемых авторов: не надо никаких обобщений — только конкретные эпизоды, судьбы, живые сцены. А вот о коллаборационистах, помогавших нацистам выявлять и уничтожать евреев, наоборот — ничего конкретного: пособники нацистов не должны иметь человеческих лиц, а главное национальности. Не было среди них ни русских, ни украинцев, ни литовцев. Пусть будут они все *полицай*: и так понятно, о ком идет речь.

Василий Гроссман, более прямой по характеру и меньше разбиравшийся в закулисной возне, язвил: зачем же их называть *полицаями*? Тогда уж давайте называть их просто предателями, врагами, а еще лучше *иудами*!

Председатель Совинформбюро Соломон Лозовский — главный партийный надсмотрщик над ЕАК и всеми его начинаниями, предлагал шире привлекать к участию в «Черной книге» писателей — неевреев, что сделало бы ее

* John Garrard and Carol Garrard. The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman. N.-Y., The Free Press, 1996. Pp. 201–202. Высказывания Эренбурга даны в обратном переводе с английского.

более приемлемой для власти. Эренбург и Гроссман обратились к самым знаменитым — Фадееву, Федину, Симонову. Принял участие только Андрей Платонов — в хвост и в гриву гонимый. Константин Симонов, правда, тоже согласился. Он и Василий Гроссман были первыми писателями, посетившими нацистский лагерь Майданек после освобождения. Очерк поручили писать Симонову, и он написал — ярко, жестко, со множеством леденящих подробностей. Но то, что «производственным сырьем» для фабрики смерти служили в основном евреи, в очерке «не акцентировалось». Теперь ему предоставлялась возможность написать *всю* правду о Майданеке. Гроссман торопил. Но Симонов был «занят». Надо полагать, ему «не советовали» торопиться. «Черная книга» была завершена без очерка о Майданеке*.

Эренбург, понявший безнадежность проекта, устранился. Завершил книгу Василий Гроссман. Она была набрана, сверстана и — запрещена. Набор был рассыпан. И так как книгу ждал весь мир, варварскую акцию нельзя было утаить. Но антисемитские эмоции в Кремле взяли верх над соображениями международного престижа, к чему советские власти всегда были сверхчувствительны**.

О том, насколько «ограниченно» в годы войны дозволялось затрагивать «жгучую и выстраданную еврейскую тему» даже Эренбургу (а ему дозволялось больше, чем другим), через двадцать лет ярко продемонстрировал официальный критик Д.Стариков, когда потребовалось осадить «молодого советского литератора», переступившего грань дозволенного, напустив на него «старого».

«В убийстве еврейских старух и младенцев всего яснее сказала низость гитлеровской Германии. Но разве не то же делают фашисты с русскими и украинцами, с поляками и югославами?» — писал в 1944 году Илья Эренбург. «Почему немцы убили евреев? — писал он в 1943 году о трагедии Пирятина. — Праздный вопрос. Они убили в том же Пирятине сотни украинцев. Они убили в селе Клубовка двести белорусов. Они убивают в Гренобле французов и на

* John Garrard and Carol Garrard. *The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman*. N.-Y., The Free Press, 1996. P. 204.

** Единственный экземпляр рукописи сохранился чудом, благодаря чему книга вышла много десятилетий спустя — в Израиле.

Крите греков. Они должны убивать беззащитных, в этом смысл их существования”. “Они говорят: «Мы против евреев». Ложь... В Югославии немцы объявили, что ‘низшая раса’ — сербы. В Польше они обратили в рабство поляков. Они ненавидят все народы...” Это из статьи Ильи Эренбурга 1941 года»*.

С такой опорой на «еврейские источники» (не Солженицын изобрел этот прием) агитпроп принимал контрмеры, чтобы никто не подумал, что теперь уже можно сочувственно говорить о евреях — без оглядки на милиционера. Критик заходится от негодования: «Стоя над крутым обрывом Бабьего Яра, молодой советский литератор нашел здесь лишь тему для стихов об антисемитизме!» И окончательно «пришибает» Евгения Евтушенко стихотворением И.Эренбурга «Бабий Яр» 1944 года. Критику оно «гораздо ближе»**, — понятно почему: в нем нет напугавшей агитпроп *акцентировки* (что, замечу в скобках, не умаляет его поэтической силы).

Линия проводилась неукоснительно — во время войны и еще жестче после войны, на протяжении всего советского периода. Намеренно, последовательно, жестоко искажалось или замалчивалось все, что относилось к теме «евреи и война». Замалчивался труд сотен и тысяч евреев в научных лабораториях и конструкторских бюро, на заводах и фабриках, где они играли большую роль в разработке и производстве оружия и боевой техники, которые количественно, а порой и качественно превосходили германские, что в значительной мере определило исход войны. А больше всего и упорнее всего внедрялся в общественное сознание миф об «Иване в окопе, Абраме в рабкоопе» (или в Ташкенте). Делалось это разными методами, и не всегда поймешь, что шло от указаний сверху, а что было плодом местной инициативы.

Самые ранние впечатления моего детства относятся к годам войны. Одно из первых — сильнейший испуг, вызванный нечеловеческим, душераздирающим криком моей

* Стариков Д. Об одном стихотворении. «Литература и жизнь», 27.9.1961. Цит. по: Русский антисемитизм и евреи. Сборник. Составители А.Флегон и Ю.Наумов. Лондон, «Flegon Press». 1968. С. 101.

** Там же. С. 100.

тети (маминой сестры). Это было в Астрахани, куда маме удалось добраться — после голодной и холодной зимы в Пензенской области, в разоренном колхозе, где нас под-селили к хмурой крестьянке, в неотопливаемую часть избы, с инеем на стенах. В Астрахани было тепло, и была родня. У тети двое детей, нас двое — все в одной комнате, в тесноте да не в обиде. И вот — похоронка... Где сложил голову мой дядя, при каких обстоятельствах, — я, к сты-ду своему, никогда не пытался выяснить. А недавно вот что узнал от внучки его, моей племянницы Ирины Кац, пианистки, живущей теперь в пригороде Вашингтона. Сту-денткой Астраханской консерватории она ежегодно отбы-вала комсомольско-трудовую повинность на том консерв-ном заводе, в том томатном цехе, который до войны воз-главлял ее дед. У входа в цех на видном месте висел его портрет. Подпись гласила: «Начальник цеха Павел Ароно-вич Кац погиб смертью храбрых в Великой Отечественной войне». Ирина впервые увидела портрет, когда пришла на завод первокурсницей. Видела и через год, когда была на втором курсе. А потом портрета на стене не оказалось. Ис-чез. Среди защитников родины, положивших за нее голо-ву, Кацу быть не положено. Нежелательная *акцентировка*.

В 1967 году, когда был открыт гигантский мемориаль-ный комплекс на Мамаевом кургане, под куполом боль-шого зала, на гвардейской ленте, были высечены слова: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой патриотический долг пе-ред священной матерью-Родиной». Слова эти выложены гигантскими золотыми буквами. Но тоже — *без акцентии-ровки*. Принадлежат они Василию Гроссману — писателю и солдату, который провел здесь, под ураганным огнем, сотни дней и ночей, и потом воспел подвиг защитников Ста-линграда, как никто другой. Но имя его — нигде не упо-мянуто*.

«У моей первой повести о войне, — свидетельствует писа-тель и воин из другого поколения Григорий Бакланов, — было посвящение: “Памяти братьев моих — Юрия Фрид-мана и Юрия Зелкинда, — павших смертью храбрых в

* John Garrard and Carol Garrard. The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman. N.-Y., The Free Press, 1996. P. 311.

Великой Отечественной войне.” Как же на меня давили в журнале, как вымогали, чтобы я снял посвящение: а то ведь получается, что евреи воевали. Я, разумеется, посвящение не снял. Тогда, втайне от меня, уже в сверке, которую автору читать не давали, его вымарали»*.

«Всё мое детство прошло в тени разговоров о “евреях, воевавших в Ташкенте”, — пишет представитель третьего поколения, профессор математики Питтсбургского университета, поэт и публицист Борис Кушнер (1941 года рождения). — Сейчас я подумал, когда же слышал “ташкентскую легенду” в последний раз — до прочтения [солженицынского] двухтомника. И вспомнил. Было это 9 мая 1988-го или 1989 г., почти перед самым моим расставанием с Россией. На платформе Кратово. Один ветеран поддерживал другого. Очевидно, они отметили праздник. Заметив меня, тот, который нуждался в поддержке и, видимо, стеснялся этого, сказал, что, вот, воевал, проливал кровь и по праву выпил. “А где был твой отец? Небось, и сейчас в лавке торгует”. Я спокойно объяснил ему, где находится мой отец [погиб в 1942-м под Сталинградом]. Он как-то поперхнулся и дал другу увести себя. Я простил ветерана на месте, пожалуй, и обидеться не успел... Не вина это ветерана, а беда его»**.

Беда. Непонятно, для кого большая, ибо нет такой меры, чтобы измерить — кто сильнее искалечен гнусным наветом: *оболганные* евреи или *обманутые* русские.

Солженицын как бы не отрицает, что евреи воевали против гитлеровцев не менее напряженно, чем другие народы: «число евреев в Красной армии в годы Великой Отечественной войны было пропорционально численности еврейского населения, способного поставлять солдат» (т. II, стр. 363—364). Но тут же и отрицает, что «народные впечатления той войны продиктованы антисемитскими предубеждениями» (т. II, стр. 364). (Здесь, кажется, в первый и последний раз на протяжении обоих томов говорится об антисемитизме как о *предубеждении*, и только для того, чтобы его отрицать!)

* <http://lib.ru/PROZA/BAKLANOW/kumir.txt>.

** Письмо цитируется с разрешения автора.

По Солженицыну, *народные впечатления* имели под собой вполне рациональное основание: евреи «штурмовали Ташкент» — если не буквально, то фигурально. Ибо даже на фронте они грудились «в Ташкенте», то есть подальше от передовой: при штабе, в интендантстве, в обозе, в культпросвете, в медицине. (Как лагерные *придурки*, пристраивавшиеся, по его версии, кладовщиками и нормировщиками, чтобы уберечься от лесоповала.)

«Как бы неоспоримо важны и необходимы ни были все эти службы для общей конечной победы, а доживет до нее не всякий, — резонерствует Солженицын. — Пока же рядовой фронтовик, оглядываясь с передовой себе за спину, видел, всем понятно, что участниками войны считались и 2-й и 3-й эшелоны фронта: глубокие штабы, интендантства, вся медицина от медсанбатов и выше, многие тыловые технические части, и во всех них, конечно, обслуживающий персонал, и писаря, и еще вся машина армейской пропаганды, включая и переездные эстрадные ансамбли, фронтовые артистические бригады, — и всякому было наглядно: да, там евреев значительно гуще, чем на передовой» (т. II, стр. 365).

И еще: «И все же, несмотря на эти примеры бесспорной храбрости [в лагерях ведь тоже, как мы помним, наряду с евреями-*придурками* попадались еврей-*выродки*, вот и в воинской еврейской семье не без выродка — “средняя линия”!], с горечью констатирует еврейский исследователь: “широко распространенное и в армии, и в тылу представление об уклонении евреев от участия в боевых частях”. Это — точка болевая, больная. Но если обходить больные точки — нечего и браться за книгу о совместно пройденных испытаниях. В истории важно и что народы друг о друге думали», к этому «нужно прислушаться» (т. II, стр. 360).

Но думать друг о друге народы могут разное: верное и неверное, справедливое и несправедливое. Если важно, *что* они думают, то не важнее ли понять, *почему* они думают так, а не иначе.

«Убеждения, представления народов друг о друге, не сами складываются, их внушают, и книга Солженицына из того разряда, задача ее — внушать. В фашистской Германии, во времена Гитлера, внушалось, что злостные винов-

ники всех бед — евреи, и большинство населения это приняло, кто молча одобрял, а кто и с трибун: и погромы, и депортацию, и “окончательное решение еврейского вопроса”. *Надо прислушаться?* А когда у нас шли процессы над “врагами народа” и тысячи тысяч наших сограждан под барабанный бой пропаганды выходили на демонстрации, неся плакаты: “Уничтожить гадину!”, и к этому ныне *надо прислушаться?* А когда брошен был лозунг уничтожить кулаков, как класс, и по команде сверху односельчане, как могли, способствовали, по ходу дела разграбляя и присваивая чужое имущество, к этому мнению народному тоже *надо прислушаться?* И десять миллионов человек были высланы на погибель за Урал, на Север, в болота*.

Горький парадокс: Александр Солженицын, столь вожденно ждавший и приближавший конец советской власти, оказался прямым наследником и усердным продолжателем ее дела.

«В 1942 году в Сталинградской степи моего отца хоронил не Солженицын. Хоронил его — соратник, боевой русский офицер, ставший впоследствии другом нашей семьи. Не знаю, что ещё должен был отдать России мой отец, Абрам Исаакович Кушнер, чтобы г-н Солженицын из 2002 года видел его на передовой «погуще». Действительно, доживёт до победы не каждый. Слава Богу, Солженицын дожил... И никогда бы никто не посмел поставить вопросительный знак на его боевом пути, если бы сам же он в грех и не вводил. Ведь командир звукоразведывательной отдельной батареи — всё же не пехотный лейтенант, поднимающий взвод в атаку, и не лётчик-истребитель и... долго можно продолжать. Шансов дожить до *общей* победы побольше... И не Солженицына ли видел “рядовой фронтовик, оглядывающийся с передовой себе за спину”?»** — пишет Борис Кушнер.

Законный вопрос, но не мне, ходившему в те годы под стол пешком, на него отвечать. А вот фронтовика, попластунски пропахавшего пол-Европы, послушаем:

* Бакланов Г. Ук. соч. <http://lib.ru/PROZA/BAKLANOW/kumir.txt>.

** Кушнер Б. «Больше чем ответ». «Вестник», 2004, 4 февраля, № 4(340).

«Надо разъяснить, что такое была эта звукобатарея и где она находилась, — продолжает Григорий Бакланов, — По понятиям фронтовиков, находилась она в глубоком тылу. [Сержант Илья] Соломин [служивший в батарее Солженицына] указывает: 1,5—2 километра от передовой. Нет, значительно дальше, сам Солженицын признает: 3 километра. Вот туда-то “сверхусильным напором” и переместился он из конского обоза». И чуть раньше: «Ведь он за всю войну ни разу не выстрелил по немцам, туда, где он был, пули не долетали. Так ты хоть других не попрекай. Нет, попрекает. В одной из своих статей стыдит покойного поэта Давида Самойлова (на фронте Давид Самойлов — пулеметчик второй номер), что тот недолго пробыл в пехоте, а после ранения — писарь и кто-то еще при штабе. Но сам-то Солженицын и дня в пехоте не был, ни разу не ранен, хоть бы сопоставил, взглянул на себя со стороны, как он при этом выглядит».

И дальше: «На прямой вопрос [интервьюера “Известий”], где располагалась солженицынская звукобатарея: “*Это был ближний тыл или фронт?*” — Соломин отвечает: “В боях батарея участия не принимала, у нас была другая задача”. — “*Солженицыну выпадало в боях участвовать?*” — “Я же сказал — у нас были другие задачи. Я не помню, чтобы он непосредственно в боях участвовал, в бою пехота участвовала*». «Соломин воевал с первых дней, дважды ранен, брат убит на фронте, мать, отца, сестренку немцы уничтожили в Минске, как уничтожали всех евреев. Солженицын призван в армию (повторим: не сам добровольцем пошел защищать родину, военкомат призвал исполнить долг мужчины и гражданина) аж в октябре 41-го года. Немцы уже подходили к Москве, судьба России решалась, он продолжал преподавать детям математику в школе, в глубоком тылу. И когда под Сталинградом шли бои, там по нынешним подсчетам погибло у нас более двух с половиной миллионов человек, он все еще был в тылу, в обозе, во втором или даже в третьем эшелоне»**.

* Г.Бакланов цитирует и комментирует статью Сергея Нехамкина: «Сержант Соломин и капитан Солженицын. Как Солженицын самоутверждался на фронте». «Известия», 17.04.2003.

** Бакланов Г. Ук. соч. <http://lib.ru/PROZA/BAKLANOW/kumir.txt>.

Г. Бакланов итожит: «Не по статистике, по своему личному наблюдению, все-таки почти всю войну я пробыл на фронте не пехотинцем, но с пехотой... так вот по моему наблюдению евреев-пехотинцев в процентном отношении ко всему населению было меньше, чем русских. Не удивлюсь, если окажется, что и русских в процентном отношении к населению было в пехоте меньше, чем, скажем, узбеков, таджиков, киргизов, туркмен. Вот же, повторяю, пишет директор музея “Сталинградской битвы”, что под Сталинградом солдаты из Средней Азии и с Кавказа составляли больше половины сражавшихся... В пехоту гнали, в первую очередь, крестьян. И не нация тут решала, а — уровень образования. Талантливых людей, самородков, скажем, в русской деревне было, возможно, не меньше, чем в городах, да вот уровень образования отличался. У немцев танкисты были, в основном, не крестьяне, а рабочие, наши “братья по классу”. А у нас к концу 1942 года стали отзывать с фронта сталеваров, в тылу они были нужней, чем на фронте. Исследователь, если он действительно исследует, а не искажает историю, не может не понимать всего этого, не знать»*.

Итак, кто воевал в пехоте, а кто в авиации, кто командовал звуковой батареей, а кто варил сталь в тылу, — не нация решала, а уровень образования. Просто, как Божий день.

Но вот к тому, *как* воевал каждый на своем посту и участке, *одна* нация отношение имела — не потому, что обладала *особыми* бойцовскими качествами, а потому, что враг поставил ее в *особое* положение, — *избрав* для тотального уничтожения. Отсюда и двойной «налог кровью», какой платили еврейские бойцы на всех фронтах; отсюда же опережающее другие народы число героев и награжденных боевыми орденами — вопреки гнусным манипуляциям с наградными списками.

Могли ли евреи воевать лучше, самоотверженнее, проявить еще больше отваги и героизма? Наверное — да, потому что наряду с теми, кто закрывал своей грудью дзоты, ложился под танки со связками гранат, стоял насмерть

* Бакланов Г. Ук. соч. <http://lib.ru/PROZA/BAKLANOW/kumir.txt>.

на «последнем рубеже» со словами: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва»*, — так вот, наряду с героями были среди них и трусы, и тыловые крысы. Но не то же ли справедливо в отношении братьев-славян? Я не против того, чтобы поднять планку, но — для всех одинаково. Ведь доблестные русские воины целыми армиями сдавались в плен, особенно в два первых года войны, и не всегда из-за безвыходности положения. Иные части шли сдаваться строем, с песнями, под духовой оркестр. Число пленных превысило пять с половиной миллионов человек, причем полтора миллиона из них вернулись в строй, но уже в форме солдат Вермахта. На сторону врага перешли тысячи вчерашних советских офицеров, десятки генералов. Каждый шестой солдат, воевавший *против* Красной армии, был россиянин. Сотни формирований на уровне рот и батальонов составлялись исключительно из русских; были бы и дивизии, и армии, да Гитлер не хотел этого допустить**.

К этому следует добавить полицаев, старост, бургомистров и прочих, кто действовал на оккупированных территориях против партизан или участвовал в операциях по уничтожению евреев — таких наберется еще полмиллиона. Евреев в их рядах по известным причинам быть не могло. Все это хорошо известно Солженицыну — ведь он сталкивался с множеством бывших военнопленных в ГУЛАГе, а потом с пафосом их защищал, доказывая, что это не они изменили родине, а родина предала их — предала дважды: оставила в плену без всякой поддержки, а затем отправила в ГУЛАГ как изменников.

При всей спорности такой позиции с точки зрения отнюдь не только советского, но и русского патриотизма, она восхищала смелостью и независимостью. Недаром агитпроп с бульдожьей хваткой вцепился в «литературного власовца Солженицына».

* Эта фраза была сказана (если вообще была сказана), по-видимому, капитаном Мойсиповичем, евреем, а не политруком Клочковым, как гласит официальная легенда о «28 самых верных твоих сынах». Подробнее см.: Батшев В. Власов. «Мосты», Франкфурт-на-Майне, 2001. Т. 1. С. 315—320.

** См.: Батшев В. Ук. соч. Т. 1—2.

А дезертиры? В 2000 году, когда работа над двухтомником была уже в завершении, вручая премию своего имени писателю-«нравственнику» Валентину Распутину, Солженицын особенно высоко оценил его повесть «Живи и помни». Подчеркнул, что писатель «заметно выделился в 1974-м внезапностью темы — дезертирством, — до того запрещённой и замолчанной, и внезапностью трактовки её»*. Еще подчеркнул, что «в общем-то, в Советском Союзе в войну дезертиров были тысячи, даже десятки тысяч, и пересидевших в укрытии от первого дня войны до последнего, о чём наша история сумела смолчать, знал лишь уголовный кодекс да амнистия 7 июля 1945 года. Но в отблещенной советской литературе немыслимо было вымолвить даже полслова понимающего, а тем более сочувственного к дезертиру. Распутин — переступил этот запрет»**.

Кто же были те десятки тысяч дезертиров, сочувствие к которым так восхищает Александра Исаевича? Понятно, что он говорит о братьях-славянах — таких, как герой Валентина Распутина. Но, «протягивая рукопожатие» (по его изящному выражению) «солженицерам», он выставляет совсем иной счет.

На страницах израильского журнала «22» бывший фронтовик Иона Деген вспоминал, как в начале войны звал своего приятеля Шулима Даина пойти добровольно на фронт, но тот возразил: ««сцепились насмерть два фашистских чудовища», и что нам в том участвовать» (т. II, стр. 368) — вот и доказательство еврейской «неблагонадежности»! Тут же, правда, выясняется, что Шулим Даин не думал дезертировать или пересидеть в укрытии: «Когда меня призовут на войну, я пойду на войну. Но добровольно? — ни в коем случае»» (т. II, стр. 368). Его призвали, он пошел и погиб под Сталинградом. *Что ещё он должен был отдать России*, чтобы смягчилось сердце грозного судии? Не смягчается:

«Да, сталинский режим не лучше гитлеровского. Но для евреев *военного времени* не могли эти чудовища быть равны! И если бы победило чудовище *то* — что б тогда, все-

* «Новый мир», 2000, №5.

** Там же.

таки, случилось с советскими евреями? Разве эта война не была для евреев и своей кровной, *собственной Отечественной*: скрестить оружие с самым страшным врагом всей еврейской истории?» (т. II, стр. 368—369). По Солженицыну — не была. «Позицию Дайна не понять иначе, как — расслабляющее чувство того самого двойного подданства» (т. II, стр. 369). И после цитаты из «еврейского источника» (без этого нельзя!): «Неполная заинтересованность в *этой* стране. Ведь впереди всегда — для многих неосознанно, а маячит — уже без сомнения *свой* Израиль» (т. II, стр. 369).

Это — о годах войны, когда — повторю — евреи под оккупацией истреблялись поголовно, попадавшие в плен расстреливались на месте, а еврейского государства еще не было и в помине! Невольно приходят на память слова Юлиана Тувима, адресованные польским единомышленникам Солженицына:

«Мы, Шлоймы, Срули, Мойшки, пархатые, чесночные, мы, со множеством обидных прозвищ, мы показали себя достойными Ахиллов, Ричардов Львиное Сердце и прочих героев. Мы в катакомбах и бункерах Варшавы, в зловонных трубах канализации дивили наших соседей — крыс. Мы, с ружьями на баррикадах, мы, под самолетами, которые бомбили наши убогие дома, мы были солдатами свободы и чести. “Арончик, что же ты не на фронте?” — “Он был на фронте, милостивые паны, и он погиб за Польшу...”»*.

Война после войны

Были надежды у народов, живших *вместе* в России: не может все остаться по-старому после *такой* войны! Слишком много крови пролито, слишком много товарищей полегло по лесам и болотам, слишком много хат сожжено, семей разрушено, сирот оставлено. Да и нагляделся солдат на иностранную жизнь. Слишком многое обмозговал в долгих походах, наговорился с друзьями на привалах... Чтобы после *такой* войны и *такой* победы, да снова в колхоз-

* Цит. по: Русский антисемитизм и евреи. Сборник. Составители: А.Флегон и Ю.Наумов. Лондон, «Flegon Press». С. 10.

ную кабалу! Да снова прислушиваться к ночным шорохам на лестнице! Да снова отречься от жен, отцов, друзей; снова с рабской покорностью заглядывать в глаза каждому мелкому главначпуху... Чудилось: возврата к тому быть не может! С победой придет и послабление режима, освобождение от оков «единственно правильного учения»; придет возможность самому за себя думать, сомневаться, ошибаться — жить человеком, а не тварью дрожащей, не куклой в руках кукловода.

Увы, то были *несбыточные мечтания*. Прав оказался еврейский юноша, сложивший голову под Сталинградом: победа над Германией не стала победой над фашизмом — один фашизм взял верх над другим, только и всего.

В самый *день победы* это почувствовал Илья Эренбург. Мало кто с такой страстью и с таким нетерпением призывал победу, но *не узнал* ее, столкнувшись лицом к лицу. «Я ждал ее, как можно ждать любя./ Я знал ее, как можно знать себя./ Я звал ее в крови, в грязи, в печали./ И день настал, закончилась война. /Я шел домой, навстречу шла она./ И мы друг друга не узнали».

(Иногда мне кажется, что стихи, которые он писал редко, да метко, — это лучшее, что оставил Эренбург: в стихах он всегда был искренен.)

Он ждал невесту в белом кружевном платье, а увидел кованный сапог, бьющий в пах, — трофейный сапог, снятый с еще не остывшего трупа вчерашнего врага. Красный фашизм вогнал осиный кол в горло коричневого и сразу же стал напяливать на себя его униформу.

Переобмундирование советского режима было начато еще до войны и ускорилось в ее ходе. Командирские и комиссарские петлицы были заменены офицерскими погонами. Были призваны в строй тени великих предков — Суворова, Кутузова, Нахимова, даже великого погромщика Богдана Хмельницкого. Сменили государственный гимн: Великая Русь, что сплотила на веки союз нерушимый, вытолкнула Интернационал.

Декоративные, как казалось, новации обернулись головной депортацией малых народов-«предателей» и — тостом генералиссимуса за «великий русский народ», первый среди равных. Победные тосты должны были заглу-

шить перестук вагонов, мчавших «освобожденных» военнопленных — в основном, конечно, славянских кровей — в ГУЛАГ. Герои победоносной войны возвращались на пепелища, и им давали понять, что о западных соблазнах нужно забыть и никогда не вспоминать. А чтобы держать народ в мобилизационной готовности, понадобился новый враг — внутренний. Старые рецепты для его опознания уже не подходили: ни помещика, ни капиталиста, ни кулака с обрезом под полой ватника в стране давно уже было не сыскать — всех извели, как минимум, в двух поколениях. Для создания образа врага шаблоны классовой ненависти не подходили, *красному* подвою потребовался *коричневый* привой. Вопреки законам «буржуазной» генетики, зато в полном соответствии с передовым мичуринским учением, *такая* вегетативная гибридизация полностью удалась.

Тысячи людей попали в ГУЛАГ за то, что сказали доброе слово об американской технике или германских дорогах: такое *низкопоклонство* перед Западом было приравнено к государственной измене. Россия сделалась родиной слонов, русские люди стали создателями паровой машины, летательных аппаратов, лампочек Ильча, марсианских каналов и всего самого светлого и красивого на Земле. Загнивающему Западу было оставлено только темное и безобразное. «Наймнты» Запада должны были отличаться «лица необщим выраженьем», чтобы их легче было опознавать. Отряды красно-коричневых штурмовиков пошли в штыковую атаку на театральных критиков с псевдонимами, другие ударили по безродным космополитам без псевдонимов, третьи окружили и бесшумно сняли последних часовых у ворот еврейской культуры, после чего ряды были сомкнуты на «убийцах в белых халатах».

Лидия Тимашук стала народной героиней номер один, оттеснив Зою Космодемьянскую и Павлика Морозова. *Малый народ* очередной раз был оболган, *большой народ* очередной раз был обманут. Евреев изгоняли из учреждений и предприятий, над ними измывались в коммуналках, их избивали на улицах, в школах, выкидывали из электричек: все это — в порыве благородного негодования, ибо лучшей участи наймнты «Джойнта» не заслуживали.

Просить защиты было не у кого, пощады — бесполезно. Можно только вообразить, до какого уровня была бы доведена вакханалия издевательств и насилия, если бы процесс над «врачами-убийцами» состоялся по всем законам жанра, созданного кремлевским драматургом: с «признаниями» подсудимых, в деталях рассказывающих о своих леденящих кровь злодеяниях; с допросами «свидетелей» типа той же Тимашук; с очными ставками, громовыми речами прокурора, лепетом опереточных защитников, митингами на предприятиях, с единогласными резолюциями: раздавить гадину, расстрелять как бешеных собак. Шквал издевательств и убийств мог бы вздыбиться так высоко, что евреям только бы и оставалось — молить партию и правительство о поголовной отправке в Сибирь: долбить вечную мерзлоту все же лучше, чем быть разорванными озверелой толпой.

О предстоявшей депортации ходили упорные слухи, обрастая подробностями, причем говорили, что инициатива будет исходить от самих евреев. Шептались о списках, составляемых по домоуправлениям, о бараках, что строятся в каких-то гиблых местах Крайнего Севера, об эшелонах порожняка, подгоняемых к Москве, о письме «видных евреев» с просьбой о высылке всего *малого народа* для искупления вины и спасения от праведного гнева *большого народа*.

Стояли ли за этими слухами реальные планы власти, и если да, то как далеко зашла подготовка?

Достоверно известно, что письмо в «Правду» от имени многих видных евреев было составлено, и подписи под ним собирались. Известны имена *евреев в ливреях*, которые все это организовывали. Это официальный историк академик И.И.Минц, сделавший карьеру на возвеличивании революционных заслуг Сталина. Это партийный функционер М.Маринин (Я.С.Хавинсон) — многолетний директор ТАСС, а затем главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения». Д.Заславский, член редколлегии и фельетонист «Правды», столь лихо разоблачавший «врагов народа», что сумел заслужить особое расположение Сталина — вопреки бундовско-меньшевицкому прошлому. Возможно также участие академика-философа М.Б.Митина, отличившегося в свое время обосно-

ванием философской значимости трудов Сталина, а также передовой мичуринской биологии. В числе тех, кто не выдержал «обработки» и поставил свою подпись — писатели Василий Гроссман, Самуил Маршак, Павел Антокольский, Маргарита Алигер, музыканты Давид Ойстрах, Матвей Блантер, Эмиль Гилельс, дирижер Большого театра Самуил Самосуд, ряд крупных ученых, авиаконструктор Семен Лавочкин, дважды герой войны генерал Д. Драгунский и многие другие.

Нашли в себе мужество отказаться или уклониться писатель Вениамин Каверин, поэт-песенник Евгений Долматовский, певец Марк Рейзен, чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник, герой войны генерал Яков Крейзер... Илья Эренбург письма не подписал, но обратился к Сталину за «советом», выразив готовность поставить свою подпись, если вождь посчитает это нужным. Попутно Эренбург высказал сомнения относительно некоторых формулировок письма и даже самой идеи «коллективного выступления... людей, которых объединяет только происхождение». Он играл с огнем, так как не мог не понимать, что затея исходила от самого Сталина или была им одобрена.

Аркадий Ваксберг считает, что письмо Ильи Эренбурга Сталину, «несправедливо, даже... постыдно недооцениваемое», сыграло судьбоносную роль, притормозив ход событий, а затем «вмешалась Божья воля»*, то есть Сталин внезапно умер, и *поэтому* депортация не состоялась. С этим можно было бы согласиться, если бы подготовка депортации подтверждалась надежными документами. Однако в письме в «Правду» — в том варианте, в каком оно известно, ни слова не говорится о депортации евреев для их спасения от справедливого гнева и искупления их коллективной вины. Версия письма, в которой говорится о депортации, тоже опубликована, но — в фантастической повести В.П.Ерашова, так что является плодом воображения писателя**.

* См.: «Корреспондент “Форвертса” Сергей Рожанский беседует с писателем Аркадием Ваксбергом». «Форвертс», № 464, 2004, 15—21 октября. С. 8.

** См.: Ерашов В. Коридоры смерти. М.: ПИК, 1990; Костырченко Г. Депортация — мистификация. Прощание с мифом сталинской эпохи. «Лехаим», сентябрь 2002, № 9 (125); Этингер Я. Документы — еще не вся правда. По поводу статьи Г.Костырченко. «Лехаим», сентябрь 2002, №9 (125).

Считается, что первоначальный вариант письма в «Правду» не сохранился или пока не найден, а известен сильно смягченный текст. Если так, то все-таки вряд ли первоначальный смысл документа мог превратиться в свою противоположность. В известном же тексте подчеркивается: «русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения СССР является другом русского народа»; «никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие еврейского народа к русскому народу, не удастся рассорить нас с великим русским народом»*. То есть цель письма — заклеймить «врачей-убийц» и продемонстрировать лояльность советского «малого народа» советскому «старшему брату». Не такое обращение «видных евреев» могло бы служить оправданием или поводом для депортации народа.

В книге А.Ваксберга сведено большинство известных свидетельств в пользу того, что депортация готовилась. В их числе свидетельства дочери Сталина Светланы Аллилуевой, высших партийных функционеров того времени Булганина, Пономаренко, Микояна, академика Е.Тарле, писателей Вениамина Каверина, Семена Липкина; следователя по особо важным делам Льва Шейнина. Правда, Шейнин в разгар событий сидел в тюрьме, но позднее «восстановил старые связи с крупными чинами госбезопасности и прокуратуры, которые имели касательство к проведению операции». Приводится также свидетельство профессора Аркадия Полторака, который в узком кругу в присутствии автора «подтвердил и составление списков, и постройку барачных, и готовность товарных эшелонов отправиться в путь». Полторак дополнил «свидетельство Шейнина такой деталью: на домашние сборы каждому давалось не более двух часов, с собой можно было взять только один чемодан или узел, а всех, кто не выдержит трудностей пути — без еды, без тепла, — предписывалось сбрасывать на ходу, когда поезд будет идти вдоль безлюдных полей или лесов, на тридцатиградусный сибирский мороз». Крупный разведчик Б.М.Афанасьев (Атанасов), «старый болгарский революционер, ставший советским шпионом-убийцей», рассказал автору книги, что «на депортацию

* «Вестник», 1997, № 1.

всех московских евреев Сталин отвел три дня». Есть в книге и свидетельство партаппаратчика Н.Полякова о том, что была создана комиссия по депортации евреев, главой ее был М.А.Суслов, а сам Поляков — секретарем*.

Многие из тех же свидетельств, а также свое «глубочайшее убеждение, что Сталин депортацию готовил», неоднократно высказывал историк Я.Я.Этингер — приемный сын одного из «врачей-убийц» Я.Г.Этингера, замученного тюремщиками во время следствия**. А еще раньше их приводил номенклатурный журналист З.С.Шейнис.

Если судить по автобиографической книге Шейниса, то он всю жизнь подвергался гонениям, но при этом был вхож в самые высокие кабинеты — в Кремле, в ЦК, в МИДе, в НКВД. Похоже, что в книге Шейниса подлинные сведения перемешаны с сомнительными и даже вымышленными ради красного словца***. Как показал Г.Костырченко, некоторые «факты», приводимые З.С.Шейнисом как лично ему известные, заимствованы из той же фантастической повести В.П.Ерашова.

Когда сопоставляешь друг с другом свидетельства о готовившейся депортации, то наталкиваешься на значительные противоречия. Чем больше подробностей, тем более они несовместимы с другими подробностями. И почти всегда ускользают первоисточники сообщаемых сведений: люди передавали то, что слышали от других.

На вопрос интервьюера: «Как могло оказаться, что не осталось никаких физических следов (документы, бараки и т.п.) подготовки такого масштабного мероприятия, как поголовная депортация евреев в 1953 году», — А.Ваксберг ответил: «Я полагаю, что никакого решения о депортации (решения в юридическом смысле этого слова) принято еще не было, существовал лишь сталинский замысел, и вождь успел провести только предварительные зондажи»****.

Но если так, то большинство «свидетельств» в пользу реальности планов депортации, приводимых А.Ваксбергом,

* Ваксберг А. Ук. соч. С. 410—430 и дальше.

** См., например, интервью В.Нузова с Я.Я.Этингером. «Вестник», 2004, 17 марта, № 6 (343).

*** Шейнис З. Провокация века. М.: ПИК, 1992.

**** Ружанский С. «Форвардс», Нью-Йорк, 2004, №464, 15—21 октября. С. 8.

неизбежно переходят в разряд малодостоверных слухов. Ведь если замысел еще не начал реализовываться, то не могло быть создано Комиссии по депортации во главе с Суловым (и никаких документальных следов ее деятельности или хотя бы формирования не найдено); распоряжения о составлении списков по домоуправлениям тоже не могло быть дано (и ни одного списка не найдено), а уж такие подробности исполнения, как «два часа на сборы», крушения поездов, трупы, выбрасываемые на мороз, — если и могли бродить в мозгу вождя, то никому не могли быть известны.

Г. Костырченко считает, что «масштабы официального антисемитизма, которые имели место в СССР в начале 1953 г., были предельно допустимыми в рамках существовавшей тогда политико-идеологической системы. Дальнейшее следование тем же курсом, не говоря уже о проведении еврейской депортации, поставило бы страну перед неизбежностью коренных преобразований в советском законодательстве (прежде всего легализации антисемитизма как государственной политики, а значит, и введения национальной дискриминации), чреватых самыми непредсказуемыми последствиями в многонациональной стране»*. На таком основании он отвергает саму *возможность* планирования депортации.

С этим тоже трудно согласиться. Нагнетание антисемитизма отнюдь не достигло в последние месяцы жизни Сталина *допустимого* системой предела. Судилище над «врачами-убийцами» было еще впереди, а, значит, и накал антисемитских страстей должен был достичь куда более высокого уровня. Законодательство же тут вовсе не при чем. В Советском Союзе законы были писаны не для властей; служить препятствием произволу они не могли. Депортация крымских татар, чеченцев и других народов перемен в законодательстве не потребовала — почему же для высылки евреев необходимо было менять законы, да еще коренным образом, да еще с опасными для режима последствиями? Можно было поменять какие-то законы, а можно было не менять: своя рука — владыка.

* Костырченко Г. Ук. соч. «Лехаим», сентябрь 2002, № 9 (125).

Я считаю разумной позицию тех исследователей, которые оставляют вопрос о предполагаемой депортации открытым — в надежде на то, что будущие изыскания позволят его прояснить. Однако, планировал ли Сталин депортацию еврейского населения, или нет, несомненно то, что театрализованное судилище над «врачами-убийцами» готовилось и должно было нанести сокрушительный удар и по евреям, и по братьям-славянам. *Малый народ* травлили, *большой* натравливали — в этом был смысл кампании; процесс был не менее важен, чем результат. Советская власть тем всегда и держалась: поиски врага — разоблачение — всенародная травля — расправа при всеобщем одобрении. Теперь враг был легко узнаваем: не какой-то там троцкист, уклонист или меньшевистствующий идеалист, а просто еврей! И никаких псевдонимов — для полной ясности.

Если первые тридцать лет советская власть «методами пролетарского принуждения» перековывала Абрамов в Иванов, не помнящих родства (Гитлер помог почти завершить этот процесс, физически уничтожив как раз наименее ассимилированную часть еврейства), то на новом витке диалектической спирали пошла обратная перековка. Забывших родство заставили о нем вспомнить — и никогда уже не забывать. Обвинялись-то теперь уже не еврейский язык, не религия, не приверженность традициям, не мечты о Сионе, обвинялась, по точному определению Александра Борщаговского, *КРОВЬ*.

Парадоксально, но перековкой ассимилированных Иванов обратно в Абрамов власть оказала им великую услугу. Проказа «пятого пункта» запирала подавляющее большинство евреев в духовный лепрозорий и тем уберегала от контакта с гораздо худшей заразой — коричневой чумой, которая раздольно распространялась по просторам родины чудесной. Массы, зачумленные страхом и ненавистью к Абрамам, легче было строить в ряды, перестраивать в колонны, вести на штурм зияющих высот национал-коммунизма.

«А нам, евреям, повезло./ Не прячась под фальшивым флагом,/ На нас без маски лезло зло,/ Оно не притворялось благом», — вычеканил Борис Абрамович Слуцкий.

Внезапная смерть Сталина, прекращение «дела врачей», осуждение «культы личности», освобождение и реабилитация тысяч «врагов народа», ослабление страха пошатнули систему тотального идеологического контроля. Ослаб гнет цензуры, возникли прорехи в железном занавесе, возобновились надежды на постепенную либерализацию режима, к одурманенным наркотиком ненависти людям стало возвращаться просветление. Со всем этим должен был потускнеть коричневый цвет, в который Сталин перекрашивал красное знамя. Евреев продолжали зажимать, не пущать, не принимать; продолжали замалчивать их заслуги, военные подвиги, Холокост. Но идеологическая травля сбросила обороты. Наступила *оттепель*, в первые же месяцы угаданная И.Эренбургом.

Однако вынести Сталина из мавзолея оказалось легче, чем «вынести Сталина из наследников Сталина» (Евтушенко). Маховик, приторможенный при Хрущеве, стал снова раскручиваться после его устранения. Бациллоносители коричневой чумы снова пошли очищать сознание россиян от тлетворного «чужебесия». Тон, во всяком случае, в литературе задавала так называемая *Русская партия* 1960—1980 годов, она же партия «государственников» и «монархистов» с партбилетами и особыми связями в аппарате ЦК КПСС, ЦК комсомола, КГБ, Генералитете.

О *Русской партии* теперь имеются солидные исследования*. Не стесняются откровенничать и некоторые ее деятели; с их точки зрения, даже долговременный шеф КГБ и недолгий генсек Юрий Андропов — тайный еврей и гнилой либерал**.

Верховной власти в стране *Русская партия* не достигла, но семена сталинизма сеяла широко, и падали они в хорошо унавоженную почву. Из этой почвы — уже в годы перестройки — взросло национал-патриотическое общество «Память», а из «Памяти» вышли современные партии и движения, «спасающие Россию» от жидо-масонской скверны.

* Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953—1985 годы. М.: «Новое литературное обозрение», 2003.

** Семанов С. Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки. «Вече», 2001; Семанов С. Русско-еврейские разборки. Серия «Наша Родина — Советский Союз». М.: «Алгоритм», 2003.

Чем сильнее коричневая чума внедрялась в общественное сознание россиян, тем «гуще» евреи, защищенные от нее «пятым пунктом», проявляли себя в правозащитном движении, в движении за эмиграцию, в либерально-демократической части интеллигенции. Они распространяли, перепрятывали, пересылали за бугор произведения диссидентов, в первую очередь А.И.Солженицына. Слишком хорошо известно, как «густо» были представлены «лица еврейской национальности» в ближайшем окружении Солженицына: поддерживали его, хранили его архив, перепрятывали рукописи, помогали ему бодаться с дубом советской системы*.

В заключительных главах двухтомника, даже признавая (и, на мой взгляд, преувеличивая) роль евреев в сопротивлении коммунистическому режиму, Солженицын никак не может отлепиться от мифа о жидо-большевизме, погубившем Россию, «которую мы потеряли». Пишет о шестидесятых-семидесятых годах, но *коричневой* составляющей духовного ландшафта той поры не замечает. О той же *Русской партии*, о *сионологии*, внедрявшей «в духовный мир советского человека» зловещие сказки о «сионско-масонском заговоре против социализма», у него нет ни слова. Его голова вывернута назад, взгляд уперт в заветные Двадцатые (удостоенные писаться с заглавной буквы), где так приятно высматривать то, что любо-дорого сердцу:

«Сегодня ясно видеть, что столько евреев было в железном большевицком руководстве, а еще больше — в идеологическом водителстве огромной страны по ложному пути» (т. II, стр. 445);

«В Двадцатые и Тридцатые казалась необратимой сращенность советского еврейства с большевизмом» (т. II, стр. 454);

«Когда-то они лились дружно и настойчиво поддерживать советский режим» (т. II, стр. 440);

«Когда же именно это случилось, что евреи из надежной подпоры этому режиму перекинулись едва ли не в главное противотечение?» (т. II, стр. 440);

«Мы видели слишком многих из них трубачами нашего фанатизма... И без них — еще и сам старей — большевиц-

* См., напр.: Зильберберг И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия, 1976.

кий фанатизм не только потерял в горячности, но даже и перестал быть фанатизмом, он по-русски оленивел, обрежневел» (т. II, стр. 440);

«Теперь все обязаны принять, что они и всегда против этой власти сражались, и не напоминать, как они изрядно послужили этой тирании» (т. II, стр. 454);

«Не слышим раскаяния наших еврейских братьев хотя бы за 20-е годы» (т. II, стр. 484).

То, что евреи не идут толпами в Павлики Морозовы, особенно уязвляет Солженицына. Даже Павел Литвинов, из той отважной семерки, что «потянули свои чугунные ноги на Лобное место 25 августа 1968 года», чтобы «жертвой своей отмыть российское имя от чехословацкого позора» (подумать только: четверо из семерых отмывавших русское имя оказались евреями); так вот, отважный диссидент Литвинов ни разу не заклеил позором своего деда Максима Литвинова, сталинского наркома (т. II, стр. 447). А когда Михаил Хейфец «проявил высоту души» и «отважился высказать призыв к еврейскому раскаянию», поставив в пример «опыт немецкого народа, который не отвернулся от своего ужасного и преступного прошлого, не пытался свалить вину за гитлеризм на других виновников», то призыв его подвергся дружному осмеянию (т. II, стр. 470). Не пожелали *низкие* еврейские души, задрав штаны, бежать за гитлерюгендом, воспользовавшись тем, что тот их не успел додушить!

Веер укоров и поучений евреям у Солженицына всеохватен — мне его не исчерпать. Да и надо ли исчерпывать? «Протянутое рукопожатие» Солженицына опасно не для евреев. В его двух томах еще раз перелопачены давно известные мифы и предрассудки — одним перелопачиванием больше, только и всего. Его «рукопожатие» опасно для России, особенно в наше время, когда ее самосознание столь сильно травмировано ввиду затянувшегося системного кризиса.

В сегодняшней России группы фашиствующих молодчиков устраивают погромы на рынках и еврейских кладбищах, поджигают синагоги, избивают и убивают иностранных студентов и вообще иностранцев, «кавказцев»,

правозащитников. Их идейные вдохновители открыто публикуют смертные «приговоры» «недругам России», и даже когда такие приговоры приводятся в исполнение, виновных «не находят». В стране издаются сотни красно-коричневых и просто коричневых газет, публикуется и широко распространяется «классика» антисемитизма и нацизма — от «Протоколов сионских мудрецов» до «Майн Камф» Гитлера. Это не подпольные издания: издатели не скрывают ни своих имен, ни адресов. Однако все попытки привлечь к суду подстрекателей к национальной вражде торпедируются прокуратурой, а когда это не удается, судебные разбирательства превращаются в фарс. Травля «малого народа», создание из евреев «образа врага» России стали профессией для большого круга интеллектуалов и политических деятелей — от академика И. Шафаревича до «историка» О. Платонова, бывшего первого секретаря СП СССР В. Карпова, бывшего министра печати России, ныне сопредседателя так называемой национально-державной партии Б. Миронова, другого сопредседателя той же партии А. Севастьянова, редактора и издателя В. Корчагина, литератора и редактора газеты «Дуэль» Мухина, писателя и редактора газеты «Завтра» А. Проханова и целого сонма других «интеллектуалов»*. Опросы общественного мнения фиксируют неудержимый рост ксенофобии и антисемитизма и столь же стремительный рост популярности Сталина и «сталинских соколов».

«Нельзя освободить народ внешне больше, чем он свободен внутренне», — предупреждал в свое время Герцен, и сколь же провидческими оказались эти слова! В августе 1991 года Россия сумела сбросить с себя ярмо коммунистического режима, но очень скоро оказалась в духовном тупике, что в значительной мере определяется недостатком внутренней свободы — от предрассудков, ненависти, от тоски по «сильной руке». Выход из тупика станет намечаться лишь тогда, когда интеллектуальная элита России

* Идеология и деятельность некоторых из них освещены в моих книгах: «Красное и коричневое» (Вашингтон, «Вызов», 1992); «The Nazification of Russia» (Washington, “Challenge Publications”, 1996); «Пастление ненавистью» (Москва-Иерусалим, «Даат-Знание», 2001), что избавляет от необходимости останавливаться на этом подробнее.

перестанет искать виновных на стороне, а примется за тяжелую работу своего собственного внутреннего освобождения.

Двухтомник Солженицына тут не в помощь. Скорее, наоборот. Писатель присоединил свой голос к тем, кто заталкивает страну глубже в пропасть, хотя она и без того не делает достаточных усилий из нее выбраться. А ведь Солженицын считает себя патриотом, претендует на то, что знает, «как нам обустроить Россию», и вообще знает, «как надо».

Народная мудрость глаголет: *Упаси меня, Боже, от таких друзей, а с врагами я и сам справлюсь.*

Вместо заключения

Завершая заметки на полях двухтомника А.И.Солженицына, я хочу рассказать кое-что из своей биографии: невесть какие важные вещи *для города и мира*, но для меня — судьбоносные.

В 1960 году, когда я был студентом Московского инженерно-строительного института, но на лекциях почти не бывал, просиживая целые дни в редакции институтской многотиражки под не очень аппетитным названием «За строительные кадры», в эту газетку пришло письмо из отдела науки «Комсомольской правды». В нем говорилось, что «Комсомолка» хочет привлечь к сотрудничеству студентов технических вузов, умеющих и любящих писать. Опыт газеты показывает, говорилось в письме, что тем, кто пишет о науке, научно-технические знания важнее диплома факультета журналистики. Аналогичные письма были разосланы в многотиражки других технических вузов.

В назначенный день и час на шестом этаже здания «Правды», в Голубом зале, за огромным столом, собралось около двадцати студентов. Во главе стола сидел заведующий отделом науки Михаил Васильевич Хвастунов, уже упоминавшийся на этих страницах. Это был большой, тучный и (как я потом мог убедиться) душевно щедрый человек, а рядом с ним штатные сотрудники отдела: Ярослав Голованов (позднее автор известных книг об освоении космоса

и космонавтах, биограф главного конструктора Королева, незадолго перед кончиной выпустивший трехтомник интереснейших дневников и воспоминаний) и Дмитрий Биленкин, ставший позднее писателем-фантастом. (К сожалению, ни одного из них уже нет в живых.)

Хвастунову тогда было лет 45. На его счету был десяток популярных книг о науке, переведенных на многие языки (он писал под псевдонимом М.Васильев), а его сотрудники были всего на четыре-пять лет старше нас, студентов. Собравшиеся читали стихи, рассказы, заметки, юморески. Волновались, как на экзамене, и, стараясь этого не показывать, много остряли. Засиделись далеко за полночь. Подводя итог этому «смотрю молодых сил», Михаил Васильевич (МихВас, как все его звали) сказал:

— Безднадежных здесь нет. Двери отдела науки для вас всегда открыты. Мы вам поможем. Остальное будет зависеть от вас. За каждую опубликованную строчку мы платим. (Последнее было немаловажно, учитывая мизерность наших стипендий.)

Мы стали бывать в отделе науки, но большинство через какое-то время отсеялось. Остался костяк из шести-семи человек. В отделе науки стояло три рабочих стола, несколько стульев, большой кожаный диван и — постоянный треп. Рассказывали анекдоты, забавные истории. МихВас часто читал наизусть стихи поэтов серебряного века, которых хорошо знал, — лучше всего Брюсова и запретного Гумилева. У МихВаса, Димы и Славы всегда для нас было время. Было загадкой, когда они собственно работают. Впрочем, в горячие дни — для отдела науки это были дни космических запусков — они работали быстро, споро, и всем, кто приходил в такой день, хватало дела: мы помогали вычитывать гранки, рубить «хвосты», придумывать заголовки, аншлаги; поздно ночью нас развозила по домам редакционная «Волга».

Мои рукописи чаще редактировал Дима Биленкин, реже — Слава Голованов. Дима был замкнут, суховат, слегка ироничен, требователен. Слава был более снисходителен. Но оба сажали меня рядом с собой, и фраза за фразой перебирали весь текст. Удалялись языковые штампы, лишние слова, иной раз перестраивалась композиция. Это была школа, стоившая нескольких университетских дипломов.

Через какое-то время я печатался в «Науке и жизни», «Технике молодежи», в других изданиях. Окончив институт, я — по распределению — попал на водопроводный участок №13 в подмосковном Люблино, работал сменным инженером, но будущего уже не мыслил вне печати и литературы.

О том, что в «Комсомолке» пасется молодежь, разбирающаяся в естественных науках, было известно во многих редакциях, и когда появлялось штатное место, звонили МихВасу. Его рекомендации весили много, и постепенно весь наш выводок разошелся по разным изданиям — от «Пионерской правды» до ТАСС, от журнала «Изобретатель» до «Известий». Все — кроме меня, хотя с некоторого времени МихВас именно меня сватал особенно усиленно, не скупясь на похвалы. Все понимали, хотя и не говорили вслух (во всяком случае, при мне), что мне «не везет» из-за пятого пункта. Но МихВас не сдавался. В журнале «Советский Союз» я даже начал работать — условно, на волонтерских началах. Сделал два больших материала, в их числе очерк о работах известного генетика Б.Л.Астаурова, получившего тогда «диплом на открытие». Открытие — действительно крупное — было им сделано еще в 1947 году на тутовом шелкопряде, но лысенковцы его подвергли остракизму. И вот, с опозданием на 15 лет, оно получило официальное признание. Появилась возможность «вставить перо» всеильному Трофиму Денисовичу.

Для оформления меня в штат ждали возвращения из-за границы главного редактора журнала Николая Грибачева. Плохой поэт и закоренелый сталинист, сделавший карьеру на погроме космополитов (зловещая тройка Кочетов—Софронов—Грибачев), он в основном представлял, разъезжал по свету, в текущую работу журнала не вникал и рядовых сотрудников едва замечал. Полагали, что коль скоро заведующий отделом науки и ответственный секретарь хотят меня взять, главный подмахнет не глядя. Но бдительный цербер знал свое дело...

В 1962 году в редакции книжной серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» открылась штатная единица редактора.

«Молодая гвардия» была самым реакционным из центральных книгоиздательств. Ее продукция была выдержана

в духе ортодоксальной партийности, во главу угла ставилось ура-патриотическое воспитание молодежи. Соответственно подбирались штатные работники и внештатные авторы. Серия ЖЗЛ была животворным оазисом в этой пустыне. Заведовал редакцией Юрий Николаевич Коротков — человек вулканического темперамента и неумной энергии. Серия, как известно, была основана Максимом Горьким, но в атмосфере позднего сталинизма, когда каждое живое слово вытравлялось как покушение на единственно верное учение, она захирела. Выходило по три—четыре книги в год, в основном это были помпезные тома о «русском приоритете», густо усыпанные цитатами из классиков марксизма.

Возглавив редакцию в начале хрущевской оттепели, Коротков ее возродил из пепла. Но заметно хромал «бесхозный» раздел биографий ученых. Все сотрудники были гуманитариями, естественные науки их мало интересовали. Выбив дополнительную штатную единицу, Коротков решил подтянуть этот раздел.

Он проинтервьюировал многих и остановил свой выбор на некоем Саше Левине, работавшем, кажется, на студии научно-популярных фильмов. Но когда дошло до его оформления в штат, директор издательства (директора часто менялись, в ту пору был Ю.С.Мелентьев, затем ставший министром культуры РСФСР) поморщился и предложил подыскать кого-нибудь другого.

— В чем дело, — спросил Коротков, — чем он тебя не устраивает?

— А вот видишь, — ответил Мелентьев, — у него в трудовой книжке записан выговор за опоздание на работу.

— Но это было пять лет назад, выговор давно снят.

— А все-таки — был выговор!..

Это лицемерие возмутило Короткова. Придя в свою маленькую редакцию, он дал выход распившему его гневу:

— Если бы он прямо сказал, что не хочет брать еврея, я принял бы это к руководству. Но он не хочет еврея с выговором, так я найду без выговора.

«Евреем без выговора» оказался я.

Не буду говорить о трудностях, которыми сопровождалось мое оформление, но случай был уникальный. За де-

сять лет работы в «Молодой гвардии» я был единственным евреем на все книжные редакции, а после моего ухода не осталось ни одного. Но еще за три года до меня заставили уйти Короткова. Поскольку доброе дело не остается безнаказанным, то именно моя книга «Николай Вавилов», признанная *идеологически вредной* (то есть более правдивой, чем власти хотели допустить), послужила одним (хотя и не единственным) из поводов к его изгнанию*. Надо было знать Короткова, знать, как дорога была ему серия ЖЗЛ, чтобы понимать, каким это было для него ударом!

Выпуская мою книгу — сильно урезанную, но все-таки опасную, ибо шел 1968-й год, когда советские танки вторглись в Чехословакию, и из Кремля тянуло не то что холодом, а трескучим морозом, — Коротков понимал, чем рискует. Мы пытались заслониться внутренними рецензиями, но верстка застряла у одного академического вельможи. Он долго меня избегал, а когда мне удалось до него дозвониться, сказал: «Я прочитал вашу книгу. Она не может быть издана. Сейчас, в свете чехословацких событий это невозможно!» Я заметил, что в книге ни слова нет о чехословацких событиях, на что последовала фраза, которую невозможно забыть: «А вот это неправильное заявление. Это полемическое заявление!»**.

Разговор я передал Короткову. Он мрачно усмехнулся и — подписал корректуру в печать, — в какой-то мере, приговор самому себе...

На место Короткова был взят «правильный» человек, «патриот», Сергей Николаевич Семанов.

Судя по недавней публикации Семанова в журнале «Наш современник», он получил доступ к «Особой папке» (то

* Директором издательства в это время был Валерий Ганичев, ныне глава национал-патриотического Союза писателей России. Как теперь стало известно, он был одним из лидеров Русской партии. Либерально-демократическая линия серии ЖЗЛ ему стояла костью в горле, он копил компромат, чтобы избавиться от Короткова. В вину ему были поставлены еще две книги, вышедшие раньше моей: «Чаадаев» Александра Лебедева, подвергнутый разносам-доносам в «патриотической» прессе, и «Брехт» Льва Копелева: книга вышла в свет уже после того, как автор был занесен в черный список «подписантов» (он подписал письмо в защиту А.Синявского и Ю.Даниэля). Мой «Вавилов» стал последней каплей, переполнившей чашу.

** Подробнее этот эпизод рассказан в моей книге «Дорога на эшафот». Нью-Йорк, Третья Волна, 1983. С. 18.

есть наиболее секретным документам) брежневского Политбюро. Наряду с материалами, раскрывающими закулисную возню вокруг таких памятных событий, как высылка А.И.Солженицына и ссылка А.Д.Сахарова, в его статье опубликован такой документ:

«Дорогой Леонид Ильич!

Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура, которая представляет историческую основу, главное богатство социалистической культуры нашей страны. Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского многонационального государства, показать его духовно немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству.

Особенно яростно, активно ведет атаку на русскую культуру мировой сионизм, как зарубежный, так и внутренний. Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру, противопоставление русского социалистическому. Симптоматично в этом смысле появление на советском экране фильма А.Митты «Как царь Петр арапа женил», в котором открыто унижается достоинство русской нации, оплевываются прогрессивные начинания Петра I, осмеиваются русская история и наш народ. До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными. Чрезвычайно трудно, а часто невозможно устроить выставку русского художника патриотического направления, работающего в традициях русской реалистической школы. В то же время одна за другой организуются массовые выставки так называемого «авангарда», который не имеет ничего общего с традициями русской культуры, с ее патриотическим пафосом...

Деятели русской культуры, весь советский народ были бы Вам бесконечно благодарны за конструктивные усилия, направленные на защиту и дальнейшее развитие ве-

ликого духовного богатства русского народа, являющегося великим завоеванием социализма, всего человечества.

С глубоким уважением, Михаил Шолохов.

*14 марта 1976 г.»**

Приведя это послание, Семанов добавляет: «Ныне к этому письму уже необходимы некоторые пояснения. Фильмик про царя Петра и его арапа вызвал по выходе в 1976 году большой, хоть и негромкий скандал. Режиссер А.Митта (Рабинович) единственным достойным наследником Петра Великого показал его арапа в исполнении Владимира Высоцкого. Суть картины очевидна: в дикой России только нерусский человек может быть умным и благородным. Сценарий слепили опытные драмоделы Ю.Дунский и В.Фрид, а взвинченную музыку сочинил А.Шнитке — будущий “великий гений”, а тогда лишь скромный лауреат Госпремии РСФСР имени Н.К.Крупской**». И затем самое интересное: «Русофобское это киноизделие тогда вызвало многочисленные письменные протесты. В августе 1970 года [в дате явная путаница] автор данной статьи [то есть сам Семанов] привез эти материалы к Шолохову в Вешенскую***. (Курсив мой. — С.Р.)

Итак, Семанов расписывается в том, что шолоховский донос был инспирирован лично им! А дальше он многословно возмущается тем, что в ЦК не сумели оценить порыв советского классика. По его словам, «русско-патриотическим заботам писателя дали полный отлуп». «“Изображать дело таким образом, что культура русского народа подвергается ныне особой опасности, связывая эту опасность с ‘особенно яростными атаками как зарубежного, так и внутреннего сионизма’, — означает определенную передержку по отношению к реальной картине совершающихся в области культуры процессов. Возможно, т. Шолохов оказался в этом плане под каким-то, отнюдь не позитивным, влиянием”», — заключил секретарь ЦК М.В.Зимянин****.

* Семанов С. Идеологические “качели”. «Наш Современник», 2002, № 11, компьютерная распечатка. С. 6—7.

** Там же. С. 7.

*** Там же.

**** Там же.

И ведь правильно заключил! Товарищ Шолохов оказался под влиянием специально приехавшего к нему товарища Семанова. Что не мешает Семанову задним числом негодовать: «Вот как! Писателю уже шьют “групповщину”. А никакого сионизма в СССР нет. Тысячи граждан в Израиль не уезжают. И Высоцкий, исполняющий в русофобском фильме Митты главную роль, не носит постоянно галстук с могоендовидом»*.

Думаю, теперь понятно, в какие патриотические руки попала серия ЖЗЛ. Правда, перевести ее на красно-коричневый путь Семанову удалось не сразу, хотя он рьяно взялся за дело. Биографический жанр трудоемок, книги пишутся долго, у серии был большой момент инерции. В редакцию продолжали поступать договорные рукописи, заказанные при Короткове, а черносотенная (прошу прощения — *патриотическая*) продукция стала поступать лишь года через два-три. Тогда уже оставаться в серии мне было немыслимо.

Какое отношение это имеет к книге Солженицына?

Попробую объяснить.

Исходный посыл двухтомника состоит в том, что существует «каленный клин» «еврейско-русских вопросов» и что «каленость» эта вызвана взаимными обидами и претензиями двух народов.

Я пытался показать фундаментальную ложность этого исходного тезиса. У евреев — как у *народа* — нет и не может быть никакого счета к русскому и любому другому народу, хотя у них есть — и навсегда останется неоплаченным — счет к антисемитам.

«Вопросы русско-еврейских отношений» создаются искусственно теми, кто, нагнетая ненависть к *малому народу*, выдает себя за «ум, честь и совесть» *большого народа*. Конечно, и среди евреев имеются неумные прямолинейные люди, принимающие это за чистую монету. Они либо верят клевете и сами начинают клеветать на свой народ (а потом уже на них ссылаются, как на «еврейские источники»), либо верят тому, что ненавистью к евреям одержим весь русский народ, а не самозванцы, присвоившие себе право выступать от его имени. Но, как писал после

* Семанов С. Ук. соч. С. 7.

Кишиневского погрома Владимир Жобатинский, «фигура народа царственна и не подлежит ответственности». То есть в погроме повинны конкретные погромщики, подстрекатели, власти, а не весь народ.

У меня никогда не было и не могло быть счета к прекрасному, доброму, душевно щедрому русскому человеку Михаилу Васильевичу Хвастунову, или к Юрию Николаевичу Короткову, или к Ярославу Кирилловичу Голованову, к подавляющему большинству моих коллег по отделу науки «Комсомолки», по редакции ЖЗЛ, по другим редакциям, как к большинству моих нелитературных друзей, знакомых, сослуживцев, соучеников. Но у нас у всех — евреев и русских — был и остается счет к начальственным держимордам, к идеологам погрома типа Грибачева, Семанова, Шолохова — не того Шолохова, который написал «Тихий Дон» (если он его написал!), а того, кто в военную годину разносил молву об «Абрамах в Ташкенте», кто двадцатью годами позже громко призывал к «революционной расправе» над Синявским и Даниэлем, а через тридцать лет тихо подписал привезенный ему Семановым донос на создателей «сионистского» фильма и, вероятно, немало похожих доносов.

Когда мы читали в слепых самиздатских копиях романы Солженицына, когда ловили иностранные радиоголоса, чтобы узнать о том, как бодается отважный теленок с дубом советской системы, то все наше горячее участие было на его стороне — независимо от того, кто из нас был русским и кто евреем.

А (уходя глубже в историю) какие претензии, какие счета могут быть у евреев, например, к писателю и православному священнику С.И.Гусеву-Оренбургскому? А вот к В.В.Шульгину — одному из тех, кто развязал в России междоусобную бойню, лживыми публикациями подстрекал к погромам, а потом лицемерно их осуждал, — есть очень серьезный счет и у русских, и у евреев. Вряд ли надо объяснять, «что нам в нем не нравится».

В дореволюционной России, которая так любя Солженицыну, травля евреев, дискриминация, ограничительные законы, погромная агитация, распространение мифов о жидо-масонском заговоре, об иудейских ритуальных убий-

ствах, о еврейском засилье, спаивании, так называемой еврейской эксплуатации, уклонении от воинской повинности, о ведущей роли евреев в революционном движении — были не самоцелью, а оружием борьбы властей против *русского* народа. Натравливание на евреев было лучшим способом держать его в узде, ибо, как отмечал Герцен, не может быть свободным народ, порабащивающий другие народы. То же самое многократно усилилось в Советской России, хотя поначалу и маскировалось борьбой «атакующего класса» с «буржуазными элементами», но среди них евреи были представлены особенно «густо», тогда как во власти участвовала лишь горстка «отщепенцев», да и тех стали изгонять железной метлой, как только появилась первая генерация образованцев «коренной» национальности. А в позднесталинскую и последующую эпоху евреев *назначали* врагами России (или врагов системы назначали евреями): космополитами, сионистами, низкопоклонниками, наймитами, литературными власовцами, Солженищерами.

Суть происходившего и до и после 1917 года лучше всех выразил В.Г.Короленко — в обращении «К русскому обществу» в связи с делом Бейлиса. Я его цитировал, но не вижу греха повторить:

*«Те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа, всего настойчивее будят в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народного мнения, ни народных прав, готовые подавить их самыми суровыми мерами, — они льстят народным пред-
рассудкам, раздувают суеверие и упорно зовут к насилиям над иноплеменными соотечественниками».*

Солженищын этого не понимает, либо, понимая, не принимает. В первом томе дилогии он исходил из того, что царь и народ — едины, власть и народ — едины, а воду мутят всякие «отщепенцы», преимущественно евреи, хотя, попадают среди них и русские. Во втором томе песочные часы перевернуты, здесь власть, «густо окрашенная» евреями и опирающаяся на еврейство, обрушивает неисчислимые кары на *русский* народ.

Так мы приходим к тому, с чего начали. Из широкого спектра различных течений и настроений российской об-

шественной мысли Солженицын наследует не ту традицию, выразителями которой были А.Герцен, Л.Толстой, В.Короленко и десятки других деятелей *гуманистического* направления, а традицию «патриотов» типа М.О.Меньшикова, В.В.Шульгина, А.С.Шмакова и родственников им идеологов.

Согласно интернетовской gazeta.ru, «главную идею книги [Солженицына] можно пересказать одной фразой: ответственность за “великий перелом” России в XX веке вместе с русскими делят и евреи; и тем и другим необходимо раскаяние, “раскаяние взаимное — и ВО ВСЕЙ ПОЛНОТЕ СОВЕРШЕННОГО”».

Главная или не главная это идея, — можно спорить, но бесспорно то, что такова, по крайней мере, *одна* из его идей, причем раскрыта она односторонне, ибо евреям Александр Исаевич предъявляет длинный, с бухгалтерской скрупулезностью составленный счёт, их вины *густо окрашивают* все тысячу сто страниц; а ответственность русских только абстрактно декларируется. Но если бы она не только декларировалась, это мало бы что исправило. Русским надо каяться перед самими собой. Да и не каяться, а осознать собственные ошибки и заблуждения, без чего невозможно их преодоление.

Я, как умел, показал, что «великий перелом» в России произошел в результате самоубийственной, саморазрушительной политики царя и его окружения. Царский режим был антинародным, и такой же была его политика; потому ни русский народ, ни еврейский, ни какой-либо другой ответственности за нее не несет. А если бы и можно было говорить о *народной вине* в каком-то высшем, метафизическом плане, то непонятно, в чем следует ее видеть — в том ли, что народ слишком долго терпел царский режим, или в том, что его сбросил. То же самое относится к большевистскому режиму, который народ, слава Богу, тоже сбросил, да снова получил не то, на что надеялся. В любом случае, под железной пятой большевизма *все* народы России искупили свою гипотетическую вину такими колоссальными жертвами, что колоть им ею глаза — жестоко и немилосердно.

Раскаяние — акт индивидуальный, интимный. Оно не может быть взаимным. Оно требует внутренней сосредото-

ченности, а не ревнивых оглядок на соседа: *во всей ли полноте совершенного* он кается, или не во всей? Столь же ли *он* усерден в своем раскаянии, как я? Не обвешивает ли меня втихомолку? А вдруг недодаст кусочек своего раскаяния, а я передам! *Такое* «раскаяние» — мелочный торг, а не духовное очищение.

Повторю еще раз: у меня нет ни малейшего намерения оправдывать евреев, которые лично участвовали в преступлениях коммунистического режима, как нет и потребности каяться за их грехи. (Свои бы грехи осознать, в них бы найти силы покаяться.) И, тем более, у меня нет стремления умалять причастность евреев к тем потрясениям, которые переживала Россия до революции, во время революции и после революции, или к тому, что страна переживает сегодня. Евреи жили в одной стране с русским и другими народами царской, а затем советской империи; значит, содействовали всему хорошему и плохому, что происходило. Образовательный ценз у них был более высоким, чем в среднем по стране, потому и участие их *во всем значимом* (в революции и контрреволюции, в разрушении и созидании, в межпартийной и внутрипартийной борьбе, в науке и искусстве, в литературе и журналистике, в экономике и медицине) было относительно более весомым. Нравились они кому-то или не нравились, но они были такими, какими были, и иными быть не могли. Перефразируя известный афоризм, можно сказать: человечество в целом, каждая страна в отдельности и Россия в особенности имели, имеют и будут иметь таких евреев, каких они заслуживают.

Поиски виноватого за соседским забором — это верный путь к повторению прошлого. Для того чтобы это прошлое *преодолеть*, требуется прямо противоположное: осознать и трезво его оценить: *to come to terms with the past**, как говорят американцы.

Русскому самосознанию это не очень свойственно. Значительной части россиян хочется верить, что причина их бед — вовне. На классический вопрос «Кто виноват?» наготове ответ: варяги, татары, немцы, «малый народ», Запад, Америка, кавказцы, даже латыши и мадьяры. Только

* Прийти к трезвому осознанию прошлого (*англ.*).

не сами русские! Отсюда и ответ на вопрос «Что делать?» предельно прост: «Ничего не поделаешь». Отсюда же и бес- сильная, застывшая свет злоба: «Ату их всех!» Сегодня она реализуется в чеченской войне, в бесчинствах скинхедов, в ненависти к Америке, само собой, к евреям, к русским правозащитникам, пытающимся противостоять ненависти, — к ним-то больше всего. А пока громогласно подсчитывают процент еврейской крови в жилах того или иного «олигарха», в стране сокращаются рождаемость и продолжительность жизни, растет число беспризорных детей и детская проституция, процветает коррупция, укрепляется «вертикаль власти» взамен горизонтальных прав личности, улетучиваются остатки независимой прессы.

Во вступительной главе ко второму тому Солженицын «неизбежно останавливается перед вопросом: «“кто есть еврей?”, “кого считать евреем?”» (т. II, стр. 5). Почему этот вопрос не возник в начале первого тома, а только в начале второго, — неясно, но не это важно. Вопрос этот может иметь практическое значение, например, юридическое — там, где существуют особые законы для евреев и неевреев, или религиозное, когда речь идет об обрядах заключения брака, похорон и т.п. В *нравственном* же аспекте тут останавливаться не перед чем: «Поэты — жида!» (М.Цветаева). Каждый порядочный человек, тем более интеллигент, тем более писатель-гуманист, отождествляет и будет отождествлять себя с еврейством до тех пор, «когда навеки похоронен будет/ последний на земле антисемит» (Е.Евтушенко), да ведь не дожидаться нам этого времени!

Солженицын считает, что Евтушенко «своим “Бабым Яром” причислил и себя к евреям по духу» (т. II, стр. 430). Что ж, каждый понимает в меру... своего понимания. Я полагаю, что поэт, в свой поистине звездный час — отнюдь не как *еврей по духу*, а как *настоящий русский*, — создал произведение, конгениально продолжающее лучшие традиции великой русской литературы.

В свои звездные часы и Александр Солженицын создал ряд выдающихся произведений в русле тех же традиций. Они навсегда останутся не только в литературе, но и в общественном сознании. Но не «Двести лет вместе». Эти два тома написаны не с добрым сердцем, а с камнем за

пазухой. Если их будут вспоминать историки и литературоведы, то как пример творческого и общественного падения большого писателя. Двенадцать лет А.И.Солженицын потратил на эту книгу, опирающуюся на тысячи односторонне подобранных, а часто и подтасованных источников, и не заметил, как по ходу этой доблестной работы из бывшего зэка сам превратился в конвойного!..

Оглядываясь на пройденный им путь (а ведь это наш общий, целого поколения путь!), я испытываю горечь. Больно. За державу обидно. За русскую и еврейскую интеллигенцию. Эти тысяча сто страниц — не только личная неудача писателя Александра Солженицына. Он ведь не один из *многих* писателей. Он один из *немногих*. *Единственный*. Аккумулирующий в себе слишком многое. Его беда — это российская беда. Его творческая деградация — наша общая деградация.

Спазмы перехватывают горло, когда вспоминаешь — какое было начало! Какой потрясающий взлет! Какая высота духа достигнута была в одночасье, всего-то одним прыжком, одним взмахом крыла, *ОДНИМ ДНЕМ Ивана Денисовича!* И такое долгое, медленное, неумолимое скольжение под уклон, по коричневому треку, в трясину ненависти протяженностью в *ДВЕСТИ ЛЕТ!*..

«Повторяю, как лепил и большевикам: не тогда надо стыдиться мерзостей, когда о них пишут, а — когда их делают», — говорит Солженицын (т. II, стр. 335). Это хорошо залеплено! Но забыто главное: для писателя — *писать неотделимо от делать*. Ибо «*СЛОВО ПИСАТЕЛЯ ЕСТЬ ДЕЛО ЕГО!*» (Пушкин).

СЕМЕН РЕЗНИК
ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ И ШЕСТЬ
ПУДОВ ЕВРЕЙСКОГО ЖИРА

1.

В связи с выходом в свет первого тома книги А.И.Солженицына «Двести лет вместе», главный редактор еженедельника «Московские новости» В.Лошак побеседовал с автором. Среди многого другого, в интервью было и такое место:

В.Лошак: *«Приведу вам пример более простой прямой провокации. Недавно у нас в “Московских новостях” появился человек, оставивший книгу “Александр Солженицын “Евреи в СССР и в будущей России”». Из этого опуса следует лишь одно: ваше авторство просто фальсифицируют».*

А.Солженицын: *«Это хулиганская выходка психически больного человека. В свою пакостную желтую книжицу он рядом с собственными “окололитературными” упражнениями вlepил опус под моим именем. Ситуация настолько вываливается за пределы цивилизованного поля, что исключает какой бы то ни было комментарий, а от судебной ответственности этого субъекта спасает только инвалидность»*.*

Итак, читателей предупредили: *осторожно, подлог!* Солженицыну приписан «пакостный опус», к которому он отношения не имеет.

Что ж, такое происходит не впервой! Я писал в свое время, что как булыжник — оружие пролетариата, так подлог — основное оружие антисемитов. Достаточно вспомнить сфабрикованные царской охранкой и приписанные неким главарям еврейства «Протоколы сионских мудрецов» или приписанную В.И.Далю «Записку о ритуальных убийствах», не говоря о сонме менее знаменитых апокрифов, чтобы не удивляться тому, что фальсификаторы могли воспользоваться и громким именем Солженицына.

* «Московские новости», 19—25 июня 2001 г., № 25.

Правда, кое-что в приведенных строках озадачивало. Чувствовалась недоговоренность, нестыковка. Из слов интервьюера следовало, что фальшивка, неизвестно кем состряпанная, издана отдельной книгой, тогда как интервьюируемый сказал, что «опус» «влеплен» в книгу другого автора, причем вовсе не анонимного. Было очевидно, что личность этого автора известна (Солженицын даже осведомлен о его здоровье), но имени его не называлось. В.Лошак определил издание апокрифа как «прямую провокацию» против Солженицына (о том, что это провокация против евреев, он, видимо, не подумал), тогда как Александр Исаевич квалифицировал эту акцию как хулиганство пополам с умопомешательством.

Но стоило ли придавать значение мелким противоречиям, если было четко заявлено, что Солженицын к «опусу» не причастен? И вдруг — почти два года спустя — в московской газете «Еврейские новости» появилось Открытое письмо А.И.Солженицыну о том самом «опусе». Оказалось, что он опубликован в книге Анатолия Сидорченко «Soli Deo Gloria». Автор открытого письма Николай Проппирный писал, что в этом «опусе» и во втором томе «Двухсот лет вместе» имеются *текстовые совпадения*, «а глава “В лагерях”, слегка расширенная, — так и вообще перекочевала слово в слово»*. Автор просил Солженицына прокомментировать ситуацию, «вываливающуюся за пределы цивилизованного поля».

Хотя никаких объяснений не последовало, я отнесся к письму Н.Проппирного с долей скептицизма. Что значит — «перекочевала слово в слово»? Не мог же такой опытный конспиратор, как Солженицын, закаленный в литературных и нелитературных баталиях, допустить столь явный прокол! Положим, что работа, изданная в 2000 году под его именем, — не фальшивка. Но он же от нее публично отказался! Что же мешало ему при подготовке к печати второго тома «Двухсот лет» переиначить совпадающие места, чтобы затушевать родство этих двух работ!

В каталоге Библиотеки Конгресса книги Сидорченко не числится; найти ее в других библиотеках США мне тоже не удалось. Спасибо московским друзьям, приславшим ксерокопию той части книги, которая опубликована под именем А.И.Солженицына, а с ней и аннотацию ко всей книге**.

Из аннотации следует, что фолиант издан за счет самого Анатолия Сидорченко (видать, бессребреник!) и состоит из трех разделов: первый — работа А.Солженицына “Евреи в СССР

* Опубликовано также в «Вестнике», 2003, №7.

** Сердечная благодарность В.Каджая за предоставление этого материала.

и в будущей России”, а два других принадлежат перу самого публикатора: “Soli Deo Gloria” и “Тиходонская трагедия писателя Федора Крюкова”*.

Сидорченко заявляет себя «горячим поклонником Солженицына», а свои собственные творения именуется «плодотворным откликом на творчество великого писателя со стороны творческой личности другого поколения “родом из войны”» (стиль автора — С.Р.). По его словам, первая из вошедших в книгу его собственных работ «продолжает солженицынское рождение русской евреелогии — науки о евреях»; вторая же — «посредством дальнейшего развития магистральных идей Солженицына по “тиходонской” проблеме наконец-то кладет конец всем загадкам и тайнам “Тихого Дона”» (снова стиль автора. — С.Р.)**.

Как видим, г-н Сидорченко хотя и упивается собственными творческими достижениями на поприще *евреелогии*, но свое место знает. Пальму первенства он отдает великому вдохновителю и организатору магистральных побед. Потому и открывает книгу «шедевром Александра Солженицына о евреях: взгляд 1968 года»***.

Взгляд 1968 года?

Это интересно! Подделать текст объемом 72 страницы книжного формата (больше четырех печатных листов!) под стиль и реалии столь отдаленного прошлого — задача не из легких. Надо досконально знать специфические реалии того времени, четко представлять настроения, дискуссии, споры, атмосферу конца 1960-х. Причем, не только официальную атмосферу, но и ту, что превалировала в диссидентских и полудиссидентских кругах, близких Солженицыну. И ни в чем не промахнуться, не допустить никаких более поздних наслоений. Стоит упомянуть что-то относившееся, допустим, к 1969—70-му году, и сразу же обмишуришься! Между тем, датировка работы определена не только в предваряющей ее аннотации, но и в итоговых строчках текста, приписанного Солженицыну. Для автора (кто бы им ни был) это важный опознавательный знак:

«1-я редакция — дек. 1965 г.

2-я редакция — сент./дек. 1968 г. пос. Рождество-на-Истье»****.

Не слишком это ли большой риск для фальсификатора?

Я не имел ни возможности, ни желания провести полную историко-литературо-источниковедческую экспертизу текста, но

* Сидорченко А. Soli Deo Gloria. М.: «Печатный двор», 2000. С. 2.

** Там же.

*** Там же.

**** Солженицын А. Евреи в СССР и будущей России. В кн.: Сидорченко А. Ук. соч. С. 74.

читал его вьедливо. Ни одной подробности, которая бы указывала на более позднее написание этой работы, я не обнаружил.

Затем — язык, стихия языка! Прозе-публицистике Солженицына свойственен особый, несколько архаичный, вернее архаизированный, ни на кого не похожий, — стиль. Кое-кому он представляется нарочитым, но это дело вкуса. Я лично считаю, что своим неповторимым слогом — не только содержанием! — Солженицын внес в многоцветную палитру русской литературы особые тона. Его повествовательная манера остро своеобычна. Надо быть лишенным обоняния, чтобы не чувствовать острого аромата солженицынского слова. И вот работе, о которой мы говорим, присущ этот аромат. Вчитаемся хотя бы в ее зачин:

«Обломистый, острозубый, неухватистый камень, который и поднять нам как-будто не по силам и не поднять — нельзя» (стр. 3).

Или чуть дальше:

«Но едва мы отсалим все живые ветви окраин и захотим остаться одним стволом, в своем доме одни — как узнаем, что не все национальные переплетения мы распутали: еврейское — останется. Тут-то и натянутся до звона его нити, и всегда больные, всегда напряженные» (стр. 3).

Если это подделка *под* Солженицына, то очень умелая, выполненная мастером стилизации, владеющим пластикой русской речи вообще, и проникшим в строй солженицынской языковой стихии в особенности. У самого Сидорченко *до звона натянуты струны* отношений с русским языком, ему этот *обломистый, острозубый камень* точно не поднять! Но что ж с того? Подделку мог изготовить другой искусник, а подсунуть ее Анатолию Сидорченко — даже и третий. Как установить, является ли предполагаемый подлог подлогом или нет? Не миновать сопоставления двух текстов: «шедевра 1968 года» (в дальнейшем **ШЕД-1968**) и двухтомника «Двести лет вместе» 2001—2002 годов (в дальнейшем **ДЛВ-2001** и **ДЛВ-2002**).

2.

Взявшись за такое сопоставление, я обнаружил, что глава «В лагерях» перекочевала из **ШЕД-1968** в **ДЛВ-2002** не полностью — Н.Пропирный действительно преувеличил. Зато текстуальные совпадения — иногда всего в несколько строк, а иногда и в несколько абзацев — обнаружили не только во втором томе, но и в первом, хотя в нем их немного. Оно и понятно: Первый том «Двухсот лет» посвящен дореволюционному периоду, тогда как в «шедевре 1968 года» этот период затронут мало.

Параллельное выписывание совпадающих кусков текста заняло у меня три дня, но поручиться, что я выявил все совпа-

дения, не могу: почти уверен, что какую-то часть пропустил. Задача осложняется тем, что не во всех случаях текстовые совпадения стопроцентны. Текст 1968 года подвергался-таки редакторской правке. Но в иных случаях именно правка еще сильнее обнажает пуповину, соединяющую две работы, написанные с разрывом более тридцати лет. Например, часты замены настоящего времени на прошедшее, что логично: то, что в 1968 году было настоящим, теперь стало прошлым. Кое-где текст 1968 года уточнен или эмоционально усилен. Куски не просто переписывались из одной тетрадки в другую, но продолжалась *работа над словом*. Например, в **ШЕД-1968** можно прочесть, что евреям свойственна «чуткость к общественным течениям, к миру будущего» (стр. 29). В **ДЛВ-2002** «мир будущего» превратился в «*проступ* будущего» (т. II, стр. 252). Это, конечно, изящнее.

Но чаще текст 1968 года, напротив, разжижен, приглушен, сглажен; его эмоциональный накал ослаблен. Почему, с какой целью — об этом разговор впереди.

Пока же сосредоточимся на полных или почти полных текстовых совпадениях.

(Совпадающие фрагменты выделены *жирным курсивом*, так как *простым курсивом* пользуется Солженицын в «Двести лет вместе», а *жирным шрифтом* даются выделения в работе «Евреи в СССР и будущей России» в книге А.Сидорченко.)

Итак, начнем с начала — с объяснения замысла работы:

ШЕД-1968: «*Рад бы я был не пытаться своих сил на этой нестерпимой остроте*: она еще не подступила, а сегодня так много другой, острейшей боли... Я встал однажды на путь говорить обо всем “запрещенном”» (стр. 3).

ДЛВ-2001: «*Рад бы я был не пытаться своих сил еще на такой остроте*. Но я верю, что эта история — попытка вникнуть в нее — не должна оставаться “запрещенной”» (т. I, стр. 5).

ШЕД-1968: «Даже писать о еврейском вопросе — *идти по лезвию ножа*. С двух сторон ощущаешь на себе ненавидящие глаза, укоры, *обвинения*, и проклятья. За одну и ту же самую недвусмысленную фразу одновременно слышишь: одним ухом — «предался жидам!», другим — «и ты с антисемитами!» (стр. 3).

ДЛВ-2001: «Но, по порывам общественного воздуха, — получается чаще: как *идти по лезвию ножа*. С двух сторон ощущаешь на себе возможные, невозможные и еще нарастающие упреки и *обвинения*» (т. I, стр. 6).

Чем дальше в лес, тем больше дров.

Вот, например, такая пара фраз:

ШЕД-1968: «*Но и вся история человечества в том, что из самых естественных порывов людей вырастают неестественные чудовища*» (стр. 29—30).

ДЛВ-2002: *«Но в истории человечества не раз бывало, что из самых естественных порывов людей — потом вдруг да вырастали неестественные чудовища»* (т. II, стр. 251—252).

Вот два отрывка, освещающие такую «тонкую» для «евреологии» материю, как библейская концепция богоизбранности евреев:

ШЕД-1968: *«Что Бог избрал для своего человеческого воплощения и, во всяком случае, для исходной проповеди именно эту нацию и уже потому она избранная — этого не может отрицать христианин. Не вопить, что “нашего Христа распяли”, такие-сякие, — то было обычное ожесточение всякой фанатической толпы против своего светлого пророка, — но вспомнить: а Христос-то их избрал почему-то, хотя рядом были ясноумные эллины.»*

Эту загадку религиозной избранности — признать и принять» (стр. 19).

ДЛВ-2002: *«Что Бог избрал для своего человеческого воплощения и, во всяком случае, для исходной проповеди именно эту нацию и уже потому она избранная — этого не может отрицать христианин. «Распни, распни Его!» — то было всеобычное неизбежное ожесточение всякой темной фанатической толпы против своего светлого пророка, — мы же всегда помним: Христос пришел почему-то к евреям, хотя рядом были ясноумные эллины, подальше и всевластные римляне. Эту загадку религиозной избранности — как не признать»* (т. II, стр. 18).

Изменения, которые за 34 года претерпела «загадка религиозной избранности», невелики: два абзаца слиты в один да к «ясноумным эллинам», обойденным почему-то Иисусом Христом, присовокуплены «всевластные римляне».

Автора(ров) обеих работ волнует «непропорционально» большое участие евреев в историческом процессе. Ну, совпадение *мыслей* в двух разных текстах не должны удивлять: кого из *евреологов* не возбуждала эта жгучая тема! Народец такой плюгавенький — под микроскопом не разглядишь, а путается под сапогами без малого четыре тысячи лет. И у ясноумных эллинов путался, и у всевластных римлян, и раньше них, и позже — вплоть до сего дня. Кого только не озадачивала эта мировая загадка! Но для нашей темы важно не то, *что* в двух сопоставляемых текстах сказано об этом волнующем предмете, а *как*. Легко убедиться, что сказано *одинаково!*

ШЕД-1968: *«Когда евреев упрекают, что из них непропорционально многие стали торговцами, ростовщиками, банкирами — они справедливо возражают: а социалистами? Они были передовым отрядом, создавшим мир капитала, они же — передовым отрядом, разрушившим его»* (стр. 29—30).

ДЛВ-2002: «Евреям нередко ставилось в упрек, что на протяжении истории из них *непропорционально многие были ростовщиками, банкирами, торговцами*. Да, евреи *были передовым отрядом, создавшим мир капитала*... Однако: и в *разрушении* монархии, и в *разрушении* буржуазного порядка, как и в утверждении его перед тем, евреи также послужили *передовым отрядом*» (т. II, стр. 251—252).

Вот еще один пример повторяемости текста, особенно яркой — благодаря неожиданному, драматически заостренному повороту мысли:

ШЕД-1968: «*Я замечал, что именно евреи чаще других настаивают: не обращать внимание на национальность! при чем тут “национальность”? какие могут быть “национальные черты”, “национальный характер”?*

И я готов шапкой хлопнуть оземь: “Согласен! Давайте! С этой поры...”

Но надо же видеть, куда бредет наш злополучный век. Больше всего блудут, различают люди в людях — нацию. И, руку на сердце — ревнивей всех, затаеннее всех, пристальнее всех — евреи! — свою нацию.

Как чеховским персонажам на неудавшейся тяге остается нам вздохнуть: “Рано!..” (стр. 15).

ДЛВ-2002: «*Я замечал, что именно евреи чаще других настаивают: не обращать внимание на национальность! при чем “национальность”? какие могут быть “национальные черты”, “национальный характер”?*

И я готов шапкой хлопнуть оземь: “Согласен! Давайте! С этой поры...”

Но надо же видеть, куда бредет наш злополучный век. Едва ли не больше всего различают люди в людях — почему-то именно нацию. И, руку на сердце: настороженней всех, ревнивей и затаеннее всех — отличают и пристально отслеживают — именно евреи. Свою нацию.

...Выходит, с теми чеховскими персонажами на несостоявшейся ранневесенней тяге остается и нам только вздохнуть: “Рано!”» (стр. 462—463).

С чего бы это евреям (и именно им!) настаивать на том, чтобы никак не обозначать национальность, а в тайне отслеживать *своих*? Наверное, не для хороших дел заводится эта двойная бухгалтерия! Тут-то и вытаскивают их за ушко да на солнышко авторы обоих текстов:

ШЕД-1968: «Особенно *в притеснениях русской деревни и в гонениях на православную церковь было разительным, обидным и несмыслимым участие каждого иноплеменника*. А сколько было

именно их! И в том числе евреев. В пренебрежении оказался *завет русской пословицы:*

«Не гони бога в лес, коли в избу влез» (стр. 32).

ДЛВ-2002: «И именно *в гонениях на православную церковь (затем и на деревню)*, — как ни позорно участие в них крестьянских сыновей, — *было разительным, обидным и несмыслимым участие каждого иноплеменника*. Прямо против *завета русской пословицы: Не гони Бога в лес, коли в избу влез»* (т. II, стр. 276).

Но разве гонения ограничивались только православием и крестьянством? Нет, конечно.

ШЕД-1968: «*В конце двадцатых годов прошла полоса инженерных процессов — избивали и убивали всю старую инженерию, а она была подавляюще русская по составу.*

Громили и другие устои русской науки...» (стр. 33).

ДЛВ-2002: «*С конца Двадцатых на Тридцатые прошла полоса судебных процессов и над инженерами: избивали и убивали всю старую инженерию — а она была по своему составу подавляюще русская.* Да еще прослойка немцев.

Также *громили* в те годы *устои и кадры русской науки* во многих областях...» (т. II, стр. 274).

Вот и верь после этого древним философам, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку. Очень даже можно! Не то что через час или на следующий день, а даже через 34 года!

3.

Прежде чем продолжать параллельные выписки, я должен извиниться перед А.И.Солженицыным и читателями. В заключительной главе моей работы «Вместе или врозь? Заметки на полях книги А.И.Солженицына» я приводил следующую выписку:

«Если бы я там [в ГУЛАГе] не был — не написать бы мне этой главы... Национальность — едва ли не главный признак, по которому эски отбираются в спасительный корпус придурков. Всякий лагерник, достаточно повидавший лагерей, подтвердит, что национальные соотношения среди придурков далеко не соответствовали национальным соотношениям в лагерном населении. Именно прибалтийцев в придурках почти совсем не найдешь, сколько бы ни было их в лагере (а их было много); русские были, конечно, всегда, но по пропорции несомненно меньше, чем их в лагере (а нередко — лишь по отбору из партийных ортодоксов); зато отменно сгущены евреи, грузины, армяне; с повышенной плотностью устраиваются и азербайджанцы, и отчасти кавказские горцы» (т. II, стр. 330).

По поводу этого отрывка я написал: «не слишком ли кстати поставлены в ряд с евреями все кавказские народы («кавказ-

цы», по сегодняшней терминологии). Неужели мало той ненависти к кавказцам, какая и без того сейчас разлита по России — чуть ли не в большей степени, чем к евреям!»

Признаю, что напрасно заподозрил А.И.Солженицына в стремлении потрафить низменным инстинктам *сегодняшней* толпы. Ничего подобного в его мыслях не было! Ведь данный абзац *переписан* из «шедевра» 1968 года, а тогда среднестатистические россияне относились к кавказцам, во всяком случае, не хуже чем, например, к прибалтам. Вот этот текст, как он выглядит в ШЕД-1968:

«Если бы я там не побывал — не написать бы мне этой работы (как и всех моих книг)... Ибо национальность — едва ли не главный признак, по которому эки отбираются в спасительный корпус придурков. Всякий беспристрастный лагерник, достаточно повидавший лагерей, подтвердит, что национальные соотношения среди придурков далеко не соответствуют национальным соотношениям в лагерном населении. Именно прибалтийцев там почти совсем не найдешь, сколь бы ни было их в лагере (а их — много); русские есть всегда, но по пропорции несомненно меньше, чем их в лагере; непомерно сгущены армяне, грузины, евреи (чаще бывает так, что все армяне, грузины и евреи, сколько их есть в лагере, — все придурки, на общих работах их нет); с повышенной плотностью устраиваются азербайджанцы, и отчасти кавказские горцы» (стр. 45).

Вот еще пара выписок из той же главы:

ШЕД-1968: *«До лагерей и я так думал: “наций не надо замечать”, никаких наций вообще нет, есть человечество. До лагерей был интернационалистом — энергично наивным, неистовым.*

А в лагерь присылаешься и узнаешь: если у тебя удачная нация — ты счастливчик, ты обеспечен, ты выжил! Если общая нация — не обижайся» (стр. 45).

ДЛВ-2002: *«До лагерей и я так думал: «наций не надо замечать», никаких наций вообще нет, есть человечество.*

А в лагерь присылаешься и узнаешь: если у тебя удачная нация — ты счастливчик, ты обеспечен, ты выжил! Если общая нация — не обижайся» (т. II, стр. 330).

И еще одна пара:

ШЕД-1968: *«И собственно — никого из них нельзя в этом винить. Каждая нация в ГУЛАГе ползла спасаться, как может, и чем она меньше, и чем поворотливей — тем легче ей это удастся. А русские в своих собственных “русских” лагерях — опять последняя нация, как были и у немцев в их лагерях.*

Не мы — их, а они — нас в полном праве обвинить, армяне, грузины или горцы: а зачем вы устроили эти лагеря? А зачем вы

держите нас силой в вашем государстве? Не держите! — и мы не станем сюда попадать и захватывать такие привлекательные места. А пока мы у вас в плену — на войне как на войне.

И они правы. Зачем мы держим их? Мы давно должны были дать им свободу.

Это относится и к евреям, с той только разницей, что отпустить мы их не в силах и сами они уехать не в силах, хотя б завтра и пали преграды, установленные твердолобым правительством. Перепутал нас рок, может быть, навсегда, из-за чего эта работа и пишется» (стр. 45-46).

ДЛВ-2002: «И, собственно, — никого из них нельзя в этом в этом винить. Каждая нация в ГУЛАГе ползла спасаться, как может, и чем она меньше и чем поворотливей — тем легче ей это удавалось. А русские “в своих собственных русских” лагерях — опять последняя нация, как были у немцев в Kriegsgefangenenlagern.

Впрочем, не мы их, а они нас вправе были обвинить, армяне, грузины, горцы: а зачем вы устроили эти лагеря? а зачем вы держите нас силой в вашем государстве? Не держите! — и мы не станем сюда попадать и захватывать такие привлекательные придурочные места. А пока мы у вас в плену — на войне как на войне.

А как с евреями? Ведь переплёл русских с евреями рок, может быть, и навсегда, из-за чего эта книга и пишется» (т. II, стр. 330).

Хочу обратить внимание не только на сходство двух приведенных отрывков, но и на отличия. В 1968 году советская власть держала в железных объятиях все республики, включая кавказские, а третирование евреев сопровождалось запретом на эмиграцию. Отсюда и предложение их всех отпустить. В 2002 году повторить это требование — значило бы обнаружить истинное время написания текста. Ни советского правительства, ни «союза нерушимого республик свободных» нет, да и евреям давно позволено катиться на все четыре стороны. Текст соответственно подчищен. А во всем остальном — *на войне как на войне.*

Вот еще пара близнецов-братьев:

ШЕД-1968: «Но ещё прежде того, прежде вот этой строчки, именно евреи с живостью оспорят, что я высказал правду. Они скажут, что многие евреи были на общих работах и даже принципиально на них. Они отрекутся, что были такие лагеря, где евреи составляли большинство среди придурков. Тем более отвергнут они, что будто бы помогают друг другу избирательно и, значит, за счёт остальных. Одни неискренне, а другие и вполне искренне скажут, что они и не считают себя какими-то отдельными от нас евреями, а считают такими же русскими, и если где получался перевес евреев на ключевых лагерных постах, то совсем не преднамеренно, выбор шёл по личным признакам, по

таланту. Будут и такие, кто горячо утвердит прямо противоположное: что никому в лагере не жилось так тяжело, как евреям (подобные письма есть у меня от М. Варшавской, просидевшей 12 лет, от анонимного еврея, который написал: “вы встречались с евреями, томившимися вместе с вами безвинно, были, очевидно, не раз свидетелями их мучений и унижений. Они терпели двойной гнет: заключение и вражду со стороны заключенных. Расскажите об этих людях!”).

И если я захотел бы обобщить, что евреям в лагерях жилось особенно тяжело, — мне это будет разрешено, я не буду осыпан упрёками за несправедливое национальное обобщение. И поскольку я видел иначе: и собираюсь рассказать, что евреям жилось в лагере легче, чем остальным, — сейчас со всех сторон я услышу: “только не обобщать!”, “только не обобщать!”» (стр. 46).

ДЛВ-2002: «Но ещё прежде того, прежде вот этой строчки, найдутся читатели, бывшие в лагерях и не бывшие, кто с живостью оспорит, что я высказал тут правду. Они скажут, что многие евреи были на общих работах. Они отрекутся, что были такие лагеря, где евреи составляли большинство среди придурков. Тем более отвергнут они, что будто бы нации в лагерях помогали друг другу избирательно и, значит, за счёт остальных. А кто вообще не считают себя какими-то отдельными евреями, а ощущают такими же во всём русскими. Если же где получался перевес евреев на ключевых лагерных постах, то совсем не преднамеренно, выбор шёл по личным признакам, по таланту, по деловым свойствам. Кто ж виноват русским, что у них нет деловых свойств?.. Будут и такие, кто горячо утвердит прямо противоположное: что никому в лагере не жилось так тяжело, как евреям, да это и на Западе так понято: в советских лагерях тяжче всего страдали евреи. Среди писем по “Ивану Денисовичу” было у меня и такое, от анонимного еврея: “Вы встречались с евреями, томившимися вместе с вами безвинно, были, очевидно, не раз свидетелями их мучений и гонений. Они терпели двойной гнёт: заключение и вражду со стороны заключённых. Расскажите об этих людях!”

И если я захотел бы обобщить, что евреям в лагерях жилось особенно тяжело, — мне это будет разрешено, и я не буду осыпан упрёками за несправедливое национальное обобщение. Но в лагерях, где я сидел, было иначе: евреям, насколько обобщать можно, жилось легче, чем остальным» (т. II, стр. 330).

Как видим, и у этих однояйцовых близнецов совпадающий генетический код, только причесаны чуть по-разному. Даже письмо от анонимного еврея, полученное А.И. Солженицыным в числе откликов на «Ивана Денисовича», оказалось в точности известно его двойнику!

4.

Вероятно, я утомил читателя этими избыточными парами выписок, но, думаю, в данном случае перебор надежнее недобора. Приведу еще несколько совпадающих пар — теперь уже касающихся характеристики взглядов, поступков, высказываний, деятельности отдельных лиц.

О Борисе Пастернаке читаем:

ШЕД-1968: *«Пастернак в “Докторе Живаго”, хотя и относя действие книги ко времени революции, но не устраняясь же от жизненного опыта двух последующих десятилетий, пишет: “быть евреем?.. это безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя”, “эта стыдливая, приносящая одни бедствия самоотверженная обособленность”. И еще: “их (евреев) слабость и неспособность отражать удары”. Как не окоснеть от недоумения над этими строчками? Ведь перед нашими глазами была одна и та же страна, в те же десятилетия — но мы увидели совершенно противоположное! “Неспособность отражать удары”? А — нанести? Да еще какие!»* (стр. 33).

ДЛВ-2002: *«И тут — в наш переклик вступает Б. Пастернак. В “Докторе Живаго”, правда уже после Второй Мировой войны и грянувшей еврейской Катастрофы, со всем горчайшим грузом ее, со всем изменившимся мировоззрением, — но ведь в романе же, держа в виду именно годы нашей революции, — он пишет об “Этой стыдливой, приносящей одни бедствия, самоотверженной обособленности”. И еще: “их [евреев] слабость и неспособность отражать удары”.*

Однако перед нашими глазами была одна и та же страна: в разных возрастах, но ведь мы жили в ней одни и те же 20—30-е годы. Современник тех лет должен бы окоснеть от недоумения» (т. II, стр. 99).

Об Илье Эренбурге:

ШЕД-1968: *«Эренбург был едва ли не главным трубадуром всей войны, и лишь в самом конце ее был осажён, когда, опозднившись, зарвался в своих требованиях мести»* (стр. 42).

ДЛВ-2002: *«Эренбург отгремел главным трубадуром всей той войны, утверждая, что «немец по природе своей зверь», призывая «не щадить даже неродившихся фашистов (то есть так понимать: убивать беременных немок), и лишь в самом конце был осажён, когда война уже покатила по территории Германии и стало ясно, что армия слишком хорошо усвоила пропаганду безудержной мести всем немцам подряд»* (т. II, стр. 349).

О Нафталии Френкеле:

ШЕД-1968: *«Ничем другим, кроме жажды мести, не могу я объяснить (пусть объяснит, кто может) загадочное возвращение в СССР из Турции Нафталия Френкеля, демона Архипелага ГУЛАГ. Покинуть обеспеченное, богатое и свободное положение предпринимателя, уже благополучно эмигрировав из России при первом дуновении революции, никогда не имел и тени коммунистических взглядов и — вернуться? вернуться, чтобы стать игрушкой ГПУ и Сталина, много лет отсидеть в заключении самому — но вершить беспощадное подавление заключенных (русских) инженеров и уничтожение сотен тысяч работяг (в основном «раскулаченных» русских)? Что двигало его ненавистно-злым сердцем?»* (стр. 32—33).

ДЛВ-2002: *«О Нафталии Френкеле, неутомимом демоне «Архипелага», особая загадка: чем объяснить его странное возвращение в СССР из Турции в 20-е годы? Уже благополучно удрал из России со своими капиталами при первом дуновении революции; в Турции уже получил обеспеченное, богатое и свободное положение; никогда не имел и тени коммунистических взглядов. И — вернуться? Вернуться, чтобы стать игрушкой ГПУ и Сталина, сколько-то лет отсидеть в заключении самому, — зато вершить беспощадное подавление заключенных инженеров и уничтожение сотен тысяч «раскулаченных»? Что двигало его ненавистно злым сердцем? Кроме жажды мести к России не могу объяснить ничем. Пусть объяснит, кто может»* (т. II, стр. 335—336).

В данном случае текст перелопачен композиционно. Зачем понадобилась автору такая перестройка, трудно сказать, но еще труднее усомниться в том, что оба абзаца написаны одной и той же рукой.

Здесь уместно заметить, что никаким демоном ГУЛАГа Нафталий Френкель не был, и в Россию вернулся вовсе не из жажды мести (кому? за что?), а из жажды наживы. Его возвращение в начале 1920-х годов — не большая загадка, чем возвращение многих эмигрантов, поверивших, что с введением НЭПа «романтический период» большевистской диктатуры завершился. Многим казалось, что большевистская власть спустилась на землю, встала на реальную почву и будет эволюционировать в направлении большей терпимости и законности. На базе таких представлений, как уже отмечалось, в эмиграции возникло движение сменовеховцев; один из его лидеров, бывший кадет и евразиец (не путать с современными евразийцами) Николай Устрялов активно призывал эмигрантов возвращаться на родину, видя в этом патриотический долг. Позднее, уже в 1935-м, он и сам вернулся в СССР и через два года был расстрелян как японский шпион.

В начале двадцатых вернулся в Советскую Россию «трубадур» Илья Эренбург, как и другой, не менее известный писа-

тель, но куда более последовательный трубадур сталинизма Алексей Толстой. Несколько позже и Максим Горький. Это наиболее громкие имена. Но возвращались не только знаменитости. Были в их числе профессора, интеллигенты, бывшие царские офицеры и, конечно, дельцы, почуявшие, что НЭП открывает для них большие возможности (и в этом, конечно, обманувшиеся).

К таким дельцам принадлежал и Френкель, очень скоро загремевший на Соловки с десятилетним сроком — то ли за контрабанду, то ли за то, что не смог или не захотел заплатить непомерно большую взятку, затребованную ГПУшниками, а может быть, за то и другое по совокупности. Осмотревшись и разобравшись в хаосе, который царил в концлагере, где зэки без всякого смысла тысячами гибли от голода, холода и тифа, Френкель выдвинул проект более упорядоченного использования их труда, чем купил себе свободу и карьеру в самом ГУЛАГе. Предложенная им система «оплаты» труда заключенных, чей хлебный рацион был поставлен в прямую зависимость от выработки, была бесчеловечна постольку, поскольку была бесчеловечна сама лагерная система. Летописец Соловецкого лагеря (и его бывший узник) Михаил Розанов, который свел воедино воспоминания бывших соловчан, по возможности отделяя факты от лагерных «параш», указывает, что зэки оценивали Френкеля и его систему по-разному — кто с отрицательным, а кто и с положительным знаком*. «Опус» 1968 года написан до публикации книги М.Розанова, но опус 2002-го — после. Тем не менее, Френкель переключал из первого опуса во второй в том же «демоническом» облике.

О Д.П.Витковском и В.Л.Гершуни:

ШЕД-1968: *«В повести Д.П.Витковского “Полжизни” есть абзац о еврейской наружности следователя Яковлева — следователя уже новейших хрущевских лет. У Витковского это упоминание сделано грубовато и, собственно, ни к чему. Евреи, по своей новейшей политической ориентации сочувственно относясь ко всяким лагерным мемуарам, в этом месте всегда неприятно*

* См. Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922—1939. Факты—домыслы—«параш». В двух книгах. Книга первая, 1979. С. 174—187. О гиперболизации роли Френкеля Солженицыным пишет и современный исследователь истории ГУЛАГа Энн Эпплбом: «На самом деле, Солженицын, вероятно, слишком большую роль отвел Френкелю. Есть данные о том, что и раньше, в до-соловецких большевистских лагерях заключенные получали дополнительное питание за дополнительную работу. Да и в любом случае идея была слишком очевидной, нет надобности приписывать это изобретение одному человеку». (Applebaum A. GULAG: a History, Doubleday. New York, 2003. P. 31.)

оттолкнуты. И В.Г. спрашивает, а сколько еще подалось Витковскому за 30 лет следователей-евреев?

В этой невинной оговорке — “за 30 лет”, когда естественно было бы спросить “за сорок” или даже “за пятьдесят”, — суть еврейской несамокритичности по отношению к истории хоть дальней (фейтвангеровщина), хоть ближней. За тридцать лет Витковскому, может быть, и мало подалось евреев на следственных местах, потому что именно со середины 30-х годов началась в органах замена евреев русскими, — но Витковский, который преследуется органами уже сорок лет, и был на Соловках, — очевидно, помнит время, когда трудней было увидеть следователя русского, чем еврея или латыша» (стр. 43).

ДЛВ-2002: «В повести Д.П. Витковского “Полжизни” есть абзац о еврейской наружности его следователя Яковлева, уже новейших хрущевских лет. У Витковского это упоминание сделано грубовато, и евреи конца Шестидесятых, уже отшатнувшись от коммунистической власти и в этой новой политической ориентации сочувственно относясь ко всяким лагерным мемуарам, в этом месте всегда были неприятно оттолкнуты. Но вот В. Гершуни по этому поводу задал мне вопрос: а сколько еще подалось Витковскому за 30 лет следователей-евреев?

В этой невинной оговорке — “за 30 лет”, — а не естественней ли было спросить “за 50” или хотя бы “за 40”? — как же характерно выразилась тут поразительная забывчивость! За тридцать лет, с конца 30-х годов, Витковскому, может быть, и не много встречалось следователей-евреев (впрочем, сохранились они и в 60-х), но Витковский, который преследовался органами уже сорок лет, и был на Соловках, — очевидно, не забыл время, когда трудней было увидеть следователя русского, чем еврея или латыша» (т. II, стр. 294—295).

Я должен сделать небольшое отступление, чтобы воздать должное памяти Владимира Львовича Гершуни — одного из самых стойких диссидентов, из тех немногих, кто не хотел ничего для себя, даже скромной известности или благодарности. «В 50-е годы сидел со мной в лагере, еще тогда юноша, Владимир Гершуни», — отмечает Солженицын (ДЛВ-2002, т. II, стр. 119), но Гершуни сидел не только при Сталине, когда «карающая рука» разила направо и налево. Он и в более вегетарианские времена постоянно подвергался преследованиям; много лет был заживо погребен в психушке, где спасался от помешательства сочинением стихов в самом трудном из возможных жанров (писал палиндромы, в которых каждая строчка должна читаться одинаково как слева направо, так и справа налево); а, выйдя из психушки, снова выступал с протестами, редактировал самиздатский журнал «Поиски», собирал и распространял «антисоветчину», отчетливо понимая, что его снова посадят

(это и произошло). Он боролся за свободу, за право каждого выражать свое мнение. Никакого различия между эллинами и иудеями для него не существовало. Что касается «невинной оговорки», в которой якобы выразилась «еврейская несамокритичность» Гершуни, то это недоброе (если не сказать — злонамеренное) перетолкование его слов. Из самого эпизода видно: Гершуни не оспаривал, что в двадцатые—тридцатые годы в числе гэпэушников хватало евреев. (Оставляю в стороне солженицынский переклест относительно того, будто среди следователей евреи тогда попадались чаще, чем русские: по его собственным данным, до середины 1930-х годов численность евреев в карательных органах составляла примерно 7,5 процента, что, конечно, очень много, но славян-то было в восемь-десять раз больше.) Но затем евреев из органов вычистили и больше уже не принимали. Очевидно, это и имел в виду Гершуни, когда заметил, что за *последние тридцать* лет (то есть с конца 1930-х) среди карателей евреев почти не было (а те, что были, видимо, по официальным документам считались русскими, как и тот следователь Яковлев).

Возвращаясь к основной теме этого очерка, то есть к вопросу об авторстве «пакостного шедевра».

Сведенные общей лагерной судьбой, Солженицын и Гершуни продолжали общаться и после освобождения, но отношений не афишировали, так что знали об этом немногие. А при разговоре о повести Витковского никто третий, похоже, вообще не присутствовал — иначе подал бы какую-то реплику. Разговор тет-а-тет и передан во втором томе «Двухсот лет вместе». Но каким образом эти же два абзаца могли оказаться в «опусе», попавшем в книгу Сидорченко? Если это подлог, то откуда фальсификатор мог знать о том разговоре и передать его теми же словами? Чудеса, да и только! Но они тотчас превращаются в чудеса в решетке, если допустить, что «пакостный опус» написан самим Солженицыным.

Если кому-то и этого мало, то вот еще пара текстов-близнецов — не только по стилю, лексике, акцентировке, но по *фактическому содержанию*, которое никому постороннему не могло быть известно.

Об Ансе Бернштейне.

ШЕД-1968: *«Латыш Анс Бернштейн считает, что он лишь потому выжил в лагерях, что в тяжелые минуты обращался за помощью к евреям, а те по фамилии, да и по подвижному облику, принимали его за своего и всегда выручали. В лагерях же, где он был (например, буреполомские, начальник Перельман) евреи всегда составляли всю правящую верхушку и евреи были ведущие вольнонаемные (Шульман — начальник Спецотдела, Гринберг — на-*

чальник лагпункта, Кегельс — главный механик завода), и, по его рассказам, в избранный себе штат подбирали из заключенных — тоже евреев» (стр. 46—47).

ДЛВ-2002: «Латыш Анс Бернштейн, один из моих свидетелей по “Архипелагу”, считает, что он лишь потому выжил в лагерях, что в тяжелые минуты обращался за помощью к евреям, а те по фамилии, да и по подвижному облику, принимали его за своего — и всегда выручали. В лагерях же, где он был (например, буреполомские, начальник Перельман) евреи, говорит, всегда составляли всю правящую верхушку и евреи же были ведущие вольнонаемные (Шульман — начальник спецотдела, Гринберг — начальник лагпункта, Кегельс — главный механик завода), и, по его рассказам, в избранный себе штат подбирали из заключенных — тоже евреев» (стр. 333).

Коль скоро Анс Бернштейн был свидетелем Солженицына по «Архипелагу», то логично ожидать, что его имя встречается в этом труде. И действительно. Я нашел *восемь* таких упоминаний. Вот они*:

1. «Вас отводят в сторону на заводской проходной, после того как вы себя удостоверили пропуском — и вы взяты; вас берут из военного госпиталя с температурой 39 (Анс Бернштейн), и врач не возражает против вашего ареста (попробовал бы он возразить)» (т. 1, часть 1, гл. 1).

2. «“Все придется отдать...” — безнадежно качает головой надзиратель на Горьковской пересылке, и Анс Бернштейн с облегчением отдает ему комсоставскую шинель — не просто так, а за две луковицы» (т. 1, часть 2, гл. 2).

3. «Например, едет Анс Бернштейн по спецнаряду с севера на нижнюю Волгу, на сельхозкомандировку. Везут его во всех описанных теснотах, унижениях, облаивают собаками, обставляют штыками, орут “шаг вправо, шаг влево...” — и вдруг ссаживают на маленькой станции Занзеватка, и встречает его там одинокий спокойный надзиратель безо всякого ружья. Он зевает: “Ладно, ночевать у меня будешь, а до завтра пока гуляй, завтра свезу тебя в лагерь.” И Анс *гуляет*» (т. 1, часть 2, гл. 4).

4. «Анс Бернштейн обварил умело руку кипятком через тряпку — и тем спас свою жизнь. Другой обморозит умело руку без рукавички или намочится в валенок и идет на мороз. Но не все разочтешь: возникает гангрена, а за нею смерть» (т. 2, часть 3, гл. 7).

* В известных мне книжных изданиях «Архипелага ГУЛАГ» нет именных указателей, я вел поиск по интернетовской версии, благо компьютерная программа позволяют молниеносно отыскать любое заданное слово. Поэтому я даю ссылки на номера томов, частей и глав, но не страниц.

5. «А что за люди должны быть те бухгалтера, которые отпустили Лоцилина на волю поздней осенью в одной рубашке? Тот сапожник в Буреполоме, который без зазрения взял у голодного Анса Бернштейна новые армейские сапоги за пайку хлеба?» (т. 2, часть 3, гл. 9).

6. «Суд? Какая-нибудь *Лагколлегия* — это подчиненный Облсуду постоянный суд при лагере, как нарсуд в районе. Законность торжествует! Выступают и свидетели, купленные III Отделом за миску баланды. В Буреполоме частенько свидетелями на своих бригадников бывали бригадиры. Их заставлял следователь — чуваш Крутиков. “А иначе сниму с бригадиров, на Печору отправлю!” Выходит такой бригадир Николай Ронжин (из Горького) и подтверждает: “Да, Бернштейн говорил, что зингеровские швейные машины хороши, а подольские не годятся”. Ну, и довольно! Для выездной сессии Горьковского Облсуда (председатель — Бухонин, да две местных комсомолки Жукова и Коркина) — разве не довольно? Десять лет!» (т. 2, часть 3, гл. 13).

7. «А вообще как верно истолковать самоубийство? Вот Анс Бернштейн настаивает, что самоубийцы — совсем не трусы, что для этого нужна большая сила воли. Он сам свил веревку из бинтов и душился, поджав ноги. Но в глазах появлялись зеленые круги, в ушах звенело — и он всякий раз непроизвольно опускал ноги до земли. Во время последней пробы оборвалась веревка — и он испытал радость, что остался жив» (т.2, часть 4, гл. 1).

8. «Ансу Бернштейну и через 11 лет снятся только лагерные сны. Я тоже лет пять видел себя во сне только заключенным, никогда — вольным. Л.Копелев через 14 лет после освобождения заболел — и сразу же бредит тюрьмой. А уж “каюту” и “палату” никак наш язык не проговорит, всегда — “камера”» (т. 3, часть 5, гл. 7).

Итого, восемь раз в «Архипелаге» Солженицын пишет об Ансе Бернштейне, но *ни малейшего намека* на то, что персонаж со столь выраженной еврейской фамилией — латыш, а не еврей, там нет! Правду о национальности этого персонажа автор «ГУЛАГа» по каким-то соображениям утаил. Откуда же *фальсификатор*, сочинявший «пакостный опус», мог об этом узнать? Да еще о том, что у него был «подвижный (еврейский) облик», о чем в «Архипелаге» ни слова. И что евреи, принимая его за *своего*, «всегда выручали» — об этом тоже ни слова! (Хороша, однако, была выручка, если, чтобы не загнуться на общих работах, бедняга должен был «умело» обварить себе руку; если несколько раз, доведенный до крайности, пытался покончить с собой.)

5.

Итак, даже если допустить совершенно невероятное, то есть что фальсификатор настолько овладел языком, стилем, мышлением, душевным складом А.И.Солженицына, что, создавая подделку под его текст, сумел предугадать и точно передать на бумаге приведенные выше фрагменты из *будущей* его работы «Двести лет в месте», то и при этом не «спасти» абзацев о Гершуни и Бернштейне. Тут самая гениальная интуиция не помогла бы. Тут надо было *конкретно знать* — в деталях! — факты, никому постороннему не известные.

Даже если забыть *обо всех остальных текстовых совпадениях*, то *двух последних* достаточно для однозначного вывода: «Хулиганская выходка психически больного человека», выразившаяся в том, что он «*в свою пакостную желтую книжицу... вlepил опус под моим [Солженицына] именем*», состояла *вовсе не в том*, что Солженицын этого опуса не писал!

Анатолий Сидорченко, как «горячий поклонник Солженицына», обнародовав без спроса давнее творение *породителя* русской «евреологии», оказал ему медвежью услугу. Вот уж действительно усердие не по разуму! Говоря словами шутиливой еврейской песенки, Сидорченко поступил «несимпатично и негигиенично». Но как расценить действия Солженицына, когда он (при помощи В.Лошака, которого явно *подставил*), заявил всему свету: его «*авторство просто фальсифицируют*»? Возводить такую напраслину на *психически больного человека* — это симпатично? это гигиенично? это не вываливается *за пределы цивилизованного поля*?

Или таков *русский патриотизм*?

Это *под большевиками* Великий Писатель учил нас — жить не по лжи, заповедовал — лепить *большевикам* правду, против *большевизма* — стоять несгибаемо. Как должны стоять интеллигенты, а не лакействующие образованцы...

Но пора признать: и при советской власти призыв — *жить не по лжи* — служил Солженицыну для внешнего употребления, а не для себя. С каким смаком он рассказывает в «Архипелаге», как *развешивал чернуху*, прорываясь из рядовых эков в нормировщики, нарядчики и даже в ядерные физики, чтобы избежать рудника и лесоповала... Положим, *там* это было необходимо, чтобы выжить. Пусть безгрешный бросит в него камень, а я воздержусь. И все же, все же, все же!.. Зачем уже *там* — в лагерях — он по части чернухи так настойчиво пробивался в *первые ученики*!

Ну, а после, когда уже выжил, когда, опубликовав «Ивана Денисовича», был лучше многих защищен *всесветной славой*?

Тут-то уж можно было *жить не по лжи* — без опасения загромоздить на лесоповал? Или (зачем так высоко ставить планку?) обходиться *малой* ложью, как большинство его куда менее защищенных коллег-писателей?

Но вот докладная записка помощника Хрущева В.Лебедева от 22 марта 1963 года, в которой доложен его телефонный разговор с А.И.Солженицыным*:

«Я глубоко взволнован речью Никиты Сергеевича Хрущева и приношу ему глубокую благодарность за исключительно доброе отношение к нам, писателям, и ко мне лично, за высокую оценку моего скромного труда. Мой звонок Вам объясняется следующим: Никита Сергеевич сказал, что если наши литераторы и деятели искусства будут увлекаться лагерной тематикой, то это даст материал для наших недругов, и на такие материалы, как на падаль, полетят огромные жирные мухи.

Пользуясь знакомством с Вами и помня беседу на Воробьевых горах во время встречи наших руководителей с творческой интеллигенцией, я прошу у Вас доброго совета. Только прошу не рассматривать мою просьбу как официальное обращение, а как товарищеский совет коммуниста, которому я доверяю. Еще девять лет тому назад я написал пьесу о лагерной жизни “Олень и шалашовка”. Она не повторяет “Ивана Денисовича”, в ней другая группировка образов: заключенные противостоят в ней не лагерному начальству, а бессовестным представителям из своей же среды. Мой “литературный отец” Александр Трифонович Твардовский, прочитав эту пьесу, не рекомендовал мне передавать ее театру. Однако мы с ним несколько разошлись во мнениях, и я дал ее для прочтения в театр-студию “Современник” О.Н.Ефремову — главному режиссеру театра.

— Теперь меня мучают сомнения, — заявил далее А.И.Солженицын, — учитывая то особенное внимание и предупреждение, которое было высказано Никитой Сергеевичем Хрущевым в его речи на встрече по отношению к использованию лагерных материалов в искусстве, и сознавая свою ответственность, я хотел бы посоветоваться с Вами, стоит ли мне и театру дальше работать над этой пьесой”».

И дальше: «Если Вы скажете то же, что А.Т.Твардовский, то эту пьесу я немедленно забираю из театра “Современник” и буду над ней работать дополнительно. Мне будет очень больно, если я в чем-нибудь поступлю не так, как этого требуют от нас партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев”».

* Документ был опубликован в 1994 году в сборнике архивных материалов «Кремлевский самосуд» — об отношении властей к Солженицыну, но я о нем узнал из книги В.Войновича «Портрет на фоне мифа», по которой и цитирую.

И еще дальше: «“Писатель Солженицын просил меня, если представится возможность, передать его самый сердечный привет и наилучшие пожелания Вам, Никита Сергеевич. Он еще раз хочет заверить Вас, что хорошо понял Вашу отеческую заботу о развитии нашей советской литературы и искусства и постарается быть достойным высокого звания советского писателя”»*.

В. Войнович комментирует: «Это, конечно, не стенограмма. Но я не могу себе представить, чтобы помощник высшего советского руководителя в своем докладе посмел сочинить такое полностью от себя»**.

Добавлю, что я тоже не могу такого представить.

Войнович: «Можно сказать, что все советские люди, кроме сумасшедших, а писатели особенно, в общении с властью не всегда говорили, что думали, но из литераторов моего круга я не знаю никого, кто бы так легко и беспардонно врал и льстил партийному руководителю»***.

В моем кругу таких тоже не было, особенно если учесть, что инициатором доноса на самого себя (а заодно и на театр «Современник») был *сам* Солженицын.

Но пусть то была ложь во спасение. (Зачем она понадобилась ему в данном случае — об этом ниже.) С волками (большевистскими) жить — по-волчьи выть!

Но теперь-то большевистской власти давно нет! Солженицын триумфально вернулся в Россию, учит, как ее *обустроить*, как из *обвала* вытащить.

И снова — *чернуха*?

«Провокация», «фальсификация» — ан на поверку оказывается, что «пакостный опус» принадлежит перу самого Александра Исаевича, а не какого-то фальсификатора. Он и несет за него ответственность. Хотя бы потому, что завершил его в далеком 1968 году обязывающими словами:

«Эта работа по своему языковому строю да и по окончательности формулировок и сейчас, конечно, **еще не вполне завершена**. Я положу ее на долгие годы. Надеюсь перед выходом в свет еще поработать. Если же не судьба мне к ней прикоснуться до той минуты, когда приспееет пора, — **я прошу ее напечатать в этом виде и считать мои взгляды на вопрос именно такими**» (ШЕД-1968, стр. 74, жирный шрифт оригинала).

А если так, то к этому опусу следует приглядеться уже и с содержательной стороны. Ибо наряду с текстовыми совпаде-

* Войнович В. Портрет на фоне мифа. М.: «ЭКСМО-Пресс», 2002. С. 160—161.

** Там же. С. 162.

*** Там же.

ниями с работой «Двести лет вместе» есть и текстовые отличия. Некоторые мелкие мы отмечали, но попадаются и куда более крупные. И порой неожиданные.

6.

В двухтомнике несколько раз упоминается книга Соломона Лурье «Антисемитизм в древнем мире» (1922), но упоминается мимоходом. Непохоже, чтобы автор придавал ей большое значение. Однако в «пакодном опусе» 1968 года книга Соломона Лурье не только упоминается — она цитируется и пересказывается довольно подробно. Особенно импонирует Солженицыну то, что «в возникновении антисемитизма **евреи виноваты сами, что причины антисемитизма лежат в свойствах самого еврейского народа**» (стр. 10)*. «Еще раньше, чем сформулировать это самому в тексте книги, — подчеркивает Солженицын, — он [Лурье] высказывает эту мысль в эпиграфе, пророчеством еврейской Сивиллы: “Будут и суша и море наполнены вами повсюду./ Все ненавидеть вас будут за ваши привычки и нравы”. Так вот как давно — с древних же веков — причина антисемитизма была ясна лучшим из евреев» (стр. 10). «Не следует считать, говорит Лурье, что общественный антисемитизм выражал худшую часть общества — нет, и незапятнанные идеалисты были во главе его» (стр. 10).

Весьма важной и поучительной Солженицын считает мысль С.Лурье о том, что ненависть к евреям не насаждалась властями, а, наоборот, шла снизу. Власти сопротивлялись «народному» антисемитизму, беря евреев под защиту и даже карая их гонителей; а если присоединялись к нему, то всегда с опозданием и только частично, как бы под давлением требования масс.

Круг идей «самоотверженного ученого» С.Лурье Солженицын излагает вполне адекватно, то есть без существенных искажений, но и не высказывая возражений, полностью с ними солидаризируясь. Более того, в опусе 1968 году книга С.Лурье служит Солженицыну путеводной звездой, исходным пунктом многих его собственных построений. В куда более обширном труде 2001—2002 годов от всего этого остались лишь едва различимые рудименты — притом, что расширение первоначального текста шло в основном за счет насыщения его цитатами из «еврейских» источников. Но, как оказывается, то была улица отнюдь не с односторонним движением: тогда как множество «еврейских» цитат добавлялось, некоторые — убавлялись! Почему бы это?

* Здесь и далее выделения текста принадлежат А.Солженицыну, за исключением особо оговоренных случаев.

Соломон Яковлевич Лурье был ведущим специалистом по истории и культуре античности. В течение десятилетий он преподавал превосходный курс истории Древней Греции в Ленинградском университете, пока — в период гонений на «космополитов» — не был уволен «за несоответствие занимаемой должности».

Наиболее известен капитальный труд С.Лурье о Демокрите — одном из крупнейших философов Древней Греции. Что касается книги «Антисемитизм в древнем мире», изданной впервые в 1922 году, то она выгодно отличается от большинства работ на аналогичные темы: она опирается на первоисточники. Труд Лурье показывает, насколько глубоки исторические корни ненависти к евреям: они уходят к самым истокам человеческой цивилизации, а не к первым векам христианства, как можно прочесть у многих даже весьма солидных авторов.

Но *выводы* Соломона Лурье не выдерживают критики. Вопреки его собственному мнению, он обнаружил отнюдь *не причины* антисемитизма, а только свою собственную принадлежность к специфической категории так называемых самоненавидящих евреев (self-hated Jews). К этой категории психологи относят особую группу евреев-интеллектуалов, которые, выварившись в котле религиозной и национальной нетерпимости, начинают ее оправдывать, находить рациональные объяснения, а для этого — отыскивать в евреях какие-то особые, якобы только им присущие свойства, делающие их ненавистными. По своим внутренним установкам эти интеллектуалы примыкают к идеологам, считающим, что *жертва* преступления служит его *причиной*. Представьте себе, что кого-то в темном переулке пристукнули грабители, и вот на него же и указывают как на причину нападения. С какой-то точки зрения так оно и есть: не пошел бы он по темному безлюдному переулку, глядишь — преступления бы не совершилось! *В таком смысле* и евреи *сами виноваты* в погромах и гонениях: не было бы их на свете — не было бы и антисемитских гонений.

Согласно профессору Лурье, в древнем мире антисемитизм появлялся там, где появлялись евреи, отсюда он и делает вывод, что они сами его порождают своими «*привычками и нравами*». Какими же? Как излагает Солженицын, они «*всегда имеют как бы двойное подданство: стране, в которой они живут, и, выше того, — своему всемирному “землячеству”*» ...В этом-то двойном подданстве, в постоянном сохранении национального чувства не по отношению к стране, где евреи живут, а к своему бестерриториальному единству, Лурье и видит единственную причину антисемитизма во все века, причину озлобления окружающих не-евреев» (стр. 12).

Эти выводы, мягко говоря, очень сомнительны, ибо далеко не все евреи и далеко не во всех ситуациях сохраняют верность своему “землячеству” (например, Лурье его не сохранил). Да и антисемиты подобным объяснением своей нетерпимости к евреям *никогда* не ограничивались. Ненавистному племени приписывались куда более страшные качества и преступления — отравление колодезцев, ритуальные убийства, надругательство над христианскими святынями, колдовство, стяжательство, алчность, патологическая трусость, тайные заговоры и множество других пороков и злодеяний. Причем, само наличие евреев для этого вовсе не обязательно! Я не берусь оспаривать то, что такой выдающийся знаток античности, как С.Я.Лурье, писал о древности, но более поздняя история полна примерами *сильнейшего* антисемитизма *при полном отсутствии евреев*.

Так, Шекспир, скорее всего, не встречал в своей жизни ни одного еврея: из Англии они были изгнаны за два с половиной века до его рождения. Но определенные *представления* о евреях он имел, а какие именно, показано в образе Шейлока: кровожадного, жестокого, всех ненавидящего и всеми ненавидимого ростовщика*. Откуда же взялись такие *представления*? Очевидно, они сохранялись в сознании части британского общества, питаясь предрассудками, передававшимися из поколения в поколение.

Если в Англии евреи отсутствовали лет триста, то в России — восемьсот! Но фантастические *представления* об их коварстве, злобе, кровожадности и т.п. не только снова и снова воспроизводились в сознании обывателей, но и накладывали печать на государственную политику, а порой играли важную роль во внутренних религиозно-политических разборках (пример — расправа над «жидовствующими»).

Поскольку присутствие в обществе евреев вовсе не обязательно для присутствия в нем антисемитизма, то основной посыл С. Лурье не состоятелен. Сам он этого, видимо, не знал или об этом не задумывался, но Солженицыну это хорошо известно. Как, вероятно, и то, что книга «самоотверженного ученого» вскоре после выхода в свет стала настольным пособием для ведущего идеолога нацизма Альфреда Розенберга (выходец из Прибалтики, он хорошо знал русский язык)**.

* Сюжет «Венецианского купца» — совершенно абсурдный — заимствован из старинного немецкого апокрифа, в котором еврей-ростовщик потребовал от несостоятельного должника платы в виде куса его собственной плоти.

** Племянница и биограф С.Я.Лурье пишет: «П.Ф.Преображенский, член партии, нередко ездивший в заграничные командировки... передал С.Я. через третьих лиц, что о его книге одобрительно отзывался

Если взгляды и аргументы С.Лурье, подробно изложенные в ШЕД-1968, перешли в «Двести лет вместе» в рудиментарном виде, то от фрагмента об австрийском философе начала XX века Отто Вейнингере, не осталось даже упоминания. Между тем, в «опусе» 1968 году ему посвящено несколько очень прочувствованных строк: «Этот гений, чудо природы, в двадцать три года сгоревший от гениальности, сам еврей, в главе XIII, II-й части своей блистательной книги “Пол и характер”, разбирая еврейство не как расу и не как вероисповедание, а как духовное направление [?], как психическую конституцию [?], дал критику редкой тонкости и огромной амплитуды» (ШЕД-1968, стр. 11).

Книга Вейнингера «Пол и характер» (1903) дала толчок целому направлению исследований, в этом смысле она действительно считается выдающейся. Но это одно из самых спорных и противоречивых творений не вполне здорового ума и воображения. Молодой философ был почитателем Канта, обладал обширными для его возраста познаниями в биологии, психологии, общественных учениях своего времени. Он был знаком с работами Габино, Дюринга, Чемберлена, но недостаточно подготовлен к тому, чтобы в них критически разобраться. Он сделал попытку доказать моральное и интеллектуальное превосходство мужского начала над женским и арийской расы — над «низшими» расами. Он был противником модернизма, феминизма и других современных течений, а носителями их считал евреев, чью беду видел в отсутствии (или малом присутствии) в них «мужского» начала. Он относил евреев к неполноценным существам (как и женщин), в чем и усматривал причину антисемитизма. Женщины, по его мнению, не заслуживают равноправия в силу своей природной неспособности достичь духовной высоты мужчин арийской расы. Как и евреи. В себе он пытался культивировать «мужское», «арийское» нача-

не то Геббельс, не то Розенберг; было ли это слухом, пущенным из недоброжелательства, или же соответствовало действительности, осталось неизвестным» (Копржива-Лурье Б.Я. История одной жизни. Atheneum, Paris, 1987. С. 98). Но тут же она вынуждена указать, что русский эмигрант — последний Розенберга—Геббельса — Андрей Дикий в приложении к своему людоедскому «исследованию» «Евреи в России и в СССР» (Нью-Йорк, 1967; второе издание — Новосибирск, «Благовест», 1994) поместил в качестве приложения вторую часть книги С.Я.Лурье. Использование книги Лурье в целях культивирования ненависти к евреям (на что, конечно, сам автор вовсе не рассчитывал) — один из множества примеров, указывающих на *истинную* причину антисемитизма: для его культивирования нужны не евреи и не какие-то их пороки — истинные или мнимые, — а *предшествующие* антисемиты, ибо всегда находятся доброхоты, готовые принять эстафету и понести ее дальше.

ло, но, осознав, что природную еврейскую неполноценность не преодолеешь, покончил с собой, доведя свое самоненавистничество до логического конца. В его трагической судьбе, как отчасти и в формировании взглядов, похоже, не последнюю роль сыграла неудачная любовь.

Почему в работе 1968 года, Солженицын опирается на С. Лурье и О. Вейнингера, а из двухтомника они вычищены? Видимо, потому, что за прошедшие тридцать с лишним лет необходимость в самоненавидящих евреях «классического» образца отпала, ибо успела расцвести их новая генерация. Особенно активны некоторые «сионисты», эмигрировавшие из бывшего СССР в Израиль. С молодых ногтей они, как губка, впитывали расхожие антисемитские мифы. Сперва большевистские — про отравленные пули эсерки Каплан, про контрреволюционные заговоры «Иудушки» Троцкого, *etc.* А затем антибольшевистские — про расстрел царской семьи, про «расказачивание», приписанное Свердлову, про «еврейских» комиссаров, чекистов и, конечно, про большевистского палача Лейбу Троцкого*. В Израиле все это и многое другое с мазохистским сладострастием стало выливаться на страницы русскоязычной печати. Черпай горстями! Это и делает Солженицын в первом и, особенно, во втором томе своего двухтомника, обходясь без Вейнингера и Лурье — ведь использование их работ нацистами сильно подпортило их репутацию.

7.

Как я отмечал раньше, «Протоколы сионских мудрецов» в первом томе двухтомника едва упомянуты, а во втором о них говорится очень скупо. Можно заключить, что Солженицын либо не интересовался «Протоколами», либо не придавал им значения. Оказывается, не так! В небольшом опусе 1968 года им посвящена отдельная глава — под выразительным названием: «Протоколы сионских мудрецов и ленинско-еврейская революция в России».

Солженицын излагает историю первой публикации «Протоколов», которую знал неточно. Вероятно, в то время он не располагал всей необходимой литературой по данному вопросу (да и мудрено было располагать: в Советском Союзе она была под запретом!). Похоже, что единственным — впрочем, весьма важным — источником ему служило второе (или какое-

* Иудушке Троцкому повезло больше всех! На каких только дьявольских свадьбах не заставляли его танцевать до упаду *еврееведы* всех толков и направлений!

то более позднее) издание книги Сергея Нилуса «Великое в малом, или антихрист как близкая политическая возможность» (1905), куда в качестве приложения вошли «Протоколы».

Следуя за Нилусом, Солженицын пишет, что публикатор обрел этот текст в 1901 году, но целых четыре года их невозможно было опубликовать «**из-за сопротивления властей**». От себя Солженицын добавляет: «Это последнее заявление очень правдоподобно: как и **всюду всегда**, в России тоже антисемитизм правительственный отставал от антисемитизма волонтеров. Понадобилась революция 1905 г., чтобы открыть путь этой публикации» (ШЕД-1968, стр. 23).

Правдоподобно, но неверно. «Протоколы» впервые были опубликованы в 1903 году в газете «Знамя» П.А.Крушевана. Цензурный устав действительно не разрешал публикаций, «натравливающих одну часть населения на другую»; но по личному указанию министра внутренних дел Плеве разрешение Крушевану было дано в обход Цензурного комитета. Нилус, видимо, ужасно досадовал, что его опередили, вот и считал эту публикацию как бы не существующей, а свою называл первой!

Солженицын не ставит под сомнение подложность «Протоколов» и даже приводит тому свои доводы: «Все это претендует быть записью как бы доклада некоего видного представителя еврейства — масонства. Но ни один трезвый разумный деятель не может излагать свои излюбленные идеи даже среди замкнутых единомышленников столь порочающим для них и для себя образом, столь саморазоблачающим языком» (стр. 23). Он цитирует десятка два фраз, показывающих, что, действительно, самый закоренелый злодей не стал бы таким языком объяснять свои замыслы даже сообщникам: «нам пришлось брать золото из потоков крови и слез», или «нам нужно вооружиться хитростью и пронырливостью, но казаться честными и стоворчливыми», или «мы присвоим себе либеральную физиономию», *etc.* Этот язык говорит о том, что фальшивка была сроботана слишком грубо.

Однако, находя текст «Протоколов» состоящим из «хаотического несоразмерного плохо увязанного материала» (стр. 24), Солженицын, тем не менее, видит в нем «и глубокие **общественные предсказания**, чему судьба была вскоре исполниться, иногда при полном (к 1901 году) невероятии» (стр. 24). На двух с лишним страницах он приводит эти *глубокие* пророчества, иногда сопровождая их собственными ремарками типа: «Сделано!», «В СССР 20—30-х годов исполнено», «Наш метод социализма в действии!», «А ведь в 1901 г. этого в природе не было, кажется?» и так далее (ШЕД-1968, стр. 24—26).

И вывод: «Здесь действительно (по выпискам видно) прорисовываются контуры общественной системы, создание кото-

рой непосильно рядовой голове, вероятно и того публикатора [Нилуса], — системы к тому же динамической: сперва всеобщего расшатывания и взрыва, потом всеобщего стягивания в стройность. — Это — потрудней, чем дать проект водородной бомбы. Это действительно могло быть чьим-то гениальным выкраденным планом, это (вернее, очевидная суть этого!) — совсем не на уровне бульварной брошюры» (стр. 26—27).

Ну, о том, что потруднее, а что полегче, — так это кому что. А вот замечание о *выкраденном плане* как понимать? Если это фальшивка, то она сфабрикована, а если выкрадена, то не фальшивка.

Интересно то, что солженицынская амбивалентность в подходе к «Протоколам» — вовсе не уникальна. Пока его «опус» вылеживался, как кощеево сердце, в каких-то тайниках, до аналогичного понимания «глубокой сути» «Протоколов» дошел, например, лидер общества «Память» Дмитрий Васильев. Как только политика гласности развязала языки, он стал публично цитировать «протокольные» предсказания под ликование переполненных залов, оставляя в стороне щекотливый вопрос о происхождении «гениальных» пророчеств*. Затем Станислав Куняев уже и пропечатал: «Эта книга — плод тщательного анализа всей политической истории человечества. Кто бы ее ни создал — она создана незаурядными умами, злыми анонимными демонами политической мысли своего времени... Читая “Протоколы...”», содрогаешься от ужаса, что многое из предсказанного в них уже осуществилось в истории XX века»**. Эстафету принял митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев), а за ним «историк» Олег Платонов***.

Но это последыши. Первопроходцем в этом плодотворном направлении *протоколоведения* по справедливости должен считаться Солженицын, раньше других углядевший, что «ленинско-еврейская революция» была осуществлением «гениального плана», составленного не позднее 1901 года, когда «еще и Ленин сам не ведал почти ни одной черты своего будущего людоедского строя» (ШЕД-1968, стр. 26—27)****. От этих крис-

* Подробнее в кн.: Резник С. Красное и коричневое. Вашингтон: «Вызов», 1991. С. 193.

** «Наш современник». 1989, № 6. С. 161—162; см. также: Резник С. Красное и коричневое. Вашингтон, 1991. С. 269—270.

*** См.: Резник С. Растление ненавистью. М.: Даат/Знание, 2001. С. 71.

**** Впрочем, и Солженицын лишь продолжатель традиции. В гражданскую войну пропагандистский аппарат денкинской армии, базировавшийся, кстати сказать, в Ростове-на-Дону, родине Солженицына, распространял «Протоколы» под тем же соусом, используя их в качестве предлога и оправдания еврейских погромов; а затем, «бе-

тально-четких формулировок в двухтомник перешли рудименты вроде того, что «разрушительность революции она [еврейская тема] не объясняет, только густо окрашивает» (т. II, стр. 210). Тоже круто, да не набатно.

8.

А вот «протокольные» предсказания в практическом осуществлении:

ШЕД-1968: «Описывалось имущество русской церкви, изымались ее ценности — и через толпу расступающихся верующих проходили в алтарь, да и не снимая шапок, а то еще и папиросы не вынимая из губ, — евреи. Громил православие Емельян Ярославский — еврей, Губельман Миней Израилевич» (стр. 30). Обжигает, как опрокинутый в глотку стакан первача. Остается только поплевать на ладони и хвататься за вилы.

В **ДЛВ-2002** аналогичный эпизод тоже присутствует, но лексикон не тот: «Публично громила православие целая шайка “воинствующих безбожников” во главе с Губельманом-Ярославским» (т. II, стр. 275). Это уже не обжигает, а лишь слегка взбадривает, как глоток какой-то подслащенной шипучки. Вольтаж не тот. Не искрится! Ни тебе Миней Израилевича, ни папиросы в зубах. Да и «шайка безбожников» какая-то безнацио-

жав» на Запад вместе с их черносотенными адептами, «Протоколы» использовались для «объяснения» большевистской революции как всемирного еврейского заговора в действии. Книжка переводилась на разные языки и бойко продавалась по всей Европе. Но в 1921 году было обнаружено, что «Протоколы» — это перелицовка давней сатиры на режим Наполеона III (1864). Памфлет, блестяще написанный публицистом и юристом Морисом Жоли (Maurice Joly), был издан в Брюсселе, под названием «Диалоги в аду между Макиавелли и Монтескье», но при нелегальном ввозе во Францию тираж был конфискован и уничтожен. Сохранилось всего несколько экземпляров, что и сделало книгу удобным объектом для плагиата. Сатирическую направленность памфлета подтвердили власти Второй империи, приговорив автора к 15 месяцам тюрьмы — «за разжигание ненависти и подрыв доверия к правительству» (тогдашний французский вариант известной советской формулировки: «за клевету на государственный и общественный строй»). Собственное «творчество» плагиаторов свелось в основном к тому, что циничное презрение к человечеству, высказываемое в памфлете Макиавелли (Наполеоном III), превращено в презрение евреев к не-евреям, а конкретные черты репрессивного и лицемерного режима Второй империи превращены в черты режима, который евреи после захвата власти намерены навязать человечеству. Большевистский режим в «Протоколах» «предначертан» лишь постольку, поскольку «Диалоги» Жоли — наряду с тиранией Наполеона Малого — изобличали *все* прошлые и будущие тирании.

нальная. Иной читатель может даже припомнить, что та большевистская шайка громила не только православные храмы, но и синагоги, распевая задорными голосами: «Наш девиз всегда таков — долой раввинов и попов!» Словом, хоть и во втором случае, как и в первом, «громит православие» Губельман, да ярость благородная уже не вскипает, как волна, а лишь лениво побулькивает. То ли кастрировали Минея, то ли он бросил курить для сбережения здоровья, но к вилам рука уже как-то не тянется.

9.

В «опусе» 1968 года проводится сопоставление участия евреев в двух мировых войнах: «Когда мне пришлось просматривать списки воинских частей русской армии в войну 1914—18 годов, я, право, встречал там **евреев гораздо чаще**, чем видел сам **в наших воинских частях** в 1943—45 годах» (стр. 44). Это *не* перенесено в «Двести лет вмести»: там о Первой мировой войне отдельный толк (в первом томе), а о Второй — отдельный (во втором). В обоих просвечивает та же *предвзятость* автора, но как бы задрапированная маскировочными средствами. Вот образец этой маскировки.

ДЛВ-2002: *«Хотя я участник той войны, мне меньше всего в жизни пришлось заниматься ею по книгам, собирать о ней материалы или писать о ней что-либо. Но я — видел евреев на фронте. Знал среди них смельчаков»* (т. II, стр. 358—359).

Эти строки *в точности* перенесены из **ШЕД-1968**, но там есть еще одна, *опрокидывающая*, фраза: «Не хоронил ни одного» (стр. 44).

Вот еще образец чеканного шага образца 1968 года: «Народному чувству не прикажешь: осталось у русских, у украинцев, у белорусов **тягостное ощущение, что евреи прятались за их спину**, что могли они провести эту войну достойнее» (стр. 45), у евреев-де был **«расслабляющий расчет: страна здесь — не наша**, кроме нас — много Иванов, им все равно воевать, они и за нас повоюют с Фрицами, а нам **лучше сохранить** свою выдающуюся по талантам нацию, и без того уже вырезанную Гитлером» (стр. 44).

В 2002-м аналогичное «чувство», как мы помним, тоже присутствует, но шаги здесь вихляющие, даже и не шаги, а проползание, с хоронением в складках местности, за кочками и кустиками «еврейских» источников.

Что говорить, Александр Исаевич мастерски владеет словом. *Большой Писатель*. Умеет выразить мысль с такой пафосной силой, что только классикам по плечу. Умеет и закопать ее так,

что археологам и через тысячу лет не докопаться*. Умеет Александр Исаевич и прикрыть сказанное эзопистой вуалью, чтобы все соблазнительные выпуклости сказанного угадывались, но не были выставлены нагишом. На войне как на войне, а какая же война без маскировки, отвлекающих маневров и иных военных хитростей.

10.

Вот текст, который, может быть, правильнее было бы привести в первой половине этих заметок, так как он почти полностью дублируется в обеих работах, но нам сейчас важнее именно несопадающее *почти*. В ДЛВ-2002 читаем:

«Этот у евреев национальный контакт между вольными начальниками и зэками невозможно упустить из виду. Еврей-вольный не настолько глуп, чтобы в еврее-заключенном действительно увидеть «врага народа» или злого хищника народного достояния (как это видел оболваненный русский в русском), он прежде всего видел в нем страдающего соплеменника, — и хвала евреям за эту трезвость! Кто знает великолепную еврейскую взаимовыручку (еще так обостренную массовой гибелью евреев при Гитлере), тот поймет, что не мог вольный начальник еврей равнодушно смотреть, как у него в лагере барахтаются в голоде и умирают еврей-зэки, — и не помочь. Но невероятно представить такого вольного русского, который взялся бы спасать и выдвигать на льготные места русских зэков за одну лишь их нацию — хоть нас в одну коллективизацию 15 милли-

* Вот небольшое отступление для примера. В статье «Раскаяние и самоограничение» читаем: «Конечно, побеждая на русской почве, как движению [большевистскому] не увлечь русских сил, не приобрести русских черт! Но и вспомним же интернациональные силы революции! Все первые годы революции разве не было черт как бы иностранного нашествия? Когда в продовольственном или карательном отряде, приходившем уничтожать волость, случалось — почти никто не говорил по-русски, зато бывали и финны, и австрийцы? Когда аппарат ЧК избил латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами? Когда большевистская власть в острые ранние периоды гражданской войны удерживалась на перевесе именно иностранных штыков, особенно латышских?» и т.д. («Из-под глыб». УМСА-Press, Paris, 1974. С. 135). Попробуйте-ка расшифровать этот код! Никакие Шампольоны не разгадают этих иероглифов без того тайного Розеттского камня, где уже несколько лет как было высечено тем же резцом — про всемирные протокольные планы и их ленинско-еврейское осуществление в отдельно взятой стране. В этом сопоставлении только и можно раскодировать тайну, сокрытую под «интернациональными силами» мадьяр, финнов и разных прочих латышей-австрийцев.

онов погибло: много нас, со всеми не оберешься, да даже и в голову не придет» (т. II, стр. 333).

Не буду утомлять читателя повторным выписыванием того же текста из **ШЕД-1968**. Приведу только заключительную фразу, ибо в ней отличие: «Но невероятно представить такого вольного русского, который взялся бы спасать и выдвигать на посты русских эзков за одну лишь их нацию, из-за того, что нас 30—40 миллионов погибло, *не считая жертв красно-еврейского террора*» (стр. 47, курсив мой. — С.Р.).

Понимать это надо так, что 30—40 миллионов русских погибло в войну. А другие десятки миллионов — расстрелянных, замученных, в их числе и 15 миллионов в коллективизацию — это жертвы *евреев*. Тут уже в пору не за вилы хвататься, а прямо строить газовые камеры. Таков *проступ* прошлого без иероглифов и эзоповой иносказательности. Выходит, мало того, что в «Протоколах» какие-то мудрецы начертали людоедский план, а затем и осуществили его в виде ленинско-еврейской революции; мало того, что среди следователей, бросавших невинных людей в лагеря, евреи встречались чаще, чем русские; мало того, что лагерную систему изобрел еврей Френкель из ненависти к России; мало того, что еврей-зэки (как же это они оказывались в эзках, если поверить всему вышесказанному хоть на пять процентов??), выбиваясь на придурочные должности, тотчас тянули за собой остальных евреев; так еще и лагерные начальники-евреи состояли в сговоре с эзками-евреями и всеми силами выручали *своих*, обрекая всех прочих на гибель. (И — NOTABENE — снова *хвала* евреям за эту трезвость, вот и русскому Ивану бы так, да он ведь доверчивый простак, разве он способен на такие коварства, бери его голыми руками!)

11.

Смешно было бы отрицать, что в лагерях, как в любом социуме, люди объединялись по взаимному влечению и симпатии, по тому или иному сродству. Интеллигенты тянулись к интеллигентам, земляки к землякам. Тянулись друг к другу люди сходных профессий, увлечений, возраста, бывшие однокашники, однополчане, те, кто раньше встречался в лагерных скитаниях или хотя бы имел общих знакомых. Уголовники объединялись в бандитские группы, чтобы вернее третировать политических; политические совместно противостояли уголовникам, но во внутренних разборках делились по партийной или фракционной принадлежности. А Авторханов в «Технологии власти» рассказал поразительную историю о том, как брошенные в тюрьму *бухаринцы* оказались в одной камере с сидевши-

ми уже несколько лет *зиновьевцами*; как жадно те выслушали свежие вести с воли; а затем между двумя группами завязался спор, дошло до драки, и *зиновьевцы*, имея численный перевес, вышвырнули *бухаринцев* из камеры!

«Наиболее фундаментальными и сильными кланами были те, что формировались вокруг национальной принадлежности или места рождения. Их возникновение было достаточно естественным. Новый заключенный по прибытии [в лагерь] немедленно начинал искать своих соплеменников: эстонцев, украинцев или — в незначительном числе — американцев», — пишет Энн Эпплбом, автор наиболее полного на сегодняшний день историко-научного исследования ГУЛАГа*.

Приведя пример того, как в одном лагере финско-говорящие ээки сплотились, чтобы совместно защищаться от уголовников, Эпплбом продолжает:

«Не все национальные кланы были одинаковы. Например, мнения расходятся относительно того, создавали ли заключенные-евреи свои собственные сети, или они были растворены в общем русском населении (или, если говорить о большом количестве польских евреев, в общем польском населении). Похоже, что в разные времена это было по-разному, и многое зависело от личности каждого. В конце тридцатых годов, когда было арестовано много евреев в ходе репрессий против высшей номенклатуры и армии, похоже, что они считали себя, прежде всего, коммунистами, а потом уже евреями. Как выразился один заключенный, в лагерях “все становятся русскими — кавказцы, татары, евреи”»**.

Эпплбом приводит примеры поразительной национальной солидарности, проявлявшейся некоторыми евреями, в особенности из числа польских. Некий Либерман, возглавлявший относительно легкое швейное производство, с прибытием каждого этапа выкликивал евреев и забирал их на свою фабрику, а раввина, которому целыми днями полагалось молиться, Либерман, рискуя головой, прятал в потайной кладовке, давая возможность не работать, а с утра до вечера читать молитвы.

Но то были редкие случаи. Куда чаще встречались евреи, которые, если выбивались на теплые места, то именно своих соплеменников третировали особо жестоко — как раз из страха, что их обвинят в потворстве *своим*.

У Солженицына об этом противоположное понятие. Рассказывая о том, чему сам был свидетелем в 121-м лагучастке в

* Applebaum A. GULAG: A History, Doubleday. New York, 2003. P. 295.
** Там же. С. 296.

Москве (строительство здания на Большой Калужской), он пишет в опусе 1968 года: «Я не могу забыть, как **вся наша тамошняя жизнь руководилась и топталась тремя евреями**, занявшими ведущие посты: Соломоном Соломоновым, главным бухгалтером; Давидом Бурштейном, воспитателем, а потом нарядчиком и Исааком Бершадером. (Первый и третий перед тем так же точно вершили лагерем при МАДИ.) И это все — при русском начальнике — мл. л-те Миронове. [Понимай так, что Иваны-тюремщики тоже были простофилями.]

Все трое они появились уже при моих глазах — и для всех троих снимали тотчас их предшественников, русских. Сперва прислали Соломонова, он уверенно занял надлежащее место и овладел душой младшего лейтенанта. Вскоре прислали и Бершадера, с бумажкой: “использовать только на общих работах” (**необычайно для бытовика, уж, значит, нашкодил** изрядно). Лет пятидесяти, низенький, неприятно-жирный, с хищным носом и взглядом, толстыми похотливыми губами, он обошел и осмотрел зону снисходительно, как генерал из Главного Управления. Старший надзиратель спросил его:

— По специальности — кто?

— Кладовщик.

— Такой специальности не бывает.

— А я — кладовщик.

— Все равно за зону будешь ходить. В разнорабочей бригаде.

Два дня его выводили. Пожимая плечами, он выходил, в рабочей зоне садился на камень и почтенно отдыхал. Бригадир наладил бы его по шее, но робел и бригадир: так уверенно держался новичок, что чувствовалось — это сила. Угнетенно ходил и кладовщик зоны Севастьянов. Он два года заведовал тут слитым складом продовольствия и вещевого снабжения, прочно сидел, неплохо жил с начальством, но повеяло на него холодом: **все решено! Бершадер — кладовщик по специальности!**

Потом санчасть освободила Бершадера по болезни от всяких работ, и он уже отдыхал в жилой зоне. За это время, видимо, поднесли ему кое-что с воли. Не прошло недели — Севастьянов был снят, а кладовщиком назначен Бершадер (Соломонов помогал ему договориться с начальником лагучастка). Тут выяснилось, однако, что **физическая работа пересыпки крупы и перекладки ботинок** ему тоже **противопоказана**. Он взял на помощь холуя, как-то провел его через штаты обслуги и кормил. В лагерной баньке стояла ванна, украденная зэками со строительства, в ней мылось вольное начальство, теперь разрешили и единственному из заключенных — Бершадеру. Шумная бригада зэков, неожиданно запущенная, застала его там. Не помню более неприятной мужской наготы. Бершадер лежал в ванне, поджав ноги, и казался круглым жирным комом пу-

дов на шесть. Как свисали у него жирные щеки со скул, так свисали дальше волосатые мешки грудей, и жирные мешки на ребрах, и волосатый огромный живот.

Но и это еще не была полнота жизни. Самую красивую и гордую женщину лагеря, лебедя белого, М-ву, он согнул и **поневолил ходить к нему в каптерку вечерами**. Появился Бурштейн — и другую красавицу, А.Ш., приспособил к своей кабинке» (ШЕД-1968, стр. 48—49).

Шесть пудов ненависти здесь замешаны уже и на дрожжах физиологического отвращения. А относится это ко времени, когда в Большой Зоне полным ходом шла травля «космополитов». Газеты были переполнены антисемитскими пасквилями. Клеймение евреев и тех, кто не проявил должной бдительности при выявлении их злодейств, стало обязательным ритуалом. Неужели все это никак не отразилось на быте, на «политико-воспитательной работе», на укладе жизни ГУЛАГа? Неужели при повседневных проработках и накачках начальник лагеря Миронов (допустим, подкупленный) *посмел* отдать весь подчиненный ему контингент на съедение трем евреям, не опасаясь доноса, ревизии! А эти трое — какими бы наглыми они ни были — неужели не остерегались доносов или просто ножа в спину в отместку за свое тиранство?

Солженицын уверяет, что наглость и тщеславие троицы перекрывали все — даже элементарную осторожность. «Они как будто нарочно сгущали **материал для антиеврейского** пасквиля. Они несколько не беспокоились, как это выглядит со стороны, как это может быть оценено» (ШЕД-1968, стр. 49).

Так уж и не беспокоились? Свежо предание, да верится с трудом. *Увидеть со стороны* можно по-разному — зависит от того, как смотреть.

Увиденное Солженицыным настолько ему дорого, что, забыв о светомаскировке, он перенес тот же текст в «Двести лет вместе» (т. II, стр. 338—339). Ну, не совсем забыв. Самый смачный кусок — про отмачивающиеся в ванне *шесть пудов еврейского жира* — ампутирован. А без того и *Лебедь Белая* не так трагично скользит по глади вод в пасть к этому супер-Шейлоку.

Между прочим, невольный вопрос возникает — как же мог *кладовщик* поневолить такое гордое создание? Приманить калачом — это понятно, но *поневолить*? Да он сам невольник!

Ответ — в «Архипелаге ГУЛАГ», где эта пара тоже присутствует, но в ином контексте:

«Была у нас в лагерьке на Калужской заставе (в Москве) гордая девка М., лейтенант-снайпер, как царевна из сказки — губы пунцовые, осанка лебяжья, волосы вороновым крылом. И наметил купить ее старый грязный жирный кладовщик Иса-

ак Бершадер. Он был и вообще отвратителен на взгляд, а ей, при ее упругой красоте, при ее мужественной недавней жизни особенно. Он был корягой гнилой, она — стройным тополем. Но он обложил ее так тесно, что ей не оставалось дохнуть. Он не только обрек ее общим работам (*все придурки действовали слаженно, и помогли ему в облаве*) (курсив мой — С.Р.), придиракам надзора (а на крючке у него был и надзорсостав) — но и грозил неминуемым худым далеким этапом. И однажды вечером, когда в лагере погас свет, мне довелось самому увидеть в бледном сумраке от снега и неба, как М. прошла тенью от женского барака и с опущенной головой постучала в каптерку алчного Бершадера. После этого она хорошо была устроена в зоне» (АГ, т. 2, часть 3, гл. 8).

Вот что оказывается!

Не собственными силами тучный кладовщик поневолил *Лебедь Белую* — тут весь батальон придурков старался, укрепленный отдельным взводом надзорсостава! То была сплоченная банда. Сколько их всего было, Солженицын не сообщает, но ориентировочно можно прикинуть: по его выкладкам, придурки составляли 15—20 процентов лагерного населения. Если считать (по минимуму), что в небольшом лагере на Калужской содержалось, допустим, три-четыре сотни эков, то *в спасительной группе* придурков их было человек 60—80, а с надзирателями наберется никак не меньше сотни. (Входил в ту сотню и сам автор: о том, как выбился в придурки, и даже на очень высокий пост начальника производства, он сам и поведал в АГ.) Надо иметь особые очки-велосипед, с волшебной оптикой, чтобы из этой многонациональной сотни выхватить ослепительным лучом трех отвратных евреев да поставить их во главе всей банды!

Никаких признаков того, что именно эта тройка всем заправляла, в АГ нет, да и фигура ожиревшего кладовщика — при всей ее гротескной отвратительности — не так уж и выступает из общего ряда. Глава «Женщина в лагере», из которой взят абзац о Бершадере, — одна из самых сильных в «Архипелаге ГУЛАГ». Размашистой кистью, с рубенсовской щедростью, написано монументальное полотно, и «бершадерский» мазок не нарушает общей гармонии. Вот несколько *предшествующих* абзацев:

«...считается, что женщине в лагере — “легче”. Легче ей сохранить саму жизнь. С той “половой ненавистью”, с какой иные доходяги смотрят на женщин, не опустившихся до помойки, естественно рассудить, что женщине в лагере легче, раз она насыщается меньшей пайкой и раз есть у нее путь избежать голода и остаться в живых. Для истощенно-голодного весь мир заслонен крылами голода, и больше несть ничего в мире.

И правда, есть женщины, кто по натуре вообще и на воле легче сходится с мужчинами, без большого перебора. Таким, конечно, в лагере всегда открыты легкие пути. Личные особенности не раскладываются просто по *статьям* Уголовного кодекса, — однако, вряд ли ошибемся, сказав, что большинство Пятьдесят Восьмой составляют женщины не такие. Иным с начала и до конца этот шаг непереносимее смерти. Другие ежатся, колеблются, смущены (да удерживает и стыд перед подругами), а когда решатся, когда смирятся — смотришь, поздно, они уже не идут в лагерный спрос.

Потому что *предлагают* не каждой.

Так еще в первые сутки многие уступают. Слишком жестоко очерчивается — и надежды ведь никакой. И этот выбор вместе с мужниными женами, с матерями семейств делают и почти девочки. И именно девочки, задохнувшись от наготы лагерной жизни, становятся скоро самыми отчаянными.

А — нет? Что ж, смотри! Надевай штаны и бушлат. И бесформенным, толстым снаружи и хилым внутри существом, бреди в лес. Еще сама приползешь, еще кланяться будешь.

Если ты приехала в лагерь физически сохраненной и сделала *умный* шаг в первые же дни — ты надолго устроена в санчасть, в кухню, в бухгалтерию, в швейную или прачечную, и годы потекут безбедно, вполне похоже на волю. Случится этап — ты и на новое место приедешь вполне в расцвете, ты и там уже знаешь, как поступать с первых же дней. Один из самых удачных ходов — стать прислугой начальства. Когда среди нового этапа пришла в лагерь дородная холеная И.Н., долгие годы благополучная жена крупного армейского командира, начальник УРЧа тотчас ее высмотрел и дал почетное назначение мыть полы в кабинете начальника. Так она мягко начала свой срок, вполне понимая, что это — удача.

Что с того, что кого-то на воле ты там любила и кому-то хотела быть верна! Какая корысть в верности мертвячки? “*Выйдешь на волю — кому ты будешь нужна?*” — вот слова, вечно звенящие в женском бараке. Ты грубеешь, стареешь, безрадостно и пусто пройдут последние женские годы. Не разумнее ли что-то спешить взять и от этой дикой жизни?

Облегчает и то, что здесь никто никого не осуждает. “Здесь все так живут”.

Развязывает и то, что у жизни не осталось никакого смысла, никакой цели.

Те, кто не уступили сразу, — или одумаются, или их заставят все же уступить. Самым упорным, но если собой хороша — сойдется, сойдется на клин — сдавайся!» (АГ, т. 2, часть 3, гл. 8).

Таков фон, на котором в АГ появляется *Лебедь Белая* (там она названа стройным тополем), ныряющая в каптерку к кла-

довщику. Эпизод не выделяется из ряда других: “Здесь все так живут”. Да и национальность кладовщика никак не выделена и даже не названа, о ней говорит только имя персонажа, который — при всей его отвратительности — не хуже других охотников до любовных утех. Что и показано в последующих абзацах:

«М.Н., уже средних лет, на воле чертежница, мать двоих детей, потерявшая мужа в тюрьме, уже сильно доходила в женской бригаде на лесоповале — и все упорствовала, и была уже на грани необратимой. Опухли ноги. С работы тащилась в хвосте колонны, и конвой подгонял ее прикладами. Как-то осталась на день в зоне. *Присыпался* повар: приходи в кабинку, от пуза накормлю. Она пошла. Он поставил перед ней большую сковороду жареной картошки со свининой. Она всю съела. Но после расплаты ее вырвало — и так пропала картошка. Ругался повар: “Подумаешь, принцесса!” А с тех пор постепенно привыкла. Как-то лучше устроилась. Сидя на лагерном киносеансе, уже сама выбирала себе мужика на ночь.

А кто прождет дольше — то самой еще придется плестись в общий мужской барак, уже не к придуркам, идти в проходе между вагонками и однообразно повторять: “Полкило... полкило...” И если избавитель пойдет за нею с пайкой, то завесить свою вагонку с трех сторон простынями, и в этом шатре, шалаше (отсюда и “шалашовка”) заработать свой хлеб. Если раньше того не накроет надзиратель.

Вагонка, обвешанная от соседок тряпьем, — классическая лагерная картина. Но есть и гораздо проще. Это опять-таки кривошековский 1-й лагпункт, 1947—1949. (Нам известен такой, а сколько их?) На лагпункте — блатные, бытовики, малолетки, инвалиды, женщины и мамки — все перемешано. Женский барак всего один — но на пятьсот человек. Он — неопишимо грязен, несравнимо грязен, запущен, в нем тяжелый запах, вагонки — без постельных принадлежностей. Существовал официальный запрет мужчинам туда входить — но он не соблюдался и никем не проверялся. Не только мужчины туда шли, но валили малолетки, мальчишки по 12—13 лет шли туда обучаться. Сперва они начинали с простого наблюдения: там не было этой ложной стыдливости, не хватало ли тряпья или времени — но *вагонки не завешивались*, и конечно, никогда не тушился свет. Все совершалось с природной естественностью, на виду и сразу в нескольких местах. Только явная старость или явное уродство были защитой женщины — и больше ничто. Привлекательность была проклятьем, у такой непрерывно сидели гости на койке, ее постоянно окружали, ее просили и ей угрожали побоями и ножом — и не в том уже была ее надежда, чтоб устоять, но — сдать-то умело, но выбрать такого, который потом угрозой своего имени и своего ножа защитит ее от ос-

тальных, от следующих, от этой жадной череды, и от этих обезумевших малолеток, растравленных всем, что они тут видят и вдыхают. Да только ли защита от мужчин? и только ли малолетки растравлены? — а женщины, которые рядом изо дня в день все это видят, но их самих не спрашивают мужчины — ведь эти женщины тоже взрываются наконец в неуправляемом чувстве — и бросаются бить удачливых соседок.

И еще по Кривошековскому лагпункту быстро разбегаются венерические болезни. Уже слух, что почти половина женщин больна, но выхода нет, и все туда же, через тот же порог тянутся властители и просители. И только осмотрительные, вроде баяниста К., имеющего связи в санчасти, всякий раз для себя и для друзей сверяются с тайным списком венерических, чтобы не ошибиться.

А женщина на Колыме? Ведь там она и вовсе редкость, там она и вовсе нарасхват и наразрыв. Там не попадайся женщина на трассе — хоть конвоиру, хоть вольному, хоть заключенному. На Колыме родилось выражение *трамвай* для группового изнасилования. К.О. рассказывает, как шофер проиграл в карты их — целую грузовую машину женщин, этапиремых в Эльген, — и, свернув с дороги, завез на ночь расконвоированным, стройрабочим» (АГ, т. 2, часть 3, гл. 8).

Нет, это не Рубенс. Это Босх!

Какие здесь *круги ада* очерчены — первый, второй или все семь? Можно бы полюбопытствовать: почему на этом большом полотне один только Исаак Бершадер назван по имени (да еще Бурштейн, впрочем, только и названный)? Почему не тот повар, что вызвал рвоту у *приневоленной* им пассии; и не тот колымский шофер, что машинами отвозил баб на растерзание озверевшим самцам; и не баянист К., предохранявшийся от сифилиса своими особыми связями в санчасти? (Ну, онто, видимо, никого не неволил. Пригожий был паренек — жилистый, поджарый, ни щеки, ни брюхо не отвисали. А как частушки начинал на баяне наяривать, так, небось, все Лебединое Озеро устремлялось к нему наперегонки — только успевай по списочку проверять, чтобы ненароком не вляпаться!) Но — что мне в имени твоём! Назван или не назван, а в «Архипелаге» кладовщик-еврей — рядовой хорист: голос его сливается с остальными голосами.

Перед нами бесспорная, страшная в своей наготе, в своем обнаженном бесстыдстве — *правда*. И тем она страшнее, что нет в ней никакой аффектации, никакого искусственного нажима, почти никакой авторской риторики. Эпичность повествования лишь усиливает впечатление жуткого трагизма. Более сурового приговора большевизму, чем тот, что содержится в главе «Архипелага» «Женщина в лагере», мне неизвестно.

А в параллельно писавшемся опусе-оборотне та же великая трагедия предстает в виде скверного анекдота: про шестипудовый мешок еврейского жира, главенствующий над миром большевистской каторги.

12.

ШЕД-1968: «Часть событий той лагерной зоны я представил в пьесе. Понимая, что изобразить так, как оно все было, невозможно, что это будет разжигание ненависти к евреям (как будто это тройка не пуще разжигала ее в жизни, мало заботясь о последствиях), я утаил омерзительного жадного Бершадера, я скрыл Бурштейна, я переделал спекулянтку К-н в неопределенную восточную Бэллу [ну, эту жертву невозможно не оценить!] — и только одного оставил еврея — Соломонова, в точности каким он был*. И что же, прочтя пьесу, сказали мне мои либеральные друзья-евреи? **Они были переполошены, возбуждены до крайности, и поставили мне ультиматум, что разорена будет и вся дружба наша, и предсказывали, что само имя мое будет невозвратно утеряно и опозорено, если я оставлю в пьесе Соломонова»** (49—50).

Через 34 года Солженицын повторил этот текст с некоторыми уточнениями. Названы имена тех друзей-евреев. Это супруги Теуши — тайные хранители его архива. Хоть они были «глубоко ранены фигурой Соломонова» (читай: антисемитским звучанием пьесы), да, видно, не так уж и глубоко, потому что рукописи Солженицына продолжали хранить, пока не вычислил их КГБ, что и сломало им жизнь. Об этом Солженицын не упоминает — такая малость не стоит внимания. Ему важнее «доругаться» с Теушами по поводу пьесы, хотя доругивается он в двух работах по-разному.

ДЛВ-2002: «Я охолонул: наступил внезапный цензурный запрет с неожиданной для меня стороны, и не менее грубый, чем советский официальный» (т. II, стр. 340).

ШЕД-1968: «Как будто полновесную правду можно писать местами — там, где это приятно, безопасно и популярно» (стр. 50).

Ну, насчет цензурного запрета Александр Исаевич перехватил. Так любое несогласие, любое критическое замечание можно приравнять к топору. Зато в том, что правду нельзя писать *местами*, его замечание более чем справедливо. Нельзя! Но если очень хочется, то можно. Например, в труде 2002 года сообща-

* Странное утверждение. Кому не известно, что *художественный образ* никогда в *точности* не соответствует прототипу. Он всегда обобщение, всегда выражение авторского отношения к миру и человеку. Солженицын как писатель не может этого не понимать.

ется, что конфликт с Теушами решился «тем, что “Современнику” тут же запретили ставить пьесу» (стр. 340). Обойдена та подробность, что запрет произошел по *его собственной* наводке! Ведь по поводу пьесы он сам звонил помощнику Хрущева В.Лебедеву — просил совета у «коммуниста, которому он доверяет». Вот для чего понадобился самодонос! Пьесу-то осудили его друзья (не только «либеральные евреи» Теуши, но и «литературный отец» Твардовский; вероятно, и другие). А в театре уже шли репетиции, остановить их без видимых внешних причин было невозможно. Вот и случилось так, что *Лебедь Белую* пристрелил партийный босс *Лебедев*, а автор пьесы сыграл роль капитана *Лебядкина*.

Но то была *тайная* роль, о ней так никто и не узнал, не вспоминать же о ней в 2002 году!

13.

«Казалось бы, ничтожному, придавленному и обреченному лагернику на одной из ступеней его умирания — не все ли равно, кто именно захватил внутри лагеря власть и справляет свои вороньи пикники над его траншеей-могилой? Оказывается — нет, это врезается неизгладимо. Именно в таком лагере **теряешь всю светлость и твердость своих прежних интернациональных убеждений**».

Это — одно из ключевых мест, которые, преодолев дистанцию в 34 года, нетронутыми перекочевали из «опуса» 1968 года (стр. 48—49) в опус 2002 (т. II, стр. 339). К нему стоит приглядеться, оно многое объясняет.

Интернациональные убеждения — это не сбоку бантик. Не архитектурное украшение, которое можно соскоблить, не повредив всей постройки. Нет, это одна из несущих опор системы ценностей и моральных принципов современного человека. Подпили эту колонну, и рухнет вся постройка. Все базовые понятия о человечности, гуманности, справедливости превратятся в руины, пригодные, в лучшем случае, на то, чтобы дурачить глуповатых идеалистов красивыми словами.

Отняв у Солженицына твердые интернациональные убеждения, лагерь его нравственно сломил. Превратил в человека подполья — ошетиленного, отовсюду ждущего удара, способного приноровиться к любым обстоятельствам, умеющего мстить и льстить, привораживать тех, кто может быть полезен, и спокойно переступить через них, когда надобность в них отпадет*.

* О том, как это происходило в некоторых конкретных случаях, с большой искренностью и болью в сердце рассказано в книге И.Зильберберга «Необходимый разговор с Солженицыным» (Англия, 1976), в свое время мало кем оцененной.

Такая душевная травма, как правило, не залечивается; похоже, что после лагеря Солженицыну так и не удалось преодолеть надлома — не помогли ни всесветная слава, ни бодание с дубом, ни два десятка лет, прожитых в условиях свободы, ни триумфальное возвращение в постсоветскую Россию.

Природа наделила его большим литературным талантом, могучей энергией, колоссальной работоспособностью. Благодаря этим качествам он сумел создать ряд сильных художественных произведений. Написано им и много слабых текстов, но от писателя, к счастью, остаются *лучшие* создания, а *худшие* забываются, вымываются из духовного опыта общества, сохраняясь лишь в поле зрения узкого круга специалистов. В этом отношении литературная судьба Солженицына — скорее правило, чем исключение.

Но сам он претендует на *исключительное* место — выразителя чаяний целого поколения, лидера духовного противостояния тоталитарной власти, негибаемого поборника правды, высшего нравственного авторитета, *учителя жизни*. И, что важнее, интеллигенция России, а за ней и Запада, охотно предоставили ему эту роль. Десятилетиями он говорил *за нас* то, что многие из нас думали, но не решались сказать. А порой то, о чем боялись и подумать. И как говорил!

«Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполняю при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть. Но может быть многие уроки научат нас, наконец, не останавливать пера писателя при жизни? Это еще ни разу не украсило нашей истории»*.

И как же мы восторгались *им*, как гордились *им*, когда, с затаенным дыханием прильнув к радиоприемникам, сквозь треск глушилок, вслушивались в *сокровенные* слова, произносимые с такой прямоотой, с таким несокрушимым достоинством, что невозможно было усомниться: *он* — не свернет! И как же кружилась голова от счастья, что вот появился среди общей нашей робости и немоты *голос*. Голос, что говорит *им* оглушительную *нашу* правду. И все их водородные бомбы, подслушивающие гэбэшные устройства, первые отделы, отделы пропаганды, вся их паршивая система запугивания и подкупа *перед ним* — бессильны. И вся их власть — *перед ним* — трепещет!

Ан, то была правда невсамделишная, не *та* правда, что лежала, на дне его души, а та, которую мы *ждали* от него

* Солженицын А. Письмо к Съезду Союза Советских Писателей. Воспроизведено в кн.: Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Париж, YMKA-Press, 1975. С. 491—492. Цит. по: Штурман Д. Городу и миру: о публицистике А.И.Солженицына. Париж—Нью-Йорк, «Третья волна». С. 15.

услышать. Ее он и лепил — *нам*. Не *им*, а *нам*. А в подпольную тетрадку сливалось затаенное:

«И вот мы у себя в стране напуганы: разговаривая с передовыми, образованными людьми, а тем более берясь за перо, мы прежде всего остерегаемся, оглядываемся — как бы евреев не обидеть» (ШЕД-1968, стр. 14).

Бесстрашный-то, оказывается, жил *в страхе иудейском!* Не перед *ними*, с их лубянками и бутылками, с их психушками и карцерами — их он не боялся, а перед *нами*, «передовыми образованными» детишками, которых так легко, оказывается, было обвести вокруг пальца!

Они обошли его Ленинской премией, *мы* прокладывали путь к Нобелевской. И снова слышим слова, тяжелыми гирями ложающиеся на *нашу* чашу весов:

«На эту кафедру... представляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем-четырем промощенным ступеням, но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие — может быть с большим даром, сильнее меня — погибли... В темных лагерных перебродах, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас. Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец — и как сразу отзывно откликнется мир»*.

Мир откликнулся. Не так *отзывно*, как нам хотелось (нам-то хотелось, чтобы только *ему* внимали, никому больше! только *его* одного слушали, то есть *нас*, его голосом вещающих), но — откликнулся. Мир снова услышал то, что хотел: что есть еще порох в пороховницах, не все еще раздавлено катком большевизма, не все готовы склониться перед грубой силой. Пусть она ломит солому, но духа человеческого ей не сломить!

«Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием... Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, — оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь ложью, прикрываясь ее сладкоречием. Оно уже не всегда, не обяза-

* Солженицын А. Нобелевская лекция. В кн.: Солженицын А. Публицистика, статьи и речи. YMCA-Press, Париж, 1981. С. 10. Цит. по: Штурман Д. Ук. соч. С. 18.

тельно прямо душит глотку, чаще оно требует от подданных только присяги лжи, только соучастия во лжи»*.

Вот что и как он говорил! То были не слова, а стрелы, впивавшиеся в каждое не утратившее совести сердце!

А в подпольной тетрадке уже несколько лет спрессовывалось:

«Увы, как и наше правительство, противостоящие ему ныне евреи по отношению к себе не признают никакого спектра оценок: либо безоговорочное одобрение и восхваление, либо — антисемитизм. А как быть, если отношение трезво-критическое (и при том сочувственное, как у меня!**)?) Или юмористическое? Это все попадет в антисемитизм. Казалось бы: ничего и никто на свете не существует без недостатков, значит есть недостатки и у евреев? Но говорить о них — запрещено, всякий заговоривший об общеврейских недостатках будет выставлен и ославлен антисемитом» (ШЕД-1968, стр. 14).

Вот такие установлены запреты!

Ну, хорошо, допустим, что установлены. Но Солженицыну ли бояться запретов? Он-то правду-матку лепил всем прямо в лицо! Хоть верным ленинцам, хоть наследникам Сталина, хоть подлым чинушам из Союза Писателей и всем прочим образованцам, хоть погрязшему в меркантилизме Западу. Да и в той подпольной тетрадке эпиграфом поставлено: «Правду говорить — никому не угодить». Почему же евреям угождать и самую свою сокровенную правду тридцать с лишним лет прятать в подполье — пока не явился с медвежьей своей услугой *евревед* Анатолий Сидорченко. А явился, так сразу и заклеял *безумцем-фальсификатором* и *хулиганом-провокатором, вываливающимся из цивилизованного поля*.

Выходит — страшной еврея зверя нет! Так и прожита жизнь с кляпом в глотке. А как же писательская задача? Осталась невыполненной?

Ну, теперь-то выполнена задача! Хоть с опозданием в 34 года, но страх иудейский преодолен. Двумя увесистыми томами та *подпольная* правда — теперь высказана! В слегка закамуфлированном маскировочными средствами — в основном из «еврейских источников» — виде, но высказана. А без маскировки никак нельзя. На войне как на войне.

Иначе и невооруженным глазом каждому будет видно, что перед нами та же размазанная на тысячу страниц сага про поневоленную *Лебедь Белую* и про поневолившие ее *шесть пудов еврейского жира*.

* Солженицын А. Нобелевская лекция. В кн.: Солженицын А. Публицистика, статьи и речи. УМСА-Press, Париж, 1981. С. 10. Цит. по: Штурман Д. Ук. соч. С. 22.

** Сочувственное отношение — к придуркам, которые тянут всех своих в придурки же, к тем, кто организовал ГУЛАГ и красно-еврейский террор, а до того — ленинско-еврейское людоедство!)

Приложение II

СЕМЁН РЕЗНИК СОЛЖЕНИЦЫНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В России шум и гам и суета. Сенсация. *Солженицын ответил!* После трех лет грозного молчания — ответил на критику своей последней двухтомной книги «Двести лет вместе». Ответил так, что перья летят. Знай наших! Кому же и что он ответил? Об этом и поговорим.

Спасительный компромат

О том, что на интернете появились «страшные разоблачения» А.И.Солженицына, мне сообщили вместе с адресом сайта — сразу же после их публикации в марте 2003 года. Открыв сайт, я оказался в ... «*Домашней библиотеке компромата Сергея Горшкова*». Кто такой этот компроматчик, я понятия не имел, ничего не знаю о нем и теперь. Общий заголовок сайта — «Весь сор в одной избе» — втиснут между дважды написанным «Comproat.Ru». Жирным шрифтом набран аншлаг: «**Солженицын свою «карьеру» начал с того, что «создал» контрреволюционную группу**». Затем следует отсыл: «Оригинал этого материала ИА “Город 24”» 19.03.2003*. Заголовок сенсационной публикации звучал так: «**СМИ не пишут правду о стукаче Солженицыне**».

В аккуратной рамочке — широко известная фотография молодого Солженицына в тюремном бушлате, с большой белой биркой на груди. На ней ясно прочитывается буква «Щ» и не совсем ясно — число: то ли «282», то ли «262»; такая же бирка на колене, но она прикрыта рукавом, из которого выглядывает запястье зябливо просунутой в другой рукав (или подсунутой под него) руки. Фигурка съезжившаяся, голова втянута в приподнятые плечи, тонкие губы сжаты, взгляд затравленный,

* Я не поленился заглянуть в этот «Город 24», дабы посмотреть, откуда ноги растут; попал на сайт, прописанный в Брянске, но при беглом просмотре данного материала не нашел и вернулся в библиотеку Горшкова.

вместе с тем хитроватый. А рядышком с портретом — узкой ковровой дорожкой стелится «убойный» текст первого абзаца:

«Я не желаю, чтобы имя моего отца упоминалось рядом с именем подонка Солженицына!» — с точки зрения обывателя, мозги которого основательно промыты телепропагандой, эти слова Николая Виткевича-сына выглядят просто святотатством. Но у него есть веские причины так говорить — избранный на должность “всероссийского мессии” Александр Солженицын свою “карьеру” начал с того, что на бумаге “создал” контрреволюционную группу, в которую записал себя, свою жену и своих друзей».

Кульминационным моментом разоблачений следует считать главку «Экибастузский донос», с фотокопией написанного якобы рукой Солженицына сообщения «куму» от 20 января 1952 года — о готовящемся лагерном восстании. Подписан донос агентурным именем Солженицына «Ветров». Наискосок наложена резолюция, есть и еще пометки, показывающие, что с бумагой *работали*.

С возраставшей брезгливостью я заставил себя дочитать этот «компромат» до конца (больше 13 страниц компьютерной распечатки) — просто чтобы убедиться в том, что бросалось в глаза с самого начала: это перепевы гебистских фальсификаций 30—40-летней давности. В свое время *органы* вовлекли в это занятие бывших соучеников, однодельцев Солженицына (Симонян, Виткевич), его первую жену Наталью Решетовскую, мстившую ему после развода, агентов влияния и просто агентов КГБ, в их числе провокатора-чеха Томаша Ржезача и немца из Западной Германии Франка Арнау. (Наивный расчет гебистов состоял, видимо, в том, что на Западе иностранцам скорее поверят, чем доморощенным компроматчикам.)

Деза запускалась в оборот потому, что возразить *по существу* на содержащиеся в «Архипелаге ГУЛАГ» разоблачения системы Кремль не мог. Делали ставку на то, чтобы вывалить в перьях автора и тем ослабить силу воздействия его произведений. Но эффект получился обратный: Кремль лишний раз продемонстрировал, что способен на любую низость. Убедившись, что провокация не проходит, КГБ постарался сделать все, чтобы она поскорее забылась.

И вот кому-то понадобилось разогреть эти щи, протухшие тридцать лет назад. Кому и зачем? На это у меня ответа нет. Но кому должна быть на руку реанимация помоев как раз в то время, когда стала подниматься волна возмущенных откликов на второй том книги «Двести лет вместе», мне как-то сразу же стало понятно.

В первом томе сравнительно немногие критики увидели — позволили себе увидеть! — то, что под умиротворяющей об-

ложкой цвета морской волны, под ублаговворяющим заголовком благоухают коричневые цветы племенной розни и ненависти. Второй том трактует события, которые памятли миллионам. Тут и слепцы прозрели. В этот момент и выпорхнули старые гебистские фальсификации.

Мне звонили и слали электронные послания, советовали взять этот «убойный» материал на вооружение. Приходилось разъяснять, что подменять обсуждение книги «Двести лет вместе» уличением автора в прошлых грехах и преступлениях (действительных или мнимых) я считаю непрофессиональным и неэтичным — так же, как и трубить о его былых заслугах в ответ на конструктивную критику. Солженицыну как раз и выгодно увести разговор подалеже от текста книги, но я за ним не последую. В моем компьютере сохранилось несколько электронных посланий, отражающих эти разговоры. Приведу одно из них, опустив имя адресата:

Sent: Tuesday, June 03, 2003 11:02 PM

Subject: Re:

Да, да именно эти имена — Ржезач и Арнау. Они «почему-то» получили доступ к самым секретным архивам ГБ и приводят в фотокопии тот самый донос «Ветрова» от 20 января 1952 г. И появилось это в то время, когда Солженицын был в пике славы. Это была типичная провокация, крайне неуклюжая, так всеми и было понято, и репутации Солж[еницына] не повредило, да и сам ГБ, видимо, понял, что дальше педалировать эту тему слишком рискованно (а ведь если бы «Ветров» написал этот донос, то должны бы быть и десятки других — чего же они их в ход не пустили тогда же?) И вот теперь эта тема всплыла снова, когда он вляпался с этими двумя томами [«Двести лет вместе»]. Появились они [разоблачения] на каком-то сайте, состряпанном в Беларуси [ошибка: надо в Брянске], а мне его прислали из Германии. Я предполагаю, что на то и был расчет, чтобы это перешло в печать, возник шум, а когда ситуация нагреется, тогда и можно будет сказать: «видите, как евреи клеветуют на русского писателя. Чего же удивляться, что в его честном стремлении разобраться в русско-еврейских отношениях они усматривают антисемитизм». Конечно, это моя догадка, ничем не доказываемая...».*

Тогда это была недоказанная догадка, но теперь доказательство налицо: статья А.И.Солженицына «Потёмщики света не ищут»** написана словно бы по предложенному мною сценар

* Архив автора.

** Солженицын А.И. Потёмщики света не ищут. «Литературная Газета», 2003, октябрь, № 43, с. 3; редакционная вводка под названием «Ответ Солженицына» — там же, с. 1.

рию. Она произвела на определенную аудиторию именно то впечатление, на которое рассчитывал автор. Судить об этом можно по тому, что одновременно с Литгазетой ее напечатала «Комсомольская правда», по позитивному отзыву Интерфакса, Lenta.ru, по другим подобным реакциям.

«Известный писатель и общественный деятель Александр Солженицын решил ответить на критические выпады, которым подвергся со стороны ряда СМИ в связи с выходом последней части его историко-публицистической книги «Двести лет вместе», посвященной истории евреев в России», — сообщила «Lenta.ru». И тут же привела *пять* фрагментов из статьи Солженицына, но ни в одном из них *ни слова* не говорится о книге «Двести лет вместе» и критике в ее адрес*.

Это не случайный промах редакции «Lenta.ru». Дело в том, что о критике «Двухсот лет» в статье Солженицына, занимающей целую газетную полосу (восемь страниц компьютерной распечатки), не сказано *почти ничего!* Она о другом. В ней с большой страстью опровергаются давно опровергнутые гебистские инсинуации, многократно предаются поруганию давно поруганные имена Ржезача, Виткевича, Арнау, Решетовской, Симоняна, изобличается давно изобличенное сотрудничество «компроматчиков» с КГБ. Только отъехав на две трети от начала статьи, автор перекидывает шаткий мосток к критике «Двухсот лет»: «...а текст статьи [цитированной выше по сайту Сергея Горшкова] всюду один, слово в слово, — и дальше раскатом, теперь уже неприкрыто сплетаясь у обвинителей с гневным раздражением моим недавним двухтомником “Двести лет вместе”»**.

Тут бы перевести дух и воскликнуть: «Наконец-то!» Наконец-то Солженицын перешел к «ответу критикам» его книги. Ан нет. Мосток повис над бездной, не обретя никаких опор. Последняя треть статьи — про то же, что первые две трети. Про генерала ГБ Филиппа Бобкова; про бывшего зэка М.Якубовича, оклеветавшего своего друга-солагерника; про боевые награды, полученные за ратные подвиги плюс неполученные («но 9 февраля 1945 года настиг меня арест — и меня успели вычеркнуть из наградного списка»); и про многое другое — вплоть до заключительного аккорда: «И остается догадываться: почему вдруг оживились и гебистские фальшивки 70-х годов, и клевета на лагерные годы мои с 40-х на 50-е, и годы войны, и юности, — почему на все это дружно кинулись и за океаном и у нас — именно с начала 2003 года?..»

* <http://culture/2003/10/20/solzhenitsin/22.10.2003>

** Солженицын А.И. Ук. соч. «ЛГ», № 43, 2003, с. 3; компьютерная распечатка на восьми с небольшим страницах, с. 6.

Выходит, возрожденный из пепла гебистский компромат оказался очень кстати Александру Исаевичу. Он использован им против критиков «Двухсот лет вместе» точно таким же манером, каким КГБ тридцать лет назад пытался использовать его против «Архипелага ГУЛАГ».

Компромат оказался спасительным для Солженицына.

Голодная пайка

В бутафорских сражениях с давно стертыми в пыль ветряными мельницами утоплен единственный абзац, в котором — с большой натяжкой — можно усмотреть если не ответ на критику «Двухсот лет», то хоть какую-то реакцию на нее. Привожу этот абзац целиком:

«Этот прием выпукло проявился при первом же переброе газетной кампании на территорию России — в развязнейших ухватках и брани журналиста «Московского комсомольца» (сентябрь 2003) по адресу книги «Двести лет вместе» и ее автора. Дейч грубо искажает главу из моей книги об участии евреев в войне. Именно в противовес расхожему представлению, что многие евреи уклонялись от армии, — я добыл и впервые привел никогда прежде не публиковавшиеся архивные данные Министерства обороны, из которых следует, что число евреев в Красной армии в годы Великой Отечественной войны было пропорционально численности еврейского населения, то есть пропорция соответствует средней по стране (часть II, с. 363—364). Но Дейч без оглядки идет и на подделку цитат (сносок нигде не дает, ищи, читатель, где хочешь, а еще лучше — не ищи, поверь Дейчу). Впаривает мне выражения типа «ленинско-еврейская революция». Смеет обсуждать воровскую публикацию — с ее сквозным хулиганским изгаженьем и грязной фальсификацией — выкраденных моих черновики 40-летней давности. Ему вторит «Эхо Москвы»: «Пусть ответит общественности!» На что отвечать? На вашу непристойную готовность перекупать краденное? Какое уродливое правосознание, какое искажение норм литературного поведения. Отвечаю я — за свою книгу, а не за то, как ее потрошат и выворачивают*.

Итак, Александр Исаевич говорит, что *отвечает* за свою книгу. Ну и ответил бы! Но нет, как уже сказано, о книге-то на всей протяженности обширной статьи нет ни слова — ни до приведенного абзаца, ни после.

Ну а сам этот абзац? О книге ли «Двести лет вместе»?

* Солженицын А.И. Ук. соч. «ЛГ», № 43, 2003. Комп. распечатка, с. 7.

Коль скоро выдана нам эта тюремная пайка, отмеренная по голодной норме ГУЛАГа, то придется отнестись к ней с особой бережливостью — по примеру многоопытного Ивана Денисовича.

Начнем с радиопередачи «Эха Москвы» от 4 октября 2003 года, в которой автору этих строк довелось участвовать. В числе участников — не только критики «Двухсот лет», но и апологеты: заместитель главного редактора газеты «Завтра» Владимир Бондаренко, политолог и публицист Андрей Зубов. Виновник торжества тоже мог бы участвовать. «Мы звали в гости Александра Исаевича Солженицына, получили отказ, — сообщил, открывая дискуссию, ведущий передачи Андрей Черкизов. — Причем, как мне сказали наши продюсеры, они разговаривали с супругой Александра Исаевича, она ему передавала наши вопросы, он просто не подходил к телефону, так что отказ был обоюден — и от супруги, и от самого писателя»*.

Итак, Солженицын *был* приглашен к участию в дискуссии, но уклонился. А журналист Марк Дейч приглашен *не был*. Заявляя, что «Эхо Москвы» «вторило Дейчу», Александр Исаевич передергивает. Да и трудно вторить кому-либо разноречивыми голосами *шести* участников передачи, не считая ведущего. И никто не требовал от Солженицына: «Пусть ответит общественности», — это еще один перебор: в транскрипте передачи такой реплики нет. Не многовато ли переборов в трех строчках, уделенных Солженицыным «Эху Москвы»? Зато ни единому слову *по существу* критики, звучавшей в эфире, места не нашлось.

Идя на грубые передержки и искажения, автор «Потёмщиков» обвиняет в искажениях своих оппонентов. Дейч «без оглядки идет и на подделку цитат (сносок нигде не дает, ищи, читатель, где хочешь, а еще лучше — не ищи, поверь Дейчу)»**, негодует Солженицын. За чем же дело стало? Коль скоро Дейч нахальничает *без оглядки*, то не осадить ли его, *оглянувшись*? Привести *правильные* цитаты, снабдив их точными ссылками, — и посрамлен будет Дейч на вечные времена!

Но мне ли давать уроки полемических приемов такому многоопытному бойцу, как Александр Солженицын! Он знает что делает. Паритетных правил игры Александр Исаевич не признает. Он велит не верить Дейчу, себе же самому — верить «без оглядки». Так удобнее. Поскольку велит *сам* Солженицын, то многие поверили.

* Цит. по транскрипту передачи на сайте «Эха Москвы». Компьютерная распечатка на десяти страницах, с. 1.

** Солженицын А.И. Ук. соч., с. 3, компьютерная распечатка на восьми страницах, с. 7.

Но не на всех читателей прошлые заслуги действуют ослепляюще. На меня не действуют. Цитат, приводимых Марком Дейчем, я не проверял, это действительно трудно сделать без ссылок, а Александр Исаевич задачу мне не облегчил. И я не вижу оснований отнестись к его словам с большим доверием, чем к словам журналиста «Московского комсомольца». Скорее наоборот.

Не то, чтобы статья Марка Дейча была безупречна*. В ней есть неотразимые аргументы, которые показывают несостоятельность псевдоисторических построений автора «Двухсот лет вместе». Тем более досадно, что критик не удержался от перехода «на личности». Это спровоцировано самим Солженицыным: он-то в своей книге поносит целый народ — оптом и в розницу. Кому только не достается от него на орехи, включая людей одной с ним судьбы: бывших фронтовиков, сражавшихся рядом с ним (и часто не хуже него); бывших эков, тянувших вместе с ним (и часто тяжелее него) тюремную лямку; коллег-писателей, прокладывавших вместе с ним хлипкую тропу к свободному слову; друзей, с большим риском помогавших ему «бодаться с дубом» советской системы. Такое сведение национальных и личных счетов может взорвать кого угодно, но, по моему мнению, статья Марка Дейча была бы убедительнее, если бы он не позволил себе взорваться. Однако в намеренном искажении цитат журналист «Московского комсомольца» не замечен. Чего нельзя сказать о его именитом оппоненте. При цитировании источников Солженицын не всегда точен, а порой и *намеренно* неточен, даже и давая ссылки. Это обнаруживается и в его книге, и в ответе «потёмщикам».

Солженицын пишет, что «добыл и впервые привел никогда прежде не публиковавшиеся архивные данные Министерства обороны» о численности евреев в Красной армии в годы войны и указывает, что эти данные публикуются им во втором томе на страницах 363—364**.

Воспользуемся этим указанием. На стр. 363 имеются два подстрочных примечания (76 и 77). В первом из них нет никакой ссылки, а во втором сказано: «В ныне выходящей Военной энциклопедии *едва ли не впервые* приведены сведения об общем числе мобилизованных в годы Великой Отечественной Войны — 30 миллионов. См. Военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 2001. Т. 5. С. 182» (курсив мой. — С.Р.). А в основном тексте — таблица, взятая из этой самой «Военной энциклопедии», где

* Дейч М. Бесстыжий классик. Александр Солженицын как зеркало русской ксенофобии. «Московский комсомолец», 2003, 25 и 26 сентября.

** Солженицын А.И. Ук.соч. ЛГ, 2003, октябрь, № 43, с. 3; компьютерная распечатка на восьми страницах, с. 7.

30 миллионов расписаны по национальностям: русских — столько, украинцев — столько, евреев — столько... На стр. 364 еще три ссылки (78, 79 и 80). Все три тоже на энциклопедию, только не на Военную, а на Краткую еврейскую (КЕЭ). Вот так Александр Исаевич «добыл и впервые привел никогда не публиковавшиеся архивные данные»: переписал из энциклопедии! Что это — свет, которого не ищут «потёмщики», или слепящее сияние потёмкинских деревень?

Дальше Дейч «впаривает» Солженицыну выражение «ленинско-еврейская революция», «смеет обсуждать воровскую публикацию — с ее сквозным изгаженьем и грязной фальсификацией — выкраденных моих черновики 40-летней давности». Тут в одной фразе столько наворочено, что жевать нам не пережевать!

Кроуется в черепе

В 2000 году Анатолий Сидорченко выпустил книгу из трех частей, причем автором первой из них — под названием «Евреи в СССР и будущей России» — указал Александра Солженицына*. Солженицын отверг какую-либо свою причастность к этому тексту, назвав его желтым опусом, фальсификацией и провокацией умалишенного хулигана и посетовав на то, что не может обратиться в суд — из-за невменяемости фальсификатора**. Ему, конечно, поверили.

Но после выхода второго тома «Двухсот лет» оказалось, что значительная часть «фальшивки» перекочевала в этот том! За разъяснениями снова обратились к Солженицыну: в газете «Еврейские новости» появилось обращенное к нему *Открытое письмо* главного редактора Николая Проппирного. На этот раз ответа не последовало. Затем появились статьи других авторов: журналиста Валерия Каджая, доктора исторических наук Геннадия Костырченко и автора этих строк. Причем, все трое, не сговариваясь, пришли к выводу, что автор «опуса» — Солженицын.

Поскольку я избегаю голословных утверждений, то текст «опуса» (72 страницы книжного формата) я сопоставил с двухтомником «Двести лет» абзац за абзацем. Параллельным цитированием я показал, что *больше половины* «опуса» перекочевало в «Двести лет» дословно или с ничтожными редакционными поправками, а *меньшая половина* родственна двухтомнику по идейной направленности, но отличается тем, что шаблонные антисемитские мифы в ней озвучены с гораздо большей

* Сидорченко А. Soli Deo Gloria. М.: «Печатный двор», 2000. С. 3—75.

** См.: «Московские новости», 19—25 июня 2001 г., № 25.

прямотой и экспрессией*. В эту меньшую половину входит и глава, смысл которой сводится к тому, что «Протоколы сионских мудрецов» — это глубокий злодейский план разрушения государства с последующим захватом власти, а Ленин и его партия — исполнители того плана. Под стать и название главы: «Протоколы сионских мудрецов и ленинско-еврейская революция в России». Все это детально разобрано в моей статье, так что «ленинско-еврейскую революцию» Солженицыну «впарил» я. Почему же в ответе «потёмщикам» Александр Исаевич приписал мой грех Марку Дейчу? Да ведь замалчивание неудобных оппонентов — эффективнейший метод полемики. Если крыть нечем.

Но, при всем желании отличиться, я не могу претендовать на приоритет во «впаривании», ибо я только процитировал творение самого Солженицына. Теперь он от «опуса» не отрекается. То, что он сперва назвал «желтым опусом, вlepленным под моим именем», он теперь признает своей собственной (собственной!) черновой рукописью, хотя и «насквозь изгаженной грязной фальсификацией».

Шаг в правильном направлении, но только один шаг. Изгажен ли текст или представлен в первоизданной чистоте, предстоит выяснить. В любом случае, словцо «насквозь» употреблено Александром Исаевичем со свойственным ему переклестом: ведь *большая половина* черновика перенесена им в «Двести лет вместе» *в том самом виде*, в каком она появилась в книге Сидорченко. Стало быть, как минимум, *эта* половина текста *не* изгажена. С *меньшей* половиной разобраться сложнее, но свет на это может пролить только сам Солженицын. Может, но не хочет.

«Потёмщики» *ищут* света, Александр Исаевич! Ищут, но не находят. Помогите! Опубликуйте сами ту черновую рукопись, и тогда все увидят, в какой степени она была или не была «изгажена» при «воровской» публикации ее в книге Сидорченко.

И еще. Если публикация «опуса» не была с автором согласована, да текст был злостно изгажен, то автор понес моральный ущерб. В таких случаях обращаются в суд. Вменяем его обидчик или невменяем, — это решать суду. Солженицын же объявляет Сидорченко умалишенным, хулиганом, вором, фальсификатором, провокатором — немалая нужна изобретательность, чтобы собрать воедино такой букет ругательств. Не букет, а кастет. Тот, которым автор «ста томов партийных книжек» призывал *кроиться в черепе*. Но Маяковский, по крайней мере, не путал кастета с *правосознанием*. А Александр Исаевич *намеренно* путает. Это у его оппонентов уродливое правосознание, а не у него. И «нормы литературного поведения» тоже искажает не он, а кто-то другой, перепродающий краденое!

* См. Приложение I.

Но если произошла утечка информации, даже самой секретной, шпионской, то не воротишь. Если джинн вырвался из бутылки, назад его уже не загнать. Как заметил Валерий Каджая, «ни Дейч, ни я, ни Костырченко, ни Семен Резник не выкрадывали этих злополучных черновикиков — Солженицын сам поместил их во второй том “Двухсот лет вместе”»*. Совершенно верно — если не считать того, что кое-что вклинилось и в первый том. Из всех, кто высказался по этому поводу, нормы литературного поведения нарушил только сам Александр Исаевич — сперва «галилеевым» отречением, потом вынужденным признанием своего авторства, тут же перекрытым криками: «Держи воров».

Когда друг убивает друга

В сентябре 2003 года, в центре Вашингтона, на Капитолийском холме, в одном из величественных зданий американского Сената была открыта выставка «Пермь-36». «Пермь-36» — это случайно уцелевший обломок ГУЛАГа: лагерь, который не был демонтирован после смерти Сталина и продолжал функционировать до самого конца советской власти. Усилиями местных краеведов «Пермь-36» превращен в музей, существующий, главным образом, благодаря энтузиазму создателей и некоторым американским благотворительным фондам, далеко не самым богатым.

В связи с открытием выставки, в здании Сената, в огромном зале на втором этаже, куда ведет белорамборная лестница, состоялась дискуссия-презентация на тему «Политическое наследие советского ГУЛАГа». В числе участников: конгрессмен Фрэнк Вулф, бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси, крупнейшие политологи Питер Рэддавей, Дэвид Саттер, автор недавнего капитального исследования истории ГУЛАГа Энн Эпплбом, директор музея «Пермь-36» Виктор Шмыров, директор европейского отдела Национального фонда развития демократии Надя Дюк — всего 14 участников. И почти все с тревогой говорили о том, что память о ГУЛАГе едва теплится; что в России это страшное наследие почти забыто. Нет, хуже того: не забыто, но в общественном сознании это наследие не фиксируется как нечто ужасное, с чем невозможно мириться. Из наследия ГУЛАГа не извлекается необходимых уроков, с чем участники дискуссии напрямую связывали сегодняшний про-

* Каджая В. Рукописи не горят или ответ на ответ Александра Солженицына по поводу его «травли». «Еврейские новости», Москва, 29.10.2003.

извол и коррупцию в обществе. Уровень беззакония в стране очень высок, попытки противостоять этому злу не получают широкой поддержки, правозащитные организации немощны и малочисленны, опросы общественного мнения указывают на рост популярности Сталина.

Говорилось и о том, что в сознании всего мира, в том числе и Америки, наследие ГУЛАГа не занимает подобающего места. Участники дискуссии подчеркивали, что гитлеровский и сталинский геноцид, — это явления одного порядка; но если о Холокосте не перестает говорить весь мир, если в Америке, в Европе функционируют десятки музеев Холокоста, работают исследовательские центры, выходят и широко демонстрируются художественные и документальные фильмы о Холокосте, если это страшное наследие изучается в школах, то память о ГУЛАГе увядает. Музеев нет, научных центров — почти нет, фильмы не снимаются. Когда-то был снят фильм по «Ивану Денисовичу», но успеха не имел и давно забыт...

Выступавшие, конечно, вспоминали книги Солженицына, цитировали их. Те, давние. («Красного колеса» здесь никто не вспоминает, а о двухтомнике «Двести лет вместе» почти никто и не знает.) Слушая выступления «за круглым столом», я вдруг с какой-то особой остротой и болью осознал, почувствовал, как фатально в свое время ошибся Александр Исаевич, как бесповоротно проиграл вторую половину своей жизни, и сколь широко и грозно разошлись круги от этой его ошибки.

Представить не трудно, как сложилась бы его судьба, если бы, оказавшись на Западе в середине 1970-х годов, еще полный энергии и в зените славы, с репутацией великого писателя, правдолюбца, гуманиста, стойкого борца с тоталитарной властью, он тогда же (да хоть бы в печально знаменитой Гарвардской речи) кликнул бы клич и возглавил движение — за увековечение памяти узников ГУЛАГа, за сохранение и сбор материалов, связанных со сталинскими (и досталинскими, и послесталинскими) преступлениями коммунистического режима... Он бы всколыхнул мир! В такое движение, возглавляемое *самим* Солженицыным, влились бы лучшие интеллектуальные силы многих стран, рекой потекли бы деньги из самых крупных благотворительных фондов, от отдельных меценатов. Десятки, сотни Соросов толпой штурмовали бы вермонтскую цитадель, за честь считая выворотить карманы и пожертвовать свои миллионы. Хватило бы на строительство самых богатых музеев, в которые рвалась бы сегодня публика, как она рвется в музей Холокоста; на сеть исследовательских центров; на образовательные программы, телевизионные сериалы и на многое другое.

Можно не сомневаться, что такая кампания ускорила бы падение коммунистического режима в России, а главное, рас-

пад системы проходил бы иначе — под гораздо большим давлением и влиянием гуманизирующего демократического начала. Суд над компартией, затеянный после прихода к власти Ельцина и так постыдно провалившийся, дал бы совсем другие результаты. Сам Солженицын был бы увенчан многими наградами, возможно, еще одной Нобелевской премией — мира. А главное, страна, Россия, сегодня была бы иной. *Красные и коричневые* были бы поставлены вне закона, — де-факто и де-юре. Вряд ли сегодня продавались бы на всех углах «Майн Кампф» и «Протоколы сионских мудрецов», «бестселлер» Проханова, «Генералиссимус» Владимира Карпова и сотни подобных изданий, посвященных культу силы и ненависти. Гражданское общество пустило бы глубокие корни, охватило бы широкие слои населения и не дало бы разыграться тому беспределу, который мы с ужасом наблюдали все эти годы и наблюдаем сегодня.

Но, вместо того, чтобы стать центром объединения антикоммунистических и демократических сил, Солженицын стал тараном разъединения и раскола. Он стал крутить неподъемные красные колеса, доказывая миру и самому себе, что «во всем виноваты евреи» — как раз по сценарию «еврейско-ленинской революции», давно уже, как оказывается, набросанному в его потайной тетрадке. В чем нельзя отказать Александру Исаевичу, так это в последовательности. Путь от «Ленина в Цюрихе» и от столыпинского довеска в «Августе 1914» к двухтомнику «Двести лет вместе» — это путь, увы, столь же логичный, сколь и печальный.

Кажется, Виктор Шкловский заметил когда-то, что если враг убивает врага, то в этом нет материала для драмы, а вот когда друг убивает друга, это трагедия.

Ну, а если великий человек тратит вторую половину жизни на то, чтобы убить то, что невероятными усилиями своего таланта и духа созидал в первую половину? Это трагедия в квадрате, супертрагедия. Она разыгрывается на наших глазах.

«Но вот сейчас явно избрано: опорочить меня как личность, запятнать, растоптать само мое имя. (А с таймой надеждой — и саму будущую жизнь моих книг?)», — жалуется Солженицын*.

Не знаю, кто вынашивает такие коварные замыслы, но знаю, что осуществить их под силу только одному *потемщику* — Александру Исаевичу Солженицыну. С грустью и горечью приходится отметить, что с этой титанической задачей он начинает справляться. Друг убивает друга — нет, самого себя.

* Солженицын А.И. Ук. соч. ЛГ, № 43. С. 3; компьют. распечатка на восьми страницах. С. 7.

Именной указатель

- Адаскин —
Азеф —
Аксаков —
Александр I —
Александр II —
Александр III —
Александр Михайлович —
Александра Федоровна —
Алексеев —
Алексий —
Алиса Гессенская — см. Александр
ра Федоровна
Анастасия Николаевна —
Андреев —
Аннинский —
Арсеньев —
Арцыбашев —
Астауров —
- Бадаш —
Базили —
Баки бен Ягли —
Бакунин —
Балмашов —
Бальмонт —
Безобразов —
Безобразова —
Бейлис —
Белецкий —
Белинский —
Белобородов —
Беляев —
Бернацкий —
Бехтерев —
Биленкин —
Бланк —
Блиох —
Блок —
Бобриков —
Бобринский —
Боголепов —
Богров —
Бодуэн-де-Куртене —
Болдырев —
Бразуль-Башуковский —
Брафман —
- Брежнев —
Брешко-Брешковская —
Брусиллов —
Брэм —
Брюсов —
Булгаков —
Булыгин —
Бунин —
Бурцев —
- Васильев — см. Хвастунов
Вильгельм —
Винавер —
Виригин —
Виссарионов —
Витте —
Владимир Александрович —
Воейков —
Воронель —
Ворошилов —
Вырубов —
Вырубова —
- Гапон —
Гейне —
Генкин —
Геннадий Новгородский —
Герасимов —
Гермоген —
Геруль —
Герцен —
Герцештейн —
Гершуни —
Гессен —
Гиндлин —
Гинзбург —
Гиппиус —
Голованов —
Головинский —
Головощекин —
Голубев —
Гольденберг —
Горелик —
Горемыкин В. —
Горемыкин И. —
Горький —
Готман —

- Грановский —
 Григорьев —
 Грингаут —
 Гриневецкий —
 Гросшопф —
 Грубер —
 Гуганова —
 Гуревич —
 Гурко —
 Гусева —
 Гусев-Оренбургский —
 Гучков —
 Даль —
 Дедюлин —
 Деникин —
 Державин —
 Джунковский —
 Дзержинский —
 Дионисий —
 Дитерикс —
 Дмитрий Павлович —
 Добровольский —
 Добронравов —
 Долгоруков —
 Достоевский —
 Дубасов —
 Дубенский —
 Дубинин —
 Дубровин —
 Дувидзон —
 Думбадзе —
 Дунский —
 Дурново —
 Дюк —
 Ежов —
 Екатерина II —
 Елизавета Петровна —
 Елизавета Федоровна —
 Елпатьевский —
 Еремин —
 Жаботинский —
 Жевахов —
 Желябов —
 Жученко —
 Заболотный —
 Зайцев —
 Замысловский —
 Зарудный —
 Засулич —
 Зельцер —
 Зиндулевич —
 Зиновьев —
 Зорич —
 Зубатов —
 Иван III —
 Иван IV —
 Иванов —
 Иванов В. —
 Иванов Н. —
 Игнатъев —
 Извольский —
 Илиодор —
 Ин-Хаун Чан —
 Иоанн Кронштадтский —
 Иоллос —
 Итрепов Ф. —
 Калмыкова —
 Каляев —
 Каплан —
 Караев —
 Карпов —
 Карпович —
 Катков —
 Катценельсон — см. Баки бен Ягли
 Кацис —
 Керенский —
 Кизеветтер —
 Кирпичников —
 Ковалевский —
 Коковцов —
 Кокошкин —
 Комиссаров —
 Кони —
 Короленко —
 Коротков —
 Коттен фон —
 Красовский —
 Кремье —
 Кривошеин —
 Кропоткин —
 Крушеван —
 Крюков —
 Кузминский —
 Кузьмин-Караваев —
 Кулишер —
 Кулябко —
 Куприн —
 Курицын —

- Курлов —
Куропаткин —
Кускова —
Кутлер —
Кшесинская —

Ламздорф —
Ландау —
Ларин —
Латьшев —
Лауниц —
Левендаль —
Ленин —
Лермонтов —
Лесков —
Лилиенталь —
Лопухин —
Лукомский —
Лурье-Ларин —
Лысенко —
Львов Г. —
Львов Н. —
Лятковский —

Мазе —
Макаров —
Маклаков —
Малянтович —
Манасевич-Мануйлов —
Манус —
Марголин —
Мария Федоровна —
Марков —
Маркс —
Махалин —
Махони —
Медведев —
Мелентьев —
Мельгунов —
Мендель —
Мендельсон М. —
Мендельсон Ф. —
Меньшиков —
Мещерский —
Милица Николаевна —
Милюков —
Мин —
Минц —
Миронова —
Миффле —
Михаил Александрович —

Мищук —
Мордвинов —
Муравьев М. —
Муравьев Н. —
Муромцев —
Мусин-Пушкин —
Мясоедов —

Набоков —
Нарышкин —
Натансон —
Наумов —
Невежин —
Нейгардт —
Нелидов —
Никитин —
Николай I —
Николай Михайлович —
Николай Николаевич —
Николай Николаевич-мл. —
Никольский —
Нилов —
Новоселов —
Носарь-Хрусталеv —
Нусбаум —
Ньютон —

Оболенский —
Окнов —
Омельчук —
Осипенко —

Панин —
Парвус —
Пастернак —
Перовский —
Петлюра —
Петр I —
Петр Николаевич —
Петров —
Петрункевич —
Пикуль —
Питирим —
Платонов —
Плеве —
Плеханов —
Победоносцев —
Подгоричани —
Покровский —
Поливанов —
Поллан —

- Проппер —
 Пуришкевич —
 Пушкин —

 Раабен фон —
 Разгон —
 Распутин —
 Распутина —
 Ратимов —
 Рачковский —
 Реймастэ —
 Рейн —
 Реклю —
 Риттих —
 Родзянко —
 Родичев —
 Розанов —
 Рудзинский —
 Рузвельт —
 Рузский —
 Рутенберг —
 Рыбаченко —
 Рысаков —
 Рысс —

 Саблер —
 Савинков —
 Салтыков-Щедрин —
 Сандро — см. Александр Михай-
 лович
 Свердлов —
 Святополк-Мирский —
 Семанов —
 Сергей Александрович —
 Сергей Михайлович —
 Сикорский —
 Симанович —
 Сингаевский —
 Сипягин —
 Скрипицын —
 Слиозберг —
 Смирнова —
 Созонов Е. —
 Созонов С. —
 Соколов —
 Солженицын — почти на каждой
 странице
 Солженицына —
 Соловьев В. —
 Соловьев П. —
 Сологуб —

 Сперанский —
 Спиридович —
 Сталин —
 Станиславский —
 Стахович —
 Степун —
 Столыпин А. —
 Столыпин П. —
 Струве —
 Сухомлинов —
 Схария —

 Тарау —
 Терентьева —
 Тихобережский —
 Толмачева —
 Толстой А. —
 Толстой И. —
 Толстой Л. —
 Трепов А. —
 Трепов В. —
 Трепов Д. —
 Трепов Ф. —
 Троцкий —
 Трубецкой —
 Трусевич —
 Труфанов — см. Илиодор
 Турчанинов —
 Тэффи —

 Уваров —
 Уилтон —
 Ульянов —
 Урусов —
 Успенский —
 Устругов —

 Федоров —
 Фененко —
 Феофан —
 Фигнер —
 Филиппсон —
 Флисфиш —
 Флоренский —
 Фор —
 Франц Фердинанд —
 Фредерикс —
 Фрид —
 Фуллон —

 Хабалов —
 Хатисов —

- Хвастунов —
Хвольсон —
Хвостов А.А. —
Хвостов А.Н. —
Хейфец —
Хованский —
Ходасевич —
Хун-Чжан Ли —

Цихоцкий —

Чаадаев —
Чаплинский —
Чеберяк —

Шавельский —
Шаламов —
Шафаревич —
Шаховской —
Шванебах —
Шипов —
Шмаков —
Шолом-Алейхем —

Шолохов —
Шорникова —
Штюрмер —
Шубартовский —
Шуваев —
Шульгин —

Щегловитов —
Щеголев —
Щепкина-Куперник —
Щербатов —

Энгельс —
Эстедт —
Эфроимсон —

Юровский —
Юсупов —
Ющинский —

Янушкевич —
Яровая —

Содержание

От автора	5
-----------------	---

Книга первая. ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ?

ЧАСТЬ I

Ожидание шедевра	11
Русский вопрос	16
Метод Солженицына	25
Виноторговля	28
Воинская повинность	42
Еврейское земледелие	53
Кровавый навет	60
Образование	77
Погромы	90
Революционное движение	122

ЧАСТЬ II

Коронованный революционер. Между «дураками» и «мерзавцами». 1894—1904	156
Коронованный революционер. Безобразщина. 1904—1905	179
Коронованный революционер. Эпоха Витте. 1905—1906	208
Коронованный революционер. Эпоха Столыпина. 1906—1911	231
Коронованный революционер. Эпоха Распутина. 1911—1916	300
Коронованный революционер. Февраль 1917	368

Книга вторая. МЕЖДУ ДВУХ ЖЕРНОВОВ

ЧАСТЬ III

Еще о методе Солженицына	387
Русская смута: от Февраля к Октябрю	391
Российская смута: «Отщепенец» Ильич	403
Русская смута: Фанни Каплан	413
Русская смута: цареубийство	416

Русская смута: «Нерусская» революция	426
Русская смута: Гражданская война.....	429
Русская смута: Погромы	437

ЧАСТЬ IV

Богоборчество	457
«Реакционный» язык	487
«Прогрессивный» язык	500
Антисионизм	518
«Бывшие»	543
Землеустройство	558
Евреи в ливреях	569
В тюремных бушлатах	579
На войне как на войне	592
Война после войны	614
Вместо заключения	627

Приложение I

Семен Резник. Лебедь белая и шесть пудов еврейского жира.....	641
--	-----

Приложение II

Семен Резник. Солженицынская трагедия	685
---	-----

<i>Именной указатель</i>	697
--------------------------------	-----